

Ночной дозор

Сара Уотерс

Впервые на русском роман
от автора "Тонкой работы"
лауреата Букеровской премии

Ночной дозор
Сара Уотерс

Аннотация
Сара Уотерс. Ночной дозор
1947
1
2
3
1944
1
2
3
4
5
1941

Аннотация

Впервые па русском – новейший роман прославленного автора «Тонкой работы» и «Бархатных коготков», также вошедший в шорт-лист Букеровской премии. На этот раз викторианской Англии писательница предпочла Англию военную и послевоенную. Несколько историй беззаветной любви и невольного предательства сложно переплетенными нитями пронизывают всю романную ткань, а прихотливая хронология повествования заставляет, перелистнув последнюю страницу, тут же вернуться к первой.

Сара Уотерс
Ночной дозор

Посвящается Люси Воган

1947

1

«Вот, значит, в кого ты превратилась, — сказала себе Кей, — в личность, у которой все часы остановились и кто время определяет по калекам у парадной двери».

В нижней рубашке и линялых трусах она курила у раскрытого окна, наблюдая за приходом и уходом пациентов мистера Леонарда. Они были настолько пунктуальны, что и впрямь позволяли определять время: горбунья являлась по понедельникам в десять, увечный солдат — по четвергам в одиннадцать. В час по вторникам в сопровождении квелого паренька приходил старикан; Кей нравилась эта пара. Старик в темном опрятном костюме гробовщика и заботливый парень, серьезный и миловидный, неспешно вышагивали по улице и казались аллегорией старости и юности с картины Стенли Спенсера[1] или такого же заумного модерниста. Затем появлялась женщина с сыном — очкариком-хро-

1 Примечания: 1

Стенли Спенсер (1891-1959) — английский художник, работал в жанре мистического реализма, бытовые сцены превращал в мистические видения с христианскими мотивами.

моножкой, после них — старая ревматическая индианка. Иногда, дожидаясь матери, которая в вестибюле разговаривала с мистером Леонардом, хромой мальчик носком громадного ботинка ковырял на разбитой дорожке грязный мох. Как-то раз он заметил, что Кей за ним наблюдает; потом она слышала, как мальчишка на лестнице упрямится, не желая в одиночку идти в уборную.

— Какие еще там ангелы на двери? — слышался голос матери. — Господи, это всего лишь картинки! Ты уже большой мальчик!

Скорее всего парнишку пугали не зловещие эдвардианские ангелы мистера Леонарда, а возможность встречи с Кей. Наверное, она казалась ему обитающим в мансарде призраком или сумасшедшей.

Вообще-то он был прав. Порой она металась по комнате, словно и впрямь обезумела. А то часами сидела неподвижно — мертвее тени, что все же переползала по коврику. Тогда даже себе она казалась призраком, который стал частью ветхого дома и растворяется в сумраке, что пылью скапливался в свихнувшихся углах.

В двух улицах прошел поезд на Клапам-Джанкшн — под руками ощутимо задрожал подоконник. За спиной Кей ожила, раздражен-

но мигнула и погасла лампочка. В маленьком неказистом камине — некогда в этой комнате жила прислуга — бесшумно осыпалась зола. Напоследок затянувшись, Кей пальцами сплющила окурок.

Она стояла у окна больше часа. Был вторник: прошел курносый с сухой рукой, теперь Кей рассеянно поджидала пару от Стенли Спенсера. Но решила больше не ждать. Пожалуй, надо прогуляться. Денек-то славный: середина теплого сентября, третьего после войны. Кей прошла в смежную комнату, служившую спальней, и стала одеваться.

В комнате стоял полумрак. Разбитые стекла мистер Леонард заменил кусками линолеума. Высокая кровать под облысевшим махровым покрывалом навевала малоприятные мысли о сонме людей, которые долгие годы здесь спали, совокуплялись, рождались и умирали, металися в лихорадочном жару. От кровати исходил кисловатый душок заношенных чулок. Но Кей привыкла и не замечала его. Для нее комната была лишь местом, где спишь или лежишь без сна. Голые стены оставались безликими со дня переезда. Ни картины, ни полки с книгами; да их и не было, мало что имелось вообще. Лишь в

углу она приспособила кусок проволоки, чтобы на деревянных плечиках вешать одежду.

Ну хоть шмотки выглядели прилично. Перебрав одно-другое, Кей взяла аккуратно заштопанные носки и приличные брюки. Надела чистую рубашку с белым мягким воротничком, который женщине можно не застегивать.

А вот ботинки были мужские; с минуту она их надраивала. Потом вставила в манжеты серебряные запонки; расчесала и чуть примаслила короткие темные волосы. Прохожие, взглянув мельком, часто принимали ее за симпатичного парня. Старушки то и дело окликали «молодым человеком» или даже «сынком». Но присмотрись они, тотчас заметили бы возрастные отметины и проблеск седины; как ни крути, в следующий день рожденья ей стукнет тридцать семь.

Дабы не тревожить мистера Леонарда, по лестнице Кей спускалась как можно неслышнее, что на скрипучих и расшатанных ступеньках было нелегко. Она зашла в уборную и на пару минут заглянула в ванную, где ополоснула лицо и почистила зубы. Застивший окно плющ придавал лицу зеленоватый оттенок. Хрипло рычали водопроводные трубы. Порой вода застревала бесповоротно, и тогда приходилось колотить по ним

гаечным ключом, висевшим рядом с колонкой.

За стеной ванной располагалась приемная мистера Леонарда; сквозь шорох щетки во рту и плеск воды в раковине Кей слышала воодушевленное бубнение — на сеансе был курносый с сухой рукой. Выйдя из ванной, она тихо прошла мимо кабинетной двери; бубнение стало громче. Точно стрекот некой машины.

Эрик, уловила Кей, вы должны бу-бу-бу. Как может гу-гу-гу, когда бу-бу-бу целехонька?

Она украдкой спустилась по лестнице, открыла незапертую входную дверь и нерешительно остановилась на крыльце, сощурившись от белизны неба. День вдруг стал дрянным: вовсе не чудесным, но высохшим и обессилевшим. Казалось, пыль запорошила губы и ресницы, скопилась в уголках глаз. Нет, возвращаться нельзя. Зря, что ли, расчесывалась, чистила ботинки, вставляла запонки? Кей сошла с крыльца и зашагала как человек, который точно знает, куда и зачем идет, хотя вообще-то заняться было нечем, навестить некого, встретиться не с кем. День был пуст, как все другие. Приходилось выдумывать повод для каждого вымученного шага.

Выметенными разбитыми улицами она пошла в сторону Уондсуорт.

*

— Полковника Баркера[2] сегодня не видно, дядя Хорас, — взглянув на мансардные окна, сказал Дункан, когда они с мистером Манди подошли к дому.

Он огорчился. Постоялица мистера Леонарда ему нравилась. Нравились ее смелая стрижка, мужская одежда и четкий изящный профиль. Наверное, раньше она была летчицей, сержантом в женском полку ВВС или что-нибудь в этом роде — иными словами, одной из тех женщин, кто столь вдохновенно воевал, а теперь оказался не у дел. Полковником Баркером ее прозвал мистер Манди. Ему она тоже нравилась. Он взглянул на окна, кивнул и опять понурился — одышка не давала говорить.

До Лавендер-Хилл они добирались из Уайт-Сити. Медленно шли, ехали автобусами, останавливались передохнуть — поход туда и обратно занимал почти целый день. По вторникам Дункан брал выходной, который потом отрабатывал в субботу. На фабрике, где он служил, шли навстре-

2 Примечания: 2

Полковник Баркер — персонаж романа Д. Г. Лоуренса (1885-1930) «Любовник леди Чаттерли» (1928), женщина, выдающая себя за мужчину.

чу. «Как мальчик привязан к дядюшке!» — не раз слышал Дункан. Там не знали, что мистер Манди ему вовсе не дядя. Никто понятия не имел, какого рода лечение старик получает от мистера Леонарда; все, вероятно, считали, что они ездят в больницу. Ну и ладно, пусть думают, что хотят.

Дункан провел мистера Манди в тень покосившегося дома. Казалось, дом нависает, отчего всегда становилось не по себе. Он единственный уцелел в длинном ряду строений, которые были здесь до войны; сейчас по обеим его сторонам виднелись шрамы от бывших соседей: зигзаг призрачной лестницы, следы несуществующих очагов. Непонятно, как он еще стоял; провожая мистера Манди в холл, Дункан не мог избавиться от мысли, что когда-нибудь хлопнет дверью капельку сильнее, и все сооружение обрушится.

Он осторожно прикрыл дверь, и дом стал выглядеть обычнее. Холл был сумеречен и тих: вдоль стен стулья с жесткими спинками, пустая вешалка, пара чахлых растений; на полу черно-белый плиточный узор — кое-где плитки выскочили, открыв серый цемент. Красивый абажур светильника — розовая фарфоровая раковина — предназначался для газового освещения, но сейчас из него торчала лампочка в бакелито-

вом патроне с истертым бурым проводом.

Дункану доставляло удовольствие подмечать такие мелочи и изъяны. Ему нравилось прийти пораньше, усадить мистера Манди на стул и тихо бродить по холлу, все разглядывая. Он любовался изящно изогнутыми перилами и потускневшими латунными прутьями на ступенях. Разглядывал выцветшую ручку слоновой кости на дверце шкафа и выкрашенные под дерево плинтусы. В конце прохода, что вел в подвал, располагался бамбуковый столик с мишурными безделушками; в окружении гипсовых собачек и кошечек, пресс-папье и майоликовых вазочек стояла любимица Дункана — очень красивая старая фарфоровая чаша с орнаментом в виде змей и плодов. В ней лежали запылившиеся грецкие орехи и железные щипцы; всякий раз Дункан нутром ощущал маленький фатальный удар, который произойдет, если какой-нибудь неосторожный человек выронит на чашу щипцы.

Впрочем, сегодня, как и всегда, орехи покоились под шерстяным слоем непотревоженной пыли, и было время поближе рассмотреть пару картин, криво висевших на стене, — в этом доме все висело криво. Картины оказались заурядными, в самых обычных синих рамках. Однако они

тоже доставили удовольствие, но иного сорта — удовольствие, какое возникает при виде умеренно симпатичной вещицы вместе с мыслью: «Ты не моя, но не очень-то тебя и хотелось!»

В комнате наверху зашевелились, и Дункан тотчас вернулся к мистеру Манди. Дверь на площадку открылась, послышались голоса: мистер Леонард провожал молодого человека, которой всегда приходил перед ними. Веселый парень нравился Дункану, почти как полковник Баркер и фарфоровая чаша. Он был похож на моряка.

— Все путем, ребята? — спросил он нынче, слегка подмигнув Дункану.

Затем поинтересовался, какая там погода и как дела с артритом мистера Манди, а сам тем временем достал из пачки сигарету, сунул в рот и чиркнул спичкой о коробок, проделав все абсолютно легко и непринужденно одной рукой, поскольку другая, сухая, висела вдоль тела.

Дункан всегда гадал, зачем парень приходит, когда и так вполне справляется? Разве что хочет завести подружку; тогда, конечно, рука может стать помехой.

Сухорукий спрятал коробок в карман и ушел. Мистер Леонард препроводил Дункана и мистера Манди наверх — разумеется, медленно, прино-

равливаясь к шагу-старика.

— Чертова кочерыжка, — бормотал мистер Манди. — Зачем я вам сдался? Выкиньте меня на помойку.

— Ну-ну-ну! — приговаривал мистер Леонард.

Старика провели в приемную. Усадили на стул, тоже с жесткой спинкой, помогли снять пиджак, удостоверились, что все удобно. Мистер Леонард достал черную тетрадь, быстро просмотрел записи и сел напротив пациента на свой жесткий стул. Дункан отошел к окну и примостился на обитый войлоком ларь, устроив на коленях пиджак мистера Манди. Окно закрывала горько пахнущая тюлевая штора на слегка провисшей проволоке. Отделанные линкрустом стены отливали шоколадно-коричневым глянцем.

Мистер Леонард потер руки.

— Ну-с, — сказал он. — Как мы себя чувствуем с нашей последней встречи?

Мистер Манди понурился.

— Не так чтобы очень, — ответил он.

— По-прежнему мысли о болях?

— Никак не могу их стряхнуть.

— Надеюсь, ко всяким ложным средствам не прибегали?

Мистер Манди беспокойно дернул головой и,

помолчав, признался:

— Ну разве что чуть-чуть аспирину.

Мистер Леонард втянул нижнюю губу и посмотрел на мистера Манди, словно говоря: боже мой, боже мой.

— Ведь вам прекрасно известно, не правда ли, что такое человек, который совмещает ложные средства и духовное лечение? Он уподобляется ослу, коим правят два хозяина, и стоит на месте. Вы это знаете, не так ли?

— Понимаете, уж больно мучает...

— Мучение! — вскочил мистер Леонард; в голосе звучала смесь изумления и великого презрения. Он потряс стулом. — Что, стул мучается, выдерживая мой вес? Почему бы нет, коль скоро дерево, из которого он сделан, такой же материал, как мышцы и кости ноги, кои, по вашим уверениям, болят от вашего веса? Стоит лишь не поверить в боль, и нога станет вам безразлична, точно деревяшка. Вы это понимаете?

— Да, — кротко ответил мистер Манди.

— Да, — повторил мистер Леонард. — Что ж, давайте начнем.

Дункан сидел очень тихо. Соблюдать тишину и неподвижность было необходимо в течение всего сеанса, но особенно сейчас, когда мистер Леонард,

собираясь с мыслями и силами, концентрировался на том, чтобы открыть огонь по ложной идее мистера Манди об его артрите. Слегка откинув голову и минуя взглядом пациента, он напряженно смотрел на портрет над камином; Дункан знал, что женщина с нежным взором, облаченная в викторианское платье с высоким воротником, — миссис Мэри Бейкер Эдди,[3] основательница «Христианской науки». На черной раме картины кто-то — возможно, сам мистер Леонард — не вполне умело написал финифтью фразу: «Вечный Сторож у Врат Мысли».

Каждый раз Дункану хотелось засмеяться: не потому, что надпись казалась особенно смешной, а просто оттого, что сейчас рассмеяться было бы совершенно ужасно; он начинал паниковать, что приходится сидеть так тихо и так долго, его неудержимо тянуло издать какой-нибудь звук, сделать какое-нибудь движение: вскочить, завопить, устроить припадок... Но уже поздно. Мистер Леонард сменил позу — подался вперед и впился

3 Примечания: 3

Мэри Бейкер Эдди (1821-1910) — основательница религиозного течения «Христианская наука», автор книги «Наука и здоровье с Ключом к Священному Писанию» (1875). Она отличалась слабым здоровьем, но уверяла, что избавилась от недугов благодаря постоянному чтению Нового Завета. В своем трактате она заявляла, что человеческий дух — единственная реальность, а телесные недуги и само тело иллюзорны, и все болезни лечатся только силой духа.

взглядом в мистера Манди. Теперь он заговорил напряженным шепотом, с громадной проникновенностью и верой:

— Послушайте меня, дорогой Хорас. Все ваши мысли об артрите неверны. У вас нет артрита. Нет боли. Вы не подвержены мыслям и взглядам, в коих болезнь и боль закономерны и обусловлены... Слушайте, дорогой Хорас. В вас нет страха. Никакие воспоминания вас не пугают. Никакая память не заставит вас ожидать нового несчастья. Вам нечего бояться, дорогой Хорас. С вами любовь. Она вас наполняет и окружает...

Слова лились и лились, подобно дождю нежных ударов от безжалостного любовника. Смеяться уже расхотелось; казалось невозможным устоять перед страстностью этих слов, не поддаться их впечатлению, не позволить им убедить себя. Вспомнился сухорукий парень; Дункан представил, как тот сидит на месте мистера Манди, слышит: «вас наполняет любовь, бояться не нужно» и желает, чтобы его рука обросла плотью и вытянулась. Возможно ли такое? Ради мистера Манди и парня хотелось, чтоб было возможно. Хотелось, как ничего другого.

Дункан взглянул на мистера Манди. Сразу после начала сеанса тот закрыл глаза, а теперь,

слушая шепот, тихо заплакал. Тонкими струйками слезы текли по щекам, скапливались на горле и мочили воротничок. Старик не пытался их отереть — руки безвольно лежали на коленях, временами подрагивали опрятные тупорылые пальцы; он часто втягивал и с судорожным всхлипом выдыхал воздух.

— Дорогой Хорас, — настойчиво шептал мистер Леонард, — ничей разум над вами не властен. Я отвергаю власть мыслей о хаосе. Хаоса не существует. Я утверждаю власть гармонии над каждым вашим органом: руками, ногами, глазами и ушами, вашей печенью и почками, вашими сердцем, мозгом, желудком и чреслами. Все органы в идеальном состоянии. Слушайте меня, Хорас...

Так продолжалось сорок пять минут; затем мистер Леонард откинулся на спинку стула, не выказывая ни малейшего утомления. Мистер Манди достал платок, высморкался и отер лицо. Слезы уже высохли, он встал без посторонней помощи, причем двигался чуть легче и выглядел просветленным. Дункан подал ему пиджак. Мистер Леонард тоже встал, потянулся и глотнул из стакана воды. Деньги от мистера Манди он принял как нечто весьма несущественное.

— Разумеется, я включу вас в вечернее благословение, — сказал мистер Леонард. — Вы приготовитесь? Скажем, в половине десятого.

Дункан знал, что многих пациентов мистер Леонард никогда не видел: они присылали деньги, а он пользовал их на расстоянии — в письмах или по телефону.

Целитель пожал Дункану руку. Ладонь была сухой, пальцы нежные и гладкие, будто девичьи. Он улыбался, но взгляд был обращен в себя, как у слепца. Возможно, в этот момент он действительно ничего не видел.

«Вот уж было б неудобство», — вдруг подумал Дункан.

От этой мысли вновь стало смешно. На дорожке перед домом он все же захохотал, и мистер Манди, заразившись его весельем, тоже засмеялся. Это было своеобразной нервной реакцией на комнату, неподвижность и нагромождение ласковых слов. Они вышли из тени скособоченного дома и двинулись в сторону Лавендер-Хилл, переглядываясь и смеясь, как дети.

*

— Вертихвостки мне не надо, — говорил мужчина. — Я такого вдоволь нахлебался с последней

девицей, скажу по чести.

— На этой стадии мы рекомендуем нашим клиентам быть предельно открытыми, — сказала Хелен.

— Угу. И пошире раскрывать кошелек.

На нем был синий костюм демобилизованного, уже залоснившийся на локтях и обшлагах, лицо желтело застаревшим тропическим загаром. Напомаженные волосы уложены с фантастической аккуратностью — белый прямой пробор выглядел шрамом, но взгляд Хелен постоянно цеплялся за хлопья перхоти.

— Встречался я с одной летчицей, — горестно поведал мужчина. — Всякий раз, как проходили ювелирную лавку, она подворачивала ногу...

Хелен вынула другой листок.

— Как насчет этой дамы? Так, посмотрим. Увлекается шитьем, любит кино.

Мужчина взглянул на фотографию и тотчас отпрянул, замотав головой:

— Очкастые девицы не по мне.

— Ну-ну, помните совет о предельной открытости?

— Не хочу показаться грубым, — мужчина скользнул взглядом по весьма практичной темной одежде Хелен, — но когда девица в очках,

она уже сплоховала. Только и жди, чего еще выкинет.

Так продолжалось минут двадцать; наконец из папки с пятнадцатью женщинами, первоначально предложенными Хелен, отобрали пятерых.

Мужчина был разочарован, но волнение скрывал за напускной воинственностью.

— И что теперь? — спросил он, одергивая залоснившиеся обшлага. — Наверное, им покажут мою рожу, и они скажут, нравится или нет. Я уже чувствую, чем оно все обернется. Надо было мне сняться с пятифунтовой банкнотой за ухом.

Хелен представила, как утром он выбирал галстук, губкой чистил костюм, вновь и вновь расчесывал пробор.

Она проводила клиента до лестницы, что вела к выходу. Вернувшись в приемную, взглянула на Вив, свою коллегу, и надула щеки.

— Тот еще тип, да? — спросила Вив. — Я вот что подумала: не сгодится ли он нашей дамочке из Форест-Хилл?

— Он ищет помоложе.

— Все они такие. — Вив подавила зевок. На столе лежал ежедневник. Похлопывая себя по губам, она взглянула на страницу. — В ближайшие полчаса никого не будет. Сообразим чайку, а?

— Давай.

Обе сразу стали оживленнее, чем в общении с клиентами. Из нижнего ящика шкафа Вив достала аккуратный электрический чайник и чайничек для заварки. Хелен пошла в туалет на площадке и набрала в чайник воды. Поставила на пол, воткнула в розетку на плинтусе и стала ждать. Чайник закипал минуты за три. От прежних кипячений над розеткой отстал кусок обоев. Хелен его разгладила, что делала ежедневно; лист секунду подержался и вновь медленно загнулся.

Бюро знакомств занимало две комнаты над постижерной мастерской, располагавшейся на улице за станцией «Бонд-стрит». В одной комнате Хелен принимала клиентов, другая служила приемной, где Вив встречала посетителей. Здесь стояли не сочетавшиеся диван и стулья для тех, кто пришел раньше времени, и горшок с рождественским кактусом,[4] который изредка выпускал изумительные цветки. На низком столике лежали почти свежие номера «Лилипута» и «Ридерз дайджест».

Хелен стала работать здесь сразу после войны и новую должность восприняла как нечто

---

4 Примечания: 4

В России известен под названием «декабрист».

временное и беззаботное по сравнению с прежней службой в марилебонском муниципальном департаменте помощи пострадавшим от разрушений. Выполняя незамысловатые обязанности, она изо всех сил старалась помочь клиентам, искренне желала им добра, однако сохранять радушие порой было нелегко. Люди приходили в поисках новой любви, но чаще — так казалось — просто хотели поговорить о любви, которой лишились. С недавних пор бизнес, конечно, процветал. Возвращавшиеся из заморских краев служивые вдруг видели, что жены и подружки изменились до неузнаваемости. В бюро они приходили все еще оглушенные. Женщины жаловались на бывших мужей. «Он хочет, чтобы я сидела дома». «Он сказал, что ему плевать на моих подруг». «Мы поехали в отель, где провели медовый месяц, но все было не так».

Чайник вскипел. На столе Вив Хелен заварила чай и понесла чашки в туалет; Вив уже была там и открыла окно. На торце здания имелась пожарная лестница: выбравшись через окно, можно было оказаться на проржавевшей платформе с низким ограждением. Под ногами площадка гуляла, лестница качалась, но местечко было солнечное, и девушки приходили сюда, едва

выдавалась свободная минутка. Отсюда было слышно дверной звонок и телефон, а подоконник они научились преодолевать быстро и ловко, точно барьеристки.

Об эту пору дня солнце падало наискосок, но кирпичи и железо, которые оно грело все утро, еще хранили тепло. От бензиновых испарений воздух стал перламутровым. С Оксфорд-стрит доносились рычанье машин и стук кровельщиков, починявших крыши.

Вив с Хелен сели, аккуратно сняли туфли, вытянули ноги и, подоткнув юбки — вдруг из постижерной мастерской выйдет какой мужчина и посмотрит вверх, — пошевелили пальцами, повертели ступнями. Чулки были штопаны на пятках и носках. Туфли — обшарпанные, как у всех. Хелен достала пачку сигарет, но Вив сказала:

— Моя очередь.

— Какая разница.

— Ладно, буду должна.

Прикурили от одной спички. Вив запрокинула голову и выдохнула дым. Взглянула на часы.

— Господи, уже десять минут прошло. Почему с клиентами время так не летит?

— Наверное, они действуют на часы, — сказала

Хелен. — Как магниты.

— Уж точно. И высасывают из нас с тобой жизнь — чмок, чмок, чмок, как здоровенные блохи... Честно, если б мне лет в шестнадцать сказали, что все закончится службой в подобной конторе... ну, не знаю, что бы я подумала. Мечталось совсем о другом. Я хотела стать секретаршей адвоката...

Слова растворились в очередном зевке, словно у Вив иссякли силы даже для горечи. Изящной бледной рукой без кольца она похлопала себя по губам.

Вив была лет на пять-шесть моложе Хелен, которой исполнилось тридцать два. Лицо ее потемнело, но еще сохраняло девичью яркость, густые каштановые волосы отливали в черноту. Сейчас, прижатые к теплой кирпичной стене, они собрались на затылке и выглядели бархатной подушкой.

Хелен завидовала волосам Вив. Ее собственные светлые волосы — ей казалось, бесцветные — имели непростительный недостаток: были абсолютно прямыми. Она делала перманент, отчего волосы пересушивались и становились ломкими. Последняя завивка была недавно, и сейчас, поворачивая голову, Хелен каждый раз чувствовала слабый душок химикалий.

Она раздумывала о желании Вив стать секретаршей адвоката.

— А я маленькой хотела стать конюхом, — сказала Хелен.

— Конюхом?

— Ну, ухаживать за лошадьми, за пони. В жизни не ездила верхом. Но что-то такое прочитала то ли в ежегоднике для девочек, то ли еще где. Бывало, скакала по улице и цокала языком. — Восторг припомнился так ярко, что захотелось вскочить и погарцевать на пожарной площадке. — Коня моего звали Флит. Он был очень быстрый и очень сильный. — Хелен затянулась сигаретой и, понизив голос, добавила: — Бог его знает, что сказал бы про это Фрейд.

Обе чуть покраснели и рассмеялись.

— Совсем маленькой я хотела стать сиделкой, — сказала Вив. — Но потом раздумала, увидев мать в больнице... А брат хотел быть волшебником. — Взгляд ее стал далеким, губы тронула улыбка. — Никогда не забуду. Из старой шторы мы с сестрой соорудили ему мантию. Выкрасили черным — конечно, не соображали, что делаем, дети же — получилось ужасно. Наврали, мол, это особый волшебный плащ. А потом на день рожденья отец подарил ему набор для фокусов.

Наверное, дорогущий! Братец всегда получал, что хотел, вконец испорченный мальчишка. Только окажется в магазине, ему непременно что-нибудь нужно. Тетка говорила: «Отведите Дункана в лавку для рукоделья, и он начнет клянчить моток пряжи». — Вив прихлебнула чай и рассмеялась. — Нет, он был славный парнишка. Поверить себе не мог, когда папа преподнес ему тот набор. Часами сидел над руководством, пытался сделать фокусы, а потом — раз, и все забросил. Мы говорим: «В чем дело? Что, не понравилось?» А он отвечает, мол, нет, все нормально, только он думал, его научат делать настоящие чудеса, а тут всего-навсего фокусы. — Вив прикусила губу и покачала головой. — Всего-навсего фокусы! Бедняга. Ему было лет восемь.

Хелен улыбнулась:

— Наверное, здорово иметь кроху-братика. Мы с братом погодки и все время ссорились. Раз он хлопнул дверью, к ручке которой привязал мою косу. — Хелен потрогала голову. — Боль дикая. Я его чуть не убила! Наверное, убила бы, если б знала как. Тебе не кажется, что из детей вышли бы идеальные маленькие убийцы?

Вив кивнула, но слегка рассеянно. Затянулась сигаретой; пару минут они молчали.

«Ну вот, занавес опустился», — подумала Хелен. Она уже привыкла к этой манере Вив: чуть-чуть довериться, поделиться воспоминаниями и вдруг отпрянуть, словно выдала слишком много. Они работали вместе почти год, но все, что Хелен знала о семейной жизни Вив, собралось из кусочков и обрывков, которые та невзначай обронила. Скажем, Хелен знала, что Вив из очень простой семьи, мать давно умерла, и она жила в южном Лондоне с отцом, которому, вернувшись с работы, готовила ужин и стирала. Ни мужа, ни жениха у нее не имелось, что было странно для такой миловидной девушки. Она никогда не говорила, что на войне потеряла любимого, но в ней чувствовалось какое-то огорчение. Какая-то безрадостность. Близкий слой печали из мелкого пепла.

Однако самую большую загадку представлял ее брат, этот Дункан. С ним была связана какая-то странность то ли скандал — Хелен так и не разобралась. Он жил не дома, с отцом и сестрой, а с каким-то дядюшкой или вроде того. Вполне здоровый парень, он работал — как выведала Хелен — на какой-то чудной фабрике для калек и убогих. Вив всегда говорила о нем по-особому; например, часто называла «беднягой» — вот

как минуту назад. Но порой, в зависимости от настроения, в тоне проскальзывало и легкое раздражение: «Уж он-то в порядке», «Да он понятия не имеет», «Уж точно, живет в своем мире». А потом опускался занавес.

Впрочем, подобные занавесы Хелен уважала, ибо и в собственной жизни имелась парочка-другая фактов, которые предпочтительнее хранить во мраке...

Она прихлебнула чай, раскрыла сумочку и достала вязанье. Привычка появилась в войну, когда Хелен вязала носки и шарфы для солдат; теперь посылки со всякими неказистыми блеклыми творениями каждый месяц шли в Красный Крест. Сейчас она трудилась над детским чепчиком. Вещица не по сезону, пряжа бэушная — вся в узелках, но рисунок забирал внимание. Хелен сноровисто двигала спицами и шепотом считала петли.

Вив открыла свою сумочку. Достала журнал и принялась листать.

— Хочешь свой гороскоп? — немного погодя спросила она. Хелен кивнула. — Ну, значит, вот. «Рыбы: сегодня ваша главная линия — осмотрительность. Посторонние могут не сочувствовать вашим планам». Это про того мужика из Харроу.

А что для меня? «Дева: приготовьтесь к нежданным гостям». Звучит так, словно заведутся гниды. «Алый цвет принесет удачу». — Вив скорчила рожицу. — Ведь какая-то баба сидит в конторе и строчит, а? Мне бы такую работенку. — Она перевернула пару страниц и показала журнал. — Как тебе такой причесон?

Хелен считала петли.

— ...Шестнадцать, семнадцать... — Она взглянула на картинку. — Недурно. Только каждый раз уйма времени на укладку.

Вив снова зевнула:

— Чего-чего, а времени у меня навалом.

Еще пару минут они разглядывали моды, затем посмотрели на часы и вздохнули. Хелен сделала отметку на бумажке с трафаретом и свернула вязанье. Девушки натянули туфли, обмахнули юбки и перелезли через подоконник. Вив сполоснула чашки. Потом достала пудреницу, губную помаду и повернулась к зеркалу:

— Пожалуй, надо освежить боевую раскраску.

Хелен наскоро поправила лицо и медленно прошла в приемную. Подровняла стопку «Лилипута», убрала чашки и чайник. На столе Вив пролистала ежедневник. Мистер Саймз, мистер Блейк, мисс Тейлор, мисс Хип... Она уже знала

всякие огорчительные причины, подтолкнувшие их к визиту: измены, предательства, изводящие подозрения, душевная омертвелость.

Мысль растревожила. Нет, какая все же мерзкая работа! С Вив переносить ее легче, но все равно ужасно торчать здесь, когда все для тебя важное, все настоящее и значимое находится где-то вне досягаемости...

Хелен прошла в свой кабинет и посмотрела на телефон. Сейчас звонить не стоило: Джулия терпеть не могла, когда ее отрывали от работы. Однако мысль прицепилась, пробежала легкая дрожь нетерпения, и прямо-таки возник зуд от желания снять трубку.

«Да хрен-то с ним», — подумала Хелен. Цапнула трубку и набрала свой номер.

Гудок, другой — раздался голос Джулии:

— Алло?

— Джулия, это я, — тихо сказала Хелен.

— Хелен! А я думала, опять мама. Она уже два раза звонила. Перед тем звонили с коммутатора — какие-то неполадки на линии. А до того в дверь звонил человек, который предлагал мясо!

— Какое мясо?

— Я не спросила. Наверное, кошачье.

— Бедняжка. Удалось что-нибудь написать?

— Так, чуточку.

— Кого-нибудь угрохала?

— Это уж как водится.

— Да ну? — Хелен удобнее перехватила трубку. — Кого? Миссис Раттиган?

— Нет. Миссис Раттиган получила отсрочку. Сиделку Малоун. Копьем в сердце.

— Копьем? В Гемпшире?

— Африканский трофей полковника.

— Ага! Будет знать. Сцена ужасная?

— Жуть.

— Море крови?

— Ведра. А как ты? Оглашаешь имена новобрачных?

Хелен зевнула.

— Не так чтоб очень.

Говорить было, в общем-то, не о чем. Просто хотелось услышать голос Джулии. Наступила шумная телефонная тишина, полная электрических потрескиваний и невнятной разноголосицы чужих разговоров. Джулия вновь заговорила, уже торопливее:

— Прости, Хелен, я не могу занимать телефон. Урсула обещала позвонить.

— Да? — Хелен вдруг напряглась. — Урсула Уоринг? Правда?

— Наверное, какая-нибудь мутотень насчет радиопередачи.

— Понятно. Ну что ж, ладно.

— Увидимся.

— Да, конечно. Пока, Джулия.

— Пока.

Шорох, и линия смолкла — Джулия отключилась. Мгновение Хелен прижимала к уху трубку, слушая слабый сигнал отбоя — все, что осталось от разорванного соединения.

Услышав, что из туалета возвращается Вив, она быстро и тихо опустила трубку на рычаг.

*

— Как Джулия? — надумала спросить Вив, когда в конце дня они вытряхивали пепельницы, наводя в конторе порядок. — Книгу закончила?

— Не совсем, — не поднимая глаз, ответила Хелен.

— На днях я видела ее последний роман. Как, бишь, он называется? «Мрачный взгляд...»

— «Яркий взгляд опасности», — поправила Хелен.

— Точно. «Яркий взгляд опасности». В субботу я заходила в магазин, увидела книжку и переставила ее на видное место. Какая-то женщина сразу

начала листать.

— Тебе причитаются комиссионные, — улыбнулась Хелен. — Непременно сообщу Джулии.

— Не вздумай! — Вив смутилась. — У нее и так все благополучно, правда?

— Да. — Хелен натягивала пальто. Чуть помешкав, она добавила: — Знаешь, на этой неделе о ней писали в «Радио таймс». Книгу хотят инсценировать в серии «Детектив в кресле».

— Да ну? Что ж не сказала-то? «Радио таймс»! По дороге домой надо купить.

— Там всего лишь заметка, — сказала Хелен. — Правда, с маленькой симпатичной фотографией.

Против ожидания, событие ее не взбудоражило. Видимо, уже свыклась. А вот Вив, наверное, казалось невероятным иметь подругу, которая пишет книги и чей портрет публикуют журналы вроде «Радио таймс», где его увидит столько народу.

Выключив свет, они спустились по лестнице, и Хелен заперла дверь. Как обычно, недолго постояли перед витриной постижера, решая, какой парик они бы купили, если б вдруг приспичило, и потешаясь над остальными. Позевывая, вместе дошли до угла Оксфорд-стрит и распрощались, корча рожицы от мысли, что завтра надо снова приходить и целый день работать.

Глазея на витрины магазинов, Вив пошла медленным, почти прогулочным шагом, чтобы переждать, пока в метро схлынет толпа возвращающихся с работы. Обычно в долгую поездку домой в Стритем она отправлялась автобусом. Но сегодня вторник, а по вторникам она спускалась в метро и ехала в Уайт-Сити на чай с братом. Вив терпеть не могла метро: ненавидела давку, запахи, грязь, внезапные порывы теплого воздуха. У Марбл-Арч[5] Вив не стала спускаться к платформе, а вошла в парк и зашагала по дорожке рядом с тротуаром. В лучах вечернего заходящего солнца парк выглядел прелестно: повсюду длинные холодноватые синие тени. Вив постояла у фонтанов, глядя на игру воды, и даже присела на скамейку.

Рядом, испустив радостный вздох облегчения, плюхнулась девушка с младенцем. Она была в платке военных времен, украшенном выцветшими истребителями и танками. Ребеночек спал, и что-то ему снилось: личико шевелилось, бровки то хмурились, то удивленно взлетали, словно дите примеряло все выражения, какие понадобятся во взрослой жизни.

---

5 Примечания: 5

Марбл-Арч (Мраморная арка) — триумфальная арка; сооружена в 1828 г. как главный въезд в Букингемский дворец; в 1851 г. перенесена в северо-восточную часть Гайд-парка, ныне находится вне его пределов.

В конце концов Вив спустилась на станцию «Ланкастер-Гейт», откуда до Вуд-лейн было всего пять остановок. Дом мистера Манди располагался в десяти минутах ходьбы от метро, за ипподромом для собачьих бегов. Во время состязаний над улицами стоял невероятный, почти устрашающий вопль толпы: казалось, он гонится за тобой и накрывает, точно громадная невидимая волна. Сегодня ипподром был тих. Гуляла ребятня — трое мальчишек взгромоздились на старый велосипед и виляли по улице, вздымая пыль.

Калитка мистера Манди запиралась маленькой вычурной щеколдой, которая почему-то напоминала самого хозяина. Входную дверь украшали стеклянные филенки. Вив легонько постучала, и через мгновенье в прихожей возникла фигура. Хромая, она медленно приближалась. Вив надела улыбку, представив, как по другую сторону двери то же самое делает мистер Манди.

— Привет, Вивьен. Как дела, дорогуша?

— Здрасьте, мистер Манди. Все хорошо. Как вы?

Вив вошла в дом и вытерла ноги о коврик из кокосовой соломки.

— Грех жаловаться, — ответил мистер Манди.

В тесной прихожей каждый раз возникала

неловкая толкотня, когда хозяин уступал гостье дорогу. Вив шагнула к стойке с зонтиками и стала расстегивать пальто. Минуту-другую глаза привыкали к сумраку.

— Брат дома? — щурясь, спросила Вив.

Мистер Манди запер дверь.

— Он в гостиной. Проходите, дорогуша.

Дункан уже услышал их голоса и крикнул:

— Это ты, Ви? Иди глянь на меня! Мне не встать!

— Он пригвожден, — улыбнулся мистер Манди.

— Ну иди же! — снова позвал Дункан.

Вив толкнула дверь гостиной и вошла. С книгой в руках Дункан плашмя лежал на каминном коврике, а на спине его устроилась полосатая кошечка мистера Манди. Выпуская и втягивая когти, она перебирала передними лапами, будто месила тесто, и исступленно мурлыкала. Увидев гостью, кошка сузила глаза и энергичнее заработала когтями.

— Как тебе? — засмеялся Дункан. — Мне делают массаж.

За спиной Вив чувствовала присутствие мистера Манди, который смотрел и посмеивался. Старческое хихиканье, легкое и сухое. Ничего не

оставалось, как тоже посмеяться.

— Ты шалопай.

Дункан отжался на руках, словно делал гимнастику.

— Я ее тренирую.

— Зачем?

— В цирк готовлю.

— Она тебе рубашку порвет.

— Ерунда. Смотри.

Дункан еще приподнялся, и кошка заработала лапами как безумная. Дункан стал выпрямляться. Осторожно, чтобы кошка удержалась на спине или взобралась к плечам. И все время смеялся. Мистер Манди ободряюще крякал. Наконец кошке все это надоело, и она спрыгнула на пол. Дункан отряхнул брюки.

— Иногда она забирается на плечи и укладывается вокруг шеи, — сказал он. — Прям, как твой воротник, да, дядя Хорас?

Пальто Вив было с воротником из искусственного меха. Дункан подошел и потрогал его.

— Все же она порвала тебе рубашку, — сказала Вив.

Дункан изогнулся, пытаясь увидеть свою спину.

— Ладно, пустяки. Я не ты, мне красавчиком

быть ни к чему. Правда, она у нас красавица, дядя Хорас? Красотка секретарша.

Обаятельно улыбнувшись, он дал себя обнять и чмокнуть в щеку. От его одежды исходил слабый душистый аромат свечной фабрики, но под ним угадывался мальчишечий запах; когда Вив обняла брата, его плечи показались до нелепого узкими и костлявыми. Она вспомнила рассказанную днем историю о наборе для фокусов и еще — как он забирался к ним с Памелой в постель и устраивался между ними. До сих пор помнилось ощущение его худеньких рук и ног, горячего лба с прилипшими темными шелковистыми волосами... На миг захотелось, чтобы все они снова оказались детьми. Просто невероятно, что все так обернулось.

Сняв пальто и шляпку, Вив села рядом с Дунканом. Мистер Манди ушел на кухню. Через минуту донеслось звяканье — готовил чай.

— Пожалуй, надо помочь, — сказала Вив.

Она говорила так всякий раз. Дункан по-всегдашнему ответил:

— Он предпочитает, чтоб ему не мешали. Сейчас запоет. Сегодня он прошел сеанс, ему чуть лучше. К тому же на мне мытье посуды. Расскажи, как ты.

Они обменялись маленькими новостями.

— Папа передает привет, — сказала Вив.

— Правда? — Дункана это не интересовало. Не усидев на месте, он возбужденно вскочил и что-то схватил с полки. — Ты только посмотри! — В руках у него был латунный сливочник с вмятиной на боку. — В воскресенье купил за три шиллинга шесть пенсов. Мужик запросил семь шиллингов, но я сбил цену. Думаю, это восемнадцатый век. Представь, Ви: леди пили чай и подливали из него сливки! Разумеется, он был посеребренный. Видишь, тут немного осталось? — Он показал следы серебра на спайке ручки. — Разве не прелесть? Три и шесть! Что маленько попорчено, ерунда. Всегда можно выправить.

Восхищенный Дункан вертел в руках сливочник. Посудина выглядела хламом. Каждый раз брат показывал какую-нибудь новую вещицу: битую чашку, щербатую глазурованную шкатулку, вытертую бархатную подушечку. Было невозможно избавиться от мыслей о губах, которые прикасались к фарфору, о грязных руках и сальных головах, что до лысин затерли подушки. Вив покрывалась мурашками от одного только дома мистера Манди: стариковское жилье, где комнатки загромождены большой темной мебелью, а

стены кишат картинами. На каминной полке под стеклянными колпаками, засиженными мухами, восковые цветы и обломки кораллов. Газовые лампы с раздвоенным фитилем. Желтые выцветшие фотографии: мистер Манди — стройный юноша, а тут — мальчик с сестрой и матерью; мать в жестком черном платье выглядит королевой Викторией. Все мертво, мертво, мертво, но Дункан — живые темные глаза, чистый мальчишечий смех — чувствовал себя здесь как дома.

Вив взяла сумку:

— Я вам кое-что принесла. Банка ветчины.

— Ух ты! — В голосе Дункана слышалась ласковая насмешливость, с какой перед тем он произнес «красотка секретарша». Когда с чайным подносом прихромал мистер Манди, Дункан торжественно вскинул банку.

— Вот, дядя Хорас! Гляньте, что нам доставили!

На подносе уже лежала солонина. Вив принесла ее в прошлый раз.

— Ну ей-богу, теперь у нас пир горой, — сказал мистер Манди.

Раздвинули стол, расставили тарелки и чашки, пристроили томатные сэндвичи, латук и крекеры. Придвинули стулья, встряхнули салфетки и стали угощаться.

— Как поживает ваш батюшка, Вивьен? — учтиво справился мистер Манди. — А сестрица? Как дела у бутуза? — Он имел в виду Грэма, сынишку Памелы. — Этакий карапуз, не правда ли? Толстенький пончик. Совсем как детишки в мое время. Похоже, они вышли из моды.

Разговаривая, он вскрывал банку с ветчиной: крупные тупорылые пальцы крутили и крутили нож, обнажавший тонкую, похожую на рану полоску розового мяса. Вив заметила, как Дункан смотрел на банку, а потом сморгнул и отвернулся. С показной веселостью он спросил:

— А что, на детей мода как на платья?

— Я вам вот что скажу. — Мистер Манди вытряхнул ветчину и соскребал желе. — Чего у нас не было, так это детских колясок. Случись где увидеть, вот уж была диковина. Это был шик. Моих кузин возили в угольной тележке. И ребятишки раньше начинали ходить. В мое время дети зарабатывали себе на жизнь.

— Велосипед вам никогда не устраивали, дядя Хорас? — спросил Дункан.

— Велосипед? — заморгал мистер Манди.

— Никакой детина не поджигал бумажку в пальцах, чтобы вы шибче перебирали ногами?

— Да ну тебя!

Все рассмеялись. Пустую банку отставили в сторону. Мистер Манди достал платок, коротко и трубно высморкался, затем встряхнул, укладывая в старые складки, и аккуратно спрятал в карман. Перед тем как отправить в рот сэндвич и лист салата, он разрезал их на крохотные кусочки. Когда Вив оставила поднятой крышку горчичницы, он ее прихлопнул. Однако по окончании трапезы сгреб в руку остатки мяса с желе и скормил кошке, позволив ей вылизать ладонь от костяшек до ногтей.

Кошка все прикончила и замяукала, прося еще. Мяуканье было тонкое, писклявое.

— Прям как булавки втыкает, — сказал Дункан.

— Какие булавки?

— Ощущение, что меня насквозь прокалывают.

Мистер Манди не понял. Потрепал кошку по голове.

— Ой, смотри, раздерет она тебя, когда терпение кончится. Правда, Киса?

На десерт был кекс; едва с ним справились, мистер Манди и Дункан встали, чтобы убрать со стола. Вив сидела скованно, наблюдая, как они носят посуду; вскоре оба скрылись в кухне, оставив

ее одну. Тяжелые двери звуков не пропускали; в комнате было тихо и невероятно душно, шипели газовые лампы, в углу размеренно тикали высокие напольные часы. Они шли натужно, словно их внутренности закостенели, как суставы мистера Манди, либо их тоже угнетала старомодная атмосфера дома. Вив сверила большие часы с наручными. Без двадцати восемь... Как медленно здесь тянется время. Совсем как на службе. Вот ведь несправедливость! А когда не нужно — летит без оглядки.

Нынче все же появилось развлечение. Мистер Манди уселся в кресло у камина, что всегда делал после ужина, а Дункан попросил, чтобы Вив его подстригла. Они ушли в кухню. Дункан расстелил на полу газету, в центре поставил стул. Налил в миску теплой воды, за воротник рубашки заткнул полотенце.

Вив окунула в воду расческу, смочила брату волосы и начала стричь. Ножницы были старые, портняжные; бог ведает, зачем они сдались мистеру Манди. Возможно, он сам себя обшивал, с него станет. Под ногами хрустела газета.

— Не слишком коротко, — попросил Дункан, прислушиваясь к щелканью ножниц.

Вив повернула его голову:

— Сиди спокойно.

— В прошлый раз ты обкорнала.

— Стригу как умею. Может, ты не знаешь, но существует такая вещь, как парикмахерская.

— Не люблю парикмахерских. Всегда кажется, что из меня нарубят начинку для пирога.[6]

— Не дури. На кой ты им.

— Думаешь, из меня выйдет невкусный пирог?

— В тебе мало мяса.

— На сэндвич-то сгожусь. Или меня можно закатать в банку. А потом... — Дункан повернулся и озорно стрельнул глазом.

Вив снова выпрямила ему голову:

— Криво же получится.

— Пускай, любоваться некому. Разве что Лену с фабрики. У меня обожателей нет. Я не ты...

— Заткнись, а?

Дункан рассмеялся.

— Дядя Хорас не слышит. Да ему все равно. Его это не тревожит.

Вив перестала стричь и уперла концы ножниц брату в плечо.

---

6 Примечания: 6

Имеется в виду популярная в Лондоне городская легенда о жившем в начале XIX в. парикмахере Суини Тоддс; послужила основой для мюзикла Стивена Сондхейма, в 2007 г. экранизированного Тимом Бёртоном с Джонни Деппом в главной роли.

— Ты не проболтался, Дункан?

— Нет, конечно.

— Не вздумай!

— Зуб даю. — Дункан лизнул палец, чиркнул себя по груди и с улыбкой воззрился на сестру.

Вив не улыбалась.

— Этим не шутят.

— Раз этим не шутят, почему ты это делаешь?

— Если папа узнает...

— Вечно ты думаешь о папе.

— Кто-то должен о нем думать.

— У тебя своя жизнь, разве нет?

— Думаешь? Порой я сомневаюсь.

Вив стригла молча — не успокоившись, не выговорившись; ей даже хотелось, чтобы брат и дальше ее поддразнивал, ибо кроме него поделиться было не с кем, он — единственный, кому она рассказала... Но момент был упущен; Дункан отвлекся — наклонив голову, разглядывал влажные темные прядки на газете под стулом. Они падали завитками, но, высыхая, разваливались на пушистые волоски. Дункан поморщился.

— Вот ведь странно, — сказал он. — На голове волосы смотрятся так красиво, но становятся мерзкими, едва их отрежут. Ты должна взять локон, Ви, и носить в медальоне. Вот как поступила

бы примерная сестра.

Вив опять выпрямила его голову, уже не так ласково.

— Сейчас устрою тебе примерную сестру, если не угомонишься.

Дункан дурашливо заныл:

— Ой, мне устроили примерную сестру!

Оба рассмеялись. Стрижка закончилась, Дункан отодвинул стул и открыл дверь черного хода. Вив достала сигареты; они вдвоем сидели на крыльце, глазели на улицу, курили и болтали. Дункан рассказал о визите к мистеру Леонарду, об автобусных пересадках и всяких маленьких приключениях... Небо походило на воду, в которую вылили чернила: расползалась темнота, одна за другой появлялись звезды. Почти новая луна красовалась стройным идеальным полумесяцем. Пришла кошка, позаплеталась вокруг ног, а затем повалилась навзничь и стала кататься, вновь придя в исступленный восторг.

Из гостиной выбрался мистер Манди — наверное, через окно услышал смех и решил посмотреть, чем они заняты.

— Ну вот! — сказал он, взглянув на голову Дункана. — Все лучше, чем после стрижки у мистера Суита.

Дункан поднялся и стал прибирать в кухне. Состриженные волосы завернул в газету.

— Мистер Суит любил прищипнуть ножницами, просто для забавы. — Дункан потер шею. — Говорят, он кому-то ухо отстриг.

— Болтовня, — умиротворенно возразил мистер Манди. — Тюремная байка и больше ничего.

— Говорю что слышал.

Пару минут они препирались; Вив показалось, что это делается нарочно — оба выставляются, потому что она здесь. Ну зачем мистер Манди притащился?! Даже на минуту не оставит Дункана. Так было хорошо сидеть на крылечке и смотреть на темнеющее небо. Но вся эта пустопорожняя болтовня о тюрьме нестерпима, аж зубы сводит. Нежное чувство близости с братом, которое жило еще мгновенье назад, сникало. Вспомнился отец. Вив поймала себя на том, что мысли обретают его голос. Дункан легко шастал по кухне, а Вив смотрела на его опрятную темную голову, тонкую шею, по-девичьи миловидное лицо и с горечью говорила себе: «Заставил нас через такое пройти, а ему хоть бы хны!»

Она ушла в гостиную и в одиночестве докурила сигарету.

Без толку ломать над этим голову. Только

вся изведешься, как извелся отец. Других забот хватает. Дункан заварил еще чаю, послушали радиопередачу, и в четверть десятого Вив стала собираться. Каждый раз она уходила в одно и то же время. Дункан и мистер Манди стояли в дверях, как старая супружеская пара.

— Может, брату проводить вас до станции? — неизменно спрашивал мистер Манди, а Дункан, не давая ответить, бесцеремонно встревал:

— Сама дойдет. Правда, Вив?

Но сегодня он поцеловал ее в ответ, словно догадавшись, что она раздражена.

— Спасибо за стрижку, — тихо сказал Дункан. — И за ветчину. Я просто тебя дразнил.

Вив дважды обернулась — они всё смотрели ей вслед; когда она оглянулась в третий раз, дверь была закрыта. Вив представила, как мистер Манди держится за плечо Дункана и они бредут в гостиную; Дункан садится в одно кресло, мистер Манди — в другое. Вив снова кожей ощутила душную, точно фланелевую, атмосферу дома и прибавила шагу, внезапно наполнившись радостным возбуждением от прохлады вечернего воздуха и четкого стука по тротуару своих каблуков.

Однако быстрая ходьба привела на станцию

слишком рано. Прибывали и уходили поезда; Вив стояла в резком мертвенном свете билетного зала, отчего возникло мерзкое ощущение уязвимости. Какой-то парень пытался поймать ее взгляд. «Эй, красотка», — беспрестанно повторял он. Напевая, прохаживался рядом. Чтобы он отвязался, Вив прошла к книжному киоску; лишь разглядывая стойку с журналами, она вспомнила про «Радио таймс», о котором днем говорила Хелен. Вив взяла номер и почти сразу увидела заголовок:

ОПАСНЫЕ ВЗГЛЯДЫ

В рубрике «Детектив в кресле» УРСУЛА УОРИНГ
представляет новый захватывающий роман Джулии Стэндинг «Яркий взгляд опасности»;
вечером в пятницу в 10.10. (Легкая прогр.)[7]

Небольшая заметка отзывалась о романе в восторженных тонах. Над текстом была фотография

7 Примечания: 7

«Легкая программа» — одна из трех основных радиопрограмм Би-би-си, которая транслировала популярную музыку и развлекательные передачи; начала работать в 1945 г., в 1967 г. переименована в «Радио-2».

Джулии: голова наклонена, взгляд долу, щека покоится на сложенных ладонях.

Вив разглядывала фото с легкой неприязнью: их единственная встреча у входа в бюро симпатии к Джулии не вызвала. Та показалась заумной и, когда Хелен их познакомила, пожала Вив руку, но не сказала: «Как поживаете?», или «Очень приятно», или что-нибудь в этом духе, а только мимоходом спросила, будто они давно знакомы: «Удачный денек? Переженили кучу народу?» Вив ответила: «Скорее уж одурачили», на что Джулия рассмеялась как собственной шутке и бросила: «Это уж точно...» С виду вся такая культурная, она изъяснялась на сленге: «на кой вас грузить», «полный отпад». И чего Хелен, такая милая, в ней нашла? Ладно, это их дело. Была нужда гадать.

Вив вернула журнал в стойку и отошла от киоска. Певун исчез. Часы показывали без двух минут половину одиннадцатого. Вив пересекла билетный зал, направляясь не к платформам, а к выходу. Вглядываясь в улицу, она встала у колонны и плотнее запахнула пальто — от долгого стояния было зябко.

Чуть погодя к бровке подкатила машина, проехав чуть вперед — подальше от яркого станционного света. Пригнувшись к рулю, водитель

беспокойно рыскал взглядом по тротуару. При виде его красивого и чуть растерянного лица возникло чувство, какое перед тем вызвал Дункан: смесь любви и раздражения. Однако вместе с ним вновь и еще острее вспыхнуло пьянящее возбуждение. Вив глянула по сторонам и почти бегом направилась к машине. Перегнувшись через сиденье, Реджи открыл ей дверцу; Вив села рядом, он коснулся ее лица и поцеловал.

*

Кей шла по Лавендер-Хилл. Она ходила весь день и весь вечер. Сделала огромный круг: от Уондсвортского моста до Кенсингтона, дальше в Чизуик, потом через реку в Мортлейк и Патни, а теперь обратно к дому мистера Леонарда — осталось две-три улицы. Чуть раньше она поравнялась и заговорила со светловолосой девушкой. Не особо привлекательной.

— Диву даюсь, как вам удается так быстро идти на высоких каблуках, — сказала Кей.

— Привычка, — беспечно ответила девушка. — Ничего такого. И вы бы сумели.

Она смотрела перед собой, не поворачиваясь к Кей. Спешит на свидание, сказала девушка.

— Говорят, хорошее упражнение для ног, — не

отставала Кей. — Вроде верховой езды. Улучшает форму.

— Точно не скажу.

— Ваш дружок, наверное, сказал бы.

— Надо будет спросить.

— Странно, что еще не сказал.

Девушка рассмеялась:

— Что-то все вас удивляет, а?

— Просто, глядя на вас, иначе не подумаешь.

— Да ну?

На секунду девушка встретилась с Кей взглядом; нахмурилась, не понимая, совсем не понимая...

— Вон мой дружок! — Она помахала девушке на другой стороне улицы. Свернула к бордюру, глянула по сторонам и перебежала через мостовую. Светлые подошвы туфель на высоких каблуках мелькали, точно лапы скачущего кролика.

Девушка не сказала ни «до свиданья», ни «пока», вообще ничего; не оглянулась. Она уже забыла про Кей. Подхватила приятельницу под руку; они свернули за угол и скрылись.

2

— Где ж твоя милашка? — спросил Лен, сидевший по другую сторону верстака. Он имел в виду миссис Александер, хозяйку свечной фабрики в Шепердз-Буш. — Припаздывает нынче. Что, поцапались?

Дункан улыбнулся и покачал головой, словно говоря: кончай дурить.

Лен не унимался. Подтолкнул соседку и сказал:

— Дункан и миссис Александер полаялись. Застукала его, когда он строил глазки другой девушке.

— Он у нас известный сердцеед, — добродушно откликнулась женщина.

Не отрываясь от работы, Дункан опять покачал головой.

Было утро субботы. За верстаком двенадцать работников делали ночники: фитиль с металлическим держателем продевали сквозь восковой валик, который помещали в негорючий корпус и затем отправляли упаковщикам. В центре верстака двигалась ременная лента — увозила готовые ночники к ожидавшей тележке. Ролики ленты стучали и периодически скрипели, не очень

громко, но в сочетании с шипеньем и лязгом свечных машин, стоявших в другой половине цеха, создавали неуютный шум, когда, обращаясь к соседу, приходилось слегка повышать голос. Дункан предпочитал изъясняться улыбкой и жестами. Бывало часами он не произносил ни слова.

А вот Лен молчать не мог. Не добившись толку от Дункана, он собрал с верстака обрезки воска, скатал их в шарик, размял и через минуту вылепил женскую фигурку. Работал сноровисто, при этом сосредоточенно хмурился, морщил лоб и оттопыривал нижнюю губу. Фигурка разгладилась и округлилась. Лен снабдил ее непомерными грудями и бедрами, а также волнистой шевелюрой. Сначала показал Дункану: миссис Александер! Затем передумал и окликнул девушку в конце верстака:

— Уинни, глянь! Это ты!

В его руках фигурка двинулась по верстаку, вихляя бедрами.

Уинни взвизгнула. Лицо девушки было изуродовано; расплющенный нос и вдавленный рот заставляли ее гундосить.

— Эва, чего сотворил! — сказала она подругам.

Девушки засмеялись.

Лен добавил воску на груди и заднице. Фигурка жеманничала.

— О бэби! О бэби! — произнес Лен дурашливым бабьим голосом. — Вот как ты гуляешь с мистером Чампионом! — Он говорил о фабричном мастере, кротком человеке, которого девицы весьма терроризировали. — Так ты ходишь! Уж я-то знаю. А вот чего делает мистер Чампион! — Лен уложил фигурку на сгиб руки и страстно расцеловал, затем пальцем пощекотал ей в развилке ног.

Уинни опять взвизгнула. Лен смеялся и тыкал палец фигурке между ног; наконец пожилая работница резко его одернула. Смех перешел в хихиканье. Лен подмигнул Дункану и тихо, чтобы женщина не слышала, сказал:

— Просто ей хочется, чтоб это была она. — Он смял фигурку в комок и бросил в тележку с отходами.

Лен вечно похвалялся своими подвигами с девушками. Ни о чем другом не говорил.

— Если б захотел, я б впендюрил этой Уинни Мейсон, — не раз заявлял он. — Интересно, каково ее поцеловать? Наверное, все равно что чмокнуть собачью жопу.

Он уверял, что вечерами водит девушек в Холланд-парк и трахает. Подробно все описывал,

невероятно гримасничая и подмигивая. С Дунканом Лен держался как старший, хотя ему было всего шестнадцать. На его цыганистом конопатом лице ярко выделялись пухлые розовые губы. В улыбке они открывали очень ровные белые зубы, контрастировавшие со смуглой крапчатой физиономией.

Сейчас, закинув руки за голову, он раскачивался на задних ножках табурета. Взгляд его лениво обегая цех в поиске какого-нибудь развлечения. Вскоре он оживился и, пригнувшись к верстаку, шепотом крикнул работницам:

— Эй, миссис А. пришла! С ней два мужика!

Не прерывая работы, женщины оглянулись. Они радовались любому передыху в занудливом деле. На прошлой неделе в цех залетел голубь, и около часа работницы с визгом за ним гонялись, выжимая из события максимум удовольствия. Сейчас две даже привстали, чтобы лучше разглядеть мужчин, которых привела миссис Александер.

Они так пялились на гостей, что Дункан не стерпел. Он тоже обернулся. Двух мужчин, высокого светловолосого и другого, пониже и темнее, миссис Александер сопроводила к самой большой свечной машине. Светловолосый стоял спиной

к Дункану. Он кивал, изредка делая пометки в блокноте. У второго была фотокамера; работа машины его не интересовала, он выискивал интересный ракурс для съемки устройства и механика. Сделал снимок, потом еще один. Камера вспыхивала, точно взрывы бомб.

— Изучение затрат времени на трудовые движения, — авторитетно заявил Лен. — Готов спорить, они... Атас, сюда идут!

Придвинувшись к верстаку, он схватил и начал соединять восковой валик с куском фитиля, напустив на себя вид невероятного усердия и занятости. Девушки смолкли, работая с прежним проворством. Увидев, что подошел только фотограф, который обогнал миссис Александер и второго мужчину, они осмелели и одна за другой подняли головы. Фотограф закурил; камера болталась на его плече.

— А че, нас снимать не будете? — спросила Уинни.

Фотограф ее оглядел. Затем посмотрел на ее соседок: у одной обожженные лицо и руки в блестящих рубцах, другая почти слепая.

— Ладно, — сказал он.

Фотограф подождал, пока девушки сгруппируются и наденут улыбки, затем поднял камеру

и приник к видоискателю. Он лишь делал вид, что снимает. Чуть прижимал кнопку и щелкал языком.

— Лампочка не вспыхивает! — загомонили девушки.

— Нормально вспыхивает, — сказал фотограф. — Она специальная, невидимая. Типа рентгена. Снимает сквозь одежду.

Льстивая брехня дурнушкам, навязавшимся на съемку, была столь явной, что Дункан слегка опешил. Но Уинни и все остальные взвизгнули от смеха. Смеялась даже пожилая женщина. Они все еще хохотали, когда подошли миссис Александер и светловолосый.

— Ну, в чем дело, леди? — снисходительно спросила хозяйка отлично поставленным аристократическим голосом.

— Ничего такого, миссис Александер, — хихикнули девушки.

Вероятно, фотограф подмигнул или сделал какой-то жест, потому что они снова покатились со смеху.

Миссис Александер ждала объяснений, но потом все же поняла, что к веселью ее не допустят. Тогда она переключилась на Дункана:

— Как дела, Дункан?

Дункан вытер руки о фартук и медленно поднялся. Все на фабрике знали, что он у хозяйки в любимчиках. Нарочно, чтобы он слышал, работники говорили друг другу: «Все свои деньги миссис Александер оставит Дункану Пирсу. Ты давай с ним поласковей, придет день, и он станет твоим хозяином». Иногда, к вящему удовольствию рабочих, Дункан им подыгрывал, вызывая смех. Но всегда ощущал неловкость, когда хозяйка его выделяла, и особенно неловко было сегодня, поскольку она привела посетителей и явно собиралась представить его как «нашу гордость».

Миссис Александер взглядом отыскала светловолосого, который все еще записывал в блокнот сведения о свечной машине, и коснулась его рукава.

— Можно вас?..

Девушки за верстаком перестали хихикать и выжидающе воззрились. Оторвавшись от записей, мужчина приблизился.

— Здесь у нас маленький цех по изготовлению ночников, — сказала миссис Александер. — Может, вы расскажете о процессе, Дункан? Позвольте вам представить...

Однако гость замер и смотрел на Дункана так,

словно не верил своим глазам. Потом ухмыльнулся.

— Пирс! — воскликнул он, не дав миссис Александер закончить фразу. Заметив пустой взгляд Дункана, добавил: — Ты что, не узнаешь меня?

Дункан вгляделся и наконец узнал этого человека. Его звали Фрейзер, Роберт Фрейзер. Некогда он был сокамерником Дункана.

Оглушенный, Дункан на секунду онемел. Он вдруг снова погрузился в атмосферу старого тюремного корпуса, услышал его запахи и беспорядочное эхо, ощутил гнетущую тоску, страх и скуку... Лицу стало холодно, потом очень жарко. Дункан понимал, что все на него смотрят, и чувствовал себя в ловушке, где с одной стороны — Фрейзер, а с другой — миссис Александер, Лен и девушки.

Однако Фрейзер засмеялся. Видимо, он тоже понял неловкость ситуации, но знал, как ее разрядить.

— Мы знакомы, — обратился Фрейзер к миссис Александер. — Встречались... — он поймал взгляд Дункана, — очень-очень давно.

Похоже, миссис Александер растерялась. Фрейзер этого не замечал. Все так же ухмыляясь, он официально пожал Дункану руку, но другой ру-

кой сграбастал его за плечо и шутливо потряс.

— Ты совсем не изменился!

— А ты другой, — наконец выговорил Дункан.

Фрейзер повзрослел. Дункан помнил его двадцатидвухлетним: тощим, бледным, с сыпью на подбородке. Сейчас ему, наверное, почти двадцать пять — то есть он чуть старше Дункана, но отличались они невообразимо: один — щуплый, а другой смугл, широкоплеч, ладен и буквально пышет здоровьем. На нем вельветовые брюки, рубашка-апаш и коричневый твидовый пиджак с кожаными нашлепками на локтях. Ремень сумки перекинут через грудь, как у путешественника. Длинные волосы — прежде Дункан видел его только остриженным — чисто промыты; жесты энергичны, отчего на лоб падает прядь, которую то и дело он отбрасывает назад. Руки загорели, как и лицо. Ногти обрезаны коротко, но сияют, точно отполированные.

Фрейзер выглядел таким взрослым и уверенным, таким свободным в обычной одежде, что Дункан окончательно смешался. От зажатости он чуть ли не посмеивался, и миссис Александер тоже заулыбалась.

— Мистер Фрейзер собирается написать о вас, Дункан, — сообщила она.

Наверное, он выдал свой испуг, потому что Фрейзер поспешно сказал:

— Я лишь собираю материал для одного иллюстрированного еженедельника. Вот чем-то подобным я нынче и занимаюсь. Миссис Александер весьма любезно мне все показала. Я и подумать не мог...

Только сейчас его ухмылка угасла. Похоже, Фрейзер наконец вспомнил, почему стоит у верстака и кто такой Дункан.

— ...что встречу тебя, — договорил он. — Давно ты здесь?

— Дункан у нас почти три года, — ответила миссис Александер, когда сам он замешкался.

Фрейзер кивнул и записал.

— Он один из самых умелых работников... Дункан, раз уж вы с мистером Фрейзером такие старые друзья, может, расскажете, в чем заключается ваша работа? А ваш спутник, мистер Фрейзер, возможно, захочет сделать фотографию?

Фрейзер рассеянно оглянулся; фотограф выбрал точку и вскинул камеру, приготовившись щелкнуть Дункана, который неохотно взял восковой валик и стал рассказывать о фитилях, металлических держателях и негорючих корпусах. Говорил он плохо. От вспышки камеры мигнул, на секунду

потеряв нить рассказа. Улыбаясь, Фрейзер кивал, напряженно вслушивался и с преувеличенным интересом разглядывал каждую представленную деталь, временами откидывая со лба прядь чистых волос.

— Да-да, понимаю, — приговаривал он. — Ага, ясно. Ну да, конечно.

Рассказ занял не больше минуты. Дункан положил собранный ночник на ползущую ленту, и тот уехал к тележке в конце верстака.

— Вот и все, — сказал Дункан.

Вперед выступила миссис Александер. Все это время хозяйка переминалась со слегка взволнованным видом мамаши, которая переживает, что ее дитятко спутает слова в школьном спектакле. Но теперь она светилась довольством.

— Ну вот, — сказала миссис Александер. — Процесс весьма несложен. Но заметьте: каждый ночник собирается вручную. Наверное, Дункан, вы сами не знаете, сколько штук собрали за все это время?

— Вообще-то нет.

— Нет... Надеюсь, у вас все хорошо? — Миссис Александер пыталась наладить беседу. — А как поживает ваша коллекция? — Она повернулась к Фрейзеру. — Вероятно, вы знаете, мистер Фрейзер,

что Дункан — страстный коллекционер антиквариата?

Фрейзер со смущенной улыбкой признался, что этого не знал.

— Ну как же! — воодушевилась миссис Александер. — Это его истинное хобби! И какие прелестные вещицы он отыскивает! Он просто бич антикваров, так я его называю. Какое ваше последнее приобретение, Дункан?

Отвертеться было невозможно. Дункан поведал о сливочнике, которым давеча хвастал перед Вив; вышло как-то ходульно.

Миссис Александер расширила глаза. Если б не фабричный лязг и грохот, вынуждавший повышать голос, можно было подумать, что она беседует за чаепитием.

— Три и шесть, вы сказали? Надо будет рассказать моей приятельнице мисс Мартин. Старинное серебро — ее страсть, она умрет от зависти. Дункан, вы непременно должны показать мне этот сливочник. Принесете?

— Да, если угодно, — промямлил Дункан.

— Уж пожалуйста... Кстати, как ваш дядюшка? Дункан так заботится о своем дяде, мистер Фрейзер...

Дункан дернулся и в панике шагнул вперед.

Миссис Александер неверно истолковала его перекошенное лицо.

— Ну вот, я вас смутила, — рассмеялась она и, потрепав Дункана по плечу, кивнула на верстак. — Ладно, занимайтесь ночниками. Как дела, Лен? Все в порядке, Уинни? Мейбл, вы сказали мистеру Грининг у насчет стула? Умница. — Она коснулась руки Фрейзера. — Прошу вас, мистер Фрейзер, теперь пройдемте в упаковочную.

Фрейзер попросил еще минутку.

— Мне нужно тут кое-что записать. — Дождавшись, когда миссис Александер отойдет, он что-то чиркнул в блокноте. Затем подошел к Дункану и смущенно сказал: — Ну вот, Пирс, надо идти. Держи. Здесь мой адрес. — Он протянул вырванный из блокнота листок. — Звякни как-нибудь на неделе. Ладно?

— Если угодно, — повторил Дункан.

Фрейзер ухмыльнулся.

— Молодец. Тогда и наговоримся вволю. Я хочу все про тебя узнать. — Он как бы нехотя двинулся к выходу. — Все!

Дункан нагнулся, вытаскивая из-под верстака табурет. Когда он поднял голову, Фрейзер, фотограф и миссис Александер уже выходили в дверь, что вела в соседнее здание.

Едва она закрылась, девушки опять принялись хохотать. Уинни гундосо крикнула:

— Чего он тебе сунул, Дункан? Адрес? Даю за него пять монет!

— Плачу шесть! — завопила ее соседка.

Обе вскочили и попытались отнять бумажку. Дункан со смехом отбивался, радуясь, что вся ситуация воспринята шутейно, а не иначе.

— Видал, как он перед тобой стелился? — сказал Лен о Фрейзере. — Пронюхал, что тебя ждет повышение. Откуда ты его знаешь?

Дункан все еще оборонялся от девушек и не ответил. Когда они наконец отстали и занялись чем-то еще, листок с адресом скомкался почти в шарик. Дункан сунул его в карман фартука — на самое донышко, чтоб вдруг не выпал, но весь следующий час украдкой лазал в карман, удостоверяясь, что бумажка на месте. Вообще-то хотелось ее достать и хорошенько рассмотреть, но мешали многочисленные соглядатаи. Наконец терпение кончилось. Когда зашел мистер Чампион, Дункан отпросился в туалет. Там запер дверь кабинки, достал и разгладил бумажку.

Сейчас Дункан взбудоражился еще сильнее, чем от разговора с Фрейзером; тогда его захлестнуло смущение, но теперь появление давнего

знакомца, его дружеская манера и то, что он даже озаботился оставить адрес, сказав «Звякни, ладно?», казались чем-то невероятным. В адресе значился район Фулема, что совсем недалеко. Разглядывая строчки, Дункан представил, как бы это выглядело, если б он заглянул туда, скажем, однажды вечером. Вообразил, как доберется. Продумал костюм — он скинет эту пропахшую стеарином и всяким душком одежду, наденет приличные брюки, рубашку-апаш и красивый пиджак. Представил, как будет держаться, когда Фрейзер откроет дверь. «Привет, Фрейзер», — небрежно скажет он, а тот в изумленном восхищении воскликнет: «Пирс! Ну вот, теперь ты выглядишь нормальным человеком, когда свалил с этой жалкой фабрики». — «Ах, фабрика! — отмахнется он. — Я всего лишь оказываю любезность миссис Александер...»

Минут пять-десять Дункан предавался подобным грезам, вновь и вновь проигрывая сцену у дверей, но не в силах представить, как все будет, когда Фрейзер пригласит войти. Он мечтал, хотя вовсе не собирался идти, и какая-то его часть говорила: «По правде, Фрейзер не хочет с тобой встречаться. Адрес он дал из вежливости. Он из тех, кто на минуту дико радуется всяким мело-

чам, но потом напрочь о них забывает...»

Распахнулась дверь туалета, и раздался голос мистера Чампиона:

— Дункан, с тобой все в порядке?

— Да, мистер Чампион, — ответил он, дернув цепочку.

Дункан вновь посмотрел на бумажку. Теперь он уже не знал, что с ней делать. В конце концов порвал на мелкие кусочки и бросил в водоворот унитаза.

*

— Дорогая, ты можешь не ерзать? — сказала Джулия.

Хелен досадливо дернула плечом:

— Все из-за кранов. Один ледяной, другой черт-те как обжигает.

Они вдвоем лежали в ванне. Это стало субботней традицией, и они по очереди занимали гладкий край — на этой неделе был черед Джулии. Она вытянула руки, закрыла глаза и откинула голову, повязанную косынкой; кое-где пряди выбились и, намокнув, липли к щеке и горлу. Насупившись, она заправила их за ухо.

Хелен опять шевельнулась, нашла удобное положение и замерла, наконец-то наслаждаясь

приятным плеском теплой воды под мышками, в паху — во всех складках и впадинах тела. Ладони плоско лежали на поверхности, ощущая сопротивление водной оболочки.

— Смотри, как у нас ноги перепутались, — тихо сказала Хелен.

В ванне они всегда разговаривали тихо. Этой же ванной пользовалась семья, жившая в цокольном этаже. Омовения проходили по графику, и риск попасться был невелик, но кафельные стены усиливали звук, и Джулии втемяшилось, что голоса, плеск и трение конечностей о ванну слышны в нижних комнатах.

— Какая у тебя темная кожа, не то что у меня, — опять заговорила Хелен. — Правда, ты смуглая, как гречанка.

— Наверное, так в воде кажется, — ответила Джулия.

— Я-то не темнею, — возразила Хелен. Она потыкала себя в розовато-желтую мякоть живота. — Я похожа на зельц.

Джулия приоткрыла глаза и глянула на ее бедра.

— Ты выглядишь девушкой с картины Энгра,[8] — умиротворенно сказала она.

Джулия была горазда на подобные сомнительные комплименты. «Ты похожа на советскую женщину с панно», — давеча сказала она, когда Хелен с двумя раздувшимися авоськами вернулась из похода по магазинам; в воображении сразу возникла мускулистая баба с квадратной челюстью и угрюмым ртом. Теперь же представилась одалиска с раскоряченной задницей. Хелен положила руку на ногу Джулии. Чудно шероховатую от волосков, с тонкой, приятной на ощупь голенью. На косточке лодыжки выделялась взбухшая от тепла жилка. Хелен ее изучила и, придавив пальцем, почувствовала ее пружинистость; затем подумала о бегущей в ней крови и поежилась. С лодыжки рука соскользнула на ступню и стала ее потирать. Джулия заулыбалась:

— Приятно.

Широкие и некрасивые ступни — типичные ступни англичанки, думала Хелен — были единственной непривлекательной частью в теле

8 Примечания: 8

Жак Огюст Доминик Энгр (1780-1867) — французский живописец и рисовальщик, блестящий мастер композиции, строгого и тонкого рисунка, правдивых, острохарактерных портретов.

подруги, и потому она проявляла к ним особую заботу. Хелен медленно потянула их за пальцы, затем переплела с пальцами своей руки; обхватила ладонью и нежно отогнула назад. Джулия засопела от удовольствия. Прядь ее вновь свалилась и прилипла к горлу — темная и плоская блестящая водоросль, локон с головы русалки. Интересно, подумала Хелен, почему в книгах и кино русалок всегда изображают с золотистыми волосами? Настоящая русалка наверняка темненькая, как Джулия. Подлинная русалка странная и тревожащая, в ней ничего от актрисы или гламурной девицы.

— Я рада, Джулия, что у тебя ноги, а не хвост, — сказала Хелен, большим пальцем разминая подруге ступню в подъеме.

— Правда? Я тоже, дорогая.

— Хотя в лифчике из раковин твоя грудь смотрелась бы неплохо. — Хелен улыбнулась, вспомнив анекдот. — Что там лифчик сказал шляпке?

Джулия задумалась.

— Не помню. Что?

— «Ступай наверх, а я подтяну эту парочку».

Они рассмеялись — не столько анекдоту, сколько тому, что Хелен так глупо его вдруг вспомнила. Джулия по-прежнему лежала с запрокинутой

головой, отчего смех в горле булькал мило и по-детски — совсем не похоже на деланый «светский» смех, который всегда казался каким-то ломким. Джулия рукой зажала рот. Живот ее вздрагивал, пупок сжался.

— Твой пупок мне подмигивает! — засмеялась Хелен. — Он выглядит ужасно нагло. «Наглый пупок» — подходящее название для приморской пивной, а? — Она посучила ногами и зевнула. Массаж ее уже утомил, и Хелен выпустила ногу подруги. — Ты меня любишь, Джулия? — прошептала она, укладываясь удобнее.

Джулия опять закрыла глаза.

— Конечно люблю.

Некоторое время они лежали молча. Остывая, покрякивали трубы. Откуда-то из водопроводных недр доносилось размеренное «кап-кап». С цокольного этажа слышалось буханье — жилец грузно топал из комнаты в комнату; потом он заорал на жену или дочь: «Нет, сука ты рваная!»

— Тьфу! Опять этот мерзкий мужик! — Джулия открыла глаза и тихо вскрикнула: — Хелен! Как не стыдно!

Свесившись с края ванны, Хелен прислушивалась. Она махнула рукой — мол, тише. Теперь снизу донеслось «Засунь себе в жопу!» — любимое

выражение жильца, которое он употреблял часто. Затем раздалось комариное нытье — других ответных реплик жены никогда не бывало.

— Хелен, прекрати, — неодобрительно сказала Джулия.

Хелен покорно забралась обратно. Иногда, если была в ванной одна и начинался крик, она доходила до того, что опускалась на колени, убирала за ухо волосы и приникала к полу. Однажды услышала, как мужик орал: «Ты кончишь, как эти дрюченные скопчихи сверху!» Джулии о том не рассказала.

Нынче квартирант разорялся минуты две и смолк. Хлопнула входная дверь. Подпрыгнули ножницы, щипчики и безопасная бритва в футляре, которые Хелен и Джулия принесли с собой.

Половина двенадцатого. Они планировали праздный день: пикник и валянье с книжкой в Риджентс-парке,[9] от которого жили неподалеку — на одной из улиц к востоку от станции метро «Эджвер-роуд». Хелен еще немного полежала, пока вода не начала остывать. Потом села и вымылась; неуклюже повернулась, чтобы Джулия

9 Примечания: 9

Риджентс-парк — большой парк в северо-западной части Лондона; площадь 180 га; бывшее место королевской охоты, открыт для публики с 1838 г.; здесь расположен лондонский зоопарк.

намылила и ополоснула ей спину, ответив подруге тем же. Когда Хелен окатилась и вышла из ванны, Джулия плюхнулась обратно, вытянувшись на освободившемся месте и жмурясь, как кошка.

Хелен секунду ее разглядывала, потом нагнулась и поцеловала, ощутив приятно теплые, скользкие и душистые от мыла губы.

Накинула халат, открыла дверь и прислушалась — нет ли кого в холле. Затем легко взбежала по лестнице. Их гостиная была на том же этаже, рядом с ванной. Кухня и спальня — этажом выше.

Она уже оделась и причесывалась, когда в спальню пришла Джулия; в зеркало Хелен наблюдала, как подруга небрежно припудривается тальком, сдергивает с головы косынку и голышом разгуливает по комнате, собирая трусики, чулки, подвязки и лифчик. Полотенце она бросила в кучу одежды на диванных подушках, составленных у окна в маленькое сиденье; полотенце тотчас соскользнуло, утащив с собой на пол носок и нижнюю юбку.

Именно это сиденье у окна привлекло их, когда они осматривали дом. Долгими летними вечерами будем сидеть тут вдвоем, говорили они.

Сейчас Хелен смотрела на подоконник, заваленный кучей одежды, на неприбранную кровать, чашки и кружки, груды прочитанных и непрочитанных книг, которые лежали повсюду.

— Наша комната — что-то невозможное, — сказала она. — Извольте видеть: две зрелые дамы, а живут, как шлюхи. Невероятно. Маленькой я мечтала, какой у меня будет дом, когда вырасту, и он всегда виделся до ужаса опрятным и прибранным — совсем как мамин. Мне всегда казалось, что опрятный дом появляется у человека, как... ну, не знаю...

— Как зубы мудрости?

— Да, вроде того. — Хелен провела по зеркалу рукавом, и он поседел от пыли.

Разумеется, другие люди их возраста и сословия обзаводились домработницей. Они себе этого позволить не могли, потому что спали в одной постели. Этажом выше была комнатка, которую соседям и гостям представляли как «комнату Хелен»; там стояли старомодная тахта и громоздкий викторианский гардероб, где хранились пальто, свитеры и резиновые сапоги. Слишком много возни, считали они, ежедневно изображать для уборщицы, что Хелен спит там каждую ночь, все равно когда-нибудь забудут. А уж кто, как не

домработницы, в этом доки? Теперь, когда книги Джулии пользовались успехом, приходилось быть осторожными как никогда.

Джулия подошла к зеркалу. Она надела мятое темное льняное платье и пальцами пробежала по волосам; выйдет из любого хаоса и будет выглядеть ухоженной красавицей, подумала Хелен. Джулия придвинулась к зеркалу и помадой мазнула по губам, полным и слегка поджатым. Зеркальное лицо с правильными пропорциональными чертами ничуть не отличалось от реального. А вот Хелен всегда казалась себе в зеркале странной и перекошенной. «Ты похожа на прелестную луковицу», — как-то сказала Джулия.

Закончив прихорашиваться, они пошли на кухню собрать еду. Нашлись хлеб, салат, яблоки, кусок сыра и две бутылки пива. Хелен откопала старое полосатое покрывало, которым укутывали мебель, когда клеили обои; все сложили в холщовую сумку, туда же закинули книжки, сумочки и ключи. Джулия побежала наверх в свой кабинет за сигаретами и спичками. Хелен стояла у кухонного окна и смотрела во двор. По двору раздраженно мотался сутулый мужчина. В самодельной клетке он разводил кроликов и

сейчас, наверное, задавал им корм или проверял, как нагуляли вес. Хелен всегда переживала, представляя, какая у них там давка. Она отошла от окна и накинула на плечо сумку. Звякнули бутылки и ключи.

— Джулия, ты готова? — крикнула Хелен.

Они спустились по лестнице и вышли на улицу.

Их дом с палисадом стоял в ряду строений начала девятнадцатого века. Дома отливали особой лондонской белизной, испещренной серовато-желтыми прожилками: желобки и впадины лепных фасадов потемнели от туманов, копоти и недавней кирпичной пыли. Вероятно, дома с крыльцами и большими парадными дверьми некогда были роскошным жильем, предназначенным для молоденьких ампирных куртизанок, девиц по прозвищу Фанни, Софи или Кегля. Джулии и Хелен нравилось представлять, как эти особы в платьях старинного покроя и туфельках на мягкой подошве легко сбегали по ступенькам, забирались на лошадь и отправлялись кататься в Роттен-роу.[10]

В плохую погоду выцветшая лепнина нагоняла

10 Примечания: 10

Роттен-роу (Гнилая дорога) — аллея для верховой езды в лондонском Гайд-парке.

тоску. Но сегодня улицу заливало солнце, и на фоне голубого неба фасады домов казались выбеленными временем скелетами. Лондон выглядит неплохо, подумала Хелен. Тротуары в пыли, но эта пыль того сорта, какую видишь, скажем, на шерсти кошки, когда она часами валяется на солнце. Двери раскрыты, оконные рамы подняты. Машин так мало, что слышны детские голоса, бормотанье радио и телефонные звонки в пустых комнатах. Ближе к Бейкер-стрит стал слышен оркестр Риджентс-парка — нечто вроде слабых «бум!» и «трам-пам-пам», разбухавших и полоскавшихся в неосязаемых порывах воздуха, точно белье на веревке.

Джулия схватила Хелен за руку и по-детски потащила вперед:

— Пошли! Давай скорее! Парад пропустим! — Пальцы ее пробежали по ладони подруги и ускользнули. — Ощущение, как в детстве, правда? Что это играют?

Они замедлили шаг и прислушались.

— Не пойму, — покачала головой Хелен. — Какую-то современную нескладеху?

— Да нет, конечно.

Музыка стала громче.

— Давай быстрее! — повторила Джулия.

Они по-взрослому улыбались, но шагу прибавили. В парк вошли через Кларенские ворота и двинулись по дорожке вдоль пруда с лодками. Чем ближе к оркестровой веранде, тем громче и не такой рваной становилась музыка. Еще чуть ближе — и мелодия себя объявила.

— Ну вот! — сказала Хелен, и они рассмеялись: играли всего лишь «Да! У нас нет бананов!».[11]

Девушки сошли с тропинки и заняли приглянувшееся местечко — есть и солнце, и тень. Трава на жесткой земле уже сильно пожелтела. Расстелили подстилку, которую Хелен достала из сумки, скинули туфли, разложили еду. Бутылки с пивом, еще прохладные после холодильника, приятно скользили в теплой руке. Хелен порылась в сумке и охнула:

— Мы забыли открывалку!

Джулия закрыла глаза.

— Черт! Пить хочу — умираю. Что делать? — Она взяла бутылку и поковыряла крышку. — Не знаешь какого-нибудь лихого способа открыть?

— Зубами, что ли?

— Ну ты ж была в скаутах.

— В моем отряде, знаешь ли, были как-то нерас-

11 Примечания: 11

Шутливая песня (1923) о греке-торговце, который никогда не говорит покупателям «нет».

положены к светлому пиву.

Они крутили бутылки.

— Дохлый номер, — сказала наконец Хелен и огляделась. — Вон мальчишки. Сбегай к ним, может, у них есть нож или что-нибудь такое.

— Не пойду!

— Давай! У мальчишек всегда есть ножики.

— Сама иди.

— Я сумку несла. Ну давай, Джулия!

— О господи!

Джулия неуклюже поднялась, в каждую руку взяла по бутылке и через лужайку побрела к группе развалившихся на травке юнцов. Подруга напряженно горбилась — вероятно, лишь от стеснения, но Хелен, на секунду взглянув на нее как бы со стороны, увидела красивую и вместе с тем взрослую, почти зрелую женщину, в которой проглядывала чопорная, широкобедрая и узкогрудая особа, какой она взаправду станет лет через десять. По сравнению с ней мальчишки были просто сопляки. Они из-под руки глядели на незваную гостью, потом лениво приподнялись и зашарили в карманах; один прижал бутылку к животу и что-то сделал с крышкой. Ужасно смущенная, Джулия стояла, сложив на груди руки, и неестественно улыбалась; когда она вер-

нулась с открытыми бутылками, ее лицо и шея порозовели.

— Они открыли ключом, — сказала она. — Мы бы и сами могли.

— В другой раз будем знать.

— Они мне сказали: «Спокуха, тетенька».

— Пустяки.

Пили из фарфоровых чашек, которые принесли с собой. Пиво бешено вспенилось до изогнутых краешков. Под пеной оно было прохладное, горьковатое, великолепное. Хелен закрыла глаза, наслаждаясь пригревающим лицо солнцем и беспечным праздничным чувством от угощения пивом в столь публичном месте. Правда, бутылки она прикрыла холщовой сумкой.

— Вдруг кто из клиентов меня увидит?

— Да пошли они, твои клиенты, — буркнула Джулия.

Они занялись едой, отламывая кусочки хлеба и сыра.

Потом Джулия растянулась на земле, вместо подушки приспособив скомканную холщовую сумку. Хелен лежала ровно, закрыв глаза. Оркестр заиграл очередной мотив. Хелен знала слова и стала тихонько подпевать:

Ах, какой солдатик!

Ах, какой касатик!
Ах, какой солдатик,
Душка, душка, душка!

Где-то, захлебываясь плачем, орал ребенок в коляске. Гавкала собака, которую хозяин дразнил палкой. От пруда доносились скрип уключин и шлепки весел, крики расшалившейся ребятни, а с улиц за пределами парка, конечно же, неизменное ворчанье моторов. Казалось, если сосредоточиться, ухватишь все многообразие звуков, которые можно запечатлеть по отдельности, а потом сложить в слегка искусственное целое под названием «Сентябрьский полдень в Риджентс-парке».

Мимо прошла пара девчонок с газетой. Они обсуждали заметку о происшествии:

— Какой ужас быть задушенной, правда? Ты бы что выбрала: чтоб тебя задушили или разбомбили атомной бомбой? С бомбой хоть быстро, не мучиться...

Девчачьи голоса растаяли, затопленные очередным всплеском музыки:

До чего он справный!
Командир он главный!
Как огонь, сияет

Пушка, пушка, пушка!

Хелен открыла глаза и смотрела в сияющее голубое небо. Безумие ли испытывать благодарность к подобным мгновеньям, когда в мире есть атомные бомбы, концлагеря и газовые камеры? Люди по-прежнему рвут друг друга на куски. Все так же существуют убийство, голод, беспорядки — в Польше, Палестине, Индии и бог весть где еще. Сама Британия скользит к банкротству и распаду. Может, желание всецело отдаться таким мелочам, как буханье паркового оркестра, как ощущение солнца на лице, колкой травы под пятками, туманного пива в жилах и тайной близости любимой, — это своего рода идиотизм или эгоистичность? Или эти мелочи — все, что у тебя есть? Может, их-то и надо сберегать? Превратить в хрустальные капли и носить, как амулет на браслете, как оберег от подстерегающей беды?

Хелен шевельнула рукой и незаметно для посторонних глаз коснулась бедра Джулии.

— Как хорошо, правда? — тихо проговорила она. — Почему мы не ходим сюда все время? Лето почти кончилось, а мы его проворонили. Ведь могли бы приходить сюда каждый вечер.

— На будущий год так и сделаем, — ответила Джулия.

— Сделаем. Запомним и сделаем. Правда? Джулия?

Но Джулия ее уже не слушала. Разговаривая с Хелен, она подняла голову, и теперь ее внимание привлекло что-то еще. Под козырьком руки ее взгляд на чем-то остановился, она заулыбалась.

— Кажется... Так и есть! Вот чудеса! — Джулия замахала рукой. — Урсула! — Громкий крик резанул слух. — Сюда!

Хелен приподнялась на локте и посмотрела в сторону, куда махала Джулия. Она увидела стройную миловидную женщину, которая, улыбаясь, шла к ним через лужайку.

— Боже мой! — сказала женщина, подойдя ближе. — Вот уж не думала вас увидеть, Джулия!

Джулия поднялась и отряхнула платье.

— Где были? — спросила она, тоже улыбаясь.

— С другом обедала в Сент-Джонс-Вуд, — ответила женщина. — А сейчас иду в Бродкастинг-Хаус.[12] У нас на Би-би-си нет времени на пикники и всякое такое. Как вы, однако, славно расположились! Чистая пастораль!

Она взглянула на Хелен. Темные, чуть озорные глаза.

---

12 Примечания: 12

Бродкастинг-Хаус — Дом радио, центральное здание Би-би-си в Лондоне, построено в 1930-1931 гг.

— Хелен, это Урсула Уоринг, — представила Джулия. — Урсула, это Хелен Джинивер.

— Хелен, ну конечно! — воскликнула Урсула. — Ничего, что я вас по имени? Я столько о вас слышала. Не пугайтесь, только хорошее.

Она нагнулась пожать руку, и Хелен привстала навстречу. Ей было неуютно сидеть, когда Джулия и Урсула стояли, но вместе с тем она прекрасно сознавала свой «субботний» вид: блузка, которую сама распорола и перекроила по советам рубрики «Справимся сами», и старая твидовая юбка, весьма залоснившаяся на заду. Урсула же выглядела аккуратно, богато и стильно. Волосы убраны под небольшую элегантную шляпу, наподобие мужской. Новенькие перчатки из мягкой кожи, туфли на низком каблуке и с бахромчатыми язычками — подобную обувь ожидаешь увидеть на поле для гольфа, шотландском взгорье или другом подобном дорогостоящем и благотворном месте. Она была совсем иной, чем Хелен ее представляла из рассказов Джулии. В тех описаниях Урсула была старше и безвкусно одетой. Зачем это Джулии понадобилось?

— На передачу вчера успели? — спросила Урсула.

— Конечно, — сказала Джулия.

— Ведь неплохо, а? Как вы считаете, Хелен? По-моему, вышло чертовски здорово. Да еще грандиозный портрет Джулии на развороте «Радио таймс»!

— Он ужасный! — Джулия не дала Хелен ответить. — Я там какая-то жуткая католичка. Будто меня сейчас колесуют или выколют мне глаза.

— Глупости!

Они рассмеялись.

— Слушайте, присоединяйтесь к нам! — предложила Джулия.

Урсула замотала головой.

— Я себя знаю: если сейчас сяду, потом меня уж не поднять. Нет, буду весь день о вас думать и умирать от зависти. Вот же какие вы хитрюги! Конечно, живете совсем рядом. И что за прелесть ваш дом! — Она вновь обратилась к Хелен. — Я сказала Джулии: в жизни не подумаешь, что возле Эджвер-роуд существует такое местечко.

— Вы его видели? — удивилась Хелен.

— Ну так, мельком...

— Урсула заглянула где-то на прошлой неделе, — вмешалась Джулия. — Я же тебе говорила.

— Наверное, я забыла, — сказала Хелен.

— Мне хотелось взглянуть на кабинет Джулии, — объяснила Урсула. — Это так завораживает

— увидеть место, где творит писатель. Хотя не уверена, что завидую вам, Хелен. Не знаю, как бы я отнеслась к тому, что подруга строчит у меня над головой, раздумывая, как лучше расправиться с очередной жертвой: с помощью яда или веревки?

Она по-особому произносит слово «подруга», подумала Хелен, словно хочет сказать: «Конечно, мы друг друга понимаем». Точно намекает: «Мы все «подруги». Урсула сняла перчатки и достала из кармана серебряный портсигар; Хелен отметила ее короткие наманикюренные ногти и скромную печатку на левом мизинце.

Урсула предложила сигарету. Хелен покачала головой, а Джулия взяла, и они с Урсулой завозились с зажигалкой — поднявшийся ветерок задувал пламя.

Потом еще поговорили о «Детективе в кресле», «Радио таймс» и службе на Би-би-си.

— Что ж, мне пора, мои дорогие, — сказала Урсула, докурив сигарету. — Было приятно встретиться. Как-нибудь вы должны заглянуть ко мне в Клэпем. Приезжайте поужинать, или, того лучше, — я устрою маленькую вечеринку. — Взгляд ее опять стал озорным. — Закатим девичник. Что скажете?

— Конечно, с удовольствием, — ответила Джулия, а Хелен промолчала.

Урсула широко улыбнулась:

— Значит, договорились. Я дам вам знать. — Она шутливо пожала Джулии руку. — Пара моих подруг ошалеет от встречи с вами, Джулия. Они ваши почитательницы! — Натягивая перчатки, Урсула взглянула на Хелен. — До свидания, Хелен. Была очень рада увидеть вас живьем.

— Ну вот, — сказала Джулия, снова усаживаясь. Она смотрела, как Урсула быстрым изящным шагом пересекает парк, направляясь в сторону Портленд-Плейс.[13]

— Да, — тускло ответила Хелен.

— Она забавная, правда?

— Наверное. Конечно, это скорее твой тип, нежели мой.

Засмеявшись, Джулия обернулась:

— В каком смысле?

— Я лишь хотела сказать, что она немного напориста... Когда ты приводила ее в дом?

— На прошлой неделе. Я же говорила, Хелен.

— Разве?

— Ты же не думаешь, что я это делала тайком?

---

13 Примечания: 13

Портленд-Плейс — широкая улица в центральной части Лондона, где находится Бродкастинг-Хаус.

— Нет, — поспешно сказала Хелен. — Не думаю.

— Она заглянула всего на минутку.

— Я представляла ее другой. Ты говорила, она была замужем?

— И сейчас замужем. Муж — адвокат. Они живут порознь.

— Я не знала, что она... — Хелен понизила голос, — ну, такая, как мы.

Джулия пожала плечами:

— По правде, я не знаю, кто она. Да, немного странная. Однако вечеринка может быть потешной.

— Ты что, вправду собралась идти? — уставилась Хелен.

— Да, а почему нет?

— Я думала, ты просто из вежливости... «Девичник». Ты же понимаешь, что это значит. — Чуть покраснев, Хелен опустила взгляд. — Там могут быть всякие люди.

Джулия ответила не сразу. Когда заговорила, в голосе слышалось нетерпеливое раздражение:

— Ну и что, что всякие? Нам какое дело? Это же забавно. Ты только представь!

— Разумеется, это станет забавой для Урсулы Уоринг, — не удержалась Хелен. — Выставит тебя

как призовую свинью...

Джулия ее разглядывала.

— Что с тобой? — холодно спросила она. Хелен не ответила. — Ты что... Невероятно! — Джулия засмеялась. — Ты серьезно, Хелен? Все из-за *Урсулы*!

— Нет.

Хелен отодвинулась и грузно плюхнулась навзничь. Сгибом локтя закрыла глаза, отгораживаясь от солнца и взгляда Джулии. Вот Джулия тоже легла. Наверное, взяла книжку — шуршит страницами, ищет место, где остановилась.

Под веками в мельтешении цветных бликов проступили шаловливые темные глаза Урсулы Уоринг. Вот она и Джулия вместе прикуривают сигареты. Вот она шутливо пожимает Джулии руку. Мысль отмотала события назад. Джулия торопится в парк — *Пошли! Давай скорее!* — ее пальцы нетерпеливо выскальзывают из ладони Хелен. Она спешила к Урсуле? Да? Все было подстроено?

Сердце забилось быстрее. Еще десять минут назад она вот так же лежала, наслаждаясь знакомой и тайной близостью бедер Джулии. Желала сохранить это мгновенье, превратить его в хрустальную бусину. Теперь бусина раскололась.

И потом, кто она Джулии? Нельзя склониться и поцеловать ее. Как заявить миру, что Джулия принадлежит ей? Чем она обладает, чтобы удержать ее от измены? Все, что есть: ляжки, как зельц, и лицо луковкой...

Эти мысли бушевали, как и мрак в душе, а Джулия читала, оркестр сыграл финальное «трам-пам-пам» и убрал инструменты, по небу кралось солнце, на желтой траве удлинялись тени. Наконец жуткая паника стихла. Мрак съежился и свернулся. «Какая же ты идиотка, — сказала себе Хелен. — Джулия тебя любит. Но терпеть не может в тебе стерву, нелепое чудище...»

Она шевельнула рукой, чтобы снова коснуться бедра Джулии. Та не шелохнулась, но через секунду ее рука двинулась навстречу. Потом Джулия отложила книгу и приподнялась. Взяла яблоко и нож. Длинной лентой срезала кожуру, разделила яблоко на четвертинки и две передала Хелен. Они ели и как прежде смотрели на беготню ребятишек с собаками.

Потом их взгляды встретились.

— Ну, все прошло? — В голосе Джулии еще слышалась холодность.

Хелен зарделась.

— Да, — ответила она.

Джулия улыбнулась. Доела яблоко и снова улеглась с книгой; Хелен смотрела, как она читает. Глаза Джулии бегали по строчкам, но лицо оставалось неподвижным, замкнутым и бесстрастным, точно восковое.

*

— Ты прямо кинозвезда, — сказал Реджи, когда Вив села в машину. Он изобразил восторженный взгляд. — Можно автограф?

— Поезжай, а? — ответила Вив.

Дожидаясь его, она полчаса парилась на солнце. Они чмокнули друг друга в губы. Реджи отпустил ручной тормоз, и машина тронулась.

Вив была в легком хлопчатобумажном платье, темно-фиолетовой кофте и солнечных очках в светлой пластиковой оправе; вместо шляпы она надела белую шелковую косынку, которую завязала под подбородком. Косынка и очки контрастировали с темными волосами и красной помадой. Вив расправила подол и уселась удобнее; потом опустила стекло, устроила локоть на дверцу и подставила ветерку лицо — как девушка из американского фильма, заметил Реджи. Притормозив перед светофором, он положил руку ей на бедро и восхищенно пробормотал:

— Видели бы меня сейчас ребята из Хендона![14]

Разумеется, от северных районов он держался подальше. Реджи подхватил Вив у вокзала Ватерлоо, пересек Темзу и по Стрэнду двинулся на восток. В часе езды от города у них были свои места: деревеньки Мидлсекса и Кента, где всегда найдутся пивная или кондитерская, а на побережье маленькие пляжи. Сегодня они направились в сторону Челмсфорда и собирались ехать, пока не отыщется симпатичный уголок. Времени вдоволь — вся вторая половина дня. Отцу Вив сказала, что едет с подругой на пикник. Накануне вечером на одном краю стола она готовила сэндвичи, а на другом — отец ставил на башмаки резиновые набойки.

Пропетляв по Сити и Уайтчепелу, машина выехала на более широкую и ровную дорогу; Реджи прибавил скорость и снова положил руку на бедро Вив. Рука нащупала подвязку и по ней двинулась вверх; сквозь тонкое платье Вив ощущала прикосновение ладони и движение пальцев так, словно была голой.

Но почему-то настроение упало.

— Не надо, — сказала Вив, перехватив руку.

---

14 Примечания: 14

Хендон — северо-западный пригород Лондона с аэродромом.

Реджи издал мучительный стон, шутливо вырываясь из ее хватки.

— Какая ты недотрога! Остановиться? Выбирай: либо на ходу, либо съезжаем с дороги.

Он не остановился. Добавил газу. Улицы стали просторнее. На обочине появились рекламные щиты, предлагавшие сигареты «Плейерз», жевательную резинку «Ригли», красители «Джиффи», моющие средства «Вим». Вив села свободнее, наблюдая, как город постепенно разоблачается: разбомбленные викторианские улицы уступили место краснокирпичным эдвардианским особнякам, на смену которым пришли аккуратные домики, похожие на клерков в котелках, а тех сменили бунгало и сборные лачуги. Это походило на путешествие назад во времени; правда, после бунгало и лачуг пошли бескрайние зеленые луга, но, если прищуриться и не обращать внимания на телеграфные столбы и самолеты в небе, можно вообразить себя в любом времени или вообще в безвременье.

Проехали пивную, и Реджи почмокал губами, изображая жажду. Он дотянулся до пиджака, который положил на заднее сиденье, и достал из кармана маленькую фляжку с виски. Вив смотрела, как он подносит ее ко рту. Она видела мягкие

гладкие губы, свежевыбритые подбородок и горло, на которых темными точками уже проступала щетина. Не отрывая глаз от дороги, Реджи неловко глотнул. Из уголка рта сбежала капля виски, и он отер ее тыльной стороной смуглой ладони.

— Глянь на себя, — шутливо проворчала Вив. — Весь обслюнявился.

— Это я на тебя слюни пускаю, — ответил Реджи.

Вив скорчила рожицу. Дальше ехали почти молча.

С час Реджи гнал по трассе, а потом съехал на никак не обозначенное ответвление, которое вывело на тихий проселок, и они поехали куда глаза глядят. Суровый, чопорный, пропыленный Лондон вдруг стал почти нереальным. Стояла осень, но окаймлявшие дорожку высокие живые изгороди были свежи и полны красок; когда Реджи, пропуская встречную машину, прижимался вбок, через окошко цветы роняли на колени Вив лепестки. Залетела бабочка и уселась рядом на спинку сиденья, расправив бумажные, покрытые пыльцой крылья.

Настроение Вив улучшилось. Они показывали друг другу всякие мелочи — старинные церковки, необычные домишки. Вспомнили давнишний

случай, когда заехали в деревеньку, остановились у маленького дома и разговорились с хозяином, который, приняв их за супружескую пару, пригласил к себе и угостил молоком. Сейчас Реджи притормозил у домика, выкрашенного в кремовые тона французского сыра, и сказал:

— Смотри, на задах есть выгон для свиней и кур. Представляю, как ты выплескиваешь помои. Или собираешь в саду яблоки. Пекла бы мне яблочные пироги и огромные пудинги на сале.

— Ты растолстеешь, — заулыбалась Вив, тыча его в живот.

— Это не важно, — увертывался Реджи. — Раз живешь в деревне, полагается быть толстым. — Поглядывая на дорогу, он пригнул голову и посмотрел на верхние окна. — Готов спорить, там чертовски мягкие перины.

— У тебя одно на уме.

— Да, когда ты рядом. Опаньки! — Он вильнул, объезжая изгородь, и снова добавил газу.

Они стали высматривать место, где можно остановиться и перекусить, и выбрали дорожку меж лугами, что уводила к лесу. Вначале дорожка казалась вполне приличной, но чем дальше, тем становилась уже и ухабистей. Машина переваливалась на рытвинах, кусты ежевики стегали

ее по бокам, высокая трава скребла по днищу, точно стремительное течение под шлюпкой. Вив подскакивала на сиденье и смеялась. Реджи хмурился, вцепившись в руль.

— Не дай бог встречный, нам кранты, — сказал он.

Вив поняла, что он думает о том, как все обернется, если вдруг они попадут в аварию, разобьют машину, застрянут...

Внезапно дорожка пошла под уклон, потом свернула, и они оказались на утопавшей в зелени потрясающе красивой опушке возле ручья. Реджи поставил машину на тормоз и выключил мотор; мгновенье они сидели, изумленные и оглушенные покоем этого места. Потом открыли дверцы и стали нерешительно выбираться, чувствуя себя незваными гостями: здесь не было иных звуков, кроме журчанья ручья, криков птиц и шелеста листьев.

— Да уж, это тебе не Пиккадилли, — сказал Реджи, наконец выбравшись из машины.

— Здесь чудесно.

Говорили почти шепотом. Потянулись, размяли затекшие ноги и по густой траве прошли к ручью. Посмотрев вдоль берега, они увидели полускрытое деревьями старое каменное строение

с разбитыми окнами и развалившейся крышей.

— Мельница. — Реджи взял Вив за руку и двинулся к дому. — Вон ось колеса. Наверное, раньше здесь была настоящая река.

Вив потянула назад:

— Вдруг там кто-нибудь есть.

Но никого не было. Дом давно забросили. Сквозь плиты пола росла трава. В стропилах возились голуби, пол укрывали птичий помет, осколки шифера и стекла. Давнишнее кострище, пустые банки и бутылки, на стенах похабные надписи. Банки заржавели, бутылки в серебристой патине.

— Бродяги, — сказал Реджи. — Или дезертиры. И парочки. — Они пошли обратно к ручью. — Точно, это уголок влюбленных.

Вив ущипнула его руку.

— Немудрено, что ты его отыскал.

С наигранной стыдливостью Реджи поднес ее пальцы к губам:

— Ну что тут скажешь? Да, некоторые мужчины наделены этим даром.

Утратив благоговение и осторожность, оба говорили уже в полный голос, словно уверовав, что живописное местечко принадлежит им, что оно лишь ждало, когда они придут и заявят свои

нрава. Пройдя по ручью в другую сторону, они увидели мост. Взошли и, стоя на середине, выкурили по сигарете. Реджи обнял Вив за талию, потом его рука спустилась к ягодицам, поглаживая их большим пальцем и заставляя платье с нижней юбкой скользить по шелку трусиков.

Бросили окурки в ручей и смотрели, как их уносит течением. Вглядевшись пристальнее, Реджи сказал:

— Тут рыба есть! Большая, зараза!

Он спустился к ручью, снял часы и окунул руку.

— Щиплется! — Он взбудоражился, как мальчишка. — Будто стайка девушек целует! Наверное, решили, это рыба-мужик! Во, думают, повезло!

— Они думают, ты — обед, — откликнулась Вив. — Гляди, палец засосут!

— Что ж, девушки это любят, — плотоядно осклабился Реджи.

— Ну да, девицы твоего круга.

Реджи брызнулся водой. Вив засмеялась и отбежала. Стерла попавшие на очки капли, запачкав стекла.

— Ну вот что ты наделал!

Возле машины с открытыми дверцами устроили пикник. На траве расстелили клетчатый плед,

который Реджи достал из багажника. Появились бутылка джина с апельсиновым соком и пара стаканчиков — розовый и зеленый. По обкусанным и побитым краям, царапавшим губы, Вив догадалась, что стаканчики служили детям. К этому она уже привыкла, обижаться без толку. В машине джин нагрелся; от глотка в животе сразу запекло, пришла расслабленность. Вив развернула сэндвичи. Реджи ел быстро и жадно — не успев прожевать, снова кусал и болтал с набитым ртом:

— Это канадская ветчина, да? Знаешь, совсем недурственно.

Он ослабил галстук и расстегнул пуговицу воротничка. Солнце било ему в лицо, заставляя морщиться, отчего на лбу и у носа залегли складки. Ему тридцать шесть, подумала Вив, однако с недавних пор он выглядит старше. Лицо смуглое — след итальянской крови, карие глаза еще очень красивы, но волосы редеют: кожа просвечивала по всему черепу, аккуратной плешки не получалось. Крупные и очень ровные зубы, которые помнились ослепительно белыми, теперь пожелтели. Кожа на горле одрябла, наметились складки возле ушей. Он стал похож на отца, думала Вив, глядя на жующего Реджи. Как-то раз он показал

отцовскую фотографию. Можно дать лет сорок.

Перехватив ее взгляд, Реджи подмигнул, и в душе вспыхнула былая незамутненная нежность. Когда покончили с сэндвичами, он привлек ее к себе, и они улеглись на плед; он обнял ее одной рукой, она щекой пристроилась на твердой теплой выемке между его плечом и грудью. Время от времени она неловко поднималась, чтобы глотнуть джина, потом допила все одним глотком и бросила пустой стаканчик. Реджи потерся лицом о ее волосы, цепляясь колючим подбородком.

Вив смотрела на небо в рамке качающихся верхушек деревьев. Толстые ветви еще сохраняли листья — красные, золотистые и желтовато-зеленые, точно военная форма. Совершенно безоблачное небо синело летней голубизной.

— Что это за птица? — показала Вив.

— Эта? Стервятник.

Вив пихнулась.

— Ну правда, какая?

Реджи глянул из-под руки.

— Пустельга. Видишь, как парит? Готовится пикировать. За мышью.

— Бедная мышка.

— Во, пошла!

Реджи приподнял голову, и Вив щекой почув-

ствовала, как напряглись мышцы его груди. Птица упала камнем и снова взмыла. В когтях ничего не было. Реджи опять улегся.

— Промазала.

— Вот и хорошо.

— Просто у нее тоже обед. Ведь она имеет право перекусить?

— Это жестоко.

— Вот уж не знал, что ты у нас такая мягкосердая, — засмеялся Реджи. — Смотри, второй заход!

Они еще немного полюбовались птицей, восхищаясь ее парением, изящными нырками и взлетами. Чтобы лучше видеть, Вив сняла солнечные очки; Реджи отвлекся от пустельги и смотрел на нее.

— Так лучше, — сказал он. — А то как со слепой разговариваешь.

Вив откинулась на плед и закрыла глаза.

— Тебе к слепой не привыкать.

— Ха-ха.

Немного погодя Реджи перегнулся через нее и что-то взял. Через секунду Вив почувствовала на лице щекотку и махнула по щеке, сгоняя муху. Оказалось, это Реджи щекотал ее концом длинной травинки. Вив снова закрыла глаза — пускай его балуется. Травинка пропутешествовала по

лбу и носу, повторила изгиб губ и вернулась к вискам.

— Ты поменяла прическу, да? — спросил он.

— Сто лет уж как постриглась... Щекотно!

Травинка прижалась плотнее.

— А так?

— Так лучше.

— Мне нравится.

— Что?

— Прическа.

— Да? Ничего особенного.

— Тебе идет... Открой глаза, Вив.

Она открыла, но тотчас снова зажмурилась:

— Солнце бьет.

Реджи поднял над ее лицом руку, создавая тень.

— Теперь можно, открывай.

— Зачем?

— Хочу посмотреть на твои глаза.

Вив засмеялась:

— Чего вдруг?

— Просто хочу.

— С последнего раза ничего нового.

— Это ты так считаешь. Женские глаза всегда разные. Вы как кошки, большинство из вас.

Он щекотал ей лицо, пока она не подчинилась

и снова открыла глаза. По-дурацки распахнула во всю ширь.

— Не придуривайся, — попросил он. Вив сделала нормальные глаза. — Вот так хорошо. — Взгляд его был нежен. — У тебя чудесные глаза. Они прекрасны. Они — первое, что я в тебе заметил.

— А я думала — ноги.

— Ноги тоже.

Он смотрел ей в глаза, потом отбросил травинку, нагнулся и поцеловал. Губами медленно раздвинул ее губы, нежно проникая в рот. От него еще пахло ветчиной; ветчиной и джином. Наверное, от меня тоже пахнет, подумала Вив. Поцелуй длился, но мешала какая-то крошка — то ли мясная, то ли хлебная, — и Реджи оторвался, чтобы снять ее с языка. Когда он вернулся, поцелуй стал грубее, и сам он навалился тяжелее. Рука его прошлась по ее телу от шеи до бедра, потом вернулась наверх и обхватила грудь. Рука была горячая и тискала крепко, почти до боли. Когда она выпустила грудь и задергала пуговицы на платье, Вив ее придержала и подняла голову.

— Вдруг кто-нибудь придет, Редж?

— На мили кругом ни души!

Рука дергала пуговицы.

— Не надо. Помнешь.

— Тогда сама расстегни.

— Ладно. Погоди.

Вив осмотрелась, боясь, что кто-нибудь подглядывает, спрятавшись в тени деревьев. Солнце лупит, как прожектор, место ровное и совершенно открытое. Впрочем, все тихо, слышны лишь ручей, птицы и неутомимая листва. Вив расстегнула две пуговицы, затем, помешкав, еще две. Реджи стянул верх платья на плечи, открыв лифчик; губами приник к шелковой чашке, нащупал и потянул сосок. От прикосновения Вив заерзала. Но вот странно: она желала его сильнее в машине, когда еще проезжали Степни,[15] она хотела его больше, когда стояли на мосту. Губами Реджи крепко впился в грудь, а рука его снова поехала вниз к бедру. Она стала задирать подол, и Вив опять ее перехватила, снова сказав:

— Вдруг кто-нибудь увидит?

Реджи отцепился и отер рот. Потянул плед.

— Накроемся этим.

— Все равно могут увидеть.

— Господи, Вив! Сейчас меня уже не остановит целый отряд герл-скаутов, пройди он мимо! Ей-богу, лопну! Меня весь день распирало при

---

15 Примечания: 15

Степни — рабочий район Лондона.

мысли о тебе!

Брехня, подумала она. Сплошной треп — и здесь, и в машине; уже вообще ничего не хотелось. Реджи натянул сверху плед, подоткнул с боков и снова полез к ней между ног. Вив крепко сжала бедра. Встретив его взгляд, помотала головой — пусть думает, что хочет.

— Я сама... — сказала она и, одну за другой расстегнув пуговицы на ширинке, рукой скользнула внутрь.

От прикосновения Реджи застонал и дернулся.

— О Вив! Господи, Вив! — бормотал он.

Резинка его трусов мешала и резала руку; чуть погодя, Реджи сам выпростался и прикрыл ее руку своей. Он крепко зажмурился, но руку так и не убрал; в конце вообще показалось, что он вполне мог бы справиться своими силами. Клетчатый плед над кулаками вздымался и опадал. Пару раз Вив приподнимала голову и тревожно оглядывалась.

Рука работала, а в голове роились воспоминания о годах, когда Реджи служил в армии. Встречаться приходилось в гостиничных номерах — грязных комнатках, но это не имело значения. Главное — они были вместе. Соединение тел, ощущение кожи и дыхания другого.

Вот что такое, когда тебя распирает при мысли о другом. Не как сейчас. Без шуточек о пуховых перинах и уголках влюбленных.

В самую последнюю секунду он стиснул ее руку, устроив ловушку для спермы. Потом со смехом отвалился, потный и раскрасневшийся. Вив не сразу убрала руку. Реджи приподнял голову, отчего кожа на горле собралась гармошкой. Его тревожило состояние брюк.

— Не пролилось?

— Надеюсь.

— Осторожнее.

— Сама осторожность.

— Умничка.

Реджи заправился и застегнул пуговицы. Вив огляделась в поисках платка или салфетки, но в конечном счете вытерла руку о траву.

— Очень полезно для земли, — одобрительно усмехнулся Реджи. Он был полон жизни. — Тут вырастет дерево. Однажды придет девушка без трусиков, влезет на него и с моей помощью станет женщиной. — Он раскинул руки. — Иди поцелуй меня, прелесть моя!

Его непосредственность просто удивительна, подумала Вив. Однако именно его пороки и недостатки она любила больше всего. Потратила

жизнь на его слабости — просьбы о прощении, обещания... Она снова легла в его объятия. Он зажег сигарету, и они вместе курили, глядя на верхушки деревьев. Пустельга исчезла; неизвестно, поймала она свою мышку или отправилась за другой. Небесная синева поблекла.

Сентябрь — даже конец сентября — это все же не лето; Вив зябко поежилась. Реджи потер ей руки, но вскоре оба сели, допили оставшийся джин, а потом встали, отряхивая одежду. Реджи вывернул манжеты брюк и вытряс траву. Одолжившись ее носовым платком, стер с губ следы помады и пудры. Отошел в сторонку, повернулся спиной и отлил.

— Стой здесь, — сказала Вив, когда он вернулся, и сама зашла в кусты; задрала подол, спустила трусики и присела на корточки.

— Гляди, там крапива! — крикнул Реджи, хотя не заметил, куда она пошла, и за кустами ее не видел.

Вот он причесался, нагнувшись к автомобильному зеркальцу. Сполоснул в ручье стаканчики. Вив посмотрела на руку. Засохшая сперма превратилась в изящное кружево; она потерла пальцы, и белые хлопья, спорхнув на землю, затерялись в траве.

*

К семи Реджи должен был вернуться домой, а часы показывали уже половину пятого. Снова прогулялись к мостику; постояли, глядя на воду. Опять сходили к развалившейся мельнице; рядом с похабными надписями осколком стекла Реджи выцарапал инициалы «РН, ВП» и сердце, пронзенное стрелой.

Отбросив стекляшку, взглянул на часы:

— Пожалуй, надо ехать.

Они вернулись к машине. Вив вытрясла плед, Реджи его свернул и вместе со стаканчиками убрал в багажник. На месте пледа остался квадрат примятой травы. Он портил красоту опушки; Вив ногами взбила траву.

Все это время машина простояла на солнце. Вив села и о горячую кожу сиденья обожгла ногу. Плюхнувшись рядом, Реджи протянул носовой платок — подстелить.

Он нагнулся и поцеловал ее в бедро. Она коснулась его головы — темных напомаженных завитков, сквозь которые просвечивала бледная кожа. Окинула взглядом опушку в буйной зелени и тихо сказала:

— Вот бы здесь остаться.

Реджи ткнулся лицом в ее колени.

— Мне тоже этого хочется. — Слова звучали глухо. Он вывернул голову и посмотрел ей в глаза. — Ведь ты... Ты же знаешь, мне самому противно. Если б я мог что-то изменить... Ну, все это...

Вив кивнула. Сказать нечего, все уже сказано прежде. Он еще полежал на ее коленях, снова поцеловал в бедро и выпрямился. Повернул ключ — мотор ожил. В тишине урчанье мотора казалось ужасно громким — такой же странно оглушающей показалась сама тишина, когда они только приехали.

Реджи развернулся и медленно проехал к ухабистой дорожке, которая вывела на проселок; не притормаживая, миновал домик сырного цвета, а затем выехал на лондонское шоссе. Машин заметно прибавилось. Все возвращались с вылазок за город. Стоял несмолкаемый шум моторов. Низкое солнце светило в глаза, заставляя щуриться; иногда при повороте дороги оно отступало в сторону или на минуту скрывалось за деревьями, но потом, розовое и разбухшее, вновь появлялось, став еще больше.

От солнца, тепла да еще, наверное, выпитого джина Вив сморило. Она прилегла на плечо Реджи и закрыла глаза. Он потерся щекой; потом

изредка поворачивал голову, целуя ее волосы. Вдвоем они тихонько напевали старые песни — «Мне нечего тебе дать, кроме любви» и «Пока, дрозд, пока».

Постель постели, свечу запали,
Жди меня в ночи.
Пока, дрозд, пока.

На подъезде к лондонским окраинам Вив зевнула и нехотя выпрямилась. Попудрилась, освежила помаду. Машин в потоке вдруг стало с чертову уйму. Реджи хотел проскочить через Поплар и Шедуэлл, но там было не лучше. В конечном счете они застряли в пробке на Тауэр-Хилл. Реджи то и дело смотрел на часы.

— Высади меня здесь, — сказала Вив.

— Погоди, сейчас, — беспрестанно повторял он. Его бесило, что приходится пропускать другие машины. — Ну чтоб этому хмырю впереди чуть-чуть... Господи! Вот из-за таких мудаков...

Машина тронулась. Перед выездом на Стрэнд они попали в новую пробку на Флит-стрит. Реджи поискал объезд, но боковые улицы забили машины, водителям которых пришла та же идея. Он барабанил пальцами по рулю и чертыхался. Опять посмотрел на часы.

Под его настроением Вив напряглась и даже чуть съехала на сиденье, чтобы не попасться кому-нибудь на глаза, но мыслями была еще в лесу, не желая расставаться с мельницей, ручьем, мостом и тишиной. Это тебе не Пиккадилли... Перед отъездом Реджи вымел из машины лепестки и травинки, что натрусились с живых изгородей. Тыкал пальцем в бабочку, пока та не встрепенулась и упорхнула.

Вив смотрела на освещенные витрины магазинов с коробками бутафорских конфет и фруктов, флаконами духов и бутылками, где подкрашенная вода изображала и вино «Пармские ночи», и виски «Ирландское солодовое». Машина двигалась еле-еле. Наконец они подползли к кинотеатру «Тиволи». Вив тоскливо оглядывала очередь за билетами, девушек с кавалерами, мужей с женами. В сумерках цветные огни кинотеатра казались еще ярче и зазывнее, чем в темноте. Глаз цеплял маленькие бессвязные детали: сверканье сережки, блеск напомаженных волос, хрустальный перелив брусчатки.

Реджи затормозил и вдавил клаксон. Какой-то человек неспешно пересек дорогу перед машиной и невозмутимо двинулся дальше. Реджи вскинул руки:

— Уж простите, что разъездился, мистер! Твою мать!..

Он с ненавистью проводил взглядом лениво шагавшую по тротуару фигуру, но вдруг лицо его переменилось. Что-то в ней не так. Реджи засмеялся и подтолкнул Вив:

— Ошибочка вышла. Что скажешь? Это не мистер, а мисс.

Вив повернулась к окну и увидела Кей, в куртке и брюках. Из серебряного портсигара она достала сигарету и небрежным изящным жестом постучала ею по крышке, прежде чем сунуть в рот.

— В чем дело, черт возьми? — изумленно спросил Реджи.

Потому что Вив вскрикнула. Живот свело, точно от удара под дых. Вив закрылась рукой, еще ниже пригнулась на сиденье и заполошно сказала:

— Трогай! Поезжай!

Реджи разинул рот.

— Да что случилось?

— Просто поезжай! Пожалуйста!

— Куда ехать-то? Ты что, чокнулась?

Дорога впереди была забита машинами. Вив заметалась, точно в муке. Обернулась на Флит-стрит и в отчаянье спросила:

— А туда можешь?

— Куда-туда?

— Откуда приехали.

— Откуда приехали? Ты совсем, что ли...

Вив хваталась за руль.

— О господи! — Он оттолкнул ее руку. — Ладно, ладно!

Реджи глянул через плечо и стал осторожно разворачиваться. Засигналила машина сзади. Водители, направлявшиеся к Ладгейт-Серкус, смотрели на него как на сумасшедшего. Он весь взмок, пока, матерясь и меняя передачу, медленно развернулся.

Вив не поднимала головы, но раз оглянулась. Кей стояла в очереди в кассу; она чиркнула зажигалкой, и вспыхнувшее в сумерках пламя осветило лицо и руки. Вспомнился ее голос: «Тихо, Вивьен». Время не стерло жутких воспоминаний: крепкая хватка, склонившееся лицо. «Вивьен, тихо».

— Слава тебе господи! — выдохнул Реджи, когда они медленно тронулись в обратном направлении. — Да уж, не привлекли внимания! Что произошло? Ты как?

Вив не ответила. Казалось, скрежет передач и рывки машины отдаются во всем теле. Она обхватила себя руками, словно стараясь не разва-

литься на части.

— Ну, что такое? — спрашивал Реджи.

— Я увидела знакомых, только и всего, — наконец ответила Вив.

— Знакомых? Кого?

— Просто знакомых.

— Просто знакомых! Уж они-то, наверное, нас разглядели. Черт!

Он бубнил не переставая. Вив не слушала. Наконец они остановились на какой-то улочке возле моста Блэкфрайарз; Вив сказала, что отсюда доедет автобусом, Реджи не спорил. Он заехал в тихий проулок и притянул ее к себе для поцелуя, потом ее же платком вытер рот. Заодно отер вспотевший лоб и сказал:

— Ну и поездочка!

Он говорил так, словно весь день был сплошным мученьем, словно уже забыл о ручье, развалившейся мельнице, инициалах на стене. Его руки и губы вдруг показались отвратительными. Захотелось домой, быть одной, подальше от него.

Она уже собралась выйти, но Реджи ее придержал. Пошарил под приборной доской и что-то достал из бардачка. Оказалось, две банки тушенки: говяжья и свиная.

Вив машинально взяла. Положила в сумку. Но потом что-то в ней лопнуло, и она взбеленилась. Сунула банки обратно.

— Не нуждаюсь, — выпалила она. — Забери — жене отнесешь!

Банки упали на сиденье и скатились на пол.

— Вив! — Реджи удивился и обиделся. — Ну не надо так! Чем я провинился? Что такое, черт побери? Вив!

Она выбралась из машины, хлопнула дверцей и пошла прочь. Реджи перегнулся через сиденье, опустил стекло и окликнул:

— В чем дело? — В голосе еще слышалось удивление. — Я-то при чем? Чего ты... — Потом голос стал грубее; наверное, не столько от злости, сколько от усталости. — Ну что, что я сделал?

Вив не оглянулась. Свернула за угол, и голос стих. Наверное, Реджи завел машину и уехал. Вив встала в очередь на остановке и минут десять ждала автобуса; Реджи не появился.

Дома было полно народу. Пришла Памела с мужем Говардом и тремя сынишками. Принесли отцу гостинец — чай. Сестра грела на плите воду, в узкой кухоньке было жарко и тесно. Свешиваясь чуть не до пола, сохло белье; стирку наверняка устроила Памела. Во всю мощь орало радио.

Говард уселся на кухонный стол. Два старших мальчика носились по квартире, малыш сидел у деда на коленях.

— Хорошо съездила? — спросила Памела. Она тщательно вытирала руки, пропихивая полотенце между пальцами. Окинула сестру взглядом. — Ты подзагорела. Везет же некоторым.

Вив подошла к зеркалу над раковиной, перед которым обычно брился отец. Лицо бледное, в розовых пятнах.

— Жарко было, — сказала она. — Привет, пап.

— Все хорошо, милая? Как пикник?

— Нормально. Как дела, Говард?

— Все путем, Вив. Стараемся, так сказать. Как тебе погодка? Надо же...

Зять вечно болтал без умолку. Еще эти мальчишки. Лезли со своими пугачами, показывая, как они заряжаются пробками и шумно стреляют. Отец не сводил глаз с губ говорящих, кивал, улыбался и сам шевелил губами — он был глух как пень. Малыш вырывался из его рук, тянулся к пугачам, хотел слезть на пол.

Вив подошла к отцу, и он сунул ей племянника, радуясь избавлению:

— Хочет к тебе, милая.

Вив замотала головой:

— Пузан слишком тяжелый. В нем тонна, не меньше.

— Дай сюда, — сказала Памела. — Морис... Какого черта ты расселся, Говард?

Шум стоял невообразимый. Вив сказала, что пойдет к себе снять туфли и чулки. Прошла в свою спальню и закрыла дверь.

Секунду она постояла, не зная, что с собой делать: может, поплакать или сказаться больной?.. Но плакать нельзя, когда за стенкой отец и сестра. Вив села на кровать, потом легла, руками обхватив живот; нет, лежать еще хуже. Она опять села. Затем встала. Избавиться от неожиданного потрясения никак не удавалась.

Вив сделала шаг, но замерла и, наклонив голову, прислушалась к звукам, перекрывшим бормотанье радио, — показалось, что в прихожей Памела или кто-то из мальчиков. Нет, вроде никого. С минуту Вив стояла в нерешительности, покусывая руку.

Потом быстро прошла к шкафу и раскрыла дверцу.

Шкаф был набит всяким хламом. Рядом с ее платьями висела старая школьная одежда Дункана и даже несколько древних маминых платьев, которые отец никак не соглашался выбросить.

Над перекладиной была полка, где хранились свитеры. За ними лежали альбомы с фотографиями, старые блокноты с автографами, старые дневники и всякое такое.

Вив наклонила голову и снова прислушалась к шагам в прихожей; потом сунула руку в тень за альбомами и достала табачную жестянку. Банка нашлась легко, словно ее вынимали каждый день, хотя на самом деле Вив спрятала ее три года назад и с тех пор не трогала. Плотно надетая крышка не поддавалась. Пришлось подковырнуть монетой. Крышка отошла; Вив мешкала, беспокойно прислушиваясь, не идет ли кто.

Потом сняла крышку.

В жестянке лежал тряпичный сверточек. В нем — кольцо, простенькое золотое колечко, довольно старое, отмеченное вмятинами и царапинами. Секунду Вив подержала его на ладони, потом надела на палец и прикрыла рукой глаза.

*

Без десяти шесть, когда механики выключили насосы свечных машин, от внезапно наступившей тишины зазвенело в ушах. Точно вынырнул с глубины. Девушки за верстаком восприняли тишину как сигнал подготовки к уходу: вынули

помады, пудреницы и прочее. Женщины постарше свернули сигареты. Лен достал из брючного кармана расческу и пробежался по волосам, в хлыщеватой манере зачесанным за уши. Потом убрал расческу и склонился к Дункану, ловя его взгляд.

— Угадай, чем я займусь вечером, — сказал он и, оглянувшись на работниц, понизил голос: — Веду бабца на Уимблдонский пустырь. Станок — закачаешься! — Лен обрисовал формы и, закатив глаза, присвистнул: — Мамочки мои! Семнадцать лет! Есть сестра. Тоже клевая, но за пазухой поменьше. Что скажешь? Чего у тебя вечером?

— Сегодня? — промямлил Дункан.

— Пошли с нами? Сестрица — отпад, точно говорю. Тебе какие нравятся? Я всяких знаю. Больших, маленьких. Устрою только так! — Лен щелкнул пальцами.

Дункан не знал, что сказать. Он постарался представить толпу девушек. Но все они походили на восковую фигурку, которую вылепил Лен: изгибы, выпуклости, волнистая копна волос и тупое грубое лицо. Слабо улыбнувшись, Дункан помотал головой.

— Гляди, проморгаешь свое счастье. — Лен был раздосадован. — Телка бесподобная. Ее парень

сейчас в армии. Она привыкла, чтоб регулярно, ей прям свербит. Точно говорю, если б сестренка не была такой охочей, я б сам ею занялся...

Лен балаболил до самого гудка.

— Тебе же хуже, — сказал он, вставая. — Ладно, вспомни меня в десять вечера!

Он подмигнул карим цыганистым глазом и поспешил к выходу, слегка переваливаясь с боку на бок, словно тучная старуха, — левая нога была короче и заедала в колене.

Работницы тоже в момент собрались.

— Счастливо, Дункан! — бросали они на ходу. — Пока, лапуля! До понедельника!

Дункан кивал. Он терпеть не мог фабричную атмосферу на исходе дня — наигранную безудержную веселость, толчею у выхода. По субботам было хуже всего. Некоторые буквально бежали, чтобы первыми оказаться у ворот. Рабочие, у кого имелись велосипеды, устраивали гонки; минут десять-пятнадцать фабричный двор напоминал раковину, из которой выдернули затычку. Дункан всегда искал повод, чтобы потянуть время и задержаться. Сегодня он взял веник и подмел обрезки воска и фитиля вокруг своего табурета. Потом очень медленно прошел в раздевалку и надел куртку; заглянул в уборную, причесался.

Когда он вышел наружу, двор почти опустел; Дункан немного постоял на крыльце, привыкая к ощущению пространства и смене температуры. Из-за воска в цехе поддерживали прохладу, а на улице было тепло. Солнце садилось; возникло смутное безрадостное чувство, что время — не фабричное, а подлинное, настоящее — прошло и он его упустил.

Понурившись, Дункан побрел через двор, и тут услышал, что его окликают: «Пирс! Эй, Пирс!» Он поднял голову, и сердце в груди бухнуло, потому что он уже узнал голос, но не поверил себе. У ворот стоял Роберт Фрейзер. Он выглядел так, словно долго бежал. Без шапки, как и Дункан. Раскраснелся, приглаживает волосы.

Дункан прибавил шагу. Сердце все еще скакало.

— Ты как здесь? — спросил он. — Что, провел тут весь день?

— Нет, я вернулся. — Фрейзер все не мог отдышаться. — Боялся, что пропустил тебя! Гудок услышал, когда был еще за три улицы отсюда. Ты не против? Я как ушел, все думал, какой бред, что ты здесь и... Ладно. У тебя часок найдется? Я подумал, может, выпьем вместе? Я знаю тут одну пивную возле реки...

— Пивную? — переспросил Дункан.

Глянув на его лицо, Фрейзер рассмеялся:

— Ну да, а что такого?

Дункан сто лет не был в пивной, и мысль о том, чтобы сесть с Фрейзером за столик и самым обычным образом дернуть пивка, невероятно будоражила, но и пугала. Еще он подумал о мистере Манди, который будет ждать его дома. Представил накрытый к чаю стол: аккуратно разложены ножи и вилки, солонка и перечница, уже разведенная в горшочке горчица...

Видимо, Фрейзер угадал его нерешительность.

— Понятно, у тебя другие планы. — Казалось, он огорчился. — Ну ничего. Я так, на всякий случай. Тебе в какую сторону? Я пройдусь с тобой...

— Нет, все нормально, — поспешно сказал Дункан. — Если на часок...

Фрейзер хлопнул его по плечу:

— Молодчина!

Он двинулся к Шепердз-Буш-Грин — в сторону, противоположную обычному маршруту Дункана. Фрейзер шел легко и свободно, засунув руки в карманы, расправив плечи и временами вскидывая головой, чтобы отбросить непослушную прядь. В лучах вечернего солнца его волосы казались совсем светлыми, все еще разгоряченное

лицо слегка вспотело. Когда они пробрались сквозь плотный поток машин, он платком отер лоб и шею.

— Срочно требуется выпить! — сказал Фрейзер. — И не раз! Я с двух часов околачивался в Илинге — готовил зарисовку о свиноферме. Фотограф больше часа уговаривал хавронью принять задумчивый вид. Нет, Пирс, со свиньей я встречусь теперь лишь на блюде, когда ее украсят шалфеем и луковыми перьями.

Он не умолкал всю дорогу. Рассказал о других своих репортерских заданиях: о конкурсе красоты младенцев и доме с привидениями. Дункан слушал вполуха, чтобы вовремя кивнуть или усмехнуться. В основном он разглядывал спутника, привыкая к необычности того, что видит его на улице, в нормальной одежде. Вероятно, и Фрейзер был занят чем-то подобным, ибо вдруг замолчал и взглянул на Дункана с некоторой грустью.

— Офигительно странно, правда? Так и ждешь, что сейчас появятся Дуло или Гарнир и загавкают: «Из камер не выходить! Отдзынь! Встать к дверям!» В прошлом году я видел Эрика Уэйнрайта. Помнишь его? Уверен, он меня тоже видел, но притворился, что не замечает. Шел по

Пиккадилли с какой-то жуткой шлюхой. А пару месяцев назад на политическом митинге столкнулся с Деннисом Уотлингом. Этот хмырь во всю глотку разорялся о тюрьмах, словно провел там двенадцать лет, а не месяцев. По-моему, он был мне совсем не рад. Наверное, решил, что я его подсиживаю.

Теперь они шли по Хаммерсмиту, пересекая унылые улицы с жилыми домами, но вскоре, по указке Фрейзера, свернули в сторону. Атмосфера района стала меняться. Жилье сменяли большие строения, пакгаузы, цеха; запахи стали унылей, кислее и резче. Дрянное дорожное покрытие исчезло, обнажив мостовую со скользкими, будто в смазке, булыжниками. Здешних мест Дункан совсем не знал. Фрейзер уверенно шагал вперед, и приходилось поспешать, чтоб не отстать. Внезапно Дункан занервничал. «На кой ляд я сюда приперся?» — думал он. Фрейзер стал казаться чужаком. Пришла нелепая мысль: может, он сумасшедший и заманил, чтобы убить? Неизвестно, зачем это Фрейзеру понадобилось, но сумасбродная идея не отставала. Дункан представил себя задушенным или зарезанным. Интересно, кто обнаружит тело? Возникла картинка: полицейские сообщают отцу и Вив, что его нашли в стран-

ном месте, а те знать не знают, почему он там оказался.

Неожиданно они еще раз свернули и вышли на свет, к реке. Здесь-то и была пивная, куда устремлялся Фрейзер: деревянное, удивительно древнее строение, которое сразу напомнило диккенсовского «Оливера Твиста». Дункан был очарован. Забылись все страхи, что его зарежут или удушат. Он остановился и, коснувшись руки Фрейзера, сказал:

— Слушай, какая прелесть!

— Правда? — ухмыльнулся Фрейзер. — Я знал, что тебе понравится. Пиво здесь тоже неплохое. Пошли. — Он провел Дункана через узкую, покосившуюся дверку.

Внутри заведение оказалось не таким прелестным, как сулила его наружность: самый обычный бар, где стены украшала всякая ерунда — конская сбруя, железные грелки, мехи. Сейчас, в половине седьмого, здесь было уже весьма людно. Фрейзер протолкался к стойке и взял двухлитровый кувшин пива. Он кивнул на дверь в конце комнаты, которая выходила на террасу с видом на реку; однако народу там оказалось еще больше, чем в баре. Сквозь людскую давку они протиснулись обратно на улицу. К реке вела лестница. С верх-

ней ступеньки Фрейзер огляделся.

— На берегу полно места, — сказал он. — Как раз отлив. Замечательно. Пошли.

С кувшином и стаканами в руках они осторожно спустились по лестнице. Берег был весь в иле, но полуденное солнце его уже слегка подсушило. Отыскав местечко у основания парапета, Фрейзер подстелил пиджак, и они уселись рядом, почти соприкасаясь плечами. Теплый парапет был помечен Темзой: на высоте примерно шести футов четко просматривалась граница, где позеленевшие от воды камни сменялись неизменно серыми. Сейчас был отлив, и река выглядела до нелепого узкой — казалось, на цыпочках легко перейдешь с берега на берег. Дункан смежил глаза, сделав картинку расплывчатой, и на миг представил, как поднявшаяся вода его поглотит. Камни грели спину, он чувствовал толчки соседа, когда тот расстегивал манжеты и закатывал рукава. Фрейзер налил пиво.

— Твое здоровье, — сказал он, подняв стакан. В три-четыре глотка осушил и отер рот. — Уф! Так оно лучше, а? — Налил еще и снова выпил.

Потом залез в карман и вынул трубку с кисетом. Дункан наблюдал, как он священнодействует с трубкой: длинными смуглыми пальцами на-

бирает пряди табака и утрамбовывает в чашку. Заметив взгляд Дункана, Фрейзер улыбнулся:

— Маленько иначе, чем прежде, да? Это первое, что я купил, когда вышел.

Он закусил черенок, чиркнул спичкой и поднес пламя к чашке; горло его напряглось, щеки всасывались и раздувались, как бока грелки или, если романтичнее, испанского бурдюка. Ветерок подхватывал и уносил голубоватый дым.

Некоторое время они просто сидели и потягивали пиво, из-под козырька руки глядя на сказочно розовое солнце, разбухавшее в небе бабьего лета. Его тепло растревожило вонь речного дна, но сетовать на нее в столь очаровательном месте не хотелось. Дункан представил матросов на лихтерах, контрабандистов, просмоленные шлюпки...

— Глянь на ребятню! — засмеялся Фрейзер.

Вдалеке появилась стайка мальчишек. Скинув рубашки, ботинки с носками и закатав штаны, они бежали к воде в той ежливой девчачьей манере, какую обретают даже мужчины, ступая по острым камушкам. Добежав до реки, мальчишки стали брызгаться и дурачиться. Они были гораздо моложе Дункана и Фрейзера — лет четырнадцати-пятнадцати. Тощие и стройные, с несоразмерно большими кистями и ступнями.

Казалось, жизнь в них бьет через край, награждая неуклюжей угловатостью.

Публика на террасе, тоже заметившая мальчишек, подбадривала их одобрительными криками. Пацаны стали кидаться друг в друга илом; один грохнулся в самые залежи и встал весь черный, похожий на причудливый манекен, какие проносят в уличных шествиях. Потом зашел в воду, нырнул и появился чистый, тряся мокрыми волосами.

Рассмеявшись, Фрейзер подался вперед, приложил ко рту руку и тоже заулюлюкал. Он сам выглядел полным жизни мальчишкой: сильно загорелые руки, отросшие непокорные волосы.

Все еще улыбаясь, Фрейзер откинулся к парапету, пососал трубку и снова чиркнул спичкой, пряча пламя в ковшике ладони. Раскуривая, он чуть исподлобья смотрел на Дункана; но вот табак занялся, Фрейзер отбросил спичку, вынул изо рта трубку и сказал:

— Надо ж было нам так столкнуться, а?

Сердце Дункана ухнуло. Он промолчал.

— Я весь день об этом думал, — не унимался Фрейзер. — Вот уж не ожидал, что ты работаешь в таком месте.

— Правда? — Дункан взял свой стакан.

— Конечно! Та еще работа и тот еще народ. Это ж почти богадельня, нет, что ли? Как ты терпишь?

— Другие-то терпят. А я чем лучше?

— Чего, тебя вправду не трогает?

Дункан задумался.

— Мне запахи не очень нравятся, — наконец сказал он. — Пропитывают одежду. Еще иногда от шума болит голова, а из-за ленты мельтешит перед глазами.

— Вообще-то я не про то, — нахмурился Фрейзер.

Дункан понимал, что Фрейзер говорит о другом. Но вздернул плечо и продолжил с той же беспечностью:

— Работа легкая. Вообще-то, мало чем отличается от вышивания. Голова свободна — думай о чем хочешь. Мне нравится.

Казалось, Фрейзер озадачен.

— А тебе не хотелось бы заняться чем-то слегка... ну, поинтереснее?

Дункан фыркнул:

— Не важно, чего бы мне хотелось. Представь физиономию клерка из службы занятости, если я стану говорить, мол, хочу того и не хочу этого? Слава богу, есть хоть такая работа. У тебя подругому. Если б ты был как я... в смысле, с моим

прошлым... — Он сбился и стал ковырять прибрежный мусор — камушки, осколки фарфора и ракушек. Фрейзер ждал продолжения. — Не стоит об этом говорить. Скукота. Расскажи лучше, чем ты занимался.

— Сначала я хочу узнать о тебе.

— Да узнавать-то нечего. Ты уже все знаешь. — Дункан улыбнулся. — Расскажи, где побывал. Ведь ты написал мне из поезда.

— Я написал?

— Ну да. Сразу, как вышел. Не помнишь? Письмо, конечно, оставить не разрешили, но я его прочел раз пятьдесят. Буквы скакали, а бумага была в пятнах — ты написал, лукового сока.

— Луковый сок? — задумался Фрейзер. — Ах да, теперь вспомнил! В поезде ехала женщина с луком, а мы его три года не видели. У кого-то нашелся нож, мы разрезали и съели сырую луковицу. Полный восторг!

Он рассмеялся и прихлебнул пиво — кадык дернулся, точно пойманная рыба.

Видимо, это был поезд, которым он ехал в Шотландию, сказал Фрейзер; там было что-то вроде лесоповала, где его с другими отказниками держали до конца войны.

— Потом я вернулся в Лондон и нашел работу

в одной конторе, занимавшейся беженцами: составлял списки, подыскивал жилье, устраивал детей в школу. — Вспоминая, Фрейзер покачал головой. — Такого наслушался — у тебя бы волосы дыбом встали. Истории людей, которые потеряли все. Русские, поляки, евреи рассказали о лагерях такое — поверить невозможно. Что писали в газетах, полная фигня... Этим занимался год. Больше не выдержал. Еще немного, и я бы вышиб себе мозги!

Фрейзер улыбнулся, но затем сообразил, что сказал, и, встретив взгляд Дункана, покраснел, однако тотчас снова заговорил, скрывая промашку. Беженцами он занимался до прошлой осени, потом стал пробовать себя в журналистике с прицелом на работу в политических журналах. Приятель нашел ему «халтуру», которую он до сих пор не бросил, надеясь, что подвернется что-нибудь серьезнее. Пару месяцев кантовался с девушкой, но у них не сложилось — здесь Фрейзер снова покраснел. Она тоже занималась беженцами.

Говорил Фрейзер ладно и бегло — точно радиокомментатор. Хорошо поставленный голос звучал отчетливо, и пару раз Дункан морщился, понимая, что речь приятеля разносится по бере-

гу, достигая ушей других выпивающих. Фрейзер вновь стал казаться чужаком. Не получалось представить его на шотландском лесоповале или с девушкой в Лондоне; он возникал лишь в том образе, каким Дункан привык ежедневно видеть его в тесной камере Уормвуд-Скрабз:[16] вот он, накинув на плечи грубое тюремное одеяло, хлебом вытирает чашку с какао; вот он стоит у окна, его длинное бледное лицо освещено луной и разноцветными всполохами.

Дункан уставился в стакан и не сразу осознал, что собеседник замолчал и смотрит на него.

— Я знаю, о чем ты думаешь, — сказал Фрейзер, встретив его взгляд. Он говорил тише и казался смущенным. — Стараешься представить, каково мне было работать с беженцами, слушать все эти истории и сознавать, что сам я ничего не делал, когда другие воевали. — Он бросил камешек, и тот заскакал по берегу. — Было противно, если хочешь знать. Я был противен себе — не потому что отказался воевать, а потому что моего протеста было мало. Потому что в начале войны не особо старался найти иные пути и убедить других попытаться вместе их отыскать. Противно,

16 Примечания: 16

Уормвуд-Скрабз (Полынные заросли) — лондонская тюрьма для тех, кто совершил преступление впервые.

оттого что я здоров. И просто потому, что жив. — Фрейзер опять покраснел и, глядя в сторону, сказал еще тише: — Кстати, я думал о тебе.

— Обо мне?

— Вспоминал... ну, что ты говорил.

Дункан вновь уставился в стакан.

— Мне казалось, ты совсем забыл про меня.

— Не глупи! — подался вперед Фрейзер. — Просто со временем завал. У тебя нет, что ли?

Дункан молчал. Подождав ответа, Фрейзер отвернулся, несколько раздраженно. Он глотнул пива, завозился с трубкой и пососал черенок, отчего его щеки вновь превратились в бурдюк.

«Жалеет, что позвал меня, — решил Дункан, выколупывая из земли камешек. — Удивляется, на кой черт ему это понадобилось. Прикидывает, как поскорее от меня избавиться». Он вновь подумал о мистере Манди, который ждал его к чаю; наверное, смотрит на часы или даже беспокойно выглядывает на улицу...

Дункан снова почувствовал взгляд Фрейзера. Повернулся, их взгляды встретились. Фрейзер улыбнулся:

— Я уж и забыл, какой ты скрытный, Пирс. Привык к ребятам, которым лишь бы потрепаться.

— Извини, — сказал Дункан. — Можем уйти,

если хочешь.

— Бог с тобой, я не это имел в виду! Просто... Так ничего о себе и не расскажешь? Я болтал как ненормальный, а ты и слова не вымолвил... Не доверяешь мне?

— Не доверяю? Да нет. Вовсе нет. Просто нечего рассказывать, только и всего.

— А ты попробуй! Не отвиливай, Пирс. Давай!

— Да нечего рассказывать.

— Что-нибудь да найдется. Я вот даже не знаю, где ты живешь. Ну, где ты живешь? Рядом с фабрикой?

Дункан заерзал.

— Да.

— В доме? В квартире?

— Ну... — Дункан снова поерзал, не зная, как избежать ответа. — В доме, — сказал он и, помолчав, добавил: — В Уайт-Сити.

Как он и предполагал, Фрейзер выпучил глаза:

— В Уайт-Сити? Брось! Рядом с тюрягой? Как же ты терпишь? Мне вон и Фулем кажется слишком близким. Уайт-Сити... — Он изумленно покачал головой. — Но почему там? Ведь твои родные... — Фрейзер припоминал. — Кажется, они жили... Где, в Стритеме?

— Я не с ними живу, — машинально сказал

Дункан.

— Не с ними? Почему? Ведь они тебя навещали. У тебя сестры, да? Одну я запомнил... Как же ее звали? Валерия?.. Вив! — Фрейзер дернул себя за волосы, — Господи, все вспоминается! Она приходила на свидания. Такая добрая. Не то что моя чертова сестрица. Вы что, поругались?

— Дело не в ней, — сказал Дункан. — В остальных. Мы и раньше-то не ладили, а после... Ну, ты понимаешь. Когда я вышел, стало еще хуже. Муж старшей сестры меня на дух не переносит. Я раз услышал, что он говорит обо мне дружкам. Назвал меня... маленьким лордом Фаунтлероем, еще — Мэри Пикфорд...[17] Чего смешного-то? — вскинулся Дункан, но и сам засмеялся.

— Прости. — Фрейзер все еще улыбался. — Похоже, он обычный мудила.

— Да нет, просто из тех, кто не выносит людей иного сорта. Все они такие. Кроме Вив. Она понимает, что все вокруг несовершенно. И люди тоже. Она... — Дункан замолчал.

— Она — что? — спросил Фрейзер.

---

17 Примечания: 17

Маленький лорд Фаунтлерой — центральный персонаж одноименного романа Френсис Бернетт (1849-1924). Мэри Пикфорд (1893–1979) — знаменитая американская актриса, снимавшаяся в ролях скромных девушек, чья добродетель неизменно вознаграждается.

Былая близость между ними потихоньку восстанавливалась.

— Она встречается с мужчиной. — Понизив голос, Дункан огляделся по сторонам. — Он женатый. Это тянется уже давно. Пока сидел, я ничего не знал.

— Понятно, — задумчиво произнес Фрейзер.

— Только не делай такое лицо! Она вовсе... не шлюха, или что ты там вообразил.

— Конечно нет. Просто я ее помню, и как-то грустно это слышать. Она мне нравилась. Обычно такие истории хорошо не заканчиваются, особенно для женщин.

Дункан пожал плечами.

— Ну, это их дело. И что значит «закончиться хорошо»? Пожениться? Может, они бы уже ненавидели друг друга, если б поженились.

— Может быть. А что за мужик? Что он из себя представляет? Ты его видел?

Дункан уже забыл о способности Фрейзера вцепиться в тему и просто ради удовольствия обсасывать ее со всех сторон.

— Насколько я знаю, какой-то торгаш, — неохотно ответил он. — Приносит ей тушенку. Натаскал кучу банок. Домой она взять не может — отец заинтересуется, вот и отдает нам с дядей Хорасом...

Дункан смолк, обомлев от того, что проговорился. Фрейзер ничего не заметил, но уцепился за последние слова:

— А, это твой дядя. Да, на фабрике миссис Александер его поминала. Сказала, какой ты замечательный племянник, или что-то в этом роде. — Он улыбнулся. — Значит, все-таки родня не так уж плоха, как ты обрисовал... Я бы хотел познакомиться с твоим дядей, Пирс. С Вив тоже. И на жилье твое взглянуть. Можно как-нибудь прийти в гости? Ведь мы... Ничто не мешает нам вновь стать друзьями, правда? Раз уж мы так законтачили.

Дункан лишь кивнул, боясь, что голос его выдаст. Он допил пиво и отвернулся, представив, каким станет лицо Фрейзера, если вдруг он заявится и увидит мистера Манди.

Дункан вновь стал копаться в береговом мусоре. Вскоре какая-то штуковина привлекла внимание, и он ее выковырнул. Ага, так он и думал: обломок старой глиняной трубки — черенок и кусок чашки. Дункан показал находку Фрейзеру и огрызком проволоки стал счищать с нее грязь. Отчасти для смены темы он сказал:

— Может, лет триста назад здесь сидел человек и курил, как ты сейчас. Забавно, да?

— Считаешь? — улыбнулся Фрейзер.

Дункан разглядывал трубку.

— Интересно, как его звали? Разве не обидно, что мы никогда этого не узнаем? Я вот думаю, где он жил, какой был. Ведь знать не знал, что какие-то люди в тысяча девятьсот сорок седьмом году найдут его трубку.

— Может, это его счастье, что он и вообразить не мог тысяча девятьсот сорок седьмой год?

— Вдруг через триста лет кто-нибудь найдет твою трубку?

— Никаких шансов! — сказал Фрейзер. — Ставлю тысячу фунтов против пенса, что к тому времени моя трубочка, как и все остальное, превратится в золу. — Он допил пиво и встал.

— Ты куда?

— Возьму еще пивка.

— Теперь моя очередь.

— Какая разница. Я почти весь кувшин выдул. К тому же мне надо в уборную.

— Пойти с тобой?

— В уборную?

— В бар!

Фрейзер рассмеялся:

— Не надо. Сиди здесь. А то место займут. Я быстро.

Верно, народу в бар набилось еще больше. Люди с выпивкой выходили на улицу, устраивались на берегу, как Фрейзер с Дунканом. Небольшая компания мужчин и женщин расположилась на кромке парапета прямо над ними. Дункан и не знал, что они там. Неприятно кольнула мысль, что они его видели и могли слышать все, что он говорил...

Дункан спрятал в карман обломок трубки и уставился на реку. Начинался прилив, вода сама собой по-змеиному шевелилась. Компания мальчишек, что барахтались в иле, сидела у самой воды, но теперь, подгоняемая приливом, перебиралась выше по берегу. Ребята казались еще юнее. Они ухмылялись, но дрожали, точно собаки. Ковыляя, они морщились еще сильнее, и Дункан представил, как острые камушки и ракушки врезаются в их размякшие от воды ноги. Пацаны поднимались по лестнице, и он заставил себя отвернуться, с внезапным страхом увидев кровь на белой ступне одного мальчишки.

Дункан опустил голову и стал ковыряться в земле. Нашел расческу со сломанными зубьями. Откопал осколок фарфоровой чашки с изящной ручкой.

Затем, сам не зная почему — возможно, кто-то

произнес его имя, и оно отыскало прогал в шуме голосов, смехе и плеске воды, чтобы достичь его ушей, — он вновь посмотрел на террасу и встретился взглядом с лысым человеком, который в компании женщины сидел за столиком. Дункан тотчас его узнал. Этот человек жил в Стритеме по соседству с улицей, на которой он вырос. Но сейчас, вместо того чтобы кивнуть, улыбнуться или махнуть рукой, лысый что-то сказал своей спутнице, наверное, что-нибудь вроде «Точно, это он», и оба уставились на Дункана с невероятной смесью злорадства, жадного любопытства и равнодушия.

Дункан поспешно отвернулся. Когда он снова оглянулся, пара все еще смотрела; Дункан сменил позу: повертел головой, повозил ногами, оперся на другую руку. Но гадкое ощущение, что его разглядывают, обсуждают, оценивают и не одобряют, не покидало. Он представил, что говорят лысый и его подруга: «Гляньте на него. Как с гуся вода. Считает, он как все». Дункан постарался взглянуть на себя их глазами, и сейчас, когда рядом не было Фрейзера, предстал какой-то нелепой диковиной или обманщиком. Он украдкой обернулся: так и есть — смотрят, прихлебывают выпивку, затягиваются сигаретами и поглядыва-

ют на него с пустым, но задиристым выражением людей, собравшихся вечерком прошвырнуться в кино... Дункан закрыл глаза. Наверху кто-то сипло заржал. Казалось, что смеяться могут только над ним, что все посетители пивной, расположившиеся на воздухе, подталкивают друг друга, кивают, ухмыляются и по цепочке передают весть: здесь Пирс, тот самый Дункан Пирс попивает на берегу пивко, словно имеет на то полное право, как всякий другой!

Ну где же Фрейзер? Сколько уже, как он ушел? Бог его знает. Кажется — вечность. Наверное, разговорился с каким-нибудь мужиком. Или флиртует с барменшей. А вдруг Фрейзер почему-либо вообще не вернется? Как же домой добраться? Дорогу-то он не запомнил. Дункан попробовал сосредоточиться, но в голове путалось; ему будто завязали глаза, подняли, и он чувствовал, как мягкая земля осыпается из-под ног... Теперь он и вправду запаниковал. Дункан открыл глаза и посмотрел на руки; один врач говорил: если вы испуганы, смотрите на собственные руки, это поможет успокоиться. Но Дункан так зажался, что собственные руки показались чужими. Все тело было странным и не своим: он вдруг ощутил сердце, легкие; возникла мысль: если хоть на миг

от них отвлечься, они откажут. Он зажмурился, обливаясь потом и задыхаясь от бремени глотать воздух, гнать по венам кровь и сдерживать мышцы, чтобы руки-ноги не забились в судорогах.

Прошло пять, а может, десять или двадцать минут, и Фрейзер вернулся. Дункан услышал стук о камни полного кувшина, почувствовал прикосновение ноги Фрейзера, когда тот сел рядом.

— Там просто сумасшедший дом, — говорил Фрейзер. — Давка несусветная. Я... Что такое?

Ответить Дункан не мог. Он открыл глаза и попытался улыбнуться. Но даже лицевые мускулы были против него: рот кривился и выглядел, наверное, жутко.

— Что случилось, Пирс? — уже настойчивей повторил Фрейзер.

— Ничего, — наконец выдавил Дункан.

— Как — ничего? На тебя страшно смотреть. Держи. — Он передал носовой платок. — Вытри лицо, с тебя льет. Ну, лучше?

— Да, немного.

— Ты весь дрожишь! Да что произошло?

Дункан помотал головой.

— Скажешь, это глупость, — с трудом выговорил он. Язык лип к нёбу.

— Плевать, что я скажу.

— Просто там один человек...

Фрейзер обернулся.

— Какой человек? Где?

— Не смотри на него! Он там, на террасе. Живет в Стритеме. Лысый. Смотрел на меня, он и его подруга. Он... все про меня знает.

— Что знает? Что ты сидел?

Дункан опять замотал головой:

— Не только это. Знает, почему я сидел. Ему известно... про меня и... Алека.

Сил говорить не было. Фрейзер задержал на нем взгляд, потом снова повернулся к террасе. Что сделает тот человек, когда увидит, что Фрейзер на него смотрит? Наверное, жестом изобразит какую-нибудь гадость или просто кивнет и ухмыльнется.

Через секунду Фрейзер мягко сказал:

— Никто не смотрит, Пирс.

— Они там... Ты уверен?

— Абсолютно. Никто не смотрит. Взгляни сам.

Дункан помешкал, затем прикрыл рукой глаза и глянул сквозь пальцы. Действительно. Те двое исчезли, на их месте сидела совсем другая пара. Рыжеватый мужчина ссыпал в рот крошки из пакетика с чипсами. Женщина зевала, пухлой рукой похлопывая себя по губам. Другие посети-

тели разговаривали, смотрели в бар, на реку — в общем, куда угодно, только не на него.

Дункан выдохнул и распустил плечи. Теперь он не знал, что и думать. Может, и вправду привиделось? Все равно. Страх опустошил, высосал досуха. Дункан снова отер лицо и дрожащим глухим голосом сказал:

— Мне пора домой.

— Сейчас пойдем. Сначала глотни пивка.

— Ладно. Только... ты сам налей.

Фрейзер наполнил стаканы. Дункан сделал глоток, потом еще. Чтобы не расплескать, стакан приходилось держать двумя руками. Постепенно Дункан успокоился. Он отер рот и взглянул на Фрейзера:

— Наверное, думаешь — вот же дурак!

— Не пори чепуху. Ты что, не помнишь...

Дункан перебил:

— Понимаешь, я не привык вот так разгуливать сам по себе. Не то что ты.

Фрейзер покачал головой — то ли сердито, то ли досадливо. Посмотрел на Дункана и отвел взгляд. Поерзал, прихлебнул пиво. Наконец, запинаясь, произнес:

— Жалко, Пирс, что мы вот так растеряли друг друга. Надо было чаще писать тебе. Я... я тебя

подвел. Теперь это понимаю, и мне стыдно. Я тебя сильно подвел. Но тот год в тюрьме... едва я вышел... не знаю, все показалось сном. — Он посмотрел Дункану в глаза, веки дрогнули. — Ты меня понимаешь? Та жизнь казалась чьей-то другой, не моей. Меня будто выдернули из времени, потом снова включили, и надо было догонять с того места, где я остановился.

Дункан кивнул.

— У меня было по-другому, — проговорил он. — Когда вышел, все стало иным. Все изменилось. Я знал, что так и будет. Мне говорили: обвыкнешься. Но я понимал, что не смогу.

Они замолчали, словно оба изнемогли. Фрейзер достал трубку. Смеркалось, и пламя спички казалось ярче.

Фрейзер скатал рукава, застегнул манжеты; его заметно знобило.

Они смотрели, как поднимается река. Всего за пару минут она утратила лихорадочное беспокойство. Берег сузился, вода подкрадывалась шершавым кошачьим языком — лизнет, и суши станет меньше. Пробежавший буксир поднял волны; они набегали и откатывались, потом, истощившись, слабо плескались.

Фрейзер кинул камешек.

— Как это у Арнольда? — спросил он. — «Печали вечный звук», да?.. Чего-то там, «...лишь галька мира шелестит вдали»...[18] — Он пробежал рукой по лицу, смеясь над собой. — Господи, если уж я начал цитировать стихи, значит, мы дошли до точки! Идем, Пирс. — Оттолкнувшись от земли, он встал. — Бог с ним, с пивом, уходим. Я тебя провожу. До дверей дома. И ты познакомишь меня с твоим... Дядя Хорас, верно?

Дункан представил, как мистер Манди расхаживает по гостиной и, услышав звонок, идет открывать дверь. На страх, смятение или что-либо подобное сил уже не осталось. Он поднялся и вслед за Фрейзером пошел к лестнице; неуклонно темнеющими улицами они двинулись в сторону Уайт-Сити.

---

18 Примечания: 18

Строки стихотворения «Берег Дувра» (1867) английского поэта Мэтью Арнольда (1822-1888). Перевод В. Некляева.

3

— Не слыхали, что война кончилась? — спросил мужчина, стоявший за прилавком булочной.

Он пытался пошутить над брюками и стрижкой Кей; подобные реплики, слышанные уже тысячу раз, улыбки не вызывали. Однако манеры продавца изменились, когда он уловил ее культурный выговор.

— Прошу вас, мадам, — сказал булочник, передавая пакет.

Вероятно, за ее спиной он состроил рожу, потому что другие покупатели засмеялись.

К этому она тоже привыкла. Кей зажала пакет под мышкой, а руки сунула в карманы брюк. Лучше всего держаться нагло — вскинуть голову и шагать вразвалочку, строя из себя «оригинала». Правда, это утомляло, когда прикидываться не было ни сил, ни желания.

Нынче же настроение было хорошее. Утром пришла идея навестить подругу. Кей пешком прошла от Лавендер-Хилл до Бейсуотера и сейчас поднималась по Харроу-роуд. Микки работала заправщицей в гараже.

Кей увидела ее во дворе: с книжкой в руке

подруга развалилась на складном стуле. Микки сидела, широко раскинув ноги, что позволяла ее манера одеваться — даже не мужская, как у Кей, а скорее в духе парнишки-механика: комбинезон и тяжелые башмаки. Светлые волосы, напоминавшие засаленную веревку, торчали так, будто она только что встала с постели. Микки послюнявила палец и перелистнула страницу. Она не слышала шагов Кей, у которой странно засвербело в груди. Так радостно было увидеть друга, когда неделями видишь только незнакомых. На секунду показалось, что чувства захлестнут и она расплачется. Кей представила, как было бы нелепо свалиться точно снег на голову, да еще в слезах. Она уже подумывала бросить затею и улизнуть, пока Микки ее не заметила.

Но ком в груди рассосался.

— Привет, Микки, — негромко сказала Кей.

Увидев ее, Микки радостно хохотнула. Эта манера беспрестанно посмеиваться, естественно и непринужденно, многим казалась чертовски обаятельной.

— Здорово! — В гортанном голосе слышалась хрипотца — слишком много курила.

— Что читаешь?

Микки показала обложку. Она читала книги,

которые клиенты оставляли в машинах, пригнанных на ремонт. На сей раз это было дешевое издание «Человека-невидимки» Уэллса. Кей взяла книжку и улыбнулась:

— Читала в молодости. Ты уже дошла до места, где он делает невидимой кошку, всю, кроме глаз?

— Да. Смешно, правда? — Микки обтерла о комбинезон запачканную ладонь, чтобы поздороваться. Рука маленькой и худенькой подруги выглядела просто детской. Микки наклонила голову и прищурилась, став похожей на Ловкого Плута.[19] — Так давно тебя не видела, что уж и надеяться перестала. Как дела-то?

— Подгадывала под твой перерыв. Обед-то у вас бывает? Вот, принесла тебе плюшек.

— Плюшки! — Микки заглянула в пакет и округлила глаза. — С джемом!

— И настоящим сахарином.

Подъехала машина.

— Сейчас, — сказала Микки.

Она поставила пакет и отошла к водителю; переговорив с ним, стала заправлять машину. Кей села на полотняный стул и наугад раскрыла

---

19 Примечания: 19

Ловкий Плут — ставшая нарицательной кличка Джека Даукинса, персонажа романа Диккенса «Приключения Оливера Твиста».

книгу.

> – Теперь вы можете себе представить, – продолжал Невидимка, – как невыгодно было мое положение. У меня не было ни крова, ни одежды. Одеться – значило отказаться от всех моих преимуществ, превратиться в нечто странное и страшное. Я ничего не ел, так как принимать пищу, то есть наполнять себя непрозрачным веществом, значило бы стать безобразно видимым.
>
> – Об этом я не подумал, – сказал Кемп.[20]

Меж тем ожившая бензоколонка всколыхнулась, заскулила и щелкнула; доселе слабый, запах бензина стал гуще. Кей отложила книгу и посмотрела на Микки, принявшую весьма небрежную позу: одна рука на крыше машины, в другой заправочный пистолет, взгляд — на счетчик. Вообще-то не красавица, Микки обладала особым стилем; просто удивительно, скольких девушек — даже натуралок — впечатлила бы и привлекла подобная стойка.

Впрочем, хозяином машины был мужчина.

---

20 Примечания: 20
Перевод Д. Вейс.

Микки обстучала пистолет, стряхивая последние капли бензина, завернула крышку бака, взяла талоны; затем, волоча ноги, вернулась к Кей и скорчила рожицу.

— Без чаевых? — спросила Кей.

— Дал трехпенсовик и посоветовал купить помаду. Тачка его тоже хлам. Подожди, ладно? Я переговорю с Сэнди.

Микки скрылась в гараже. Вскоре она вернулась, уже не в комбинезоне, а в обычных синих брюках и смешной хлопчатобумажной рубашонке, измятой и в пятнах. Микки ополоснула лицо и причесалась.

— Отпустил на сорок пять минут. Пошли на катер?

— Успеем? — спросила Кей.

— Должны.

Торопливо прошагав пару переулков, они вышли к Риджентс-каналу. Вдоль причальной стенки на сотню ярдов вытянулся ряд приспособленных под жилье катеров и барж. Микки жила здесь еще до войны. Вокруг располагались пакгаузы и лодочные ангары, но образовалось также целое маленькое поселение, жителями которого наряду с настоящими барочниками были художники и писатели, все как один, на

взгляд Кей, считавшие себя «интересными» и «живописными» личностями и невероятно довольные контрастом, какой составляли тем, кто жил в обычных квартирах и домах. Возможно, в чем-то они были правы. Катер Микки — «Ирен» — являл собой приземистый остроносый баркас, напоминавший сабо. Латки на его просмоленном корпусе вселяли тревогу. Каждое утро Микки по двадцать и больше минут дергала ручку жуткой маленькой помпы. Ватерклозетом служило ведро за полотняной занавеской. Зимой его содержимое превращалось в лед.

Однако внутри катер был просто прелесть. На стены в отлакированных панелях Микки приспособила полочки с книгами и безделушками. Для освещения использовала керосиновые лампы и свечи под цветными абажурами. Камбуз с его потайными отделениями и раздвижными панелями походил на исполинскую версию школьного пенала. Тарелки и чашки удерживались на местах прутьями и ремнями. Все было закреплено будто на случай шторма, хотя качало здесь весьма нежно, что раздражало лишь непривычных и тех, кто забывал, где находится.

В этом жилище Кей слегка горбилась. Если б выпрямилась, чиркала бы макушкой о потолок.

А Микки шныряла по дому легко и непринужденно: раздвинув панели камбуза, достала чай, заварной чайник и две эмалированные кружки.

— Воду греть не буду, — сказала она — не было времени разжигать погасшую плиту. — Возьму у соседки.

Микки с чайником вышла; Кей села. Проплыла вереница баркасов, и катер закачался, глухо стукаясь о причал. Пугающе отчетливо слышались мужские голоса: «..до самого Далстона. Ей-богу! Вверх-вниз, как здоровенная макака на...»

Вернулась с водой Микки, расставила оловянные тарелки. Кей взяла плюшку, затем положила обратно. Достала сигареты, но помедлила и, зажав в руке зажигалку, кивнула на испятнанную рубашку Микки:

— Курить-то рядом с тобой можно? В смысле, целыми днями у колонки крутишься. Ты у нас в факел не превратишься?

— Нет, если осторожно, — засмеялась Микки.

— И на том спасибо. Было бы ужасно неприятно, если б ты вспыхнула. — Кей протянула портсигар. — Неугодно ли самокрутку?

Микки взяла сигарету. Кей поднесла огонь, прикурила сама. Чтобы дым вытягивало, толкнула раздвижное окошко над головой.

— Как там дела у Сэнди?

Микки пожала плечами. В гараже она работала лишь потому, что это было одно из немногих мест, где женщина могла носить брюки. В отличие от Кей, у нее не было состоятельной семьи и собственного дохода, а посему приходилось где-то работать. Сейчас она подумывала найти место шофера. Ей нравилась мысль вновь крутить баранку и выезжать из Лондона.

Покуривая, они обсуждали эту идею. Микки съела свою плюшку, взяла из пакета вторую. Нетронутая плюшка Кей лежала на тарелке, и Микки, дожевав, спросила:

— Ты не будешь?

— А что? Хочешь, бери.

— Я не к тому.

— Я уже поела.

— Ну да, знаем твою еду — чай и курево.

— Еще джин, если повезет.

Микки рассмеялась и закашлялась.

— Ешь, — сказала она. — Давай, ты очень худая.

— Ну и что? Сейчас все худые. Я лишь следую моде.

Вообще-то от вида жирной, обсыпанной сахарином плюшки подташнивало, но ради Микки

Кей чуть откусила. Вкус теста показался ужасным, однако подруга не спускала с нее глаз, пока она не съела все.

— Теперь порядок, начальница?

— Годится. — Микки прищурила глаз, опять став похожей на Ловкого Плута. — В следующий раз накормлю тебя обедом.

— Ты меня закормишь.

— А чего? Давай на пару устроим обжираловку?

Кей притворно поежилась.

— Пир для скелета. К тому же я сейчас ужасно занята. — Она тряхнула головой, как актриса-дебютантка. — Сплошные выходы в свет.

— По странным местам.

— Я хожу в кино, в этом нет ничего странного. Порой сижу два сеанса подряд. А иногда захожу на середине и сначала смотрю конец картины. Мне так даже больше нравится — знаешь, людское прошлое гораздо интереснее будущего. Хотя, может, лишь мне... В киношке чего только не бывает, уж поверь на слово. Можно даже...

— Даже — что?

Кей замялась. «Даже снять бабу», — чуть не ляпнула она; недавно был случай: разговорилась с поддатой девицей, и кончилось тем, что завела

ее в пустую кабинку туалета, где лапала и целовала. Все вышло как-то по-собачьи, вспоминать теперь было стыдно.

— Даже ничего, — уныло проговорила Кей. — Даже ничего... Но ты всегда можешь ко мне заглянуть.

— К мистеру Леонарду? — скривилась Микки. — У меня от него мурашки.

— Да он не страшный. Чудотворец. Так его одна пациентка назвала. Исцелил ее от лишая. Он мог бы полечить твою грудь.

Микки закашлялась и отпрянула:

— Ну уж нет!

— Ах ты, кобёл мой дорогой! На титьки он и не взглянет. Просто сядешь в кресло, а он над тобой пошепчет.

— Старый развратник. Ты уже свыклась и не видишь всех его закидонов. А что дом? Когда рухнет-то?

— Вот-вот, можешь поверить. В сильный ветер он раскачивается. И стонет. Чувствуешь себя как в море. Думаю, он вообще стоит лишь благодаря мистеру Леонарду, который его удерживает одной только силой мысли.

Микки улыбнулась. Потом вгляделась в лицо Кей и посерьезнела. Улыбка погасла, Микки ска-

зала совсем другим тоном:

— Сколько еще ты собираешься там пробыть?

— Наверное, пока дом не рухнет.

— Я серьезно. — Микки помедлила, словно что-то обдумывая, и подалась вперед: — Слушай, может, ко мне переедешь?

— Сюда? — удивилась Кей. — На развалюшку «Ирен»? — Она огляделась. — Тут же места, как в обувной коробке. Годится лишь для фитюльки, как ты.

— Временно. Если я сяду за баранку, ночами меня не будет.

— А в остальное время? Вдруг ты приведешь девушку?

— Как-нибудь решим.

— Отгородимся одеялом? Все равно что вернуться в пансион. Да нет, я не могу бросить Лавендер-Хилл. Ты не представляешь, что он для меня значит. Я буду скучать по мистеру Леонарду. По мальчишке в огромных ботинках. По парочке от Стенли Спенсера. Я уже приросла к этому месту.

— Вижу, — сказала Микки тоном, который подразумевал: «Что меня и тревожит».

Кей отвернулась. Все это время она говорила с наигранной легкостью, как и прежде, стараясь

скрыть истинные чувства, которые в ней закипали, обескураживая и пугая. Вот Микки, которая живет на фунт в неделю и тотчас готова им поделиться из одной лишь сердечности. А вот она сама — денег что грязи, абсолютно здоровая, но прозябает, словно калека или крыса.

Кей потянулась за чаем и с ужасом увидела, что руки дрожат. Дабы не привлекать к ним внимания, она не поставила кружку на место, а поднесла ко рту, стараясь не промахнуться. Тряслo все сильнее. Чай расплескался на диванную подушку. Кей резко опустила кружку и носовым платком попыталась промокнуть здоровенное пятно.

Потом встретилась взглядом с Микки и сникла. Упершись локтями в колени, закрыла лицо.

— Вот, Микки! — сказала Кей. — Посмотри, в кого я превратилась! Неужели вправду на войне мы с тобой делали то, что делали? Иногда по утрам я не могу заставить себя встать с постели. Господи, мы таскали носилки! Помню, как поднимала... — она вытянула руки, — разорванное тело ребенка... Да что ж такое со мной?

— Ты сама знаешь, — тихо ответила Микки.

Кей села прямо и отвернулась, чувствуя к себе отвращение.

— Тысячи людей пережили то же самое. Каждый потерял кого-нибудь или что-нибудь. Выйди на любую лондонскую улицу, протяни руку и коснешься человека, который потерял любимого, ребенка, друга... Но я не могу это преодолеть, Микки. Не могу преодолеть. — Она горько усмехнулась. — Преодолеть. Смешно! Будто горе — разрушенный дом, и тебе нужно пробраться через развалины... Я заблудилась в своих развалинах, Микки. Не могу из них выбраться. И кажется, не хочу выбираться, вот в чем штука. Вся моя жизнь по-прежнему в развалинах...

На секунду перехватило горло. Кей оглядела каюту и заговорила спокойнее:

— Помнишь вечер, когда мы все тут собрались? Как раз перед... Порой я вспоминаю то время. Прямо извожу себя мыслями о нем. А ты помнишь?

— Помню, — кивнула Микки.

— Тогда я вернулась из Бетнал-Грин. Ты приготовила джин-слинг.

— «Буравчик».[21]

— «Буравчик»? — Кей подняла взгляд. — Точно?

Микки кивнула.

---

21 Примечания: 21

Джин-слинг — смесь джина с водой и сахаром. «Буравчик» — коктейль из виски, джина и сока лайма.

— Разве лимонов не было?

— Какие, к черту, лимоны? Где бы ты их достала? У нас был сок лайма, во фляжке Бинки, помнишь?

Теперь Кей вспомнила. Она спутала и даже заволновалась от того, что память сохранила абсолютно четкую картинку: Микки разрезает лимоны и выжимает сок.

— Лайм, — нахмурилась она. — Во фляжке. Почему же я забыла?

— Не думай об этом, Кей.

— Я не хочу думать! Но и забывать не хочу. Иногда не могу думать ни о чем другом. Мозги цепляются. Крючочками.

Она говорила почти как безумная. Посмотрела в окно. Солнце расцветило воду узорами. Масляная пленка переливалась серебристым и голубым... Кей обернулась и увидела, что Микки смотрит на часы.

— Извини, подруга. Мне пора обратно.

— Конечно, конечно.

— Может, посидишь здесь до моего возвращения?

— Глупости, я в норме, правда. Все это чепуха, в конце-то концов.

Кей допила чай. Руки уже не дрожали. Она

стряхнула с коленей крошки, встала и помогла убрать посуду.

— Чем займешься? — спросила Микки, когда они шли по Харроу-роуд.

Кей вновь изобразила взбалмошную дебютантку и взмахнула рукой:

— Ой, у меня куча дел!

— Правда?

— Конечно.

— Я тебе не верю. Подумай насчет того, что я сказала, — перебраться ко мне. Ладно? И загляды-вай! Сходим куда-нибудь выпить. Можно в Челси. Там сейчас никого, весь народ сменился.

— Заметано.

Кей снова достала сигареты, одну сунула в рот, другую подала Микки, а еще одну вставила подруге за маленькое мальчишеское ухо. Микки перехватила ее руку и легко пожала; секунду они постояли, глядя друг другу в глаза и улыбаясь.

Кей вспомнила, как однажды, очень давно, они безуспешно целовались. Обе были пьяные. Все кончилось смехом. Вот что получается, когда вы обе одного, так сказать, плана.

— Пока, Кей, — сказала Микки и бегом припустила к гаражу.

Кей смотрела ей вслед. Раз Микки обернулась

и помахала. Кей подняла руку и пошла в сторону Бейсуотера.

Пока Микки могла ее видеть, она шла торопливо, но, свернув за угол, замедлила шаги. Дойдя до людной Вестбурн-Гроув, Кей присела на крыльцо в тени разрушенного дома. Вспомнила свои слова о руке, протянутой в толпе. Вглядываясь в лица прохожих, она думала: «Что ты потерял? А ты? Как с этим справляешься? Что делаешь?»

*

— Я с первого взгляда поняла, что эта девица из Энфилда — оторва, — говорила Вив, сыпля на тряпку чистящий порошок. — Нахалки, они все такие.

Они с Хелен собрались на пожарную площадку, чтобы там перекусить, но вдруг на стене туалета разглядели карандашную надпись. Над полотенечной вешалкой кто-то начертал:

Длинный елдак войдет только так,
Херок-коротыш – удовольствия шиш.

Секунду Хелен не знала куда глаза девать. Вив смутилась не меньше.

— Это все реклама в местных журналах, — приговаривала она, яростно скребя стенку.

Раскрасневшись, Вив на шаг отступила и прищурилась. Оттертое место посветлело, но слова «коротыш» и «шиш» еще слабо читались. Она снова принялась тереть, затем они с Хелен походили вокруг, щурясь и наклоняя головы под разными углами к свету.

Потом до них вдруг дошло, чем они заняты. Они взглянули друг на друга и покатились со смеху.

— О господи! — Хелен закусила губу.

Пока Вив споласкивала тряпку и убирала порошок, плечи ее тряслись. Она вытерла руки и прижала кулаки к нижним векам, боясь, что потечет тушь.

— Не смеши! — сказала она.

Все еще фыркая, они открыли окно и выбрались на площадку. Развернули сэндвичи, прихлебнули чай и наконец успокоились, но стоило встретиться взглядом, как они вновь захохотали.

Расплескивая чай, Вив поставила чашку.

— Что о нас подумают клиенты?

Тушь все-таки потекла. Вив скрутила уголок носового платка, послюнявила и, глядя в зеркальце расширенными глазами, принялась тереть под веками — столь же яростно, подумала Хелен, как стенку туалета. Разрумянившееся от смеха лицо делало Вив моложе, выбившиеся волосы

придавали взъерошенный, оживленный вид.

Она заткнула платок под рукав и взяла сэндвич; смех растворился во вздохах. Вив отогнула край булки: яркий вид мяса отчего-то подействовал угнетающе, вкус тоже. Лицо ее утратило румянец. Глаза высохли. Она вяло пожевала, а затем отложила сэндвич и завозилась с пуговицами, застегивая надетую поверх платья кофту.

Прошло почти две недели с той теплой субботы, когда Хелен и Джулия полеживали в Риджентс-парке. Это был последний по-летнему теплый денек, но тогда они этого не знали. Погода испортилась. Солнце лишь временами выглядывало из облаков. Вив запрокинула голову, глядя на небо.

— Не так уж тепло сегодня, — сказала она.

— Да, не особенно, — поддержала Хелен.

— Скоро будем жаловаться на холод.

— Может, нынче не будет таких холодов, как в прошлом году? — сказала Хелен.

Подступающая зима виделась ей длинным и темным железнодорожным туннелем.

— Очень надеюсь.

— Нет, точно не будет!

Вив растерла плечи.

— В «Ивнинг стандард» какой-то мужик писал, что зимы теперь будут все холоднее и длиннее;

мол, еще десяток лет, и станем жить как эскимосы.

— Эскимосы! — Хелен представила меховые шапки и широкие дружелюбные лица; картинка весьма понравилась.

— Так он заявил. Вроде это как-то связано с наклоном земного шара, дескать, всеми этими бомбежками мы расшатали ось. Убедительно, если вдуматься. Говорит, так нам и надо.

— Да ну, газетчики всегда чего-нибудь понапишут. Помнишь, в начале войны один говорил, мол, это нам кара за то, что позволили королю отречься.

— Помню, — сказала Вив. — Но тогда это довольно жестоко по отношению к французам, норвежцам и прочим. В смысле, не их же король-то.

Она глянула вниз. Дверь постижерной мастерской открылась, и во двор вышел мужчина, держа под мышкой корзину, доверху набитую темными обрезками — вероятно, волос и мантюра. Девушки наблюдали, как он прошел к мусорному баку, поднял крышку и опорожнил корзину. Потом вытер руки и пошел обратно. Наверх не взглянул. Когда дверь за ним закрылась, Вив скорчила рожицу.

Хелен все еще думала о войне. Она куснула сэндвич и сказала;

— Разве не странно, что все говорят о войне, будто о чем-то ужасно давнем? Точно все было сто лет назад. Словно мы втихаря сговорились: «Ради бога, не будем это поминать». Когда же так случилось?

Вив пожала плечами.

— Наверное, мы устали. Хочется все забыть.

— Пожалуй. Но я никогда не думала, что забудется так быстро. Когда шла война... Других тем не было, правда? Лишь о ней и говорили. Единственное, что имело значение. Мы старались придать смысл и другому, но всегда, всегда возвращались к войне.

— Представь, а если она опять началась?..

— Господи! Вот ужас-то! Тогда наша контора закроется. Ты бы вернулась на прежнюю работу?

Вив задумалась. В войну она работала в министерстве продовольствия, неподалеку отсюда, на Портмен-Сквер.

— Не знаю, — сказала она. — Может быть. Казалось, делаешь что-то важное. Мне это нравилось. Хотя всего-то печатала на машинке... У меня была хорошая подруга, ее звали Бетти, ужасно потешная. В конце войны она вышла за австралийца,

и он увез ее к себе. Сейчас я ей завидую. Если б вправду все началось заново, я бы, наверное, пошла в армию. Хорошо бы уехать куда-нибудь далеко. — Вив погрустнела. — А ты? Вернулась бы на старую работу?

— Наверное, да, хотя была очень рада ее бросить. Работа странная, чем-то похожа на нынешнюю — несчастные люди ждут невозможного. Изо всех сил стараешься помочь, но потом устаешь, да и своих забот хватает. Только вряд ли бы я осталась в Лондоне. Начнись война, его сровняют с землей, правда? Хотя теперь уже любое место сровняют. Как в прошлый раз не будет. Но тогда, даже в самые жуткие бомбежки, я не хотела уезжать... А ты? В Лондоне я прожила недолго, но чувствовала себя обязанной... сохранить ему верность, что ли? Не хотела предавать. Кажется безумием, да? Верность кирпичам, скрепленным раствором! Конечно, были еще знакомые. Их я тоже не хотела бросать в беде. Они оставались в городе, и я желала быть рядом.

— Знакомые вроде Джулии? — спросила Вив. — Вы уже тогда дружили? Она тоже осталась в Лондоне?

— Она была здесь, — кивнула Хелен. — Но познакомились мы только в конце войны. И потом

вместе снимали крохотную квартирку на Макленбург-Сквер. Я так живо ее помню! Обстановка — с бору по сосенке. — Хелен прикрыла глаза, вспоминая вещи и запахи. — Окно заколочено досками. Все буквально разваливалось. Потолок трещал, когда верхний сосед вышагивал по комнате. — Она покачала головой и открыла глаза. — Эту квартиру помню отчетливее других, сама не знаю почему. Мы там прожили всего год или около того. Почти всю войну я... — Хелен отвернулась и взяла сэндвич. — Я жила в другом месте.

Не дождавшись продолжения, Вив сказала:

— А я жила в женском общежитии министерства. Это в конце Стрэнда.

— Правда? — удивилась Хелен. — Я не знала. Думала, ты жила дома, с отцом.

— Только по выходным. На неделе нас просили оставаться в общежитии, чтоб могли добраться на службу, если разбомбят железную дорогу. Куча девиц! Все вверх-вниз снуют по лестнице. Хватают твою помаду и чулки. Кто-то одалживается твоей блузкой или еще чем, но возвращает в черт-те каком виде — перекрашенным или без рукавов.

Вив рассмеялась. Она сдвинула ноги на одну перекладину выше, подтянула колени и, подо-

ткнув платье, опустила подбородок на сведенные кулаки. Потом смех ее, как прежде, угас. «Опускается занавес», — подумала Хелен... Однако Вив сказала:

— Так забавно вспоминать. Всего-то пара лет прошла, но словно целая вечность, ты права. Тогда в чем-то было проще. Все было установлено, правда? Кто-то за тебя все решал, говорил, так будет лучше, и ты лишь подчинялась. Меня это раздражало. Я все мечтала, чтоб война поскорее кончилась, вот уж тогда, думала, понаделаю дел. Каких дел, я и сейчас не знаю. Не представляю, каких перемен я ждала. Надеялась, жизнь изменится, люди станут другими; глупо, правда? Ведь люди и жизнь не меняются. По-настоящему. Ты просто свыкаешься с тем, какие они есть.

Лицо ее стало беззащитным и печальным. Хелен коснулась ее руки и сказала:

— Что-то ты совсем загрустила.

Вив смутилась. Покраснела и засмеялась:

— Не обращай внимания. Просто в последнее время стало немного жалко себя.

— А в чем дело? Разве ты не счастлива?

— Счастлива? — Вив сморгнула. — Не знаю. А кто счастлив? В смысле, по-настоящему. Все только делают вид.

— Я тоже не знаю, — помолчав, сказала Хелен. — Нынче счастье такая хрупкая штука. Похоже, за ним надо побегать.

— Или получить по карточкам.

— Точно! — усмехнулась Хелен. — И вот ухватишь пайку, но знаешь, что скоро она кончится, и радоваться не можешь, а все только думаешь, как же ты будешь, когда выйдет вся. Или изводишь себя мыслями о тех, кто вообще остался без счастья, чтобы ты получила свою порцию.

От подобных раздумий у нее тоже упало настроение. Хелен принялась колупать волдыри краски, под которыми открывалось ржавое железо платформы. Потом тихо сказала:

— Может, газетные пророки все же правы: каждый получает по заслугам. Наверное, все мы профукали свое право на счастье, когда совершали дурные поступки и позволяли творить зло.

Она посмотрела на Вив. Еще никогда они не говорили так откровенно, и Хелен будто впервые поняла, как ей нравятся Вив и эти славные посиделки на ржавой платформе, когда можно просто поболтать. Вспомнилось кое-что еще. «Вы уже тогда дружили?» — легко спросила Вив, словно эта дружба — самая естественная вещь на свете и вполне нормально, что Хелен осталась в военном

Лондоне из-за женщины...

Сердце забилось быстрее. Вдруг захотелось повериться. Ужасно захотелось! Вот бы сказать: «Слушай, Вив. Я люблю Джулию! Это чудо и вместе с тем мука. Иногда это делает меня ребенком. Иногда почти убивает! Приводит в отчаяние. Вселяет страх! Это нормально? У других так же? С тобой так бывало?»

Дыхание перехватило, будто воздух застрял в груди. Бешеные толчки сердца отдавались в висках и кончиках пальцев.

— Вив... — начала Хелен.

Но Вив отвернулась. Пощупав карманы кофты, она сказала:

— Черт! Сигареты забыла. До вечера не доживу, если сейчас не покурю. — Ухватившись за перила платформы, она стала подниматься, отчего все сооружение закачалось. — Подсадишь меня?

Хелен вскочила.

— Я схожу, мне ближе.

— Сходишь?

— Конечно. Минутное дело.

Раздышаться никак не удавалось. Хелен неловко перелезла через подоконник и грузно приземлилась рядом с унитазом. Время еще есть, думала она, успею сказать.

Ее уже разрывало от желания поделиться. Сигарета успокоит нервы. Хелен оправила юбку.

— Они в сумочке! — в окно крикнула Вив.

Хелен кивнула. Быстро пересекла площадку, взбежала по короткому пролету лестницы и вошла в приемную. Она смотрела под ноги и только в комнате подняла взгляд.

Какой-то мужчина лениво проглядывал бумаги на столе Вив.

Хелен сильно вздрогнула и едва не завизжала. Незнакомец дернулся и отпрянул от стола. Потом засмеялся:

— Боже мой! Неужели я такой страшный?

— Извините. — Хелен держалась за сердце. — Я не думала... Но мы закрыты.

— Разве? Дверь внизу не заперта.

— Видимо, случайно.

— Я вошел и поднялся сюда. Куда, думаю, все подевались? Извините, что напугал вас, мисс...

Мужчина смотрел открыто. Он был молод, вежлив, красив и светловолос, держался абсолютно непринужденно и так сильно отличался от обычных клиентов, что Хелен смешалась. Она сознавала, как выглядит: запыхавшаяся, красная, непричесанная. А на площадке ждет Вив. «Зараза, — подумала Хелен. — Еще можно успеть».

Приказав себе успокоиться, она взяла ежедневник.

— Полагаю, вы не по записи? — Хелен пальцем пробежала по странице. — Случайно, вы не мистер Типледи?

— Типледи? — усмехнулся незнакомец. — Да нет, бог миловал.

— Вообще-то мы принимаем только по записи.

— Я так и понял. — Мужчина остался у стола и теперь через плечо Хелен заглядывал на страницу. — Уверен, дела идут бойко. Наверное, благодаря войне. — Он сложил на груди руки и отставил ногу. — Просто интересно, сколько вы берете?

Хелен посмотрела на часы. «Уходи, уходи!» Однако вежливость не позволила проявить эту мысль.

— На первом этапе услуга стоит гинею...

— Так дорого? — удивился мужчина. — И что же я получу за свою гинею? Вероятно, мне покажут альбом с фотографиями? Вы же не приводите девушек живьем?

Его поведение изменилось. Казалось, человек действительно заинтересован; в то же время он будто улыбался какой-то собственной шутке. Хелен насторожилась. Вполне возможно, что это

один из тех обаятельных психов, у кого сдвиг случается от смены настроения. Может, он соврал насчет двери. Вдруг он ее вышиб? Хелен частенько думала, насколько они здесь уязвимы — так близко к Оксфорд-стрит, и все же верхотурой отрезаны от уличной суеты.

— К сожалению, сейчас я не могу это с вами обсуждать, — сказала Хелен; тревога и нетерпение придали ей официальности. — Если вы заглянете к нам в приемные часы, моя коллега... — она непроизвольно посмотрела на лестницу к туалету, — с радостью объяснит вам, какова процедура.

Похоже, эта информация лишь подхлестнула интерес визитера.

— Ваша коллега... — Он будто ухватился за слово и проследил за взглядом Хелен, покачивая вскинутой головой и задумчиво цокая языком. — А сейчас, случайно, ваша коллега не доступна?

— Извините, сейчас мы закрыты на обед, — твердо сказала Хелен.

— Да, конечно. Вы говорили. Какая жалость, — бормотал мужчина, все еще глядя на лестницу.

Хелен перевернула страницу ежедневника.

— Если б вы смогли прийти завтра, скажем, в четыре...

Мужчина обернулся и сообразил, чем она занята. Его поведение вновь изменилось. Он едва не рассмеялся.

— Послушайте, я прошу прощения. Боюсь, вы меня не за того принимаете.

Тут в приемную вошла Вив. Наверное, услышала мужской голос и решила узнать, в чем дело. Она взглянула на гостя с неким изумлением, а потом необъяснимо покраснела. Хелен перехватила ее взгляд и послала мимический сигнал тревоги, надеясь, что он будет понят.

— Я вот ищу время для господина, — сказала она. — Видимо, дверь внизу была открыта...

Однако мужчина вышел вперед и засмеялся.

— Привет! — Он кивнул Вив и повернулся к Хелен: — Простите, я действительно сбил вас с толку. — В голосе слышалось искреннее сожаление. — Я, видите ли, не жену себе искал. Всего-навсего — мисс Пирс.

Вив покраснела гуще. Как-то нервно взглянула на Хелен и сказала:

— Познакомься, это мистер Роберт Фрейзер, приятель моего брата. Мистер Фрейзер, это мисс Джинивер... Что-то с Дунканом?

— О нет, ничего, — беспечно ответил Фрейзер. — Абсолютно ничего. Просто я шел мимо и решил

заглянуть.

— Дункан просил вас зайти?

— Честно говоря, я подумал, вдруг вы свободны... Ну и заскочил наобум.

Он снова рассмеялся. Возникло неловкое молчание. Хелен вспомнила о своем сигнале тревоги и почувствовала себя дурой. Внезапно все переменилось. Словно кто-то взял кусок мела, быстро и решительно нагнулся к полу и провел черту, по одну сторону которой остались Вив с этим Робертом Фрейзером, а по другую — сама Хелен. Она потопталась и сказала:

— Пожалуй, мне надо идти.

— Нет, все в порядке, — тотчас ответила Вив. — Я... Я провожу мистера Фрейзера. Прошу вас...

— Конечно, конечно. — Вместе с ней Фрейзер направился к лестнице и на ходу приветливо кивнул Хелен: — До свиданья. Извините за беспокойство. Если передумаю насчет жены, непременно дам знать!

По лестнице он спускался с мальчишеской припрыжкой. Потом было слышно, как открылась входная дверь, и донесся его приглушенный, но отчетливый голос:

— Кажется, я впутал вас в историю...

Дверь со стуком захлопнулась.

Секунду Хелен стояла неподвижно, затем прошла в кабинет, достала сигареты, но бросила пачку, не открыв. Сейчас она чувствовала себя еще глупее. Вспомнила, как вошла в приемную и чуть не завизжала — точно комическая старуха в пьесе!

Тут с улицы послышался смех. Хелен подошла к окну и посмотрела на тротуар.

В войну стекло заклеивали марлей, сейчас отметки сетчатой материи и клея мешали обзору. Однако довольно четко просматривались макушка Фрейзера и его широкие плечи, ездившие вверх-вниз, когда он жестикулировал. Еще был виден край пунцовой щеки Вив, кончик ее уха и пальцы, растопыренные на рукаве согнутой руки.

Хелен вытягивала шею, пока лбом не уткнулась в измазанное клеем стекло. Как же все легко для мужчин и женщин, с горечью подумала она. Им можно повздорить на улице, флиртовать, они могут целоваться и лечь в постель — что бы ни делали, мир им потакает. А вот ей с Джулией...

Хелен вспомнила о том, что собиралась сказать на пожарной площадке. «Я люблю Джулию! Эта любовь почти убивает меня!»

Сейчас это казалось немыслимым. Полной

нелепостью! Хелен стояла у окна, пока не увидела, как Фрейзер шагнул вперед, видимо, на прощанье пожимая Вив руку, и тогда быстро села за стол, взяв папку с бумагами.

Лязгнула щеколда входной двери, раздались шаги. Вив медленно поднялась по лестнице и прошла через приемную. Остановилась в дверях кабинета. Хелен не поднимала головы. Вив помолчала, затем неловко выговорила:

— Извини, пожалуйста.

— Извиняться не за что. — Хелен наконец подняла голову и выдавила улыбку. — Правда, он меня испугал чуть не до смерти! Дверь и впрямь была открыта?

— Да.

— Значит, он не виноват.

— Он подумал, ничего особенного, если заглянет. Вообще-то, я его совсем не знаю. На прошлой неделе я навещала брата, и он там оказался. Мы перебросились парой слов. С братом они знакомы давно. Не понимаю, с чего он сюда явился.

Наклонив голову, Вив покусывала заусенец. Густые темные волосы слегка закрывали ее лицо. Хелен отвела взгляд и стала перебирать бумаги.

— Не хочешь еще посидеть на воздухе? — промямлила Вив.

Хелен оторвалась от бумаг.

— Посидеть? А время-то есть? — Она посмотрела на часы. — Всего десять минут... Не знаю, стоит ли?

— Ну ладно, нет так нет...

Они смотрели друг на друга, словно хотели что-то сказать, но миг близости уже прошел. Хелен зашуршала бумагами.

— Мне тут надо кое-что глянуть.

— Да, конечно, — тотчас ответила Вив. — Хорошо.

Она задержалась в дверях, будто собираясь что-то добавить, но затем прошла в приемную. Было слышно, как она перекладывает на столике журналы и встряхивает диванные подушки.

«В конце концов, у каждого свои секреты», — подумала Хелен. Мысль напрочь выбила из колеи и напомнила о Джулии. Хелен отодвинула бумаги, положила голову на руки и закрыла глаза. Если б Джулия оказалась здесь, прямо сейчас! Так захотелось услышать ее голос, почувствовать успокаивающее прикосновение ее руки. Интересно, что она сейчас делает? Хелен постаралась представить. Пальцами прижала глаза и мысленно перенеслась через улицы Марилебона; возник образ Джулии, удивительно живой и

реальный. Вот она сидит в домашнем кабинете: молчаливая, одинокая; кажется, тоже вся извелась, думая о Хелен. Тоска по Джулии стала еще сильнее — до боли, до тошноты. Хелен открыла глаза и посмотрела на телефон. Нет, в таком настроении звонить нельзя. И потом, рядом Вив, которая может слышать каждое слово; пройти на цыпочках к двери и тихонько ее прикрыть казалось неловким.

«Позвоню, если она выйдет в туалет, — решила Хелен. — Лишь тогда».

Она вслушивалась, как Вив подметает ковер и переставляет стулья. Вот каблуки простучали по лестнице и стихли. Наверное, пошла вытряхнуть старую заварку и ополоснуть чайник.

Хелен тотчас схватила трубку и набрала номер.

В трубке шумело и пощелкивало. Хелен представила телефон на столе Джулии: вот он зазвонил, Джулия вздрогнула, отложила перо и протянула руку, выжидая секунду-другую, потому что ведь все дают телефону чуть-чуть позвонить, прежде чем ответить. Шли гудки. Может, Джулия в кухне или в туалете, который этажом ниже. Хелен представила, как по узкой лестнице Джулия в шлепанцах бежит в кабинет, заправляет за ухо

выбившуюся прядь и, запыхавшись, тянется к телефону...

Гудки продолжались. Наверное, Джулия решила не отвечать. Она так делала, когда звонок заставал ее посреди сцены. Если б знала, что звонит Хелен, уж конечно, взяла бы трубку. Если звонить подольше, она догадается, она ответит.

Ту-у-ту. Ту-у-ту. Отвратительный звук не прерывался. Прождав почти минуту, Хелен опустила трубку; образ покинутого телефона, безнадежно надрывающегося в пустом доме, был невыносим.

*

— Только недолго, — сказала Вив, оглядывая Оксфорд-стрит.

— Вы крайне любезны, уделяя мне хоть сколько-нибудь времени вообще, — ответил Фрейзер.

Было начало седьмого. Днем Вив просила Фрейзера прийти позже и теперь встретилась с ним у разрушенного магазина Джона Льюиса.[22] Ее тревожило, что Хелен еще где-то поблизости и может их увидеть, но Фрейзер, заметив, как она озирается, понял это по-своему. На тротуаре было

---

22 Примечания: 22

Джон Льюис (1836-1928) — торговец мануфактурой, создатель сети универсамов.

полно людей, которые после работы спешили домой, выстраиваясь в очереди к автобусам, и он решил, что ей досаждает толпа.

— Нет, здесь не поговоришь, правда? Позвольте пригласить вас в какое-нибудь тихое кафе, — сказал он, касаясь ее руки.

Вив ответила, что на кафе нет времени, поскольку через сорок пять минут у нее встреча в другом конце города. Тогда они свернули за угол и прошли к скамейкам на Кавендиш-Сквер, усыпанным палой листвой, золотистой и блестящей, будто клочья желтого макинтоша. Фрейзер смахнул листья, и Вив присела.

Она была скованна, руки держала в карманах наглухо застегнутого пальто. Когда Фрейзер предложил сигарету, Вив помотала головой. Он убрал сигареты и достал трубку.

Вив смотрела, как он уминает табак. Ведет себя, словно мальчишка, подумала она и неулыбчиво сказала:

— Лучше бы вы не приходили ко мне на работу, мистер Фрейзер. Даже не знаю, что подумала мисс Джинивер.

— Сказать по правде, выглядела она так, словно я собираюсь швырнуть ее на пол и надругаться над ней, — сказал Фрейзер и, не получив улыбки,

добавил: — Извините. Но это был самый простой способ повидаться с вами.

— Я все же не пойму, зачем вообще понадобилось видеться со мной. Брат вам чем-то насолил?

— Ничего подобного.

— Он не просил вас зайти?

— Все, как я уже сказал. Ваш брат здесь абсолютно ни при чем. Он даже не знает, что я здесь. Дункан лишь мельком упомянул, где вы работаете. Он так тепло о вас говорит. Сразу видно... — Фрейзер поднес к трубке огонь и пососал черенок, — что вы для него очень много значите. Помню, так было и в тюрьме.

Он даже не пытался приглушить последнее слово; Вив вздрогнула. Фрейзер это заметил и понизил голос:

— Наверное, лучше сказать: когда мы познакомились. Он ничего так не ждал, как свиданий с вами.

Вив отвернулась. Слова «свиданий с вами» вызвали очень яркое и неприятное воспоминание: она, отец и Дункан сидят за столом в комнате для свиданий Уормвуд-Скрабз. Вспомнились толчея посетителей, взгляды мужчин, жуткий разноголосый гомон, кислая духота помещения. Вив вспомнила и Фрейзера, которого тогда видела не

раз, и его наглый смех школьного хулигана. Кто-то из посетителей сказал: «Как не стыдно!», а один мужчина просто крикнул: «Может, заткнешься, сволочь отказная?» Тогда она Фрейзеру посочувствовала. Он казался смелым, но бессмысленно смелым. Изменить-то ничего не смог. Больше сочувствия вызывали его родители. И сейчас перед глазами возникла его мать: изящная, но бледная и совершенно убитая женщина с добрым лицом что-то тихо говорит, сидя за выскобленным тюремным столом.

Разумеется, уже тогда Дункан считал Фрейзера невероятным человеком. Он преклонялся перед всяким, кто поставленным голосом изрекал умные мысли. Во вторник вечером Вив приехала к мистеру Манди, и Дункан вышел к ней с горящими от возбуждения глазами.

— Угадай, кого я встретил! Никогда не догадаешься! Он придет позже.

Брат беспрестанно прислушивался, не идет ли Фрейзер, и когда чуть позже тот действительно появился, вскочил и бросился к двери...

Все это пугало. Они с мистером Манди чувствовали себя неуютно, неловко, не знали куда девать глаза. Глядя, как Фрейзер возится с трубкой, Вив сказала:

— И все-таки не пойму, что вам от меня нужно.

Фрейзер рассмеялся:

— Если честно, я сам не знаю.

— Вы сказали, что служите в газете, или что-то в этом роде. Надеюсь, не собираетесь писать о Дункане?

Похоже, такая идея ему в голову не приходила.

— Нет, — сказал он. — Разумеется, нет.

— Потому что, если все дело в этом...

— Все «дело» ни в чем. Надо же, какая вы подозрительная! — Фрейзер опять засмеялся. Но, увидев ее серьезное лицо, откинул со лба волосы и заговорил по-иному: — Послушайте, я понимаю — чудно, что я объявился так нежданно-негаданно. Допускаю, вам кажется странным, что я невесть где пропадал, а теперь вдруг заинтересовался вашим братом. Сам не знаю, почему это так сильно меня задевает. Просто я случайно увидел его на свечной фабрике, хотя и представить не мог, что такой парень работает в подобном месте. А потом... Господи! Он с мистером Манди! Я глазам не поверил! Когда он сказал, где живет, я думал — шутит! Не передать, как меня шандарахнуло, когда он впервые привел меня в дом. Потом я заходил еще два-три раза, но до сих пор шалею. Неужели он там и живет, как вышел? Прямо с

первого дня? Уму непостижимо!

— Он так хотел, — сказала Вив. Потом добавила: — Мистер Манди был очень любезен.

Это прозвучало неубедительно даже для нее самой. Фрейзер приподнял бровь:

— Ну да, у него все по полочкам. Но я вот вспоминаю нашу отсидку. Тогда он был просто мистером Манди. Никаким «дядей Хорасом» и не пахло. Когда первый раз услышал, думал, мнится.

— Какое это имеет значение?

— Ваши родные не возражают?

— С какой стати?

— Не знаю. Просто такая жизнь кажется странной для парня вроде Дункана. Хотя он уже не мальчик, верно? И все-таки иным его представить невозможно. Наверное, он завяз. Точно, завяз. Думаю, он сам дал себе завязнуть и считает это наказанием за все, что произошло сто лет назад, за все, что он сделал и чего не делал... Полагаю, мистер Манди очень заботится о том, чтобы оно так и оставалось; и еще — вы уж не обижайтесь на мои слова, — увидев тогда, во вторник, как вы с ним обращаетесь, я понял, что никто пальцем о палец не ударит, чтобы помочь ему выбраться. Да еще эти его восторги перед старьем.

— Просто хобби.

— Весьма нездоровое, вам не кажется? Для такого парня?

Неожиданно Вив взорвалась:

— Для такого парня, для такого парня! С самого детства про него так говорят! Такой мальчик не должен учиться в такой школе, он слишком чувствительный! Такому мальчику надо поступать в колледж!

Фрейзер нахмурился:

— Вам не приходило в голову, что так говорили, потому что это правда?

— Конечно правда! А что толку? Куда это его завело? Но расхлебывать пришлось моей семье и мне, а не вам, мистер Фрейзер. Четыре года мотаться в то жуткое место. Четыре с лишним года с этим мыкаться. Отец чуть не умер! Может, если б в детстве Дункан был как вы, имел то же, что и вы, — в смысле окружения и преимуществ, — все бы сложилось иначе. Когда его выпустили, он отправился к мистеру Манди, потому что знал — больше некуда. А где ж вы-то были? Если вы ему такой большой друг, куда ж подевались?

Фрейзер не отвечал, глядя в сторону и вертя в руках трубку. Вив заговорила спокойнее:

— Ладно, теперь уже все равно. Но я не могу не думать о вашем внезапном появлении... Что

из этого выйдет? Когда Дункан рассказал о вашей встрече, я, скажу честно, пожалела, что она произошла. Что хорошего-то? Это ни к чему не приведет. Он лишь опять размечтается, взбудоражит себя, а потом — одно огорчение.

— Может, пусть он сам за себя решает? — сухо спросил Фрейзер, нашаривая спички.

— Вы же знаете, какой он. Сами только что сказали. В чем-то... в чем-то он разбирается, но во многом остается мальчишкой. Его можно втянуть во что угодно, как ребенка. Он...

Вив осеклась. Фрейзер наконец отыскал коробок.

— И во что, по-вашему, я собираюсь его втянуть? — медленно произнес он, глядя на нее.

Вив сглотнула и опустила глаза.

— Не знаю.

— Вы думаете о том мальчике, да? Который умер. Об Алеке? — Вив подняла взгляд, и Фрейзер кивнул: — Да. Видите, я все о нем знаю... Вы же не считаете, что я вроде него? — Вив не ответила. Фрейзер покраснел, будто, от гнева. — Значит, считаете? Ну раз так... Знаете, я мог бы дать целый список девчонок, которые вам живо все растолкуют.

Видимо, он сам уловил собственную серьез-

ность, потому что покраснел еще гуще, поправил волосы и боднул головой. Это неумышленное и чуть нелепое движение было самым привлекательным из всего, что он до сих пор сделал. Впервые Вив позволила себе заметить, какое у него миловидное, приятное и чистое лицо. Совсем молодой, моложе ее.

Фрейзер сидел неподвижно, уронив на колени руки с трубкой и коробком.

— Извините, — сказал он. — Я хотел вас увидеть лишь для того, чтобы как-то помочь вашему брату.

— Думаю, лучшей помощью будет, если вы оставите его в покое.

— Вы вправду этого хотите? Пусть остается с мистером Манди и живет этой странной жизнью?

— В ней нет ничего странного!

— Вы так уверены? — Вив отвела взгляд, и Фрейзер проговорил: — Да нет, не уверены, правда? Еще в тот раз я все понял по вашему лицу. А эта работа на фабрике? Хотите, чтобы он вкалывал там до конца жизни? Пусть делает светильники для богаделен?

— Люди работают, и не важно, что они делают. Отец тридцать лет оттрубил на заводе!

— Разве это причина, чтобы брат поступил

так же?

— Если это доставит ему радость. Вот чего вы, кажется, не понимаете. Я хочу, чтобы Дункан был счастлив. Мы все этого хотим.

И вновь это прозвучало неубедительно. В душе Вив понимала, что Фрейзер прав. Знала, что его появление на прошлой неделе у мистера Манди испугало еще и потому, что она как бы его глазами взглянула на дом старика... Но она устала. Размышления о Дункане всегда заканчивались тем, что она говорила себе: «Я не виновата. Сделала, что могла. Своих проблем хватает».

Эти отговорки привычно скользнули в голову, однако Вив услышала, как неподалеку часы отбивают четверть часа, и вспомнила о времени.

— Мистер Фрейзер...

— Называйте меня Роберт, ладно? — Он вновь заулыбался. — Вашему брату было бы приятно. Обо мне и говорить нечего.

— Роберт... — покорно сказала Вив.

— А мне можно называть вас Вивьен? Или как зовет вас Дункан — Вив?

— Пожалуйста, если хотите. — Вив чувствовала, что краснеет. — Мне все равно. Очень мило, что таким образом вы стараетесь помочь Дункану. По правде, я сейчас не могу об этом говорить. Нет

времени.

— Нет времени на брата?

— На брата есть, на разговоры нет.

Фрейзер прищурился.

— То есть мои мотивы вас не особо интересуют?

— Я просто их не знаю, — сказала Вив и добавила: — Не уверена, что вы сами знаете.

Фрейзер опять покраснел. Оба, пунцовые, посидели молча. Затем Вив шевельнулась и, готовясь уйти, сунула руки в карманы. Там среди старых автобусных билетов, завалявшейся мелочи и фантиков пальцы нащупали что-то еще: тяжелый тряпичный сверточек с золотым кольцом.

Сердце бухнуло. Вив резко встала.

— Мне пора. Извините, мистер Фрейзер.

— Роберт, — поправил он, тоже вставая.

— Извините, Роберт.

— Ничего. Мне тоже надо идти. Но послушайте, я не хочу, чтобы вы неправильно меня поняли. Позвольте вас проводить, и по дороге мы поговорим.

— Знаете, я...

— Вам в какую сторону?

Вив не хотела говорить. Фрейзер заметил, что она колеблется, и, видимо, предпочел истол-

ковать это как приглашение. Он пошел рядом; раз чиркнул ее рукавом и, картинно извинившись, отступил в сторону. Однако между ними произошло нечто странное. Получалось, что разрешением пойти с ней Вив перевела их отношения на чуть иной уровень. Возвращаясь на Оксфорд-стрит, они остановились на переходе, и в витрине Вив увидела свое отражение и взгляд Фрейзера. Тот заулыбался, поскольку видел то же самое: они выглядели парочкой — просто симпатичной молодой парочкой.

Фрейзер вел себя иначе. Когда они пробирались сквозь поток машин на Оксфорд- Серкус, он старался не отстать и говорил уже совсем другим тоном:

— Вы такая целеустремленная. В женщине мне это нравится. Встречаетесь с подругой?

Вив покачала головой.

— Значит, с приятелем?

— Ни с кем, — ответила она, только чтоб он заткнулся.

— Встречаетесь ни с кем? Ну, значит, это ненадолго... Послушайте, вы меня превратно поняли. Что, если мы начнем все заново и на сей раз чего-нибудь выпьем?

Они подошли к пивной на окраине Сохо. Не

останавливаясь, Вив помотала головой:

— Не могу.

Фрейзер коснулся ее руки.

— Даже на двадцать минут?

Чувствуя его настойчивые пальцы, Вив замедлила шаг и посмотрела ему в глаза. Он опять показался юным и серьезным.

— Извините, не могу. У меня есть дело.

— А мне с вами нельзя?

— Предпочла бы обойтись без помощников.

— Я могу вас подождать.

Вероятно, от его назойливости она поморщилась. Фрейзер потерянно огляделся.

— Да куда же вы так рветесь-то? По вечерам танцуете канкан? Даже если так, стесняться нечего. Вы убедитесь, насколько я широких взглядов. Я бы сидел среди публики и сдерживал хулиганье. — Он отбросил длинные волосы и улыбнулся. — Ну хоть позвольте еще немного вас проводить. Я не смогу считать себя джентльменом, если брошу вас одну на этих улицах.

Помешкав, Вив сказала:

— Ну хорошо. Я иду на Стрэнд. Если вам так хочется, можете проводить до Трафальгарской площади.

— Слушаюсь, до Трафальгарской площади, —

поклонился Фрейзер.

Он предложил Вив руку. Она не хотела ее брать, но подумала об убегающих минутах. Вив невесомо положила руку в сгиб его локтя, и они пошли вместе. На ощупь рука Фрейзера была удивительно крепкой, под пальцами в ритме ходьбы перекатывались мускулы.

Как Фрейзер и намекал, улицы, по которым они шли, выглядели весьма сомнительно: заколоченные досками дома, огороженные пустыри, унылого вида ночные клубы, пивные и итальянские кафе. Пахло гнилыми овощами, кирпичной пылью, чесноком и пармезаном; кое-где сквозь открытые двери и окна грохотала музыка. Вчера Вив проходила здесь одна, и какой-то мужчина, дернув ее за руку, с поддельным американским акцентом спросил: «Эй, бомба, скоко за перепихон?» Видимо, он хотел сделать своеобразный комплимент. Сегодня мужчины смотрели молча, признавая ее девушкой Фрейзера. Это забавляло и раздражало. Возможно, все это было заметней, потому что непривычно. С Реджи они никуда не ходили. Никогда не бывали в ночных клубах и ресторанах. Лишь перебирались из одного безлюдного места в другое или под радио сидели в его машине. Вив подумала, что может столк-

нуться со знакомым, и занервничала. Потом сообразила, что нервничать не из-за чего.

Пока шли, Фрейзер говорил о Дункане. Говорил так, словно они все уже согласовали и осталось чуть-чуть вдвоем поломать голову, чтобы проблема Дункана была решена. Сначала надо что-то делать с его работой на фабрике. В Шордиче есть приятель, который служит в типографии, он мог бы раздобыть Дункану место и обучить ремеслу. Есть еще знакомый, хозяин книжного магазина. Жалованье ничтожное, но, вероятно, такая работа Дункана привлечет больше. Как она считает?

Вив хмурилась и почти не слушала, сжимая в кармане кольцо и думая о времени.

— Что вы ко мне пристали, спросите Дункана! — наконец сказала она.

— Я лишь хотел узнать ваше мнение. Подумал... Ну, я надеялся, мы подружимся. Если нет, опять будем сталкиваться у мистера Манди и...

Они дошли до северо-западного угла Трафальгарской площади и замедлили шаг. Вив повертела головой, ища часы. Взглянув на Фрейзера, она заметила, что он как-то странно на нее смотрит.

— Что? — спросила Вив.

Он улыбнулся:

— Иногда вы так похожи на брата. Сейчас вы

смотрели, точно как он. Просто удивительно, как вы похожи, правда?

— Вы это уже говорили у мистера Манди.

— Вы не согласны?

— Наверное, самой это не определить. — Вив увидела часы на церкви Святого Мартина — без двадцати семь. — Ну все, мне действительно надо идти.

— Хорошо, еще одну минуту.

Порывшись в кармане пиджака, Фрейзер достал листок бумаги и карандаш. Быстро что-то написал — оказалось, номер телефона в доме, где он живет.

— Позвоните, если вдруг захотите поговорить с глазу на глаз, — сказал он, передавая листок. — В смысле, не только о брате. — Он улыбнулся. — О всяком.

— Хорошо. — Вив сунула листок в карман. — Да, хорошо. Я... — Она протянула руку. — Извините, мистер Фрейзер. Надо идти. До свиданья!

Не оглядываясь, Вив торопливо пересекла площадь. Наверное, он смотрит ей вслед и думает, что же это за встреча, зачем она понадобилась? Пускай. Вив шмыгнула в просвет между машинами и устремилась к Стрэнду.

Смеркалось уже быстрее. На улице было тем-

нее, чем в тот раз, когда они проезжали здесь с Реджи; в густых сумерках лица прохожих казались плоскими и одинаковыми, Вив на ходу вглядывалась в них со смесью разочарования, волнения и страха. Фрейзеру она сказала правду. Свидания не было. Она всего лишь искала Кей. За последние две недели Вив приходила сюда пятый или шестой раз. Надеялась увидеть, взглядом выхватить из толпы...

По северной стороне улице, откуда обзор был лучше, она подошла к кинотеатру «Тиволи». Замедлила шаг, потом встала у входа, стараясь не мешать зрителям.

Наверное, со стороны это выглядело дико — стоять и пристально всматриваться в лица публики. Все время кто-то казался похожим на Кей, тогда сердце бешено колотилось, и Вив порывалась подойти. Но вот человек приближался и всякий раз оказывался кем-то другим, совершенно непохожим — подростком или мужчиной в годах.

Вереница зрителей иссякала. Видимо, сеанс уже начался. Но сначала показывали киножурнал, а потом какой-нибудь мультик с Микки-Маусом. Наверное, глупо стоять здесь. Кей могла уже пройти. А все этот Фрейзер со своей болтовней! Вив притоптывала ногой. Может, стоит добежать

до кассы, купить билет и в зале пройти по рядам? Или найти место, откуда хорошо будут видны опоздавшие?

Затем вдруг подумалось: какой смысл? Вообще, есть ли вероятность, что Кей здесь появится? Может, она приходила всего раз на определенный фильм. Она может быть в любом другом месте Лондона! Какие шансы ее найти?

Очередь растаяла. Пробежала стайка мальчишек и девчонок — и все. Вив сунула руку в карман и сквозь тряпицу нащупала кольцо; она перебирала его в пальцах, понимая, что дальше ждать глупо, но уходить не хотела, не могла заставить себя все бросить и отправиться домой...

Рядом раздался мужской голос:

— Все еще ждете никого?

Вив подскочила. Фрейзер.

— Господи! Ну что вам еще?

Фрейзер поднял руки:

— Ничего! Я сидел на Трафальгарской площади, там, где вы меня оставили, и наблюдал за голубями. Они так успокаивают нервы, эти голубки! Совершенно забываешь о времени. Потом я пред-

ставил себя Берлингтоном Берти[23] и прогулялся по Стрэнду. Не ожидал, что вы еще здесь, честно. По вашему лицу видно, насколько вы мне рады. Не волнуйтесь, сами увидите, что в подобных делах я весьма порядочен. Вертеться под ногами и портить вам шансы с другим парнем не стану.

Через его плечо Вив еще всматривалась в лица прохожих. Потом до нее дошло, что сказал Фрейзер, и пропасть между тем, что он подумал, и истинной причиной стояния у кинотеатра вдруг отняла все силы. Вив опустила голову и сказала:

— Теперь уже не важно. Человек не придет.

— Откуда вы знаете?

— Просто знаю, — с горечью ответила Вив. — Вообще глупо ждать его здесь.

Она отвернулась. Фрейзер коснулся ее руки.

— Слушайте, извините меня, — тихо и серьезно сказал он.

Вив вздохнула.

— Все в порядке.

— Не похоже. Давайте где-нибудь выпьем...

— Не стоит беспокоиться.

---

23 Примечания: 23

Берлингтон Берти — герой старой (1914), по очень популярной песенки из репертуара звезды мюзик-холла Эллы Шилдз (1879-1952): Берлингтон Берги одет как денди и с перчатками в руке прогуливается по Стрэнду.

— Никакого беспокойства.

— У вас больше дел нет, что ли?

Фрейзер сник.

— Вообще-то, я обещал заглянуть к вашему брату. Думаю, ничего страшного, если он часок подождет. Пойдемте. — Он потянул ее за рукав.

Невольно оглядывая прохожих, Вив позволила увлечь себя к тротуару.

— Чуть дальше есть пивная, — показал Фрейзер.

— Нет, только не пивная, — замотала головой Вив.

— Ладно, не пивная. Кафе сгодится? Вон какое — с окном на улицу. Идемте туда. Если ваш друг все же появится...

Они вошли в кафе и заняли столик у двери. Фрейзер заказал кофе с пирожными. Вскоре освободился столик у окна, и они пересели.

В кафе было людно. Беспрестанно хлопала дверь, впуская и выпуская посетителей. От стойки беспрерывно доносились стук посуды и шипенье пара. Вив смотрела на улицу. Фрейзер временами тоже поглядывал, но в основном не сводил глаз с ее лица. Желая развеселить, он сказал:

— Я передумал насчет вас. Нет, канкан вы

не танцуете. Наверное, вы частный детектив. Теплее?

В чашке Вив остывал нетронутый кофе. Подали пирожные — нечто скверное цвета люминесцентной краски в дневном освещении, сверху украшенное завитком искусственного крема, который уже вновь превращался в воду. Есть не хотелось. Краем глаза Вив выглядывала пешеходов, похожих на Кей. Она почти забыла о Фрейзере и лишь смутно сознавала, что он умолк... Однако чуть спустя он снова заговорил, но теперь голос его звучал тускло:

— Надеюсь, он того стоит.

— Кто? — не поняла Вив.

— Парень, которого вы ждете. Сказать по правде, в моем ракурсе он выглядит совсем иначе. Раз уж доставляет вам такое беспокойство...

— Конечно, вы думаете, это «он», — сказала Вив, отворачиваясь к окну. — Абсолютно в духе мужчины.

— А что, нет?

— Нет. Это женщина, если уж вам так надо знать.

Сначала Фрейзер не поверил. Было видно, как он осмысливает новость. Потом откинулся на спинку стула и кивнул, но уже с другой миной:

— Ага, понятно. Супружница.

Вив ожгло от этой столь циничной и снисходительной реплики, которая была так далека от истины, но в чем-то так к ней близка. Интересно, что Дункан наболтал про нее и Реджи? Лицу стало жарко.

— Это... это совсем не то, что вы думаете, — сказала Вив.

Фрейзер вскинул руки:

— Уже сказано — я человек широких взглядов.

— Но это совсем другое. Просто...

Он смотрел ей в лицо. Его голубые глаза еще сохраняли налет снисходительности, но вместе с тем светились простодушием; глядя в них, Вив вдруг поняла, что за долгие годы это первый человек, с кем она говорила больше минуты и ни в чем не солгала. Дверь кафе распахнулась, впустив двух парней, которые тотчас стали балагурить с барменом; под прикрытием их смеха Вив тихо сказала:

— Я кое-кого здесь увидела, на позапрошлой неделе, и надеялась увидеть снова. Вот и все.

Фрейзер понял, что она говорит серьезно. Он придвинулся к столу и спросил:

— Подруга?

Вив опустила глаза.

— Просто женщина. Мы встретились, когда шла война.

— И договорились увидеться сегодня?

— Нет. Просто я увидела ее перед кинотеатром. Несколько вечеров я приходила и ждала. Казалось, если я это сделаю... — Вив смутилась. — Звучит по-идиотски, да? Я знаю. Дурь и есть. Но, понимаете, когда я ее увидела в тот раз, я... вроде как сбежала. А после пожалела. Она была добра ко мне. Ужасно добра. Кое-что для меня сделала.

— Вы потеряли с ней связь? — после недолгого молчания спросил Фрейзер. — В войну такое случалось сплошь и рядом.

— Нет, не то. Я бы могла ее разыскать, если б хотела, это было несложно. Понимаете, то, что она для меня сделала, напоминало о том, чего я не хотела вспоминать. — Вив тряхнула головой. — Глупо, конечно, потому что все равно я ничего не забыла.

Больше Фрейзер не выспрашивал. Они сидели перед дурацкими пирожными, он помешивал недопитый остывший кофе, раздумывая над ее словами. Потом все так же задумчиво сказал:

— Война — время доброты. Мы все стремимся забыть. Последнее время я работал с людьми, которые приехали из Германии и Польши. Их

рассказы — бог мой! Они рассказывали о таких ужасах и зверствах... я бы никогда не поверил, что в моей жизни появятся обычно одетые, неприметельные люди, которые расскажут такое... Но еще они рассказывали об удивительных вещах. О человеческой храбрости, о невероятной доброте. Наверное, после этих историй я... когда вновь встретился с вашим братом... Не знаю... В тюрьме он был добр ко мне, уж поверьте. Вероятно, как и эта женщина, ваша подруга, была добра к вам.

— Вообще-то, она даже не была подругой. Мы были незнакомы.

— Что ж, иногда к незнакомцам быть добрым легче, чем к самым близким людям. А вы подумали, что она-то могла вас забыть? Или не хочет, чтоб ей напоминали. И вообще, вы уверены, что это она?

— Она, — сказала Вив. — Я знаю, она. Просто знаю. Да, возможно, она меня забыла, возможно, не стоит ее тревожить. Но только... Не могу объяснить. Мне кажется правильным поступить так.

Внезапно она испугалась, что сказала слишком много. Хотелось попросить: не говорите Дункану, ладно? Но к чему это приведет, кроме еще одного секрета, теперь уже между ним и ею? Кому-то надо довериться; наверное, он прав: чужим до-

вериться легче... Вив ничего не сказала. Стала крошить пирожное. Потом взглянула в окно. Просто посмотрела на улицу, уже не выискивая Кей, в душе уверенная, что упустила свой единственный шанс.

Взгляд еще не успел за что-нибудь зацепиться, когда со стороны моста Ватерлоо возникла фигура — высокая, худая, весьма приметная и вовсе не похожая на парня или пожилого мужчину: руки в карманах брюк, небрежно свисает сигарета... Вив рванулась к окну. Фрейзер придвинулся следом.

— Что? — спрашивал он. — Увидели? Которая? Не та чванливая фифа?

— Не надо! — Вив отпрянула, утянув за собой Фрейзера. — Заметит!

— Я думал, в том и смысл. Что с вами? Разве не подойдете?

Вив оробела.

— Не знаю. Надо?

— Еще спрашиваете!

— Столько времени прошло. Решит, я чокнутая.

— Вам же хочется подойти?

— Да.

— Так вперед! Чего ждете?

Именно молодость и возбуждение, полыхавшие

в его голубых глазах, заставили ее это сделать. Вив вскочила и вылетела из кафе, перебежала через дорогу и догнала Кей у вращающихся дверей кинотеатра. Вынула из кармана завернутое в холстину кольцо и коснулась ее руки...

Все заняло пару минут. Оказалось, легче легкого. Ликуя, Вив вернулась в кафе. Она улыбалась и улыбалась. Глядя на нее, заулыбался и Фрейзер.

— Она вас вспомнила?

Вив кивнула.

— Обрадовалась вам?

— Не уверена. Она выглядит... иной. Наверное, с той поры все изменились.

— Вы еще встретитесь? Рады, что сделали это?

— Да, — сказала Вив. И повторила: — Я рада, что это сделала.

Она посмотрела на кинотеатр. Кей там не было. Но радость не исчезла. Ей все по силам! Вив допила кофе. Мысли скакали. Она думала о том, что сможет сделать. Может бросить работу! Уехать из Стритема и снять собственную квартирку! Позвонить Реджи! Сердце заколотилось. Можно прямо сейчас отыскать телефонную будку. Позвонить ему и сказать... Что? Между ними все кончено, навсегда! Она его простила, но прощения мало... От возможностей кружилась голова. Пусть она

ничего этого не сделает. Но как замечательно сознавать, что может!

Вив отставила чашку и рассмеялась. Фрейзер тоже засмеялся. Потом, улыбаясь, чуть нахмурился и покачал головой.

— Просто невероятно, как вы похожи на брата!

*

Когда вечером Хелен вернулась домой, квартира была пуста. Стоя в прихожей, она позвала Джулию, хотя сразу почувствовала мертвую тишину. Свет нигде не горел, в кухне плита и чайник совсем остыли. Первой дикой, идиотской мыслью было: «Джулия ушла»; обмирая от ужаса, Хелен прошла в спальню и медленно открыла дверцу шкафа, уверенная, что вся одежда Джулии исчезла... Все платья и чемоданы оказались на месте, как и щетка для волос, украшения и косметика, разбросанные на туалетном столике; прямо в пальто Хелен плюхнулась на кровать и облегченно вздрогнула.

«Дура набитая», — сказала она себе, едва не рассмеявшись.

Однако где же Джулия? Хелен вернулась к гардеробу. Беглый обзор показал, что Джулия надела самое красивое платье и лучшее пальто. Вместо

потертой сумочки взяла приличную. Может, решила проведать родителей? Могла пойти на встречу с литературным агентом или издателем. «Или к Урсуле Уоринг», — пискнул гадкий голосок из темного закутка сознания, но Хелен не стала его слушать. Джулия встречается с редактором или агентом; видимо, в своей обычной манере агент позвонил в последнюю минуту и попросил забежать в контору, чтобы подмахнуть какую-нибудь бумагу, — что-то в этом роде.

Но тогда Джулия оставила бы записку. Хелен сняла пальто и уже спокойно стала осматривать квартиру. Вернулась на кухню. Возле кладовки на гвозде висел медный зажим в виде руки — для списков покупок и записок; но лапа держала лишь старые послания. Хелен поискала на полу — вдруг бумажка слетела. Осмотрела кухонные столы, полки и, ничего не найдя, стала искать в самых невероятных местах — в ванной, под диванными подушками, в карманах Джулиных кофт. Наконец Хелен почувствовала, что эти поиски привели ее на грань паники и компуль-

сивности.[24] В голове опять возник сволочной голосок, который подметил: она тут как слабоумная роется в мусоре, а Джулия развлекается с Урсулой Уоринг или другой женщиной и смеется при одной мысли о ней...

Хелен шуганула голосок. Загнала поглубже, точно сжала пружину ухмыляющегося чертика из коробки. Подобным мыслям она не поддастся. Семь часов, обычный вечер, она проголодалась. Все абсолютно нормально. Джулия сама не ожидала, что так припоздднится. Задерживается, только и всего. Господи, люди вечно задерживаются! Хелен решила приготовить ужин. Собрала ингредиенты для картофельной запеканки с мясом и сказала себе: когда запеканка отправится в духовку, Джулия уже будет дома.

Хелен включила радио на самую малую громкость и все время, пока грела воду, обжаривала фарш, толкла картофель, напряженно прислушивалась, не раздастся ли звук ключа, который вставляют в замочную скважину.

Когда блюдо поспело, она не могла решить:

---

24 Примечания: 24

Компульсивность — психологический термин для обозначения болезненного навязчивого состояния, вынуждающего человека совершать бесконечные действия — например, из-за боязни заразиться все время мыть руки и т. п.

ждать Джулию или нет. Хелен разложила запеканку по тарелкам и поставила в духовку, чтобы не остыла. Медленно перемыла и вытерла посуду. Сейчас она с этим закончит, и тогда уж точно Джулия вернется, они вместе сядут за стол. В животе уже сосало. Закончив мытье посуды, Хелен достала из духовки и поковыряла вилкой свою порцию. Она собиралась проглотить пару кусочков, чтобы заморить червячка, но съела все, в фартуке стоя перед запотевшим плачущим окном и слушая, как во дворе супруги-соседи затевают то ли новую свару, то ли проигрывают вариант старой. «Заткни себе в жопу!»

После долгого пребывания в ярко освещенной кухне остальная квартира казалась сумрачной. Хелен быстро прошла по комнатам, зажигая свет. Потом спустилась в гостиную и налила себе джина с водой. Села на диван, достала вязанье и минут пять-десять вязала. Пряжа будто нарочно путалась в сухих пальцах. Джин лишь добавил настроению мрачности и беспокойства, сделал неловкой. Хелен отбросила вязанье и встала. Снова вернулась на кухню, по-прежнему рассеянно ища взглядом какую-нибудь записку. Подошла к узкой лестнице, что вела в кабинет Джулии. Нестерпимо захотелось туда войти.

Стесняться нечего, думала она, взбираясь по ступенькам. Джулия никогда не говорила, что Хелен лучше бы держаться от кабинета подальше. Подобная тема ни разу не возникала, наоборот, бывали случаи, когда Джулия отправлялась на какую-нибудь встречу, а потом звонила: «Хелен, извини, я идиотка и забыла бумаги. Ты не сбегаешь в мою комнату, не найдешь?» Значит, она не возражала, чтобы Хелен посмотрела даже в ящиках стола, которые, хоть имели замки, никогда не запирались.

И все же в посещении кабинета без Джулии было нечто тревожное и воровское. Словно ты маленькая и входишь в спальню родителей, подозревая, что здесь определенно творятся невообразимые вещи, которые связаны с тобой и вместе с тем абсолютно для тебя запретны... Во всяком случае, так казалось. Это ощущение не покидало и сейчас, когда Хелен не поднимала бумаги и не заглядывала осторожно в незапечатанные конверты, а лишь озиралась, стоя посреди комнаты.

Кабинет занимал почти всю мансарду. Сумрачная тихая комната с покатым потолком — настоящий писательский чердак, шутили они с Джулией. Бледно-оливковые стены, подлин-

ный турецкий коврик, лишь слегка потертый. Возле одного окна массивный, как у банкира, стол с вращающимся стулом, у другого — старый кожаный диван: Джулия писала залпами и в перерывах любила подремать или почитать. На столике возле дивана немытые чашки и стаканы, блюдце с бисквитными крошками, пепельница, просыпанный пепел. На чашках и окурках следы помады. На бокале жирный отпечаток большого пальца. И вообще повсюду следы Джулии: темные волоски на диванных подушках, шлепанцы под столом, обрезанный ноготь возле корзины для бумаг, ресничка, осыпавшаяся пудра.

«Если б мне сегодня сообщили, что Джулия умерла, — подумала Хелен, — я бы точно так же пришла сюда, и весь этот хлам стал бы деталями трагедии». Однако сейчас она переводила взгляд с предмета на предмет и чувствовала, как в ней шевелится знакомая, но неприятная мешанина эмоций: нежность, раздражение и страх. Хелен вспомнила взбалмошную манеру сочинительства Джулии в той квартирке на Макленбург-Сквер, о которой рассказывала днем, когда они с Вив сидели на пожарной площадке. Вспомнила, как лежала на кушетке, а Джулия при свете единственной свечи работала за шатким

столом — рука ее покоилась на странице и словно баюкала пламя, свет, отражаясь от ладони, падал на красивое лицо... Наконец, совершенно измученная многочасовым письмом, она приходила в постель, но лежала без сна, мысли ее витали далеко; иногда Хелен нежно касалась ее лба и будто чувствовала, как под рукой пчелиным роем толкаются и жужжат слова. Хелен не роптала. Ей даже нравилось. В конце концов, роман — всего лишь книга, его персонажи нереальны, а вот она, Хелен, живая и может лежать рядом с Джулией, касаясь ее чела...

Хелен подошла к столу. И здесь присущий Джулии бедлам: изгвазданное чернилами пресс-папье, опрокинутая банка с веревочными скрепками, груда бумаги вперемежку с грязными носовыми платками, конвертами, засохшей яблочной кожурой и тесьмой. Посреди этого расположился дешевый синий блокнот, в каких Джулия делала записи. На обложке значилось «Немощь-2» — здесь были планы книги, над которой она работала сейчас; действие происходило в богадельне, роман назывался «Немощен, тогда умри». Название предложила Хелен. Она знала все хитросплетения замысловатого сюжета. Ей были абсолютно ясны таинственные записи, ко-

торые она увидела, открыв блокнот: «Инспектор Б. — в Мейдстон, проверить реал, врем.; сестра Прингл — сироп, не игла!!» Здесь не было такого, чего бы она не поняла. Все привычно и знакомо, как собственная перекошенная физиономия.

Отчего же тогда казалось, что Джулия удаляется — тем дальше, чем ближе Хелен подходила к ее вещам? И все-таки где же она сейчас? Хелен вновь открыла блокнот и стала отчаянно пролистывать страницы, будто ища отгадку. Встряхнула измазанный чернилами платок. Глянула под пресс-папье. Открыла ящики. Подняла бумагу, конверт, книгу...

Под книгой лежал двухнедельной давности номер «Радио таймс», раскрытый на заметке о Джулии.

УРСУЛА УОРИНГ

представляет новый захватывающий роман

Джулии Стэндинг...

И маленькое фото. Фотографироваться Джулия ездила в Мейфэр, и Хелен поехала с ней, чтоб было веселее. Никакого веселья не вышло. Хелен чувствовала себя уродливой школьницей,

которая сопровождает в парикмахерский салон красавицу подругу: держала Джулину сумочку и смотрела, как фотограф хлопочет над Джулией — придает позу, своими лапами поправляет ей волосы и наклон головы, складывает ее руки. Фотографии вышли льстивыми, но Джулия притворялась, что результат ей не нравится; она получилась чарующей, однако не в той степени, в какой без всяких усилий становилась в жизни, когда слонялась по квартире в мятых брюках и залатанных рубашках. Джулия получилась*манящей*. Хелен не могла найти более точного слова. Она в ужасе представляла всяких обывателей, которые цапнули с прилавка журнал и, открыв на странице с портретом Джулии, восхищенно бормочут под нос: «Ух, симпатяга!» Они представали скопищем жирных рук, которые затрут профиль на монете, или драчливых птиц, которые по крошке расклюют Джулию...

Втайне Хелен радовалась, когда номер устарел и вышел следующий. Однако сейчас, когда она смотрела на фото Джулии и имя Урсулы Уоринг, старые тревоги вспыхнули с новой силой. Хелен присела на корточки, закрыла глаза и лбом ткнулась в край стола, прижавшись к нему до боли. «Я стерплю и не такую боль, лишь бы увериться

в Джулии!» — думала она. А чем бы она в самом деле пожертвовала? Отдала бы кончик пальца на руке, весь палец на ноге, день в конце жизни. Наверное, существует закон вроде того, в какой верили в Средние века: человек может заслужить то, чего страстно желает, если претерпит биченье, выжигание клейма, рассечение ножом. Хелен почти желала, чтобы Джулия потерпела неудачу. Мысленно произнесла: «Пусть она ляпнется!» Вот же засранка! Надо же, до чего додумалась! Такое пожелать Джулии! «Все потому, что люблю ее», — в отчаянии сказала она себе...

В этот момент в замке входной двери заскрежетал ключ. Хелен вскочила, выключила свет и ринулась вниз; в кухне она притворилась, что чем-то занята у раковины: открыла кран, налила в стакан воды и вылила. Не оборачивалась. «Все нормально, — думала она. — Не суетись. Держись естественно. Абсолютно спокойно».

Джулия ее чмокнула; Хелен учуяла запах вина и табака, отметила сияющее довольством раскрасневшееся лицо. И тогда сердце захлопнулось, точно капкан, хотя она изо всех сил пыталась разжать его челюсти.

— Дорогая, прости, пожалуйста, — сказала Джулия.

— За что ты извиняешься? — холодно спросила Хелен.

— Я так задержалась! Думала, приду раньше. Случайно вышло.

— Где ты была?

Джулия отвернулась и легко ответила:

— Да так, с Урсулой. Она пригласила меня на чай. А потом, знаешь, как это бывает, чай перешел в ужин...

— На чай?

— Да. — Джулия направилась в прихожую, снимая пальто и шляпу.

— На тебя не похоже — прерывать днем работу.

— Ой, до этого я гору свернула. Работала как каторжная с девяти до четырех. Урсула позвонила, и я решила...

— Я звонила тебе без десяти два. Ты еще работала?

Джулия ответила не сразу. Потом из прихожей крикнула:

— Без десяти два? Надо же, какая точность. Наверное, работала.

— И не помнишь, что звонил телефон?

— Видимо, я была внизу.

Хелен зашла в прихожую.

— Однако звонок Урсулы Уоринг ты услышала.

Перед зеркалом Джулия поправляла волосы.

— Не надо, Хелен, — как-то снисходительно сказала она. Потом обернулась и нахмурилась. — Что у тебя с лицом? Лоб весь красный. Иди посмотри.

Она протянула руку, но Хелен ее оттолкнула.

— Я понятия не имела, где ты шляешься! Ты что, записку не могла оставить?

— И в голову не пришло. Зачем оставлять записку, когда выходишь на ланч...

— На ланч? — вскинулась Хелен. — Значит, все-таки не на чай?

Румяные щеки Джулии еще потемнели. Опустив голову, она прошла мимо Хелен в спальню.

— Боже мой, ланч я сказала для примера!

— Я тебе не верю. — Хелен шла следом. — Думаю, ты провела с Урсулой Уоринг весь день. — Молчание. — Так?

У туалетного столика Джулия доставала из пачки сигарету. Уловив задиристость в голосе Хелен, она замерла с сигаретой у рта, потом сощурилась и гадливо тряхнула головой.

— Неужели когда-то подобное льстило? — сказала она. — Поверить не могу.

Джулия отвернулась, чиркнула спичкой и

хладнокровно прикурила сигарету. Когда она снова обернулась, лицо ее изменилось — было неподвижно и казалось вырезанным из цветного мрамора или куска дерева без единого сучка. Джулия вынула изо рта сигарету и произнесла ровным, предостерегающим тоном:

— Не надо, Хелен.

— Что — не надо? — притворно изумилась Хелен. Однако часть ее съеживалась от собственных слов и бесконечно стыдилась чудища, каким себя выставляла. — Не надо — что, Джулия?

— Не начинай... Господи! Я не собираюсь здесь топтаться и все это выслушивать. — Она оттолкнула Хелен и вернулась на кухню.

Хелен пошла за ней.

— То есть не собираешься здесь топтаться, чтобы я не поймала тебя на вранье. Ужин готов, но полагаю, он тебе без надобности. Вероятно, Урсула Уоринг сводила тебя в шикарный ресторан. Где, наверное, полно типов с Би-би-си. Какое наслаждение! А мне вот пришлось отужинать в одиночестве. Стоя у чертовой плиты, не снимая фартука.

На лице Джулии вновь появилось выражение гадливости, но потом она рассмеялась:

— А почему так-то?

Хелен и сама не знала. Теперь это казалось нелепым. Если б она могла рассмеяться вместе с Джулией! Если б могла сказать: «Господи, какая же я дура!» Она казалась себе человеком, упавшим за борт. Вот Джулия курит и ставит на плиту чайник — это все равно что видеть на палубе пассажиров, которые заняты обычными делами, прогуливаются, потягивают напитки. Еще есть время вскинуть руку и крикнуть: «Помогите!» Корабль еще успеет развернуться, и ее спасут...

Но Хелен не крикнула, и через мгновенье времени не осталось совсем; корабль наддал, и она, одинокая и беспомощная, захлебывалась на серой равнине моря. Она барахталась. Бесновалась. Бешено шипела. Джулии-то хорошо. Делает, что захочет. Неужели Джулия полагает, будто ей неизвестно, что творится за ее спиной, когда она горбатится на службе... Неужели считает, что ее можно одурачить? Да едва она вошла в дом, как поняла, что Джулия с Урсулой Уоринг! Что Джулия себе вообразила?.. И так далее. Раньше она отшвыривала ухмыляющуюся сволочь из коробочки. Но теперь та выскочила, и мерзкий голосок стал голосом Хелен.

С каменным выражением лица Джулия перемещалась по кухне, готовя чай.

— Нет, Хелен, — время от времени устало говорила она. — Все было не так. Не будь посмешищем.

— Все же, когда вы сговорились? — спросила Хелен.

— Господи, о чем?

— О вашей свиданке с Урсулой Уоринг!

— Свиданка! Она позвонила где-то с утра. Какое это имеет значение?

— Очевидно, имеет, раз ты вынуждена егозить и выкручиваться. Раз тебе приходится врать...

— А как иначе? — крикнула Джулия; терпение ее наконец лопнуло, и она грохнула чашкой, расплескав чай. — Потому что я знаю, что ты вот так себя и поведешь! Ты все переворачиваешь! Я у тебя всегда виновата. Господи! Я даже сама чувствую себя виноватой! — Джулия понизила голос, и в гневе памятуя о супружеской паре внизу. — Если бы всякий раз, как я встречаюсь или знакомлюсь с какой-нибудь женщиной... Боже мой! На днях позвонила Дафни Риз. Пригласила на ланч — просто на ланч! — и я отказалась, мол, очень занята. Потому что знаю, что ты вообразишь. Месяц назад было письмо от Филлис Лангдейл. О нем ты не знала, да? Пишет, как славно было бы, если б мы с тобой пришли на вечеринку к Каролине.

Я хотела ответить и рассказать, какую истерику ты бы закатила в такси по дороге домой! Вот уж было бы письмецо! «Дорогая Филлис, я бы с удовольствием с тобой выпила, но дело в том, что моя подруга, как говорится, из ревнивиц. Если б ты была замужем, или чрезвычайной уродиной, или калекой, ситуация, вероятно, сложилась бы иначе. Но одинокая и даже чуть привлекательная женщина — нет, дорогая, я не могу так рисковать! Не имеет значения, если девушка натуралка; видимо, я настолько неотразима, что даже если она не безудержная лесбиянка, когда садится со мной за коктейль, непременно ею станет, едва допьет свой стакан!»

— Заткнись! — крикнула Хелен. — Пытаешься сделать из меня идиотку? Я не идиотка! Знаю, что ты из себя представляешь, какая ты! Видела тебя с женщинами...

— Думаешь, меня интересуют другие женщины? — засмеялась Джулия. — Если бы!

— Что ты хочешь сказать? — уставилась на нее Хелен.

Джулия отвернулась.

— Ничего. Ничего, Хелен. Просто меня всегда удивляло, что тебя так... заклинило на траханье. Из-за чего сыр-бор? Это что... не знаю... вроде

католицизма? Во всех видишь католиков, если сама исповедуешь эту веру?

Она посмотрела Хелен в глаза и снова отвернулась. Постояли молча.

— Иди ты в жопу! — Хелен развернулась и пошла вниз в гостиную.

Она сказала это тихо и шла спокойно, но клокотавшая в ней ярость испугала ее саму. Сидеть, не двигаться она не могла. Допила оставшийся джин и снова наполнила стакан. Закурила, но почти сразу погасила сигарету. Встала к камину, ее трясло; она боялась, что в любую секунду может с визгом заметаться по дому, сбрасывать с полок книги, рвать диванные подушки. Наверное, сейчас она бы запросто выдрала себе волосы. Подсунь кто-нибудь нож, зарезала бы себя.

Вскоре Хелен услышала, как Джулия прошла к себе в кабинет и закрыла дверь. Потом наступила тишина. Что она там делает? Зачем понадобилось закрывать дверь? Наверное, звонит по телефону... От размышлений уверенность только крепла. Точно, звонит Урсуле Уоринг — жалуется, смеется, уславливается о новой встрече... Какая мука — быть в неведении! Нестерпимо. С дьявольской сноровкой Хелен прокралась к лестнице и, затаив дыхание, прислушалась.

В прихожей она увидела себя в зеркале — собственное красное искаженное лицо вызвало гадливость. Жуткая мерзость. Хелен рукой загородила глаза и вернулась в гостиную. И мысли не было, чтоб подняться к Джулии.

Теперь казалось естественным, что Джулия питает к ней отвращение и хочет спрятаться; она сама так себя ненавидела, что желала бы выпрыгнуть из собственной шкуры. Хелен задыхалась, будто попала в силок. Она постояла, не зная, что с собой делать, затем прошла к окну и отдернула штору. Взглянула на улицу, палисадник, дома с облупившейся лепниной. Лживый мир, который хочет ее одурачить и позубоскалить над ней. Под руку прошли мужчина и женщина; улыбаются — видимо, знают секрет, который утратила она; как жить легко, в доверии, не опасаясь.

Хелен села и погасила лампу. Внизу из комнаты в комнату перекрикивались супруги с дочкой; девочка завела патефон и без конца гоняла одну и ту же заедавшую пластинку с детской песенкой. Сверху не доносилось ни звука; часов в десять Джулия открыла дверь и тихо спустилась в кухню. Хелен различала малейшие движения: вот походила по кухне и прошла в спальню; теперь спустилась в уборную; потом зашла в ванную

— ополоснуть лицо; затем опять вернулась в спальню и выключила свет; заскрипели половицы — Джулия разделась и легла в постель. Она не попыталась заговорить с Хелен, даже не заглянула в гостиную, а Хелен ее не окликнула. Дверь в спальню притворена, но не плотно — еще с четверть часа на лестничный пролет падал свет ночника, потом исчез.

Теперь дом погрузился в полную темноту; от мрака и тишины стало еще хуже. Стоило лишь протянуть руку к выключателю лампы или тумблеру приемника, чтобы атмосфера переменилась, но сил не было; ее будто отсекли от обычных привычек и вещей. Хелен еще посидела, затем поднялась и стала расхаживать по комнате. Это показалось нарочным — точно актриса в пьесе, когда пытается изобразить безумное отчаяние. Хелен легла на пол, подтянула ноги и закрыла руками лицо; поза тоже казалась неестественной, но она лежала так минут двадцать. «Вдруг Джулия спустится и увидит меня на полу», — думала Хелен, надеясь, что вот тогда подруга поймет всю мучительность ее переживаний.

Наконец до нее дошло, что это выглядело бы нелепо и больше ничего. Хелен встала. Пробирала зябкая дрожь. Подошла к зеркалу. В темной

комнате смотреть на свое отражение было страшновато, но с улицы проникал слабый свет фонаря, и на щеке и голой руке она разглядела темные и светлые рубчики, оставленные ковром. Отметины принесли хоть какое-то удовлетворение. Вообще-то, Хелен часто хотелось, чтобы ее ревность обрела какую-нибудь зримую форму; в подобные моменты она иногда думала: «Обожгу, порежу себя». Ибо ожог или порез можно показать, можно нянчить; рубец или шрам стал бы горестным знаком переживаний, которые вышли на поверхность, а не разъедают изнутри. Сейчас мысль о шраме возникла снова. Пришла как решение проблемы. «Я не стану этого делать, словно какая-то истеричка, — сказала себе Хелен. — Не ради Джулии, надеясь, что она застанет меня. Ничего такого вроде лежанья на полу гостиной. Я сделаю это для себя, тайно».

Она не дала себе подумать над тем, что затея окажется весьма паршивым секретом. Хелен тихо поднялась в кухню и взяла из шкафчика свой несессер; затем спустилась в ванную, осторожно заперла дверь, включила свет и сразу почувствовала себя лучше. Яркий свет напоминал освещение операционных в кино; обнаженные белые стенки ванны и раковины также

способствовали больничному впечатлению, отпущению деловитости и даже врачебного долга. Никакая она не истеричка. Хелен посмотрелась в зеркало: краснота сошла, вид вполне здравый и спокойный.

Она действовала так, словно заранее продумала всю операцию. Из несессера достала узкую хромированную коробочку с безопасной бритвой, которой они с Джулией брили ноги. Развинтила станок, сняла железную крышечку и вынула лезвие. Какое тонкое и гибкое! Совсем невесомое, точно облатка, фишка или почтовая марка. Единственная забота — где резать? Хелен взглянула на внутреннюю сторону руки, где плоть мягче и податливей. По той же причине годился и живот. Запястья, щиколотки, голени и прочие жесткие части не рассматривались. В конечном счете выбор был сделан в пользу внутренней стороны ляжки. Хелен поставила ногу на закругленный край ванны; потом сочла позу слишком напряженной и, вытянув ногу, ступней уперлась в стенку. Задрала юбку и сначала хотела заткнуть ее в трусы, но потом решила снять совсем. А то еще кровью измажешь. Кто его знает, сколько вытечет?

На фоне белой ванны ляжка выглядела огром-

ным куском бледно-кремовой плоти. Прежде в таком ракурсе ее видеть не доводилось, и сейчас Хелен даже опешила, насколько она бесформенная. Если б пришлось увидеть ее в отдельности, вряд ли догадаешься, что это функциональная часть конечности. За свою тоже не примешь.

Двумя пальцами Хелен растянула кожу, прислушалась, удостоверяясь, что в вестибюле никого нет, затем поднесла лезвие к ноге и сделала надрез. Он получился неглубоким, но нестерпимо болезненным — точно вошла в ледяную воду и захолонуло сердце. Хелен перевела дыхание и секанула еще раз. Ощущение то же. Она буквально задохнулась. «Давай снова, только быстро!» — сказала себе Хелен; однако тонкость и гибкость металла, которые прежде чуть ли не притягивали, теперь, в сочетании с пружинящей полнотой ляжки, вызывали отвращение. Надрезы получились слишком аккуратные. Ранки медленно и словно нехотя наполнились кровью, которая вроде бы тотчас потемнела и свернулась. Края уже сошлись; бритвой Хелен их раздвинула. Кровь потекла чуть сильнее. Наконец перелилась через ранку и стала вязкой. Хелен с минуту наблюдала, еще два-три раза бередила порезы, вызывая кровь, затем постаралась начисто вытереть ногу

смоченным в воде носовым платком.

Остались две короткие малиновые полоски — будто после крепкого, но игривого удара кошачьей лапы.

Хелен присела на край ванны. Казалось, шок от процедуры произвел в ней некую перемену, подобную воздействию лекарства: она чувствовала себя неестественно просветленной, бодрой и умиротворенной. Разрезание ноги уже не выглядело здравым и разумным делом; не дай бог, если б Джулия или кто из знакомых ее застукал. Умерла бы со стыда! И все же... На малиновые полоски она поглядывала ошеломленно, но с долей восхищения. «Ты полная дура», — сказала себе Хелен, но сказала почти весело. Она сполоснула лезвие, вставила в станок и убрала в коробочку. Выключила свет, дала глазам привыкнуть к темноте, вышла в вестибюль и поднялась в спальню.

Джулия лежала спиной к двери на своей стороне кровати; лицо в темноте, волосы на подушке казались очень темными. Не определишь, спит или нет.

— Джулия, — тихо позвала Хелен.

— Что? — через паузу последовал вопрос.

— Прости меня. Пожалуйста. Ты меня ненавидишь?

— Да.

— Невозможно ненавидеть меня больше, чем я сама.

Джулия перевернулась на спину:

— Это нужно воспринимать как утешение?

— Не знаю. — Хелен подошла и коснулась ее головы.

Джулия вздрогнула.

— У тебя рука ледяная! Не трогай меня! — Она взяла руку Хелен. — Боже мой, почему ты такая холодная? Где ты была?

— Нигде. В ванной.

— Залезай в кровать, слышишь!

Хелен отошла раздеться, вынуть шпильки и натянуть ночнушку, двигаясь как побитая собачонка. Когда она улеглась рядом с Джулией, та сказала:

— Ты прямо ледышка!

— Извини. — До этого Хелен не замечала холода, но теперь ощутила тепло тела Джулии, и ее забила дрожь. — Прости, — повторила она.

Клацали зубы. Хелен попыталась сдержаться, но затрясло еще сильнее.

— Господи!

Джулия ее обняла и притянула к себе. Она была в мальчишеской полосатой ночной рубашке,

от которой пахло сном, неубранной постелью и немытыми волосами, но запах был нежный и приятный. Хелен прижалась и закрыла глаза — опустошенная, без сил. Вспомнила прошедший вечер и подивилась, что несколько часов могут вместить в себя столько разных яростных чувств.

Видимо, Джулия думала о том же. Подняла руку и растерла лицо.

— Ну и вечерок! — сказала она.

— Ты меня вправду ненавидишь?

— Да. Нет, вряд ли.

— Ничего не могу с собой поделать. Я себя не помню, когда такая. Это как...

Но объяснить не удалось — и никогда не удавалось. Всегда выходило как-то по-детски. Не передать беспредельный ужас того, как в тебе копошится, скачет и пожирает тебя морщинистый гномик, не описать изнеможения после того, как загонишь его обратно в грудь, не выразить, как страшно знать, что он живет в тебе и ждет момента, чтобы выпрыгнуть снова...

Хелен лишь сказала:

— Я тебя люблю, Джулия.

И Джулия ответила:

— Идиотка. Спи.

Больше не говорили. Сначала Джулия была напряжена, но вскоре расслабилась, задышала глубже и медленнее. Раз дернулась, словно испугавшись во сне, отчего и Хелен подскочила, но тотчас вновь успокоилась. С улицы доносились голоса. Кто-то засмеялся и пробежал по тротуару. За стенкой выдернули из розетки штепсель, заскрипела и с грохотом закрылась оконная рама.

Джулия опять беспокойно зашевелилась во сне. Интересно, кто ей снится? Не Урсула же Уоринг, в конце-то концов? «Но и не я», — подумала Хелен. В умиротворенном бодрствовании все стало предельно ясно: Джулия задержалась допоздна, хотя вполне могла оставить записку, запросто устроить все иначе, сделать это тайком или не делать вовсе... «Не надо, Хелен», — раздраженно говорила она всякий раз. Но если она не хотела скандалов, почему с такой легкостью давала повод их устраивать? Наверное, в глубине души она их желала. Стремилась к ним, ибо понимала — без них ничего нет, только омертвелая пустота ее высохшего сердца.

«Когда же Джулия меня разлюбила?» Следовать за мыслью было слишком страшно, к тому же все силы иссякли. Лежа с открытыми глазами, Хелен еще прижималась к Джулии, еще чувствовала

жар ее тела и ровное дыхание. Но потом Джулия пошевелилась и отодвинулась.

Рука скользнула по ночнушке Джулии, и Хелен вспомнила кое-что еще — так, ерунду: пижаму, которая в войну у нее была, а потом пропала. Атласная пижама перламутрового цвета; сейчас, когда Хелен, одинокая и нетронутая, в темноте лежала рядом с Джулией, эта пижама казалась самой прекрасной на свете.

*

Вернувшись с работы, Дункан нагрел целый чайник воды; в своей комнате он разделся до нижней рубашки и вымыл руки и голову, чтобы изгнать фабричный запах и выглядеть как можно лучше для вечера с Фрейзером.

Все еще в сорочке и брюках, он сошел вниз и начистил ботинки, а затем, подложив полотенце, на кухонном столе выгладил рубашку с мягким воротничком, какую носил Фрейзер. Надев еще горячую от утюга рубашку, Дункан оставил верхнюю пуговицу расстегнутой, опять же в манере Фрейзера. Он решил не смазывать волосы бриллиантином. Перед зеркалом спальни Дункан по-всякому с ними комбинировал, пробуя разные проборы и пытаясь заставить прядь ниспадать

на лоб... Однако высохшие волосы распушились, сделав его похожим на мальчугана с рекламы мыла «Перз» в «Пузырьках». Дункан все же прибегнул к бриллиантину, тревожась, не поздно ли теперь, и еще минут пять-десять работал гребешком, придавая волосам нужную волнистость.

Закончив, он спустился к мистеру Манди, который с вымученной веселостью сказал:

— Вот это да! Вот уж нынче девушки порадуются! Когда он придет, сынок?

— В половине седьмого, как в прошлый раз, — смущенно ответил Дункан. — Сходим в пивную у реки, только в другую. Фрейзер говорит, там пиво лучше.

Лицо мистера Манди еще растягивалось в пугающей улыбке.

— Да уж, — покивал он. — Девушкам и невдомек, какой удар их нынче ждет!

Мистер Манди ошалел, когда две недели назад Дункан привел Фрейзера. И тот обалдел. Они сидели втроем, не зная, о чем говорить; в конце концов положение спасла кошечка, когда простодушно вошла в гостиную. Минут двадцать ее заставляли гоняться за веревочкой. Дункан даже улегся на пол и продемонстрировал трюк с ходьбой по спине. С тех пор мистер Манди был как

подстреленный. Горбился, усилилась хромота. При следующем посещении кривобокого дома на окраине Лавендер-Хилл мистер Леонард пришел в ужас от перемен, произошедших в пациенте. С еще большей страстью он говорил о необходимости противостоять соблазну Заблуждения и Ложной Веры.

Нынче Дункан хотел уйти из дома сразу, как появится Фрейзер. Они с мистером Манди выпили чаю, потом вместе вымыли посуду; едва сложили тарелки, Дункан надел пиджак. В гостиной он сел на краешек стула, готовый при стуке в дверь сорваться с места. Чтобы выглядеть беспечным, а время шло быстрее, Дункан взял библиотечную книгу о старинном серебре. Водя пальцем по таблице символов, он старался запомнить значение якорей, корон, львов и чертополоха, но постоянно прислушивался, не стучат ли в дверь... Минула половина седьмого. Дункан занервничал. Стал воображать всякие обычные причины, какие могли задержать Фрейзера. Представлял, что сейчас он появится у дверей, запыхавшийся, как тогда у фабричных ворот. Раскрасневшийся, он скажет, поправляя упавшие на лоб волосы: «Пирс! Ты уж, наверное, плюнул ждать? Извини. Понимаешь...» С каждой минутой придумывались все более

дикие оправдания. Фрейзер застрял в метро и сходит с ума от беспокойства. На его глазах человека сбила машина, пришлось вызывать «скорую»!

В четверть восьмого Дункан испугался, что Фрейзер приходил, стучал и ушел, потому что не открыли. Мистер Манди включил приемник довольно громко. Под предлогом, что хочет пить, Дункан вышел в прихожую и, наклонив голову, замер, прислушиваясь к шагам; потом очень тихо открыл входную дверь и выглянул на улицу. Никаких признаков Фрейзера. Дункан вернулся в гостиную, оставив дверь приоткрытой. По радио шла уже другая передача, через полчаса ее сменила новая. Напольные часы глухо и тяжело отбивали время.

Лишь в половине десятого Дункан понял, что Фрейзер не придет. Разочарование было ужасным, но он привык к огорчениям; первый ожог стих, сменившись устойчивой пустотой в душе. Дункан отложил книгу с неизученной таблицей символов. Он чувствовал взгляд мистера Манди, но не мог заставить себя поднять глаза. Старик неуклюже подошел, легонько потрепал его по плечу и сказал:

— Ничего. Видно, дела задержали. Или встретил дружков. Так бывает, помяни мое слово!

Дункан промолчал. Прикосновение руки мистера Манди было почти ненавистно. Старик подождал ответа и отошел. Направился в кухню. Он плотно притворил за собой дверь гостиной, и Дункан вдруг ощутил тесноту и духоту сумеречной загроможденной комнатки. Возникло жуткое чувство, что он бесконечно падает в узкую шахту колодца.

Но паника, подобно разочарованию, вспыхнула и угасла. Мистер Манди вернулся с чашкой какао; Дункан безропотно ее принял и выпил. Потом сам отнес на кухню и вымыл, вертя и вертя под струей холодной воды. Молоко, что оставалось в кастрюльке, вылил в кошкино блюдце на полу. Сходил в уборную во дворе и недолго постоял, глядя в небо.

Когда вернулся в гостиную, мистер Манди уже встряхивал диванные подушки, готовясь отойти ко сну. Дункан смотрел, как он гасит лампы, переходя от одной к другой. Гостиная погружалась в темноту, лица на картинах и безделушки на каминной полке уходили в тень. Было всего десять часов.

Вместе они поднялись по лестнице, медленно одолевая каждую ступеньку. Мистер Манди держался за согнутую кренделем руку Дункана; на

площадке остановился перевести дух, но руки не выпустил.

Не глядя на Дункана, сипло спросил:

— Сынок, потом на минутку зайдешь сказать «спокойной ночи»?

Дункан ответил не сразу. И почувствовал, как испуганно напрягся мистер Манди...

— Хорошо, — очень тихо сказал Дункан. — Зайду.

Мистер Манди кивнул, плечи его облегченно обвисли.

— Спасибо, сынок.

Он убрал руку и, шаркая, медленно двинулся к своей спальне. Дункан вошел к себе и стал раздеваться.

В этой небольшой комнате, бывшей детской, некогда спал маленький мистер Манди, живший в доме с родителями и сестрой. Высокую викторианскую кровать по углам украшали отполированные латунные шары; раз Дункан один отвинтил и внутри нашел клочок бумаги с детскими каракулями: «Мейбл Элис Манди двадцать страшных проклятий тебе коль это читаешь!» В шкафу — мальчишеские приключенческие книги с широкими цветными корешками. На каминной полке изготовились к бою аляповато

раскрашенные старые оловянные солдатики. Однако мистер Манди освободил место и для вещиц Дункана, купленных на рынках и в антикварных лавках. Обычно перед сном Дункан недолго рассматривал горшочки и кувшинчики, чайные ложки и слезные бутылочки;[25] брал в руки и, любуясь орнаментом, раздумывал, откуда они появились и кому принадлежали раньше.

Но сегодня он взглянул на них без особого интереса. И лишь на секунду взял обломок глиняной трубки, который нашел у прибрежной пивной. Дункан медленно облачился в пижаму, аккуратно застегнул и заправил в штаны куртку. Почистил зубы и заново причесался, теперь уже иначе — разделил волосы опрятным детским пробором. Все это время он прекрасно сознавал, что в соседней комнате терпеливо ждет мистер Манди; возникла картинка: старик лежит прямо и абсолютно неподвижно, голова покоится на пуховых подушках, одеяло натянуто до подмышек, руки аккуратно сложены на груди, но одна готова призывно похлопать по краю кровати, когда войдет Дункан... Это пустяки. Почти что

---

25 Примечания: 25

Слезные бутылочки — сосуды с узким горлышком, которые находили в гробницах древних римлян. Якобы друзья умершего собирали в них свои слезы.

ничего. Можно думать о другом. Над кроватью мистера Манди висит картина: ангел препровождает детей через узкий мост над разверзшейся бездной. Можно смотреть на нее, пока это не кончится. Рассматривать замысловатые складки на одеянии ангела, большие, невинно-злобные викторианские лица детей.

Дункан отложил расческу, снова взял и поднес ко рту обломок трубки. Прохладный и очень гладкий. Он закрыл глаза и поводил трубкой по губам: приятно, но в душе беспокойно заворочалась горечь. Если бы Фрейзер пришел! Может, он просто-напросто забыл? А что, вполне возможно. «Если б ты был другим, — горько сказал себе Дункан, — не рассиживался бы и не ждал, когда он объявится, а взял бы и разыскал его. Будь ты нормальным парнем, прямо сейчас и пошел бы к нему...»

Он открыл глаза и натолкнулся на собственный взгляд в зеркале. Белая ниточка пробора, до горла застегнутая пижама; но он не мальчик. Ему не десять лет. И даже не семнадцать. Ему двадцать четыре, и он может делать, что хочет. Ему двадцать четыре, и мистер Манди...

Мистер Манди может отправляться ко всем чертям, вдруг подумал Дункан. Почему нельзя

пойти и разыскать Фрейзера, если хочется? Он знает дорогу к его улице. Знает и дом — Фрейзер показал, когда проходили мимо!

Дункан стал поспешно собираться. Сбил пробор. Брюки и пиджак натянул прямо поверх пижамы, не желая даже минуту тратить на переодевание. Надел носки и вычищенные ботинки; нагнулся завязать шнурки и понял, что у него дрожат руки. Страха не было. Только почти головокружительная легкость.

Казалось, ботинки ужасно грохочут по полу. Донесся обеспокоенный скрип кровати мистера Манди, что заставило двигаться быстрее. Дункан вышел из комнаты, глянул на дверь старика на другой стороне площадки и быстро спустился по лестнице.

Дом был темен, но он знал дорогу, точно слепец, который ощупью находит дверные ручки, предчувствует ступеньки и скользкие половики. Хотелось улизнуть тайком, и Дункан не пошел к парадной двери, поскольку знал, что окно старика выходит на улицу. Даже в угаре возбуждения, даже после того, как мысленно на все плюнул и послал мистера Манди ко всем чертям, было бы жутко оглянуться и увидеть, что он смотрит вслед.

Дункан прошел через кухню и черным ходом, миновав уборную, добрался в конец двора, но лишь у самой калитки вспомнил, что она заперта на висячий замок. Он знал, где лежит ключ, и мог бы за ним сбегать, но мысль о возвращении даже в буфетную была нестерпима. Дункан подтащил пару ящиков и, точно вор, вскарабкался на забор; перевалился на другую сторону, грузно спрыгнул, ушиб ногу и захромал, приплясывая от боли.

Преодоление запертой калитки доставило неожиданную радость. «Назад пути нет, Дэ-Пэ!» — сказал себе Дункан словами Алека.

Проулком, огибавшим зады дома мистера Манди, он вышел на жилую улицу. Дункан часто здесь ходил, но сейчас, в темноте, она выглядела иной. Он двигался медленно, захваченный ее незнакомым видом и сознанием того, что за стенами каждого дома живут люди, которые сейчас отправляются в постель: в нижних комнатах свет гас, вспыхивая в спальнях и на лестничных площадках. Женщина, дотягиваясь до оконного шпингалета, подняла белую тюлевую штору, которая окутала ее, как подвенечная фата. В новом доме сквозь матовое стекло освещенной ванной четко просматривался мужчина в нижней рубашке: он отхлебнул из стакана, запрокинул

голову, побулькал горлом и выплюнул полоскание. Звякнул о раковину стакан, мужчина открыл кран, зашумела вода, убегая в хрипящий слив. Казалось, мир полон невероятной новизной. Дункана никто не задевал. Никто на него даже не взглянул. Он двигался по улицам, точно призрак.

Завороженный нереальностью происходящего, около часа Дункан шел по Шенердз-Буш и Хаммерсмиту; отыскав начало улицы, где жил Фрейзер, он опасливо замедлил шаг. Дома здесь были непривычно величественны — этакие краснокирпичные эдвардианские особняки, в которых обычно размещались приемные врачей, приюты для слепых или, как на этой улице, пансионы. Над дверью каждого в свинцовых буквах значилось его название. Пансион Фрейзера назывался «Предместье». Подойдя ближе, Дункан разглядел табличку «Мест нет».

Он замешкался у входа в палисадник. Дункан знал, что комната Фрейзера на первом этаже слева. Роберт еще шутил, что домохозяйка, точно нянька, называет его жилье «передком». Старые, абсолютно черные светомаскировочные шторы окна были задернуты. Однако неплотно — ярко светилась узкая щель. Казалось, слышен голос, монотонно бубнящий в комнате.

Он-то и вселил неуверенность. Вдруг мистер Манди прав, и Фрейзер решил провести вечер с друзьями? Что он подумает, если заявиться вот так нежданно-негаданно? Что за люди его друзья? Воображение представило университетских типов — молодых умников с трубками, в очках и вязаных галстуках. Потом пришла мысль еще хуже. Фрейзер может быть с девушкой. Возник четкий портрет растрепанной хихикающей толстушки с красными влажными губами, от которых пахло вишневым ликером.

Пока не явилось сие ужасное видение, Дункан намеревался позвонить в парадную дверь как приличный визитер. Однако теперь он занервничал, а искушение на цыпочках подкрасться к окну и заглянуть в комнату стало неодолимым. Дункан отодвинул щеколду и толкнул калитку, которая бесшумно распахнулась. Он прошел по дорожке, а затем меж шуршащих кустов подобрался к окну. Сердце бухало, когда он прижался лицом к стеклу.

Фрейзера увидел сразу. Откинув голову, тот расположился в кресле, которое стояло в глубине комнаты, возле кровати. Фрейзер был в рубашке; рядом с креслом — столик с ворохом газет, трубкой в пепельнице, стаканом и бутылкой,

содержимое которой смахивало на виски. Фрейзер сидел совершенно неподвижно и, казалось, дремал, хотя чей-то голос продолжал монотонно бубнить... Но вот он сменился приглушенным раскатом музыки, и Дункан понял, что это всегонавсего радио. Похоже, музыка-то и пробудила Фрейзера. Он встал и потер лицо. Прошел через комнату, скрывшись из обзора Дункана, и музыка оборвалась. Дункан успел заметить, что Фрейзер без ботинок, а носки у него дырявые: сквозь большие дырки выглядывали пальцы с нестрижеными ногтями.

Вид дырок и пальцев придал Дункану смелости. Когда Фрейзер вознамерился вновь плюхнуться в кресло, он постучал в стекло.

Фрейзер замер и, нахмурившись, обернулся, ища источник звука. Он смотрел в проем штор и, казалось, прямо в глаза Дункану, но не видел его. Ощущение было не из приятных. Дункан вновь, но уже не столь радостно, почувствовал себя призраком. Он постучал громче, после чего Фрейзер подошел к окну и отдернул штору. Увидев Дункана, он опешил.

— Пирс! — выговорил Фрейзер. Потом вздрогнул и глянул на дверь. Откинул шпингалет, бесшумно поднял раму и приложил к губам па-

лец. — Только тихо. Кажется, хозяйка в холле. Какого лешего ты здесь делаешь? С тобой все в порядке?

— Да, — зашептал Дункан. — Просто решил тебя проведать. Я ждал тебя у мистера Манди. Почему ты не пришел? Я весь вечер прождал.

Фрейзер смотрел виновато.

— Извини. Не заметил времени. Потом было уже поздно и... — Он беспомощно махнул рукой. — Я не знаю...

— Я тебя ждал, — повторил Дункан. — Думал, с тобой что-то случилось.

— Прости. Мне вправду стыдно. Вот уж не предполагал, что ты меня разыщешь! Как ты сюда добрался?

— Пешком.

— И мистер Манди тебя отпустил?

— Он мне не указ! — фыркнул Дункан. — Я шел по улицам!

Фрейзер его оглядел, посмотрел на пиджак, нахмурился, а потом заулыбался.

— Ты... ты в пижаме?

— Ну и что? — Дункан смущенно потрогал воротничок. — Что такого-то? Потом время сэкономлю.

— Что?

— Сэкономлю время, когда буду ложиться спать.

— Ты чокнутый, Пирс!

— Сам ты чокнутый. От тебя вином пахнет. Просто несет! Где ты был?

Фрейзер загадочно рассмеялся:

— Гулял с девушкой.

— Так я и знал! Что за девушка? Чего смешного-то?

— Ничего. — Фрейзер все смеялся. — Просто... эта девушка...

— Ну? Чего она?

— Ох, Пирс! — Фрейзер отер губы и постарался унять веселье. — Это твоя сестра.

Дункан похолодел.

— Какая сестра? — Он вытаращился на Фрейзера. — Чего ты несешь? Ты про Вив?

— Да, про Вив. Мы ходили в бар. Она была невероятно мила: смеялась всем моим шуткам и на прощанье даже позволила себя поцеловать. Ей хватило совести покраснеть, когда я открыл глаза и увидел, что она украдкой смотрит на часы... Я посадил ее в автобус и отправил домой.

— Как же это?

— Ну как, пришли на остановку...

— Ты понимаешь, о чем я! Как ты с ней встре-

тился? Зачем? В смысле, повел ее гулять и...

Фрейзер опять засмеялся. Но уже иначе. Как-то грустно и смущенно. Ладонью прикрыл рот.

Через секунду засмеялся и Дункан. Сдержаться не мог. Он сам не понимал, почему и над кем смеется — над Фрейзером, собой, Вив, мистером Манди или над всеми сразу. Вот так почти минуту они стояли по разные стороны подоконника: красные, из глаз текли слезы, оба руками зажимали рты, безуспешно пытаясь подавить смех и фырканье.

Потом Фрейзер немного успокоился. Глянул через плечо и прошептал:

— Ладно. Наверное, она уже ушла. Залезай, ради бога! Пока нас не увидел полицейский или еще кто!

Он оттянул маскировочную штору, чтобы Дункан забрался в комнату.

*

— А, мисс Лэнгриш! — сказал мистер Леонард, приоткрыв свою дверь.

Кей подскочила. По темной лестнице она поднималась тихо, но, видимо, ее выдали скрипучие ступеньки. Значит, мистер Леонард в одиночестве сидел в приемной и, пребывая в ночном

бдении, воссылал молитвы. Он был без пиджака, в рубашке с завернутыми манжетами. На площадку падал странный свет его синей лампы, которой он пользовался в заочных исцелениях.

Мистер Леонард стоял в дверях, лицо его пряталось в тени.

— Сегодня я думал о вас, мисс Лэнгриш, — негромко сказал он. — Как поживаете?

Кей ответила, что поживает хорошо.

— Наверное, провели приятный вечер? — Мистер Леонард наклонил голову и добавил: — Навещали старых друзей?

— Ходила в кино, — поспешно сказала Кей.

Мистер Леонард этак глубокомысленно покивал.

— Да-да, в кино. Прелюбопытное заведение, скажу я вам. Весьма поучительное... Когда в следующий раз пойдете в кино, мисс Лэнгриш, попробуйте кое-что сделать. Просто обернитесь и посмотрите через плечо. Что вы увидите? Множество лиц, освещенных беспокойным мерцающим светом скоротечного. В распахнутых глазах застыли благоговение, ужас или похоть. Вот так, знаете ли, фикции и грезы продают неразвитую душу в рабство материальному...

Тихий ровный голос подчинял. Кей молчала;

мистер Леонард подошел и мягко взял ее за руку.

— Думаю, вы одна из тех душ, мисс Лэнгриш. Взыскуете, но пребываете в рабстве. Ибо глаза ваши опущены долу и не видят ничего, кроме праха. Поднимите взор, моя дорогая. Научитесь не зреть тлена.

Казалось, мягкие пальцы держат нежно, однако потребовалось легкое усилие, чтобы выдернуть руку.

— Ладно, — сказала Кей. — Я... Спасибо, мистер Леонард.

Сиплый голос звучал неуверенно и ей самой казался абсолютно чужим и нелепым. Кей отстранилась и неуклюже поднялась по лестнице; повозилась с замком, открыла дверь и вошла к себе.

Дождавшись, когда внизу щелкнет дверь мистера Леонарда, она, не зажигая света, прошла к креслу. Нога отфутболила нечто, зашуршавшее по сбитому половику, — оставленная на полу развернутая газета. На подлокотнике кресла стояли грязная тарелка и старый оловянный противень, полный пепла и окурков. На веревке у камина сохли выстиранные рубашка и воротнички, в сумраке серевшие, точно калька.

Кей сидела не шевелясь; потом достала из кар-

мана кольцо. На ощупь оно казалось массивным и великоватым для исхудавшего пальца. Когда на улице Вив его отдала, оно еще хранило тепло ее руки. В кинотеатре Кей невидяще смотрела на буйную дерганую пантомиму, что разыгрывалась на экране, и крутила в руках золотой ободок, кончиками пальцев ощущая все его царапины и вмятинки... Наконец это стало невыносимо; она неловко сунула кольцо в карман и, спотыкаясь о ноги зрителей, поспешно вышла в фойе и оттуда на улицу.

Потом все ходила. Дошла до Оксфорд-стрит, затем до Рэтбоун-Плейс и Блумсбери, неугомонно чего-то ища, как и предполагал мистер Леонард. Решила вернуться на катер Микки и уже добралась до Паддингтона, но раздумала. Какой смысл? Зашла в пивную и пропустила пару стопок виски. Угостила какую-то блондиночку, стало чуть легче.

После устало побрела домой на Лавендер-Хилл. Сейчас она чувствовала себя выжатой. Кей снова вертела кольцо; невесомое, оно будто оттягивало руку. Вяло поискав взглядом, куда бы положить, она бросила его в противень с окурками.

Светясь из пепла, кольцо все равно притягивало глаз; чуть погодя Кей выудила его из окурков

и обтерла. Надела на худой палец и сжала кулак, чтобы не соскользнуло.

Дом был тих. Казалось, замер весь Лондон. Лишь из нижней комнаты пульсировало приглушенное бормотанье мистера Леонарда, извещавшее, что он вновь в трудах; Кей представила, как, облитый синим электрическим светом, согбенный и неусыпный целитель посылает в хрупкую ночь свое страстное благословение.

1944

1

Всякий раз, когда они выходили из тюрьмы, приходилось пару минут постоять, чтобы отец отдышался и платком отер лицо. Казалось, свидания вышибают из него дух. На мрачные старинные ворота, будто возникшие из Средневековья, он смотрел, как боксер, пропустивший удар, и бормотал: вот уж не думал... скажи мне кто...

— Слава богу, твоя мать этого не видит, — пропыхтел он нынче.

Вив взяла его под руку.

— Теперь уж не так долго осталось. — Она выговаривала слова, чтобы отец расслышал. — Помнишь, что мы говорили в первое время? Это не навсегда.

Отец высморкался.

— Да, да. Верно.

Потихоньку двинулись. Отец настоял, что понесет сумку, но с таким же успехом Вив могла нести ее сама — беспрестанно отдуваясь, он всей тяжестью вис на руке. Его можно принять за моего деда, думала Вив. Вся эта история с Дунканом превратила его в старика.

Февральский день был холоден, но ясен. Четверть шестого, солнце садилось; в темнеющем небе плавали два аэростата — единственные яркие предметы, вбиравшие в себя розовый свет. Вив с отцом шли к Вуд-лейн. Там рядом со станцией было кафе, куда они обычно заходили. Но сегодня в нем собрались женщины, чьи лица были знакомы: подруги и жены заключенных из других корпусов. Глядя в зеркальца, они поправляли макияж и хохотали как сумасшедшие. Пирсы пошли в другое кафе и взяли по чашке чая.

Здесь было не так приятно. На всех одна ложка, веревкой привязанная к стойке. Столы покрыты засаленными клеенками, на запотелых окнах следы от голов посетителей, развалившихся на стульях. Впрочем, отец ничего этого не замечал. Он все еще выглядел ошалелым и двигался механически. Руки его дрожали; поднося ко рту чашку, он пригибал голову и быстро отхлебывал, чтобы чай не успел расплескаться. Стал сворачивать сигарету, но рассыпал табак. Вив отставила свою чашку и помогла собрать со стола табачные прядки — вот и пригодились длинные ногти, пошутила она.

Покурив, отец немного успокоился. Допил чай,

и они пошли к метро, шагая уже быстрее — холод подгонял. Отцу предстояла долгая поездка в Стритем, а Вив сказала, что вернется на Портмен-Сквер — отработать время, на которое отпросилась для свидания с Дунканом. В вагоне они сели рядом, но разговаривать не могли из-за рева и грохота поезда. На «Марбл-Арч» отец вышел вместе с Вив, чтобы попрощаться на платформе.

Ночью станция использовалась как бомбоубежище. Повсюду лежаки, ведра, бумажный мусор, стоялый запах мочи. Уже собирался народ — дети и старухи устраивались на ночь.

— Ну вот, — приговаривал отец, пока они ждали поезда. Он старался взбодриться. — Вроде еще месяц прошел.

— Да, верно.

— По-твоему, как он выглядит? Нормально?

— Да, нормально, — кивнула Вив.

— Да... Знаешь, Вивьен, я вот всегда говорю себе: по крайней мере мы знаем, где он. Знаем, что за ним присмотрят. В войну не все отцы могут этим похвастать, правда же?

— Правда.

— Многие мне позавидуют.

Он снова достал платок и вытер глаза. Во взгляде была скорее горечь, чем печаль. Немного

погодя он сказал уже иным тоном:

— Прости, Господи, что дурно говорю о мертвом, но там должен быть не Дункан, а тот мальчик.

Вив промолчала и только стиснула его руку. Она видела, как в нем всколыхнулась, но растаяла злость. Отец выдохнул и потрепал ее по руке.

— Добрая девочка. Ты хорошая дочь, Вивьен.

Больше они не говорили, пока не загрохотал очередной поезд.

— Ну все, — сказала Вив. — Поезжай. Обо мне не беспокойся.

— Хочешь, провожу тебя до работы?

— Ну вот еще! Давай поезжай. Памеле привет!

Отец не расслышал. Он вошел в вагон, и затемненные окна его скрыли. Чтобы отец не заметил, как она сразу убегает, Вив дождалась, пока закроются двери и поезд тронется.

После этого ее словно подменили. Она утратила легкую нарочитость в артикуляции и жестах, что была в общении с отцом, и превратилась в аккуратную, энергичную и сдержанную девушку, которая, взглянув на часы, торопливо застучала каблуками по бетонному полу. Если б кто минуту назад ее подслушал, он бы удивился, что она, даже не посмотрев в сторону выхода, целеустремленно перешла на противоположную платформу,

дождалась поезда и уехала в направлении, откуда только что прибыла. На «Ноттинг-Хилл-Гейт» она пересела на кольцевую линию и добралась до «Юстон-Сквер».

Возвращаться на работу было вовсе не нужно. Она ехала в гостиницу в Кэмден-Тауне. На свидание с Реджи. Он прислал адрес и набросок с расположением улиц, который Вив запомнила, и потому, выйдя из метро, шла быстро, не блуждая в сгустившихся сумерках. В платке и темно-синем макинтоше, скрывавшем строгую служебную одежду, она, точно призрак, вышагивала по затемненным улицам Юстона, держа курс на север.

Маленьких гостиниц тут было полно. Одни получше, другие похуже. Некоторые вовсе паршивые: в таких обитают шлюхи или семьи беженцев из Мальты, Польши и бог весть откуда еще. Нужная Вив гостиница была на окраинной улочке в Морнингтон-Кресент. Здесь пахло подливкой и пыльными коврами. Но женщина за конторкой держалась приветливо.

— Мисс Пирс, — улыбнулась она, взглянув на удостоверение Вив и сверившись с записью в тетрадке. — Одна ночь? Все верно.

В те дни имелась тысяча причин, по каким

одинокой девушке нужно было переночевать в лондонской гостинице.

Женщина дала ключ с деревянной биркой. Дешевый номер располагался через три пролета скрипучей лестницы. В нем была односпальная кровать, древнего вида шкаф, стул в сигаретных ожогах, а в углу из стены выступал небольшой умывальник. Многократно и разноцветно крашенная батарея излучала слабое тепло. Будильник, куском проволоки привязанный к прикроватной тумбочке, показывал десять минут седьмого. Минут тридцать-сорок еще есть, подумала Вив.

Она сняла пальто и открыла сумку, в которой лежали два темно-желтых объемистых пакета министерства продовольствия с грифом «Секретно». В одном были вечерние туфли. В другом — платье и настоящие шелковые чулки. Весь день Вив тревожилась из-за платья — крепдешиновое, оно легко мялось; она осторожно достала его из пакета и растянула в руках, стараясь распрямить складки. Чулки были ношеные и много раз стиранные; крохотная аккуратная штопка выглядела рукодельем эльфа. Натянув на руку ласковый шелк, Вив проверила, нет ли затяжек.

Хорошо бы принять ванну. Казалось, еще чув-

ствуется цепкий, прокисший тюремный запах. Но времени на купанье не было. Вив сходила в туалет, который находился в коридоре, затем вернулась в номер и разделась до лифчика и трусов, чтобы ополоснуться в умывальнике.

Горячей воды не оказалось — кран бестолково прокручивался. Вив открыла холодную, умылась, а затем, поочередно упираясь руками в стену, ополоснула подмышки; зябко стекавшая по бокам вода намочила коврик. Желтоватое полотенце было тонким, словно пеленка. Мыло — в мелких серых трещинах. Слава богу, с собой имелись тальк и флакончик духов, пробкой от которого она смазала запястья, шею, плечи и ложбинку меж грудей. Когда Вив надела тонкое крепдешиновое платье, а теплые фильдекосовые чулки сменила на телесные шелковые, она почувствовала себя в воздушном вечернем наряде с открытой спиной.

Потом спустилась в бар и чуть смущенно заказала джин с имбирем, чтоб успокоить нервы.

— К сожалению, без повтора, мисс, — сказал бармен, но вроде бы налил щедрее нормы.

Не глядя по сторонам, Вив села за столик. Подходило время ужина, народу прибавлялось. Если какой мужик поймает ее взгляд и полезет знако-

миться, он все испортит. Вив захватила с собой ручку и листок бумаги, который теперь расправила на столе, принимаясь за письмо к знакомой в Суонси.

Привет, дорогая Марджери!

Как делишки? Просто шлю весточку, что я еще жива, несмотря на – ха-ха! – все старания Гитлера! Надеюсь, в ваших местах чуть спокойнее...

Он появился в начале восьмого. Вив украдкой оглядывала всех, кто входил в гостиницу; она услышала шаги у дверей, но почему-то решила, что это не он, и, нежданно встретив его взгляд, покраснела как ненормальная. Через секунду он заговорил с женщиной за конторкой — мол, у него встреча с другом. Ничего, если он здесь подождет? Никаких возражений, ответила женщина.

— Плесните-ка мне вон того пойла, — пошутил он с барменом, кивнув на причудливые бутылки, для украшения выставленные на полках позади стойки.

Но, как и все, удовольствовался джином. Подойдя к соседнему столику, он поставил стакан на картонный кружок. Как обычно, форма на нем сидела плохо, китель казался на размер больше

нужного. Поддернув брюки, он сел и достал из кармана пачку пайковых сигарет.

— Здравствуйте, — сказал он, поймав ее взгляд.

Она шевельнулась, оправляя подол.

— Здравствуйте.

Он протянул сигареты:

— Не желаете?

— Нет, спасибо.

— Ничего, если я закурю?

Она помотала головой и вернулась к письму, но возбуждение от его близости и всего происходящего путало мысли... Чудь погодя она увидела, что он, наклонив голову, через ее плечо старается прочесть письмо. Заметив ее взгляд, он дернулся, будто его застали врасплох.

— Чертовски повезло парню, который это получит, — кивнул он на листок.

— Вообще-то письмо подруге, — сухо ответила Вив.

— Ошибочка вышла... Ну не надо так! — Он увидел, что она свертывает листок и завинчивает ручку. — Я уже чувствую себя виноватым.

— Вы здесь ни при чем. У меня встреча.

Он закатил глаза, потом подмигнул бармену:

— Почему девушки всегда так говорят, стоит

мне появиться?

Он обожал эти игры. Мог забавляться так часами. Ей же не хватало терпения и казалось, что они выглядят парой бездарных актеров-любителей. Еще она всегда боялась засмеяться. В одной гостинице она таки рассмеялась, отчего он тоже поплыл; оба сидели и хихикали, как малыши... Вив допила свой джин. Наступил решительный момент. Она взяла листок, ручку, сумочку...

— Не забудьте это, мисс. — Он коснулся ее руки и взял ее ключ. Подал, держа за деревянную бирку.

Она опять покраснела.

— Спасибо.

— Не за что. — Он поправил галстук. — Кстати, это мое счастливое число.

Наверное, он снова подмигнул бармену, она не видела. Вив вышла из бара и поднялась в свой номер, уже буквально задыхаясь от волнения. Зажгла лампу. Посмотрелась в зеркало и поправила волосы. Ее потряхивало. В баре в одном платье было зябко; Вив накинула пальто и в надежде согреться встала к чуть теплой батарее, растирая голые руки в гусиной коже. Ждала, глядя на привязанный будильник.

Минут через пятнадцать в дверь тихо постуча-

ли. Сбросив пальто, она открыла, и Реджи юркнул в комнату.

— Господи! — прошептал он. — Народ кишмя кишит! Целую вечность стоял на лестнице, прикидываясь, что развязался шнурок. Дважды мимо прошла коридорная и так зыркнула! Наверное, решила, что я подглядываю в замочные скважины. — Он обнял ее и поцеловал. — Боже мой! Ты просто бесподобна!

Оказаться в его объятьях было так чудесно, что внезапно закружилась голова. Ой, как бы не расплакаться, мелькнула мысль. Пряча лицо, она щекой прижалась к его воротнику, а когда смогла заговорить, вдруг сказала:

— Ты небритый.

— Знаю. — Он потерся подбородком об ее лоб. — Колется?

— Да.

— Неприятно?

— Нет.

— Умничка. Если еще затевать бритье, я просто сдохну. Господи! Как я сюда добирался, если б ты знала!

— Жалеешь, что поехал?

Реджи ее поцеловал.

— Жалею? Я весь день об этом думал.

— Только день?

— Всю неделю. Весь месяц. Беспрестанно. — Он поцеловал крепче. — Вив, я ужасно соскучился.

— Погоди, — шепнула она, отстраняясь.

— Не могу. Не могу ждать! Ладно. Дай посмотрю на тебя. Ты такая красивая, просто сказка! Как увидел тебя внизу, еле сдержался, чтобы не облапить, ей-богу! Такая мука!

Держась за руки, они прошли в комнату. Реджи потер глаза и огляделся. Даже при тусклой лампочке увиденного хватило, чтобы скривиться.

— Комнатенка-то паршивая. А Моррисон сказал, все путем. По-моему, здесь еще хуже, чем в Паддингтоне.

— Все в порядке.

— Да не в порядке! Прямо сердце разрывается. Вот погоди, кончится война, стану получать человеческое жалованье, тогда будут только «Риц» и «Савой».

— Мне все равно где.

— Вот увидишь.

— Мне все равно где, лишь бы с тобой.

Она сказала это почти застенчиво. Они смотрели друг на друга — просто смотрели, привыкая один к другому. Вив не видела его месяц. Часть Реджи стояла в Вустере, и в Лондон он выбирался

раз в четыре-пять недель. Вив понимала, что на войне это еще ничего. Она знала девушек, чьи парии были в Северной Африке или Бирме, на кораблях в Атлантике или в лагерях военнопленных. Наверное, она эгоистка, потому что ненавидела время, разлучавшее с ним даже на месяц. Ненавидела за то, что оно превращало их в чужаков, когда они должны быть неразрывны. Ненавидела, потому что оно вновь его отнимало, едва она успевала к нему привыкнуть.

Наверное, все это отразилось на ее лице. Он прижал ее к себе и поцеловал. Но потом, что-то вспомнив, отодвинулся.

— Подожди, — сказал Реджи, расстегивая клапан нагрудного кармана. — Подарочек для тебя. Вот.

Конвертик с заколками для волос. В прошлый раз она жаловалась, что кончились.

— Один парень с базы продавал. Пустяк, но...

— То, что нужно, — смущенно сказала Вив. Ее тронуло, что он не забыл.

— Правда? Я надеялся. И вот, только не смейся... — Он слегка покраснел. — Тут еще для тебя...

Вив решила, он хочет отдать сигареты. Но Реджи очень осторожно раскрыл мятую пачку и тихонько вытряхнул содержимое ей на ладонь.

Три поникших подснежника. Сцепились тонкими зелеными стебельками.

— Не поломались, нет? — забеспокоился Реджи.

— Какая прелесть! — Вив потрогала тугие белые цветки, похожие на пачки маленьких балерин. — Где ты взял?

— Поезд застрял на сорок пять минут, и мы с ребятами вылезли покурить. Глянул под ноги, а там они. Я подумал... Они напомнили тебя.

Он смутился. Вив представила, как он нагибается за цветками и торопливо, чтобы не увидели товарищи, прячет их в сигаретную пачку. Сердцу вдруг стало очень тесно в груди. Она опять испугалась, что расплачется. Плакать нельзя. Глупо и бессмысленно! Еще на слезы время тратить! Вив осторожно встряхнула подснежники и оглянулась на умывальник.

— Надо в воду положить.

— Они уж завяли. Приколи к платью.

— Булавки нет.

Реджи взял конвертик с заколками:

— А вот этим. Хотя... Погоди, я придумал.

Весьма неумело — слегка оцарапав кожу — он приколол цветки к ее волосам. Затем взял в смуглые ладони ее лицо и полюбовался.

— Вот так, — сказал он. — Бог свидетель, с каждым разом ты все краше.

Вив подошла к зеркалу. Ничего красивого. Лицо пылает, помада от поцелуев размазалась. Цветочки безвольно свесились на придавленных заколкой стебельках. Однако на фоне темно-каштановых волос яркие белые головки смотрелись хорошо.

Вив повернулась к Реджи. Зря она ушла из его объятий. На расстоянии оба опять вдруг застеснялись друг друга. Реджи сел в кресло, расстегнул две верхние пуговицы кителя и воротничок рубашки, ослабил галстук. Помолчав, откашлялся и спросил:

— Ну, какие нынче планы, душа моя?

— Не знаю, мне все равно, — дернула плечом Вив. — Как скажешь.

Хотелось просто быть с ним.

— Ты голодная?

— Не особенно.

— Можем куда-нибудь пойти.

— Как хочешь.

— Неплохо бы выпить.

— Только что выпил!

— В смысле, виски.

Опять помолчали. Вив снова стало зябко. Она

подошла к батарее и растерла руки.

Реджи не заметил. Он снова озирал комнату. Потом спросил, будто из вежливости поддерживая разговор:

— Не заплутала, пока добиралась?

— Нет, нашла легко.

— Ты прямо с работы или как?

Вив помешкала с ответом.

— Ездила к Дункану, — сказала она, глядя в сторону. — С папой.

Реджи знал про Дункана — в смысле, где тот сейчас. Но думал, парень сидит за воровство. Взгляд Реджи вновь стал внимательным.

— Бедняжка! То-то мне показалось, ты немного грустная. Как там?

— Нормально.

— Гадко, что тебе приходится туда ездить.

— Кроме нас с папой, больше некому.

— Все равно скверно. Я бы своей сестре...

Он замолчал. За стенкой хлопнула дверь, и удивительно близко раздались голоса. Мужской и женский, чуть раздраженные — видимо, ссорились; мужской слышался отчетливей, но оба, похожие на визг тряпки, которой полируют стол, доносились неразборчиво.

— Черт! — прошептал Реджи. — Только этого

не хватало!

— Думаешь, нас услышат?

— Нет, если не шуметь, а они продолжат в том же духе. Будем надеяться! Весело станет, если они поцелуются и надумают помириться. — Он ухмыльнулся. — Тогда кто кого опередит.

— Я знаю кто, — тотчас сказала Вив.

Реджи притворился обиженным:

— Дайте парню шанс!

Он как-то по-новому ее оглядел, потом протянул руку и зазывно проворковал:

— Иди сюда, красавица моя!

Улыбаясь, Вив помотала головой и осталась на месте.

— Иди ко мне! — повторил он, но она не подошла. Тогда Реджи поднялся, ухватил ее за пальцы и, перехватывая руки, стал тянуть к себе, как матрос, выбирающий канат. — Гляньте на меня! — приговаривал он. — Я утопающий! Мне конец! Я погибаю, Вив!

Он поцеловал ее, сначала легко; поцелуй длился, и оба стали серьезными, почти мрачными. Трепет, мгновеньем раньше поселившийся в ее сердце, разбежался по всему по телу. Казалось, будто каждая клеточка всплыла на поверхность. Его руки гладили ее спину и бедра, обхватывали

ягодицы, прижимали еще крепче, и сквозь тонкое платье она чувствовала все выступы, пуговицы и складки кителя. Животом ощутила твердое шевеленье в его брюках. Удивительная штуковина, даже сейчас подумала Вив, привыкнуть невозможно. Бывало, Реджи утягивал ее руку вниз. «Видишь, чего наделала, — шутливо говорил он. — Это все твое. Там написано твое имя». Сегодня он молчал. Оба были слишком серьезны. Они мяли и гладили друг друга, словно каждый изголодался по прикосновениям другого.

Из соседнего номера все еще доносились обрывки голосов. За дверью кто-то прошел, насвистывая мелодию. Снизу раздался удар гонга, призывавший постояльцев на ужин. Они целовались, почти замерев среди этого шума, но Вив казалось, что их окутала буря движений и звуков: прерывистое дыхание, бег крови, скольжение влажных губ, шорох ткани и кожи.

Прижавшись к нему, она задвигала бедрами. Через секунду он отстранился.

— Господи! — прошептал Реджи, отирая губы. — Что ты со мной делаешь!

Она притянула его к себе.

— Не останавливайся.

— И не думаю. Только не хочу кончить, еще не

начав. Погоди.

Он сбросил на пол китель, сдернул с плеч подтяжки. Обнял и увлек ее к кровати. Ложе заскрипело, едва на него опрокинулись. Оно подавало голос во всех опробованных местах. Тогда Реджи расстелил китель, и они легли на пол.

Его рука задрала ей подол и заскользила по голым бедрам над чулками. Она подумала, что помнется крепдешиновое платье, порвутся драгоценные чулки с волшебным рукодельем, но прогнала эту мысль. Смялись выпавшие из волос подснежники — пускай. Ноздри уловили противный пыльный запах гостиничного ковра; она представила мужчин и женщин, которые лежали на нем прежде, и тех, кто, возможно, так же лежал сейчас в других номерах, в других домах — всех, кого не знала и для кого они с Реджи тоже были чужими... Внезапно эта мысль возбудила. Реджи навалился; не переставая двигать бедрами, она раздвинула ноги, отдаваясь его тяжести. Забылись война, отец, брат; ее будто выдавили из оболочки, освободили.

*

Пожалуй, муторней всего было ожидание, к которому Кей так и не привыкла. Когда в один-

надцатом часу объявили тревогу, ей сразу стало лучше. Она потянулась на стуле и, смачно зевнув, сказала:

— Хорошо бы сегодня лишь пару легких переломов. И ничего шибко кровавого; с меня пока хватит кровищи и кишок. И чтоб никого тяжелого. На прошлой неделе я чуть не надорвалась с тем полицейским на Экклстон-Сквер. Нет, пара худеньких девчушек с переломанными лодыжками, и будет.

— А я хочу старушку, — в ответ зевнула Микки. Расстелив спальный мешок, она лежала на полу с книжкой про ковбоев. — Милую бабульку с мешком леденцов.

Только Микки отложила книжку и закрыла глаза, как в караулку вошла Бинки — начальница станции.

— Подъем, Кармайкл! — хлопнула она в ладоши. — Не спать на посту! Сирены, что ль, не слышала? Потеха-то начнется через часок-другой, но поди знай. Как ты насчет того, чтобы прогуляться за горючкой? Хауард и Коул, валяйте за компанию. По пути залейте водой грелки в фургонах. Ясно?

Послышались стоны и чертыханья. Микки медленно встала, протерла глаза и кивнула

сослуживицам. Все трое натянули шинели и отправились в гараж.

Кей снова потянулась. Она посмотрела на часы, потом огляделась, ища какое-нибудь занятие, чтобы оставаться начеку, но отвлечься от ожидания. На глаза попалась колода замусоленных карт, которую она взяла и перетасовала. Карты предназначались солдатам — на рубашках были изображены красотки. Колода уже давно служила санитарам, которые пририсовали девицам бороды, усы, очки и щербатые рты.

Кей окликнула Хьюза, тоже шофера:

— Сыграем?

Штопавший носок Хьюз прищурился:

— Почем?

— По пенсу.

— Лады.

Кей подъехала к нему на стуле. Хьюз сидел возле керосинки, от которой никому не удавалось его оторвать, ибо в караулке с цементным полом и кирпичными стенами в побелке — части гаражного комплекса у Долфин-Сквер возле Темзы — всегда было промозгло. Поверх формы Хьюз надел черную каракулевую шубу с поднятым воротником. Из длинных широких рукавов торчали его бледные восковые кисти. Невероятной

худобы лицо с насквозь прокуренными зубами украшали очки в темной черепаховой оправе.

Кей раздала карты; Хьюз щепетильно раскладывал сдачу по мастям.

— Как со Смертью села играть, — покачала головой Кей.

Вперившись в нее взглядом, Хьюз вытянул руку с согнутым в крючок пальцем.

— Нынче! — прошипел он голосом из фильма ужасов.

Кей швырнула в него пенсом, заскакавшим по полу.

— Кончай!

— Эй, что за дела! — крикнул кто-то.

Это была женщина по фамилии Партридж.[26] Стоя на коленях, она возилась с выкройками для платья.

— Хьюз меня пугает, — пожаловалась Кей.

— Он кого хошь напугает.

Хьюз изобразил Смерть для Партридж.

— Вовсе не смешно, — надулась та.

В караулку вошли две шоферши и тоже получили представление. Одна завизжала. Хьюз подошел к зеркалу и сыграл для себя. Обратно

---

26 Примечания: 26
Фамилия говорящая: partridge (англ.) — куропатка.

пришел совершенно обескураженный.

— Прям повеяло собственной могилой, — поделился он, беря карты.

Вернулась Микки.

— Как оно там? — спросили ее.

Микки потерла озябшие руки.

— Спасатели говорят, жахнуло где-то в Марилебоне. С тридцать девятой станции уже выехали.

Кей перехватила ее взгляд и тихо спросила:

— Как думаешь, Раэтбоун-Плейс в порядке?

Микки сняла шинель и подышала на пальцы.

— Наверное. Во что играете?

Наступила относительная тишина. Новенькая О'Нил гоняла себя по руководству «Первая помощь». Входили и выходили шоферы с санитарами. Женщина, которая днем работала учителем танцев, надела шерстяные панталоны и занялась упражнениями: сгибалась, тянулась, вскидывала ноги.

Без четверти одиннадцать раздался первый близкий взрыв. Вскоре из Гайд-парка заговорили зенитки. Их позиция располагалась в паре миль, но залпы отдавались в бетонном полу, в кухне дребезжала посуда.

При взрыве ойкнула только новенькая О'Нил. Все остальные даже голову не подняли и продол-

жали заниматься своими делами; Партридж чуть быстрее стала пришпиливать свои выкройки, а танцовщица вскоре переоделась в брюки. Микки, которая чуть раньше разулась, опять лениво натянула ботинки и принялась их зашнуровывать. Кей прикурила от окурка новую сигарету. Она знала, что лучше накуриться впрок: потом в многочасовой бешеной гонке не выкроить времени и на затяжку.

Громыхнул новый взрыв. Вроде ближе, чем первый. Чайная ложка, необъяснимо, как на спиритическом сеансе, двигавшаяся по столу, слетела на пол.

Кто-то засмеялся. Другой сказал:

— Хлебнем нынче, ребятки!

— Может, отвлекающий налет, — сказала Кей.

— Отфигающий! — фыркнул Хьюз. — Прошлой ночью они сбросили фотовспышки, точно говорю. И теперь вернулись уделать железную дорогу, если ничего другого...

Он замолчал и повернулся к конторке Бинки, где зазвонил телефон. Все замерли. Глубоко в груди Кей ощутила острый укол тревоги. Звонок смолк — значит, Бинки взяла трубку. Все отчетливо слышали ее голос:

— Так точно. Слушаюсь. Да, исполняю.

— Началось. — Хьюз встал и снял каракулевую шубу.

В караулку торопливо вошла Бинки, откидывая со лба белесые волосы.

— Пока два вызова, но будет гораздо больше. Бессборо-Плейс и Хью-стрит. Две «скорые» и машина — по первому адресу, одна «скорая» и машина — по второму. Поедут... — она тыкала пальцем, соображая на ходу, — Лэнгриш и Кармайкл, Коул и О'Нил... Хьюз и Эдвардс, Партридж, Хауард... Всё, вперед!

Кей и остальные тотчас бросились в гараж, на бегу надевая каски. Серые фургоны и машины стояли наготове; Кей влезла в кабину своего фургона, завела мотор и, прогревая, поиграла педалью газа. Через минуту появилась Микки. Она задержалась с Бинки — забирала шпаргалку с адресом и деталями вызова. Вскочила на подножку и забралась в кабину, когда Кей уже трогалась с места.

— Нам куда?

— Хью-стрит.

Кей кивнула, по пандусу выезжая из гаража на улицу; там чуть притормозила, дав время Партридж пристроиться сзади, и вдавила педаль газа. Старичок торговый фургон, в начале

войны переоборудованный в «скорую помощь», требовал, чтобы при каждой смене передачи сцепление выжимали дважды — занятие весьма утомительное. Но Кей знала все его причуды, и он шел ровно, уверенно. Еще десять минут назад за картами с Хьюзом она почти дремала. После телефонного звонка сердце кольнула тревога. Страх жил и сейчас — на такой работе бесстрашен только дурак, но Кей чувствовала себя бодрой, собранной и полной энергии.

Путь на северо-запад к Хью-стрит был мрачен: обветшалые дома в центре Пимлико с пугающей регулярностью уступали место пустырям, грудам битого кирпича, развалинам. Все еще били зенитки; меж орудийных залпов Кей различала пульсирующее нытье самолетов, вой бомб и свист реактивных снарядов. Все это очень походило на шумовое оформление ночи Гая Фокса[27] из довоенных времен, только пахло иначе: казавшийся теперь бесхитростным запах пороха мешался со слабой вонью горелой орудийной резины и едким ароматом разорвавшихся снарядов.

---

27 Примечания: 27

Гай Фокс — наиболее активный участник «Порохового заговора» (1605) против короля Якова I; ночь Гая Фокса — ежегодный праздник 5 ноября, когда раскрытие заговора отмечается фейерверком и сожжением чучела Фокса.

Слегка укутанные туманом улицы были пустынны. Во время налетов Пимлико обретал вид призрака — казалось, все жизни, которые еще недавно здесь кишели, безжалостно уничтожены или изгнаны. Когда орудия смолкали, здешняя атмосфера становилась еще более странной. Пару раз, возвращаясь со смены, Кей с Микки проходили берегом реки. Зловещая тишина была гуще, чем в деревне; вид вдоль Темзы до Вестминстера являл собой бугристую разнородную массу, словно война разодрала Лондон на части и отбросила во времени назад, превратив в ряд мрачных поселений, каждое из которых в одиночку защищалось от неведомых сил.

Подъехав к началу Сент-Джорджес-драйв, они увидели человека, полицейского резервиста, который их ждал, чтобы показать проезд к месту. Кей махнула ему рукой и опустила стекло; полицейский, неуклюжий в громоздком обмундировании и каске, с брезентовой сумкой противогаза, болтавшейся на груди, подбежал к фургону.

— Сворачивайте налево, — сказал он. — Там сразу увидите. Близко не подъезжайте, полно стекла.

Он отбежал и замахал Партридж, чтобы сооб-

щить ей то же самое.

Кей поехала еще осторожнее. Едва она свернула на Хью-стрит, ветровое стекло облепили хлопья сажи и пыль от истолченных в крошево кирпичей, штукатурки и дерева. Свет фар, тусклый из-за притемненных ламп, густел и клубился, точно пиво, оседающее в стакане. Разглядывая дорогу, Кей пригнулась к стеклу и двигалась еле-еле; она прислушивалась к хрусту и щелчкам под колесами, тревожась за покрышки. Потом впереди, ярдах в пятидесяти, завиднелся слабый свет — фонарик бойца противовоздушной обороны. Услышав мотор, он слегка поводил лучом. Кей остановила фургон, сзади встала Партридж.

Боец подошел, снял каску, платком отер лоб и высморкался. За его спиной виднелся ряд домов, черных на фоне темного неба. Вглядевшись сквозь марево пыли, Кей увидела, что один почти полностью разрушен — фасад сплющился, превратившись в груду камней и балок, словно по нему беспечно прошлась нога бродяги-исполина.

— Что это было? — спросила Кей, когда они с Микки вылезли из фургона. — Бризантная?

Боец надел каску и кивнул:

— Стофунтовая, не меньше.

Он помог достать из фургона одеяла, бинты и

носилки и повел к развалинам, фонариком светя под ноги.

— Садануло точнехонько, — говорил он. — Три квартиры. Верхняя и посередке были, кажется, пустые. Жильцы нижней все были дома — сидели в укрытии, а потом, верите ли, вылезли наружу. Слава богу, в дом войти не успели! Хозяина всего изрезало стеклом. Остальных пораскидало, сами глянете, чего с ними. Больше всего досталось бабке, ей, наверное, понадобятся носилки. Я сказал, чтоб сидели в саду, ждали вас. Вообще-то им нужен врач, но в штабе говорят, его машина угодила под бомбу...

Боец оступился и дальше шел молча. Партридж кашляла от пыли. Микки терла глаз, запорошенный пеплом. Вокруг был невероятный хаос. При каждом шаге под ногами что-то с хрустом скользило, задевая щиколотки: битое стекло вперемежку с осколками зеркала, посуда, искромсанные стулья и столы, шторы, ковры, перья из подушек и матрасов, куски расщепленных балок. Деревянные обломки удивляли Кей даже сейчас — до войны дома казались крепкими, выстроенным из камня, как домик третьего поросенка в сказке. Еще поражали небольшие кучи битого кирпича и мусора, в какие превращались даже

массивные здания. Час назад в этом доме было три целехоньких этажа, а теперь осталась груда обломков в шесть-семь футов высотой, не больше. Наверное, главным в домах, как и в жизнях, что в них обитали, было пространство. Значит, суть в пространстве, а не в кирпичах.

Впрочем, задняя часть дома почти не пострадала. После хрустких развалин было странно оказаться в кухне с поднятой маскировочной шторой: на полках чашки с тарелками, на стенах картинки, горит лампочка. Однако часть потолка обвалилась, из трещин в штукатурке струились потоки пыли, свесились стропила; боец сказал, что все вот-вот рухнет.

Он провел бригаду в садик, а сам через дом вернулся на улицу, чтобы проверить соседние жилища. Кей сдвинула каску на затылок. Было темно, но она разглядела силуэт мужчины, который, держась за голову, сидел на крыльце; на одеяле или половике неподвижно распростерлась женщина, рядом сидела другая и, кажется, растирала ей руки. За ними вяло бродила девочка. Еще одна сидела у распахнутой двери в укрытие. В руках у нее кто-то хныкал и скулил — раненый младенец, подумала Кей. Потом существо заегозило, тоненько тявкнуло, и она увидела

собачонку.

От кружащейся пыли все кашляли. Кей всегда отмечала странную дезориентирующую атмосферу подобных мест. В воздухе физически ощущалась звенящая, бешено пульсирующая напряженность, точно атомы, из которых были созданы дом, сад и сами люди, вытрясло из решеток и они еще не успели собраться вместе. Однако Кей сознавала, что здание за ее спиной готово рухнуть. Она торопливо обошла пострадавших, набросила им на плечи одеяла, фонариком осветила лица.

— Так, — проговорила Кей, выпрямляясь.

Похоже, у одной девочки сломана лодыжка, сейчас Партридж посмотрит. Микки занималась мужчиной на крыльце. Кей вернулась к женщине, лежавшей на подстилке. Древнюю старуху чем-то шибануло в грудь. Кей встала на колени, чтобы послушать сердце; старуха застонала.

— Ведь с ней ничего, правда? — громко спросила другая женщина. Она дрожала, длинные седоватые волосы разлетелись по плечам; наверное, они были собраны в косу или пучок, но взрывная волна их разметала. — Как повалилась, ни слова не сказала. Ей семьдесят шесть. Это из-за нее мы вылезли. Сидели там как паиньки...

— она кивнула на укрытие, — играли себе в карты и слушали радио. Потом бабка запросилась в уборную. Я ее вывела, а следом шавка выскочила. Девчонки заголосили, тогда этот выперся... — она имела в виду мужа, — и не нашел ничего лучше, чтоб как дурак в потемках носиться по саду. А после... Ей-богу, мисс, точно конец света наступил. — Женщина дрожала, вцепившись в одеяло. Начав говорить, она уже не могла остановиться и продолжала той же фомкой плачущей скороговоркой: — И вот, нате вам, его мамаша, вот она я и девочки, и бог знает где чего у нас переломано. А что с домом? Поди, крышу снесло, нет? Караульщик ничего не говорит и даже в кухню не пускает. Мне боязно и смотреть. — Трясущейся рукой она ухватилась за Кей. — Чего там, мисс? Потолки обвалились?

Никто из них не видел дом с фасада, а сзади, да еще в темноте, он выглядел почти целым. Кей быстро ощупала старуху, проверив ее руки и ноги. Не поднимая головы, сказала:

— Боюсь, порушило сильно...

— Что? — спросила женщина. После взрыва она оглохла.

— В темноте не скажешь! — прокричала Кей.

Она сосредоточилась на деле. Похоже, нащу-

пала выступы сломанных ребер. Кей достала из сумки бинты и начала перевязку, стараясь работать быстро.

— Понимаете, это все из-за нее... — вновь завела женщина.

— Если можете, помогите мне! — крикнула Кей, чтобы ее отвлечь.

Тем временем Микки осматривала мужчину. Вначале его лицо показалось черным, будто вымазанным в земле или саже. Однако под светом фонарика черное превратилось в сверкающе красное. Луч скользнул по рукам и груди, которые тоже ответили тусклыми вспышками. Человек был утыкан осколками стекла. Самые крупные Микки пыталась вытащить, перед тем как бинтовать. Мужчина морщился и вскидывал голову, точно слепой — полуоткрытые веки слиплись от загустевшей крови.

Видимо, он почувствовал нерешительность Микки. Кей услышала, как мужчина спросил:

— Плохо дело?

— Не так чтоб очень, — ответила Микки. — Просто вы стали этаким ежиком. Теперь не шевелитесь и молчите. Надо заткнуть дырки. Иначе пивка вам больше не пить — все обратно выльется.

Мужчина не слушал либо не слышал.

— Что с мамой? — перебил он. Потом сипло крикнул, обращаясь к Кей: — Это моя мать!

— Не дергайтесь и молчите, — повторила Микки. — С мамой все в порядке.

— Как девочки?

— И с ними все хорошо.

Мужчина поперхнулся пылью. Микки придержала ему голову, чтобы откашлялся. Кей представила, как от сотрясения вновь открываются порезы и глубже уходят оставшиеся осколки... Вместе с тем сознание отмечало монотонный гул самолетов над головой. Было слышно, как на соседней улице оползла и с треском рухнула крыша. Кей заработала сноровистей.

— Как у тебя, Партридж? — окликнула она, завязав бинты. — Долго еще?

— Почти все.

— А ты, Микки?

— Будем готовы вместе с вами.

— Хорошо.

Кей развернула носилки. Появившийся боец помог уложить старуху и подоткнуть одеяло.

— Как понесем? — спросила Кей, когда все было готово. — Через сад на улицу выйдем?

Боец помотал головой:

— Здесь — нет. Придется опять через дом.

— Через дом? Черт! Тогда лучше поспешить. Поднимаем? Ну, раз-два, взяли...

Почувствовав, что ее поднимают, старуха наконец открыла глаза, удивленно огляделась и прошептала:

— Чё это вы делаете?

Кей крепче ухватила носилки.

— Везем вас в больницу. У вас сломаны ребра. Но все будет хорошо.

— В больницу?

— Вы не могли бы лежать спокойно? Это недолго, правда. Нужно вынести вас к фургону.

Кей говорила так, словно обращалась к подруге — скажем, Микки. Ее бесила манера полицейских и медсестер разговаривать с ранеными, точно с идиотами: «Все хорошо, дорогуша. Ну-ну, мамочка. Об этом не волнуйтесь».

— Вот и сын ваш идет, — сказала она, увидев, что Микки помогает окровавленному человеку встать. — Партридж, у тебя девочки готовы? Всем внимание. Двинулись. Быстро, но плавно.

Неровным строем они вошли в кухню. Свет заставил зажмуриться и прикрыть глаза. А потом девочки увидели, какие они грязные и изрезанные, как жутко выглядит окровавленный отец с

забинтованным лицом. Они расплакались.

— Ничего, ничего, — говорила потрясенная мать. Ее все еще колотило. — Все в порядке, правда же? Филлис, запри дверь. Эйлин, захвати чай. И закрой банку с солониной. Чтоб потом... О боже! — Она дошла к выходу из кухни и увидела разверзшийся хаос. Не веря глазам, женщина схватилась за сердце, — Господи ты боже мой!

Девочки, шедшие за ней, вскрикнули.

Оскальзываясь, Кей с бойцом выруливали среди развалин. От каждого шага поднимались тучи пыли, перьев, сажи. Наконец добрались к краю того, что некогда было палисадником. Пара мальчишек катались на дверцах фургона.

— Помочь ничего не надо, мистер? — спросили они то ли бойца ПВО, то ли Кей.

— Ничего не надо, — ответил боец. — А ну-ка, марш в укрытие, пока вам тут бошки не поотрывало! Где ваши матери? Вы что думаете, это вам шмели гудят?

— Ой, кто это? Бабушка Парри? Ее убило?

— Брысь отсюда!

— О боже мой! — все повторяла женщина, пробираясь через руины своей квартиры.

В фургоне были четыре железные койки, наподобие тех, что использовались в укрытиях.

Светила тусклая лампочка, но обогрева не было вовсе; Кей укрыла старуху еще одним одеялом, брезентовым ремнем пристегнула к койке и положила две грелки — под колени и к ступням. Микки привела мужчину. От крови и пыли глаза его слиплись окончательно; подсаживая в фургон, Микки переставляла его руки и ноги, словно сам он забыл, как ими пользоваться. Следом пришла жена. Она уже стала подбирать всякие мелочи: клетчатый шлепанец, цветок в горшке.

— Как же я все брошу? — сказала она, когда боец попытался усадить ее в машину Партридж, чтобы везти на пункт первой помощи. Женщина заплакала. — Может, вы сбегаете за мистером Грантом? Вон его дом через дорогу. Он присмотрит за вещами. Пожалуйста, мистер Эндрюс!

Меж тем Партридж урезонивала девочку:

— С собакой нельзя.

— Тогда я не поеду! — Девочка заплакала и крепче стиснула взвизгнувшую собачонку. Потом взглянула под ноги: — Ой, мам! Фотка дяди Патрика вся на кусочки разбилась!

— Да пусть едет с собакой, — сказала Кей. — Ничего страшного.

Ладно, пускай Партридж сама разбирается, решила она, спорить нет времени. Кивнула Микки,

сидевшей с ранеными, закрыла дверцы и побежала протереть ветровое стекло — простояв на улице двадцать с небольшим минут, машина вся покрылась толстым слоем пыли. Кей влезла в кабину и запустила мотор.

— Эндрюс, последи за покрышками, ладно? — крикнула она, перед тем как разворачиваться.

Не дай бог сейчас проколоть шину. Боец отошел от женщины с девочками, посветил на колеса и махнул рукой.

Кей двигалась опасливо и прибавила скорость, лишь когда дорога расчистилась. С ранеными правила предписывали держать шестнадцать миль в час, но она, представив, каково сейчас старухе со сломанными ребрами и ее окровавленному сыну, ехала быстрее. Время от времени Кей пригибалась к ветровому стеклу и смотрела в небо. По-прежнему надсадно выли самолеты и звонко лаяли зенитки, но за ревом мотора было не разобрать: проскочили самое пекло или к нему-то и едут.

В стенке кабины имелось раздвижное окошко, и Кей слышала, как прямо за ее головой в фургоне копошится Микки. Не отрывая глаз от дороги, она чуть повернулась и спросила:

— Порядок?

— Почти, — ответила Микки. — Вот только бабулю растрясло.

— Я уж и так стараюсь.

Кей до рези в глазах вглядывалась в дорогу, безнадежно пытаясь объезжать рытвины и ухабы.

Они подъехали к приемному покою госпиталя на Хосферри-роуд; дежурная сестра выбежала навстречу, пригибаясь, словно от дождя. Следом неспешно шествовала старшая сестра, абсолютно невозмутимая к вспышкам и разрывам.

— Все не можешь с нами расстаться, Лэнгриш? — Она перекрикивала очередной залп зениток. — Ну, с чем пожаловали сегодня?

Крылья чепца полногрудой светловолосой сестры на концах закручивались в острия; всякий раз Кей вспоминала рогатые шлемы викингов, какие встречаются у оперных певцов. Сестра послала за каталкой и инвалидным креслом, шугая санитаров, точно гусей. Когда изрезанный мужчина стал заторможенно выбираться из фургона, она подстегнула и его:

— Живей, пожалуйста!

Кей с Микки осторожно положили старуху на каталку. Микки уже пришпилила бирку с адресом и временем происшествия. Бабка испуганно сучила руками; Кей ее придержала и успокоила:

— Не волнуйтесь. Все будет хорошо.

Мужчину усадили в инвалидное кресло. Он похлопал Микки по руке:

— Спасибо тебе, сынок.

Все это время он принимал ее за парня — видел-то лишь мельком в самом начале.

— Бедняга, — сказала Микки, когда они с Кей уселись в фургон. Она пыталась обтереть измазанные кровью руки. — Шрамов до черта останется, да?

Кей кивнула. Вообще-то, благополучно сдав мужчину и его матушку, она уже почти забыла о них. Мысли были заняты маршрутом возвращения на Долфин-Сквер; по-прежнему нескончаемо гудели самолеты и рявкали зенитки. Кей пригнулась к рулю, снова вглядываясь в небо. Микки тоже взглянула, потом опустила стекло и высунула голову наружу.

— Ну что там? — спросила Кей.

— Поди разбери. Вон пара самолетов, прямо над башкой. Вроде кругами ходят.

— Над нами кружат?

— Кажись, так.

Кей газанула. Микки рукой придерживала колотившуюся о дверцу каску.

— Поймали в прожектора! — докладывала она.

— Теперь потеряли... Сейчас... Опаньки! — Микки проворно втянула голову в кабину. — Зенитки зашмаляли.

Кей свернула за угол и посмотрела вверх. В луче прожектора плыл сияющий самолет. К нему взмыла огненная трасса, которая летела будто в тишине — казалось, цепочка резвых огоньков, следящих дымками, не связана с ощутимым грохотом орудий. Однако вскоре внимание забрали посыпавшиеся осколки. С равными промежутками времени они барабанили по крыше и капоту фургона, словно пилоты бомбардировщиков захватили с собой кухонную утварь и теперь опорожняли ящики с вилками и ножами.

Потом раздался удар ощутимее, за ним еще один, и дорога впереди вдруг вспыхнула ослепительно белым светом. Самолет сбросил зажигалки, одна взорвалась.

— Круто! — сказала Микки. — Чего делать?

Кей машинально сбросила газ, нога ее зависла над тормозом. Инструкция приказывала не останавливаться, что бы ни случилось по дороге. Любое происшествие могло привести к гибели. Однако каждый раз было трудно всего лишь удирать от опасности.

Кей приняла решение и остановила фургон как

можно ближе к плюющемуся искрами цилиндру. Открыла дверцу и выпрыгнула наружу.

— Не хочу, чтобы улица сгорела. Пофиг, что скажет Бинки.

Оглядевшись, Кей заметила мешки с песком, грудой лежавшие перед окном дома; оберегая от взбесившегося магния лицо и руки, она подтащила и бросила мешок на зажигалку. Белый свет исчез. Но дальше по улице вспыхнула еще одна бомба. Кей поволокла к ней второй мешок. Зажигалки, которые лишь тлели, она отшвыривала ногой, и те катились, злобно пыхая искрами. На помощь пришла Микки, а через минуту к ним присоединились мужчина и девочка, выбежавшие из дома; все они носились по улице, точно сбрендившие футболисты... Несколько зажигалок упали на крыши и в палисадники, где их было не достать; одна примостилась на деревянную табличку «Сдается», которая уже занялась.

— Где ваш караульный, черт бы его побрал? — спросила Кей.

— Сам хотел бы знать, — отдуваясь, сказал мужчина. — Наша улица на границе двух постов. Гаврики сидят и спорят, кому здесь патрулировать. Как думаете, пожарных вызывать?

— Тут дела-то для пары ручных помп, нам бы

лестницы иль веревки.

— Так что, звонить?

Кей огорченно осмотрелась.

— Да. Пожалуй, надо.

Мужчина убежал. Кей подошла к девочке.

— Давай-ка назад в укрытие.

Девчонка, одетая в мужской плюшевый пиджак и хвостатую шапочку гнома, ухмыльнулась и замотала головой:

— Не, тут лучше. Интересней.

— Сейчас будет тебе интересней — не обрадуешься! Ну, что сказано!

Вдруг рвануло в одном из домов дальше по улице — раздался этакий «ба-бах», сопровождаемый звоном разбитого стекла. Кей с Микки бросились к дому, девчонка увязалась следом. В окно первого этажа, где взрывом выбило ставни, сквозь черные от сажи шторы, повисшие на оборванном карнизе, вырвалось черное облако дыма с кусками штукатурки, но огонь не появился.

— Осторожно, — сказала Кей, когда они с Микки забрались на подоконник. — Может, замедленная.

— А то не знаю, — фыркнула Микки.

Она посветила фонариком. Кухню разворотило: раскиданные стулья и посуда, опаленные обои,

стол, который шваркнуло о стенку и перевернуло вверх тормашками. За ним виднелась распростертая фигура мужчины в пижаме и халате. Он хватался за бедро и стонал:

— Ох! Ох! Етит твою мать!

Вглядевшись сквозь пыль, Микки ухватилась за Кей.

— Кажись, ему ногу оторвало! — просипела она. — Напрочь! Надо жгут...

— Что такое? — крикнул человек и закашлялся. — Кто там? Помогите!

Кей побежала к фургону.

— Не смотри! — крикнула она девчонке, которая ошивалась у окна.

Гул самолетов угас, но костерки на улице разгорелись всерьез, выбрасывая уже не белое, а желтое, оранжевое и красное пламя. Они привлекут другие самолеты с настоящими бомбами, только возиться с ними некогда. Кей схватила коробку с бинтами и бросилась назад к дому. Микки была уже в кухне возле раненого. Она разбросала мусор и теперь рвала на человеке пижаму.

— Помогите встать... — простонал мужчина.

— Лежите и не разговаривайте.

— У меня это... нога...

— Я знаю. Все нормально. Сейчас наложим

жгут.

— Чего?

— Чтобы остановить кровь.

— Кровь? Чего, у меня кровь идет?

— Наверняка, приятель, — мрачно ответила Микки.

Наконец она разорвала штанину и направила луч фонарика на обнажившееся бедро. Нога заканчивалась чуть выше колена. Но культя была розовая, гладкая и слегка лоснилась...

— Погоди-ка. — Кей взяла Микки за плечо. Мужчина выдохнул, рассмеялся и закашлялся.

— Едрит твою налево! Если отыщешь ногу, ты просто кудесница, бляха-муха! Я потерял ее еще на той войне.

Отсутствовал деревянный протез. Вдобавок взорвалась не бомба, а лишь неисправная газовая плита. Мужчина поднес спичку к горелке под чайником, тут и рвануло. Протез оторвался и улетел со всем остальным; в конце концов он обнаружился на крючке для картины, где зацепился пряжкой.

Микки зло пихнула его хозяину:

— Будто нам взрывов не хватает, еще вы добавили.

— Я всего лишь хотел чайку заварить. — Муж-

чина все не мог откашляться, — Человек имеет право на чашку чая, нет, что ли?

Когда его подняли, стало видно, как сильно ему досталось. Ожоги на лице и руках, частью обгорели волосы, а брови и ресницы спалило совсем. Кей с Микки не знали, вести его в госпиталь или оставить, но потом все же вывели из дома и усадили в фургон.

На улице все еще полыхал огонь, однако девчонка, помогавшая тушить зажигалки, уже барабанила в двери домов; появились люди с бадьями, помпами и ведрами с песком. Безногий кого-то окликнул и попросил заколотить досками окно его квартиры,

— Похоже, придется отсель съезжать, — сказал он, глядя на суетящиеся фигуры. — Хоть бы фатеру-то не залили. По мне уж лучше пожар, чем потоп... Эй, ты чего это? — забеспокоился мужчина, когда Кей хотела захлопнуть дверцу фургона. — Запрешь меня с ней, что ли? — Он имел в виду Микки.

— Все будет нормально, — успокоила Кей.

— Легко сказать. Поглядела бы, как она обошлась с моей пижамой...

— Шибко опасался, — сказала Микки, когда они забросили мужчину в госпиталь.

— Шутишь?

— Ну ты подумай — деревянная нога! Если наши узнают...

Кей хихикнула и прохрипела:

— Кей! Кей! Ногу напрочь оторвало!

— Заткнись! — Микки прикурила две сигареты.

— Не переживай, милая. Любой подумал бы то же самое.

— Возможно. Заметила, какие у девочки красивые глазки?

— Разве?

— Кареглазых ты не замечаешь.

Зенитки смолкли, отогнав самолет, который сбросил зажигалки. Стало легко, точно справились с непомерным грузом. Всю дорогу к Долфин-Сквер Кей с Микки болтали и смеялись. Однако в гараже Партридж встретила их предостерегающим взглядом.

— Влипли, девочки.

С пачкой шпаргалок в руке появилась Бинки.

— Лэнгриш и Кармайкл, где вас черт носил? Из госпиталя вы отъехали час назад. Я уж хотела доложить штабу о вашем исчезновении.

Кей рассказала о зажигалках и раненом.

— Это никуда не годится, — заявила Бинки. —

После вызова положено сразу вернуться на базу. Лэнгриш, ты слишком давно служишь, чтобы не знать правил.

— Значит, пусть улица горит и привлекает бомбардировщиков? А то нам работы мало.

— Порядок тебе известен. Делаю предупреждение. Слишком уж своевольничаешь.

Телефонный звонок позвал Бинки в ее каморку; через минуту она вернулась и отправила Кей с Микки по новому вызову. Бомбардировщики убрались из Пимлико, однако натворили дел в Камберуэлле и Уолуорте. Два фургона местной станции попали под обстрел и вышли из строя; Кей, Микки и еще четыре водителя с Долфин-Сквер поехали на другой берег реки на замену. Работа выдалась скверная. В Камберуэлле людей придавило рухнувшим домом; Кей помогала врачу наложить шины на размозженные ноги ребенка — девочка пронзительно кричала, едва к ней прикасались. Потом на другой улице занимались двумя мужчинами, которых посекло осколками, — они были так изрезаны, словно попались под руку маньяку с ножами.

К четверти второго, когда смена почти закончилась, Кей с Микки сделали пять ездок. На Долфин-Сквер они вернулись вконец измотан-

ные. Свернув с улицы, Кей выключила мотор и дала машине по инерции закатиться в гараж. Дернула рукоятку тормоза, откинулась на сиденье и, закрыв глаза, спросила Микки, которая сидела в той же позе:

— Что видишь?

— Бинты.

— А я дорогу; всё бежит.

Фургон изгваздался как никогда; еще с четверть часа они набирали в ведра ледяную воду и окатывали машину. Потом занялись собой. В гараже имелась неотапливаемая комната с табличкой «ЖЕНСКАЯ ДЕЗИНФЕКЦИОННАЯ». Там стояло нечто вроде корыта с холодной водой. Смыть кровь, спекшуюся с пылью, было чертовски трудно. Микки обходилась без украшений. А Кей носила на мизинце простенькое золотое колечко, расставаться с которым не любила; приходилось сдергивать его через сустав, чтобы смыть под ним грязь.

Кое-как оттерев руки, они сняли каски. Лица их побурели от гари и кирпичной ныли, и ремешки оставили светлые полоски на щеках и подбородках; просветы еще виднелись лишь там, где рука отирала пот, да промылись дорожки от слезившихся глаз. Ресницам уделили особое внимание

— иногда в налипшей грязи попадались мелкие осколки стекла. Под лампочкой Кей и Микки по очереди обследовали друг друга: гляди вверх... вниз... порядок!

Кей вошла в караулку. Большинство водителей уже вернулись. Новенькая О'Нил бинтовала Хьюзу руку.

— Очень туго, голубушка.

— Извините, Хьюз.

— Что случилось? — спросила Кей, присаживаясь рядом.

— Со мной? Ничего, — ответил Хьюз. — Просто О'Нил тренируется.

Кей зевнула. Садиться до сигнала «отбой» — плохая примета, но она вдруг почувствовала, что до смерти устала.

— Как прошла смена? — спросила она, борясь со сном.

Глядя, как наматывается бинт, Хьюз пожал плечами:

— Не слишком паршиво. Вспоротый живот и выбитый глаз.

— А у тебя, О'Нил?

— Четыре перелома на Уорик-Сквер.

— Прям песенка из мюзик-холла, — поморщилась Кей.

— На Блумфилд-террас Хауард и Ларкин достался мужчина, который свалился в лестничный пролет, — перечисляла О'Нил. — Взрыва не было, просто назюзюкался и все.

— Назюзюкался? — Кей рассмеялась — словечко понравилось. Смех перешел в зевок. — Повезло ему. Нынче любой, кто добыл столько бухла, чтобы назюзюкаться, заслуживает медали.

В кухне Микки готовила чай. Кей прислушалась к звяканью чашек, потом вздернула себя и пошла подсобить. В неприглядное спитое месиво, почти всегда сохранявшееся на дне чайника, добавили свежей заварки и стали ждать, пока закипит вода на съеженном пламени — газ подавался слабо. Отбой прозвучал, когда разливали чай и прибыли последние водители. Бинки ходила из комнаты в комнату, всех пересчитывая по головам.

Общее настроение потихоньку улучшалось. Все как-то оживились — ведь уцелели, пережив и одолев еще один налет. Измазанные в крови и пыли люди невероятно устали: целую ночь они бродили по развалинам, таскали носилки с ранеными и ехали сквозь мрак, но теперь все жуткие переживания обращали в шутку. Вход Кей с кружками был встречен радостными криками. Партридж пулялась бумажными катышами, при-

способив под катапульту чайную ложку. О'Нил закончила перевязывать Хьюзу руку и принялась за его голову. Очки надела поверх бинтов.

Когда зазвонил телефон, никто не смолк и не прислушался; все решили — звонят из штаба, подтверждая отбой. Потом вошла Бинки. Вскинула руки и крикнула, перекрывая шум голосов:

— Требуется одна машина! Ехать в конец Сазерленд-стрит. Кто раньше всех вернулся?

— Чтоб тебя! — пробурчала О'Нил, вынув изо рта булавку. — Мы с Коул. Поехали?

Коул зевнула и встала.

— Удачи, девочки, — сказала Кей, откидываясь на спинку стула.

— Счастливо, девчонки! — крикнул Хьюз, оттянув с одного глаза бинт. — Зашинируйте там одного за меня!

— Погодите, — негромко сказала Бинки. — О'Нил, Коул... Ездка за мертвяками. Никто не уцелел. Один труп верный, но, видимо, еще двое. Мать с детьми. Придется собирать по кускам... Как вы, сможете?

Наступила тишина.

— Господи ты боже мой... — Хьюз сбросил бинты и поднял воротник.

О'Нил побледнела. Ей было всего семнадцать.

— Я, это... — пролепетала она.

Все замерли.

— Я поеду. — Кей встала. — Что, Коул, возьмешь в напарницы?

— Послушайте, все нормально, — сказала О'Нил. Теперь она залилась краской. — Не надо со мной нянчиться, Лэнгриш.

— Никто не нянчится, — ответила Кей. — Еще насмотришься всяких ужасов, чего раньше времени соваться? Микки, съездишь с О'Нил, если что?

— Без вопросов, — кивнула Микки. — Кей права, О'Нил. Не бери в голову.

— Считай, повезло, — встрял Хьюз. — В следующий раз езжай вместо меня, Лэнгриш!

О'Нил полыхала румянцем.

— Ладно, спасибо, Лэнгриш.

Кей с Коул пошли в гараж. Коул завела мотор и медленно тронулась.

— Пожалуй, спешить некуда... Курить хочешь? Там где-то есть. — Она кивнула на бардачок.

Кей нашарила плоский стальной портсигар, на котором лаком для ногтей было выведено «Э. М. Коул. Руки прочь!», и прикурила две сигареты.

— Спасибо. — Коул затянулась и выдохнула дым. — Ох, так-то лучше. Кстати, это здорово, что

ты сделала для О'Нил.

Кей потерла глаза.

— Она совсем ребенок.

— И все же... Черт, мотор стучит как бешеный! Боюсь, зажиганию кранты.

Дальше ехали молча, сосредоточившись на дороге. Нужное им место опять находилось в направлении Хью-стрит.

— А точно здесь? — спросила Кей, когда машина остановилась.

С виду дом был целехонек. Они всё увидели, когда прошли в сад — прямое попадание в укрытие. Здесь толпился народ, который недавно вышел из своих убежищ и теперь старался что-нибудь разглядеть. Полицейские соорудили брезентовую ширму. Один провел за нее дружинниц и показал, что удалось найти: тело женщины в халате и тапочках, но без головы; бесполый торс подростка, опоясанный кушаком. Их прикрыли одеялом. Рядом лежал клеенчатый сверток с разрозненными частями: маленькие руки, ноги, челюсть, закругленный сустав — колено или локоть.

— Сначала мы подумали: мать, дочь и сын, — тихо сказал полицейский. — Но там, понимаешь... — он отер рот, — конечностей получается больше. Наверное, было три ребенка, а может, четыре. Мы

опрашиваем соседей... Как вы, справитесь?

Кей кивнула и пошла к фургону. Легче, когда двигаешься и занята делом. Тело женщины и торс ребенка снабдили бирками и погрузили на носилки. Части тел хотели забрать прямо в свертке, но полицейский не разрешил взять клеенку. Тогда уложили их в ящик, простеленный газетой. Страшнее всего было прикасаться к челюсти с мелкими молочными зубами. Коул ее схватила и почти бросила в ящик, задохнувшись даже не от горя, а просто от ужаса.

— Ты как? — спросила Кей, коснувшись ее плеча.

— Ничего, нормально.

— Иди посиди в сторонке. Я тут управлюсь.

— Говорю же, все нормально, чего ты?

Они подтащили ящик к фургону, навесили бирку и загрузили. Кей надежно закрепила его ремнем. Однажды с подобным грузом она ехала из морга на Биллингсгейтский рынок, куда свозили неопознанные трупы. Ящик не привязала, и, когда открыла дверцу фургона, к ее ногам выкатилась человеческая голова.

— Что за сволочная работа! — сказала Коул, когда они уселись в кабину.

На станцию вернулись в четверть пятого. Их

смена закончилась — Микки, Бинки, Хьюз и все остальные уже ушли. Новый наряд не знал, куда они ездили, и подшучивал:

— Что такое, Лэнгриш? Мало тебе своей смены, решила и нашу прихватить? Хочешь остаться вместо меня? Что скажешь, Коул?

— Уж точно, мы б вдвоем лучше справились, чем вся ваша банда! — огрызнулась Кей.

Они с Коул пошли в умывальню. Не глядя друг на друга, стояли рядом и оттирали руки. Потом надели шинели и вместе пошли в сторону Вестминстера. Коул посмотрела на небо:

— Удачно, что дождь не заладил, правда?

У Сент-Джеймского парка они разошлись, и Кей зашагала быстрее. Ее квартира была к северу от Оксфорд-стрит — в конце Рэтбоун-Плейс, в доме, перестроенном под жилье из старых конюшен или конного двора. Она знала короткую дорогу через улочки Сохо — хороший путь, если не обращать внимания на ночную безлюдность и странный вид многих заколоченных домов, притихших ресторанов и магазинов. Сегодня здесь не было ни души, и только перед самым домом встретился караульный Генри Варни.

— Как дела, Генри? — тихо окликнула Кей.

Караульный поднял руку:

— Порядок, мисс Лэнгриш! Думал о вас, когда фриц жужжал над Пимлико. Подергал, а?

— Да, маленько. Здесь-то как?

— Все тихо.

— Что нам и нужно, верно? Спокойной ночи.

— Доброй ночи, мисс Лэнгриш. На всякий случай заткните уши.

— Непременно.

Все так же быстро Кей двинулась к Рэтбоун-Плейс и только перед входом на конный двор чуть замедлила шаги, ибо в ней жил тайный неотвязный страх: вот вернется и увидит, что дом разбомбили, он горит или лежит в руинах. Но все было спокойно. Ее квартира находилась в глухом конце двора, над гаражом возле амбара, к двери вела деревянная лестница. На площадке Кей приостановилась, сняла ботинки и шинель; большим ключом отомкнула дверь и тихо скользнула внутрь. Она прошла в гостиную и зажгла настольную лампу, затем на цыпочках подкралась к спальне и осторожно приоткрыла дверь. Свет лампы позволял разглядеть кровать и спящую фигуру — разбросанные руки, спутанные волосы, пятка, вылезшая из-под простыней.

Кей раскрыла дверь шире, подошла к кровати и села рядом на корточки. Хелен пошевелилась и

открыла глаза; она еще не вполне проснулась, но вскинула руки и подставила лицо для поцелуя.

— Привет, — невнятно проговорила она.

— Привет, — шепнула Кей.

— Который час?

— Не знаю: ужасно поздно то ли ужасно рано. Ты все время была здесь? В убежище не ходила? — (Хелен помотала головой.) — Все-таки лучше ходить.

— Мне там не нравится. — Хелен коснулась лица Кей, проверяя, нет ли ссадин. — С тобой все хорошо?

— Да. Все прекрасно. Спи.

Глядя, как замирают веки Хелен, Кей отвела волосы с ее лба; в груди всколыхнулись чувства, которые на миг даже испугали своей неистовостью. Она вспомнила части маленьких тел, которые им с Коул пришлось собирать в саду на Сазерленд-стрит, и вдруг остро осознала всю чудовищность произошедшего: мягкая человеческая плоть, хрупкие косточки, тонкие шеи, запястья и пальчики... Какое-то чудо, что она вернулась из подобной мясорубки и видит нечто, столь живое, теплое, прекрасное и чистое.

Уверившись, что Хелен вновь нырнула в сон, Кей поднялась, укрыла ее плечи одеялом и еще

раз легко поцеловала. Прошла в гостиную и так же осторожно прикрыла дверь. Потом распустила галстук, расстегнула запонку воротничка. Потерла шею, ощутив под пальцами катышки грязи.

В гостиной стоял небольшой книжный шкаф. На одной полке спряталась бутылка виски. Кей ее выудила и взяла стакан. Закурила. Села.

Минуту-другую было хорошо. Но потом заплескался виски в не донесенном до рта стакане, упал на руку пепел сигареты. Заколотило. Такое случалось. Вскоре дрожь била так, что ни затянуться сигаретой, ни глотнуть из стакана. Казалось, сквозь тело проносится призрак курьерского поезда; Кей знала: поделать ничего нельзя, остается только ждать, пока простучат все вагоны и платформы... Виски помог. Наконец она успокоилась настолько, что смогла докурить сигарету и сесть свободнее. Когда совсем успокоится и уверится, что состав не вернется, пойдет в постель. Час, а то и больше уснуть не сможет. В темноте будет слушать ровное дыхание Хелен. Коснется ее запястья и почувствует волшебное тиканье пульса.

*

Тюрьма невероятно тиха в эту пору ночи; поразительно, что столько человек — в одном

только его корпусе триста душ — лежат не шелохнувшись. Однако в этот час Дункан всегда просыпался, словно тюремный покой, достигнув определенной точки, действовал как окрик или толчок.

Не спал и сейчас. Закинув руки за голову, он лежал навзничь и смотрел в темноту в ярде над лицом, сотворенную шконкой Фрейзера. Голова ясная, на душе — полный покой, точно свалилось жуткое бремя, после того как день свиданий миновал и через встречу с отцом удалось проскочить без споров и обид, без истерик или иного способа выставить себя дураком. Теперь до следующего свидания целый месяц. В тюрьме месяц — это вечность. В тюрьме месяц — как улица в тумане: различаешь то, что вблизи, а все остальное серо, размыто, бездонно.

«Как ты изменился!» — сказал себе Дункан. Прежде он вспоминал мельчайшие детали встречи днями напролет; перед глазами стояло отцовское лицо, в ушах звучали его и собственный голоса, и все это изводило так, словно сумасшедший киномеханик беспрестанно прокручивал один и тот же фильм. Или же он сочинял безумные письма к отцу, в которых просил больше не приезжать. Однажды, отбросив одеяло, он вскочил с койки, сел

за стол и почти в кромешной тьме принялся за письмо к Вив. Огрызком карандаша лихорадочно писал на чистой странице, выдранной из библиотечной книги; утром написанное показалось творением душевнобольного: строчки наезжали друг на друга, бесконечно повторялись одни и те же мысли и слова: «какая здесь мерзость... не описать... мне страшно... Вив... мерзость... я боюсь...» За порчу книги он получил взыскание.

Отгоняя воспоминание, Дункан повернулся на бок.

Луна ушла, но звезды светили: маскировка была отдернута, и окно — маленькие стекла в уродливом переплете — отбрасывало на пол причудливую тень. Дункан знал, что, если пристально смотреть, заметишь, как она движется, а если неудобно выгнуть голову, в окно увидишь звезды, луну и сполохи орудийного огня. Смотришь, и пробирает дрожь. В камере холодно. Под окном проделана отдушина, забранная старинной решеткой; она предназначена для вентиляции в жару, но через нее всегда тянет холодом. Дункан лежал в тюремной пижаме, фуфайке и носках; остальную одежду — рубашку, куртку, брюки и накидку — для тепла разложил поверх одеяла. Фрейзер на верхней шконке сде-

лал то же самое.

Наверное, он ворочался во сне — край рубашки или накидки съехал. Свесилась рука — длинные темные пальца похожи на лапы невероятно большого и сильного паука. Вот они шевельнулись — будто, чуя добычу, опробовали паутину... «Не смотри», — приказал себе Дункан; иногда подобные идиотские мелочи застревали в голове и потом изводили всю ночь. Он перевернулся на другой бок. Вот так-то лучше. Если протянуть руку, нащупаешь место, где стену обскоблили те, кто лежал здесь задолго до него: «Дж. Б. декабрь 1922; Л. С. В. девять месяцев и десять дней 1934»... Даты не такие уж древние, но любопытно представить людей, которые их оставили, где-то сперев иголку, гвоздь или черепок чашки. «Покойся с миром Джордж К., клевый медвежатник»; интересно, в этой камере умер заключенный? А может, убили. Или покончил с собой. Кто-то расчертил бесполезный календарь, где в каждом месяце было тридцать дней. Другой выцарапал стихи: «Пять одиноких лет по камере бродить, могли бы и жену со мною посадить», а ниже — приписка: «Не про тебя ее манда, твой лучший друг скоблит ее, балда».

Дункан закрыл глаза. Интересно, в тюрьме еще

кто-нибудь не спит? Пожалуй, только надзиратели. Ежечасно они совершают обход, появляясь точно фигуры на старинных часах. Обувь у них мягкая, но железные площадки откликаются: слышен равнодушный дребезжащий звон, размеренный как пульсация ледяной крови. Днем его почти не слышно — наверное, из-за шума; для Дункана этот звук был частью особого ощущения ночи, созданного тишиной и мраком. Он его ждал и ловил. Звон означал, что прошли еще шестьдесят минут тюремного времени. Если Дункан был единственным, кто бодрствовал, значит, эти минуты принадлежали только ему, зачислялись на его счет и звякали, точно монеты, проскользнувшие в спину фарфоровой свиньи-копилки. Не повезло тем, кто дрыхнет! Они не получат ничего... Но если кто-нибудь подавал признаки жизни — кашлял, дубасил в дверь, призывая надзирателя, плакал или вопил, — Дункан делил с ним минуты поровну: тридцать минут каждому. Так по справедливости.

Разумеется, все это глупость, потому что быстрее всего время проходит, когда спишь, и нет хуже, чем вот так лежать без сна. Тогда выдумываешь всякие маленькие ухищрения, дабы скоротать ожидание за чем-то более осязаемым

вроде рукоделья или головоломки. Другого ничего нет. В этом вся тюрьма: никакая не фарфоровая свинка, но громадная медлительная машина для перемалывания времени. В нее попала твоя жизнь, которую истолкло в порошок.

Дункан приподнял голову, потом снова перевернулся на другой бок. На площадке возник дребезжащий звон, но теперь его ритм был очень легкий, едва уловимый, и Дункан понял, что идет мистер Манди, который в тюрьме прослужил дольше любого надзирателя и умел подойти осторожно, не обеспокоив узника. Размеренный звук приближался, потом замедлился, как биение угасающего сердца, и наконец стих. Дункан затаил дыхание. Под дверью, на которой в пяти футах от пола имелся глазок с заслонкой, проглядывала полоска тусклого синего света. Вот в ней появился темный провал, потом вспыхнул и померк глазок. Мистер Манди заглядывал в камеру. Он говорил, что не только умеет мягко ходить, но чувствует, если кто-нибудь из его подопечных встревожен и не может уснуть...

С минуту он стоял абсолютно неподвижно. Затем очень тихо спросил:

— Порядок?

Дункан ответил не сразу. Боялся, что проснется

Фрейзер. Наконец прошептал:

— Все хорошо. — Фрейзер не пошевелился, и он добавил: — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — ответил мистер Манди.

Дункан закрыл глаза. Чуть погодя снова возник и постепенно стих дребезжащий звон. Полоска под дверью опять была целой, кружок глазка темен. Дункан повернулся на другой бок и положил руки под щеку — точно мальчик из книжки с картинками, терпеливо ожидающий прихода сна.

2

— Хелен! — крикнул кто-то, перекрывая рычание машин на Марилебон-роуд. — Хелен! Эгей!

Хелен обернулась и увидела женщину в синей джинсовой куртке, комбинезоне, сильно испачканном на коленях, и пропыленном тюрбане . Женщина улыбалась и махала рукой.

— Хелен! — снова крикнула она и засмеялась.

— Джулия! — наконец ответила Хелен и перешла дорогу. — Я вас не узнала!

— Неудивительно. Наверное, я выгляжу трубочистом, да?

— Есть немного.

Джулия встала с обломка стены, где грелась на солнышке. В одной руке у нее был роман Глэдис Митчелл,[28] в другой — сигарета; напоследок торопливо затянувшись, она отбросила окурок. О нагрудник комбинезона отерла руку, чтобы поздороваться с Хелен. Но, взглянув на ладонь, покачала головой.

— Грязь въелась. Ничего?

---

28 Примечания: 28

Глэдис Митчелл (1901-1983) — английская писательница, автор детективных романов с центральным персонажем миссис Брэдли.

— Конечно ничего.

Они пожали руки.

— Куда направляетесь? — спросила Джулия.

— Возвращаюсь на работу, — чуть смущенно ответила Хелен. Что-то в Джулии — манеры, ясный аристократический голос — заставляло стесняться. — Ходила перекусить. Я работаю вон там, в муниципалитете.

— Да? — Джулия посмотрела вдоль улицы. — Наверное, проходили рядом и не замечали друг друга. Мы с отцом отрабатываем все здешние улицы. На Брайанстон-Сквер у нас что-то вроде штаба. Торчим здесь уже неделю. Отец пошел переговорить с караульным, и у меня появилось оправдание, чтобы немного побездельничать.

Хелен знала, что отец Джулии архитектор. Он проводил экспертизу пострадавших от налетов зданий, и Джулия ему помогала. Почему-то казалось, что они работают где-то далеко — в Ист-Энде или где-нибудь вроде этого.

— На Брайанстон-Сквер? — переспросила Хелен. — Вот забавно! Я все время через нее хожу.

— В самом деле?

Секунду они смотрели друг на друга, хмурясь и улыбаясь.

— Как вы вообще? — оживила беседу Джулия.

Хелен пожала плечами, опять застеснявшись:

— Ничего. Немного устала, конечно, как все. А что у вас? Пишете?

— Да, помаленьку.

— Успеваете между бомбежками?

— Точно, между налетами. Вроде помогает отвлечься. И вот читаю... — она показала книгу, — чтобы знать конкуренцию. Как Кей?

Джулия спросила непринужденно, но Хелен почувствовала, что краснеет.

— Нормально, — кивнула она.

— По-прежнему на станции? На Долфин-Сквер?

— Да, все там же.

— С Микки и Бинки? Вот уж парочка, правда?

Хелен согласно рассмеялась... Джулия книгой прикрылась от яркого солнца, но смотрела на Хелен так, будто что-то обдумывала.

— Знаете, отец придет минут через десять, — сказала она, поправив на запястье перевернувшиеся часы. — Я как раз собралась выпить чайку. Тут есть одна рыгаловка возле метро. Не составите компанию? Или вам срочно на работу?

— Вообще-то, мне уже пора за стол, — удивленно ответила Хелен.

— Так уж и пора? Взгляните иначе: чай помо-

жет усерднее работать.

— Что ж, возможно.

Хелен помнила, как закраснелась, и не хотела, чтобы Джулия решила, будто ей неловко посреди улицы говорить о Кей, хотя это вполне естественно, тут ничего такого... Да и Кей будет приятно узнать об этой встрече — так сказала она себе, взглянула на часы и улыбнулась:

— Ладно, только быстро. На сей раз я переживу гнев мисс Чисхолм.

— Кто такая?

— Коллега, невероятно пунктуальна. Ее поджатые губы — это нечто жуткое. По правде, я ее до смерти боюсь.

Джулия засмеялась. Они двинулись быстрым шагом и вскоре уже стояли в небольшой очереди к окошку передвижного буфета.

День стоял солнечный и почти безветренный, но холодный. Зима выдалась злая. Оттого сегодняшнее голубое небо казалось еще прелестнее. Народ вокруг повеселел, будто вспомнил о счастливых деньках. Прислонив вещмешок и винтовку к буфетному фургону, солдат в хаки лениво свертывал сигарету. Девушка в очереди надела солнечные очки. Пожилой мужчина перед ней был в кремовой панаме. Правда, у обоих

через плечо висели противогазы; Хелен заметила, что люди вновь стали их носить, раскопав из хлама. В пятидесяти ярдах дальше по Марилебон-роуд недавно разбомбило административное здание: стоял пожарный бак с водой, к тротуару прилипли обгорелые бумаги, стены и деревья были в налете пепла, от развалин через улицу тянулись грязные следы пожарных рукавов.

Очередь продвигалась. Девушка за прилавком подала чай. Хелен достала кошелек; возник обычный женский спор, кому платить. В конце концов заплатила Джулия, сказав, что пригласила она. Чай выглядел отвратительно: сероватый — видимо, от хлорированной воды, порошковое молоко свернулось комками. Джулия с Хелен отошли в сторонку к груде песочных мешков под заколоченным окном. От разогретой солнцем мешковины довольно приятно пахло подсыхающим джутом. Некоторые мешки лопнули, в прорехи выглядывала блеклая земля с остатками чахлых цветков и травы.

Джулия вытянула сломанный стебелек.

— Триумф природы над войной, — сказала она дикторским голосом; именно об этом люди писали на радио: на развалинах появился неизвестной вид полевого цветка, прилетела птица

неведомой породы — все это ужасно осточертело. Джулия прихлебнула чай и скривилась: — Ну и гадость! — Она достала пачку сигарет и зажигалку. — Ничего, что я курю на улице?

— Ради бога.

— Закурите?

— У меня где-то были свои...

— Да ладно, берите.

— Спасибо.

Склонившись, они вместе прикурили и сощурились от дыма. Непроизвольно Хелен коснулась руки Джулии.

— У вас костяшки расцарапаны.

Джулия посмотрела на пальцы.

— Точно. Наверное, битым стеклом. — Она пососала ссадины. — Утром пришлось забираться в дом через окошко над дверью.

— Боже мой, прямо как Оливер Твист!

— Да, похоже.

— А это законно?

— Можно считать. У нас с отцом что-то вроде особого разрешения. Если дом пуст и нет ключей, можем входить любым способом. Работенка грязная и вовсе не такая интересная, как выглядит: полный разгром в комнатах, изодранные ковры, расколотые зеркала. Да еще эти помпы — от воды

сажа превращается в слякоть. В прошлом месяце я видела дома, где все обледенело: диваны, скатерти и прочее. Или же все сгорает. Если зажигалка упадет на крышу, может аккуратненько прожечь дом насквозь — стоишь в подвале и видишь небо... По мне, так еще хуже, нежели бы дом разнесло в клочья, — все равно что жить с раковой опухолью.

— А страшно? — спросила Хелен, увлеченная рассказом. — Я бы, наверное, испугалась.

— Жутковато. Всегда есть шанс с кем-нибудь повстречаться — скажем, с мародером, который забрался тем же путем. Или с хулиганьем. Кое-где стены исписаны похабщиной; жалко хозяев, когда вернутся. И потом, некоторые дома вовсе не брошены. Вот у отца недавно был случай: прошел по всем комнатам, осмотрел повреждения и вдруг в самой последней комнате видит, что на кровати под изодранным балдахином спит седая древняя старуха в желтой ночной рубашке.

Хелен живо представила сцену и завороженно спросила:

— И что он сделал?

— Ничего — тихонько вышел, а потом уведомил караульного. Тот сказал, что к старухе приходит девочка — готовит и разжигает камин; бабке

девяносто три года, ее невозможно уговорить, чтобы при налете спускалась в убежище. Помнит принца Альберта и королеву Викторию, которые однажды в карете проезжали по Гайд-парку.

Солнце то скрывалось, то выглядывало из облаков. Вот оно разгорелось, и Джулия прикрылась рукой, как прежде — книгой; потом солнце стало просто ослепительным, и она смолкла, закрыла глаза и запрокинула голову.

«Как она хороша!» — вдруг подумала Хелен, забыв историю о старухе; солнце освещало Джулию, точно прожектор, и синева комбинезона с курткой оттеняла смуглое лицо с темными ресницами и аккуратными стрельчатыми бровями; волосы ее были убраны под тюрбан, и потому ясно читалась изящная линия шеи и подбородка. Рот приоткрыт. Губы полные, чуть припухлые, зубы слегка неровные. Но даже это казалось прекрасным — так бывает, что маленький изъян непостижимо делает лицо красивее, чем абсолютная безупречность.

«Неудивительно, что Кей тебя любила», — подумала Хелен в тревожащем сумбуре чувств — зависти, восхищения и легкого замирания сердца.

Только это и связывало их с Джулией. Ведь они

даже не подруги. Джулия была подругой Кей, как Микки... Хотя нет, совсем не как Микки, потому что не заглядывала к ним домой, не ходила с ними в пивную или на вечеринку. Не скажешь, что она открыта и проста. В ней какая-то загадочность, какое-то очарование, думала Хелен.

Загадочность и очарование она почувствовала сразу. «Тебе надо познакомиться с Джулией, — часто говорила Кей, когда Хелен к ней переехала. — Я ужасно хочу, чтобы вы встретились». Но всегда что-то мешало: Джулия занята, Джулия пишет, у Джулии невероятный распорядок дня, застать ее невозможно. С год назад они наконец случайно столкнулись у театра после спектакля — надо же! — «Веселенькое привидение». Джулия была пугающе красива, очаровательна и отстранена; с первого взгляда Хелен все поняла, заметив неловкость и некоторую суетливость Кей, когда та их знакомила.

Позже вечером Хелен спросила:

— Что у тебя было с Джулией?

Кей сразу напряглась.

— Ничего, — сказала она.

— Ничего?

— Ну такая... нелюбовь, только и всего. Сто лет назад.

— Ты ее любила, — в лоб сказала Хелен.

Кей рассмеялась, но покраснела, что бывало с ней редко:

— Слушай, давай сменим тему!

Лишь этот румянец смущения и связывал Хелен с Джулией — странная связь, если вдуматься.

Улыбаясь, Джулия наклонила голову. Ярдах в пятидесяти находилась станция «Марилебон», и сквозь уличный шум прорывались звуки железной дороги: гудок паровоза, шипенье пара. Джулия открыла глаза.

— Я люблю этот звук.

— Я тоже, — сказала Хелен. — Какой-то он праздничный, да? Будто сигнал: вперед на огороды! Сразу хочется уехать из Лондона, хоть ненадолго. — Она погоняла чай на донышке чашки. — Только вряд ли удастся.

— Почему? — взглянула Джулия. — Разве нельзя что-нибудь придумать?

— А куда ехать-то? И потом, эти поезда... Да и Кей в жизни не уговорить. Теперь она работает сверхурочно. Выходной не возьмет, пока дела так плохи.

Джулия докурила сигарету, бросила и растоптала окурок.

— Кей у нас героиня, правда? — сказала она,

выдохнув дым. — Молодчина.

Она говорила вроде бы шутливо, но голос был чуть напряжен, а брошенный искоса хитроватый взгляд словно проверял реакцию собеседницы.

Вспомнилось, что однажды сказала Микки: Джулия жаждет восхищения и не потерпит, чтобы кого-то любили больше нее; и еще: она жесткая. «Это верно, ты жесткая», — мелькнула неприязненная мысль. На секунду Хелен вдруг почувствовала себя открытой и беззащитной.

Но странно: незащищенность и даже неприязнь слегка взволновали. Бросив взгляд на гладкое и красивое аристократическое лицо Джулии, Хелен подумала о жемчуге и драгоценностях. Может, жесткость — непременное условие очарования?

Наваждение исчезло, когда Джулия пошевелилась. Хелен скользнула взглядом по ее часам и поняла, как сильно опаздывает.

— Черт! — Сделав пару торопливых затяжек, она бросила окурок в чашку, где он зашипел. — Мне пора.

Допивая чай, Джулия кивнула:

— Я вас провожу.

Быстренько поставив чашки на прилавок, они зашагали к службе Хелен, до которой было ярдов двести.

— Что, ваша мисс Призм устроит взбучку за опоздание? — на ходу спросила Джулия.

— Мисс Чисхолм, — улыбнулась Хелен. — Может.

— Валите все на меня. Скажите — экстренный случай. Мол, я... Что? Лишилась дома и всего имущества?

— Всего? — задумалась Хелен. — Боюсь, это шесть разных отделов. Я могу лишь помочь со ссудой на мелкий ремонт. Насчет восстановительных работ вам следует обратиться к кому-нибудь из комиссии по военному ущербу; впрочем, они скорее всего направят вас обратно к нам. Мисс Линкс — это на четвертом этаже — вероятно, сможет посодействовать с чисткой спасенных вещей: штор, ковров и прочего. Только не забудьте принести счет из химчистки, а также квитанцию, которую получили при подаче заявления... Что такое? Потеряли квитанцию? Ай-ай-ай! Вам нужно получить другую и все начать сначала... Понимаете, это как «змейки и лесенки».[29] При этом делается вид, что мы нашли время принять вас в первую очередь.

— Ничего себе работа, — сморщилась Джулия.

---

29 Примечания: 29

«Змейки и лесенки» — детская настольная игра, в которой фишки передвигаются взад-вперед по броску игрального кубика.

— Огорчительно, только и всего. Надеешься что-то изменить. Но вот опять приходят люди, которых расселили три года назад, — их снова разбомбило. Денег нам дают все меньше. А война обходится... сколько там говорили, одиннадцать миллионов в день?

— Меня не спрашивайте. Я бросила читать газеты. Поскольку мир так явно склонен уничтожить себя, я давно решила отойти в сторонку и не мешать.

— Мне бы так, — вздохнула Хелен. — Но в неведении я чувствую себя еще хуже, чем когда знаю все.

Они дошли до муниципалитета и остановились попрощаться у крыльца, по бокам которого восседали два насупленных каменных льва в сером налете пепла. Джулия одного потрепала и рассмеялась.

— Ужасно хочется на него залезть. Как думаете, что на это скажет мисс Чисхолм?

— Полагаю, будет сердечный приступ. До свиданья, Джулия. — Хелен протянула руку. — Больше не лазайте через дверные окошки, ладно?

— Постараюсь. До свиданья, Хелен. Было очень приятно. Ужасное слово, правда?

— Прекрасное слово. И мне было приятно.

— Да? В таком случае, надеюсь, еще свидимся. Или же заставьте Кей как-нибудь привести вас на Макленбург-Сквер. Вместе пообедаем.

— Хорошо, — сказала Хелен. Почему нет, в конце-то концов? Сейчас это казалось просто. — Непременно. — Они разошлись. — И спасибо за чай!

Мисс Чисхолм встретила ее выговором:

— Вас дожидается масса народу, мисс Джинивер.

— Вот как? — ответила Хелен.

Она прошла через кабинет и служебным коридором направилась в туалет, чтобы снять пальто, шляпку и припудриться. Глядя в зеркало, она вновь вспомнила гладкое, красивое лицо Джулии, ее изящную шею, темные глаза, аккуратные брови, полные смущающие губы и неровные зубы.

Открылась дверь, и вошла мисс Линкс:

— Ой, мисс Джинивер, как хорошо, что я вас поймала. Боюсь, у меня весьма печальная новость. У мистера Пайпера из бухгалтерии погибла жена.

— Неужели? — Хелен уронила руку.

— Замедленная бомба. Накрыло сегодня утром. Ужасно не повезло. Мы посылаем открытку с

соболезнованием. У всех подписи собирать не стали, это морока, но я решила, что вы захотите узнать.

— Да, спасибо.

Хелен закрыла пудреницу и грустно вернулась за свой стол, уже почти не вспоминая Джулию, почти совсем не думая о ней.

*

— Ну, что у нас сегодня? — спросил старый мерзкий педик по прозвищу Тетушка Ви, стоявший перед Дунканом в очереди за ужином. — Может, омары? Паштет? Телятина?

— Баранина, — ответил раздатчик.

— Фи! — сморщилась Тетушка Ви. — Ей даже не хватило фантазии прикинуться барашком. Положи мне с горкой, миленький. Говорят, нынче и в Бруксе[30] кормят не лучше.

Последнюю фразу она адресовала Дункану, закатив глаза и поправляя волосы, спереди обесцвеченные перекисью и уложенные волной, для приобретения коей на ночь голова обматывалась веревочками. Нарумяненные щеки и девически алые губы создавались с помощью библиотечных

30 Примечания: 30
Брукс — лондонский мужской аристократический клуб.

книг в красных переплетах — не было ни одной без проплешин, оставленных губами Тетушки и ей подобных.

Дункан ее терпеть не мог. Он молча взял еду и отошел.

— Ох, какие мы нынче гордые! — прошипела Тетушка. С миской она прошла к своему столу, где уже сидели ее подружки, и, схватившись за грудь, завопила: — Кошмар! Мне только что плюнули в душу! И кто? Вон та маленькая мисс Трагедия Пирс!..

Опустив голову, Дункан пошел в другой конец зала. Кроме него и Фрейзера за столом у входа кормились еще восемь человек. Фрейзер уже был на месте. Он оживленно беседовал с сидевшим напротив человеком по фамилии Уотлинг, тоже отказником. Тот слушал, сложив руки на груди, а Фрейзер что-то ему доказывал, подавшись вперед и пристукивая кулаком по клеенчатой столешнице. Он не заметил Дункана, который, отодвинув стул, сел поблизости. Другие заключенные приветливо кивнули:

— Здорово, Пирс! Все путем, сынок?

За столом Дункан и Фрейзер были самые молодые. К Дункану особенно благоволили и частенько опекали.

— Как дела? — спросил пожилой мужчина. — Повидался с сестренкой?

— В субботу приезжала, — сказал Дункан.

— Она у тебя добрая. И милашка. — Сосед подмигнул. — А это никому не вредно, точно?

Дункан улыбнулся, но потом втянул носом и сморщился:

— Чем это воняет?

— А как ты думаешь? — сказал сосед с другой стороны. — Этот сволочной слив опять забило.

Неподалеку от стола находился сточный колодец, куда заключенные с первого этажа сливали параши. Он вечно забивался; Дункан опрометчиво глянул и узрел сток, до краев наполненный тошнотворным месивом мочи и бурого говна.

Охнув, он отвернулся вместе со стулом. Поковырял в миске. От еды тоже мутило: жирная баранина, серая картошка, немытая разваренная капуста с прилипшими песчинками.

Видя его мучения, сидевший напротив зэк усмехнулся:

— Аппетитно, да? Знаешь, вчера в какао я нашел мышиное дерьмо.

— Это что, вон Эванс из третьей зоны в хлебе ногти обнаружил! — сказал кто-то. — Суки из корпуса «Ц» нарочно это делают. Главное, Эвансу так

жрать хотелось, что он все умял! Просто выбирал ногти и хавал дальше!

Все скривились. Пожилой сосед Дункана вздохнул:

— Это как мой папаша говаривал: «Пригнала нужа к поганой луже». Я вот не понимал, пока здесь не оказался.

Треп продолжался. Соскребя с капусты песок, Дункан вилкой подцепил лист. Сквозь болтовню обрывками долетал голос Фрейзера: «Неужели ты думаешь, что с таким количеством отказников здесь и в Мейдстоне...» Конец фразы утонул в гвалте. На бетонном полу разместилось пятнадцать столов. За каждым — десять-двенадцать человек, и потому от разговоров, смеха, скрипа стульев и окриков надзирателей стоял невыносимый шум, который усугубляла странная акустика здания, превращавшая любой возглас в объявление на вокзале Кингз-Кросс.

Вот, к примеру, раздался вопль, всех заставивший вздрогнуть. Старший надзиратель мистер Гарнир прогалопировал по залу и с визгливой бранью — «Ах ты, паскудник!» — набросился на зэка, который всего-навсего уронил картофелину, расплескал подливку или что-нибудь в этом роде. Брань лилась точно гавканье разъяренной твари,

но все лишь глянули и равнодушно отвернулись. Дункан заметил, что Фрейзер вовсе не посмотрел. Он все еще спорил с Уотлингом. Потом цапнул себя за стерню волос и рассмеялся:

— Нам никогда не договориться!

Реплика прозвучала отчетливо, ибо после извержения мистера Гарнира все попритихли. Сосед Уотлинга — осужденный за грабеж дезертир по фамилии Хэммонд — скорчил кислую мину:

— Может, тогда на хрен заткнешься и дашь нам передохнуть? Весь твой базл — сплошной пердеж. Хорошо тебе языком трепать. Говнюки вроде тебя всегда выгадают — и на войне и без войны.

— Ты прав, выгадаем, — сказал Фрейзер. — Потому что такие, как ты выразился, говнюки точно знают, что говнюки вроде тебя будут рассуждать именно так. Если в мирное время рабочие не видят ничего хорошего, у них нет причины не идти на войну. Дайте им достойную работу и жилье, а их детям — приличную школу, и они в момент разглядят смысл в пацифизме.

— Вот уж хер тебе! — окрысился Хэммонд, невольно втягиваясь в спор.

Зэк с другого края стола тоже не устоял. Еще кто-то сказал, что обычного работягу Фрейзер,

похоже, считает безгрешным ангелом.

— Попробовал бы ты управиться с ними на заводе, когда их целая кодла, — говорил зэк, сидевший за растрату. — Уж поверь мне, вмиг запел бы по-иному.

— А как же фашисты? — наседал Хэммонд. — Что, они тоже обычные работяги?

— Именно так, — сказал Фрейзер.

— А япошки?

— Ну, япошки — нелюди, — вмешался человек рядом с Фрейзером, еще один дезертир по фамилии Джиггс. — Это всем известно.

Спор продолжался еще несколько минут. Дункан глотал свой мерзкий ужин, слушал, но молчал. Время от времени он поглядывал на Фрейзера, который все это затеял и взбаламутил весь стол, а сам с довольным видом откинулся на стуле, забросив руки за голову. Тюремная одежда сидела на нем скверно, как и на всех. Серая куртка с аляповатой красной звездой придавала лицу землистый оттенок, воротничок рубашки почернел от грязи, однако Фрейзер умудрялся выглядеть если не красивым, то ладным, тогда как все другие казались измученными заморышами. В Уормвуд-Скрабс он сидел три месяца, ему оставалось еще лишь девять; до этого Фрейзер

отбыл год в тюрьме Брикстон, известной своей строгостью. Как-то он сказал, что даже Брикстону далеко до его школы. Пока же от пребывания в Скрабсе пострадали только его руки — он работал в цехе плетения корзин и еще не приноровился к инструментам. На пальцах вздулись волдыри размером с шиллинг.

Перехватив взгляд Дункана, Фрейзер улыбнулся и громко сказал:

— Не хочешь поучаствовать в нашей дискуссии, Пирс? Что ты обо всем этом думаешь?

— Ни хрена он ни о чем не думает, — вмешался Хэммонд. — Ему все пофиг... Точно, пацан?

Дункан смущенно заерзал.

— Просто не вижу смысла в бесконечных разговорах, если ты это имеешь в виду. Мы ничего не можем изменить. Зачем тогда пытаться? Это не наша война, чужая.

— Вот уж точно, чужая сраная война! — кивнул Хэммонд.

— Вот как? — спросил Фрейзер.

— Да, когда ты здесь, — ответил Дункан. — Все остальное тоже чужое. В смысле, все важное: доброе и злое...

— Во, бля! — зевнул Джиггс. — Точно старый зэк с пожизненным сроком!

Иными словами, ты делаешь именно то, чего от тебя хотят такие, как Гарнир, Дэниелс, Черчилль-[31] и прочие. То есть отказываешься от права мыслить! Я тебя не виню, Пирс. Здесь тяжело, нет стимула чем-то заниматься. Когда тебе даже новости не дают послушать! А вот это... — С полки под столом он взял «Дейли экспресс».

В раскрытом виде газета напоминала рождественскую снежинку, какие мастерят школьники: колонки новостей были вырезаны, остались только семейные и спортивные страницы и комиксы. Фрейзер кинул газету на место. — Вот что они сотворят с твоими мозгами, если позволишь. Не позволяй, Пирс!

Фрейзер говорил очень напористо, не отводя ясных голубых глаз, и Дункан почувствовал, что краснеет.

— Тебе-то легко... — начал он, но взгляд Фрейзера сместился за его плечо и стал иным. Фрейзер увидел мистера Манди, шедшего меж столов, и вскинул руку.

— Эгей, мистер Манди! — театрально воскликнул он. — Сэр, вы именно тот, кто нам нужен!

Надзиратель неспешно приблизился. Дункану

---

31 Примечания: 31

Уинстон Леонард Спенсер Черчилль (1874-1965) — премьер-министр Великобритании в 1940-1945, 1951-1955 гг.

кивнул, однако на Фрейзера взглянул с опаской.

— Ну, в чем дело? — спросил он мягким приятным голосом.

— Ни в чем, — ответил Фрейзер. — Просто я подумал, что вы сумеете объяснить, почему тюремная система с таким усердием старается превратить своих обитателей в идиотов, когда могла бы... ну, не знаю... воспитывать, что ли?

Мистер Манди терпеливо улыбнулся, не желая втягиваться в разговор.

— Вот же, ты буровишь, чего хочешь, — сказал он, намереваясь продолжить обход. — Тюрьма позволяет.

— Но она не разрешает думать, сэр! — не отставал Фрейзер. — Не дает читать газеты и слушать радио. Какой в этом смысл?

— Ты сам прекрасно понимаешь, сынок. Зачем вам знать, что происходит снаружи, если вы в том не участвуете? Одно беспокойство.

— Иными словами, если у нас будут собственные взгляды и мнения, нами станет труднее управлять.

Мистер Манди покачал головой.

— Если имеется какое недовольство, сынок, обратись к мистеру Гарниру. Однако будь ты на службе, сколько я...

— А сколько вы на службе, мистер Манди? — влез Хэммонд. Он, Джиггс и все остальные прислушивались; надзиратель замялся. — Мистер Дэниелс говорил, вы здесь чуть ли не сорок лет.

Мистер Манди притормозил.

— Ну, тут я двадцать семь лет, а перед тем — десять в Паркхерсте.[32]

Хэммонд присвистнул.

— Вот это да! — сказал Джиггс. — Больше срока за убийство! А как оно было в старину? Что за ребята сидели, мистер Манди?

Они точно школьники в классе, подумал Дункан. Пытаются отвлечь учителя расспросами, а мистер Манди слишком добр, чтобы послать их и уйти. Хотя, наверное, ему приятнее говорить с Хэммондом, чем с Фрейзером. Надзиратель встал удобнее, сложил руки на груди и задумался.

— Да вроде народ был такой же, — сказал он.

— Такой же? — переспросил Хэммонд. — Что, неужто все тридцать семь лет были мужики вроде Уэйнрайта, который только о жратве и думает, и Уотлинга с Фрейзером, которые всех уже задолбали своей политикой? Пропади я пропадом! Удивительно, как у вас мозги набекрень

---

32 Примечания: 32

Паркхерст — тюрьма строгого режима на острове Уайт для осужденных на длительные сроки.

не съехали!

— А вертухаи, сэр? — разволновался Джиггс. — Уж наверняка были злыдни, нет?

— Надзиратели везде были разные, — спокойно ответил мистер Манди. — Добрые и злые, мягкие и строгие. — Он сморщил нос. — А вот режим был очень суров, да, ужасно суров. Вам, ребята, нынче кажется строго, но это манная кашка по сравнению с тем, что было. Знавал я надзирателей, которые секли людей ни за что ни про что. Сердце разрывалось, глядючи, как порют мальчишек лет одиннадцати, двенадцати, тринадцати... Вот оно как. Я всегда говорил: в тюрьме проявляется все самое хорошее и плохое, что есть в человеке. Уж я на своем веку повидал всяких. Бывало, парень садится злодеем, а выходит святым, и наоборот. Я вел горемык на виселицу и с гордостью пожимал им руку.

— Наверное, это их безмерно взбадривало, сэр! — вставил Фрейзер.

Мистер Манди покраснел, будто его застали врасплох.

— А кто, сэр, на вашем веку был самый злодейский злодей? — поспешно спросил Хэммонд.

Но мистер Манди на крючок уже не попался. Он опустил руки и выпрямился.

— Ну будет, — сказал он, отходя. — Заканчивайте с ужином, ребята. Поспешайте.

Чуть прихрамывая из-за больного бедра, надзиратель продолжил свой медленный обход. Джиггс с Хэммондом фыркнули от смеха.

— Вот же сука мягкотелая! — сказал Хэммонд, когда мистер Манди уже не слышал его. — Прям, патока, ети его мать! Не, он точно просрал все мозги, коли торчал в тюряге... Сколько, он говорит? Тридцать семь лет? Да мне бы тридцати семи дней хватило в этом дерьме! Тридцати семи минут! Секунд!..

— Ты глянь! — подтолкнул Джиггс. — Глянь, как идет! Чего он так шкандыбает? Точно старый селезень, бля! Прикинь, если какой урка рванет в бега? Прикинь, он пустится в погоню!

— Отстаньте от него, слышите? — вдруг сказал Дункан.

— Ты чего? — изумился Хэммонд. — Мы ж только хохмим маленько. Если уж нельзя чуток повеселиться...

— Не трогайте его.

— Ах, пардоньте! — скривился Джиггс. — Мы забыли, какие вы с ним кореша, бля.

— Ничего подобного, — возразил Дункан. — Просто...

— Эй, хватит уже, а? — буркнул растратчик. Он пытался читать изрезанную газету. Встряхнул, из нее выпал кусок. — Точно на кормежке в треклятом зверинце.

Джиггс отъехал на стуле и встал.

— Идем, братан, — позвал он Хэммонда. — Чё-то за этим столом воняет, бля!

Они взяли свои миски и убрались. Через минуту ушли растратчик и еще один заключенный. Те, кто сидел с края Дункана, сдвинулись плотнее, достали коробочку с домино, в котором костяшки были вырезаны из щепок, и затеяли игру.

Фрейзер потянулся.

— Ну вот еще один ужин в Уормвуд-Скрабс, корпус «Д». — Он взглянул на Дункана. — Вот уж не думал, Пирс, что ты накинешься на Хэммонда с Джиггсом. И все из-за мистера Манди! Он был бы весьма тронут.

Вообще-то Дункана слегка колотило. Он всегда терпеть не мог споров и стычек.

— Хэммонд и Джиггс уже достали. Мистер Манди хороший. В сто раз лучше Гарнира и остальных, это всякий скажет.

Но Фрейзер скривил рот:

— Нет уж, я предпочту Гарнира. В смысле, лучше честный садист, чем лицемер. Еще эта брехня

насчет пожимания руки приговоренному.

— Он только делает свою работу, как все другие.

— Как все другие вышибалы и убийцы на государственном жалованье.

— Мистер Манди не такой, — уперся Дункан.

— Что определенно, он весьма необычно трактует христианство. — Уотлинг смотрел на Дункана, но обращался к Фрейзеру. — Ты когда-нибудь слышал его рассуждения на эту тему?

— Кажется, да, — ответил Фрейзер. — Он вроде бы из поклонников Мэри Бейкер Эдди?

— Однажды он кое-что поведал, когда в лазарете я мучился с фурункулами. Дескать, чирьи всего лишь манифестируют — отметь, он именно так выразился — манифестируют мою веру в боль. «Ведь ты веришь в Бога, не правда ли? — сказал он. — Но ведь Господь совершенен и сотворил идеальный мир. Откуда же взяться твоим нарывам?» И добавил: «То, что врачи называют чирьями, в действительности — лишь твоя ложная вера! Обрети истинную веру, и чирьи пропадут!» — Фрейзер взорвался хохотом. — Какая поэзия! — вопил он. — И какое утешение для человека, которому только что оторвало ногу или штыком проткнули живот!

Дункан нахмурился:

— Ты говоришь как Хэммонд, и лишь потому, что не согласен.

— Да с чем соглашаться-то? — спросил Фрейзер. — Тарабарщину нельзя принимать или отвергать. А это чистой воды тарабарщина. Одна из тех хреновин, придуманных, чтобы унять изголодавшихся по мужикам старух. — Он хмыкнул. — Вроде ЖДС.[33]

— Про это ничего не знаю, — чопорно заметил Уотлинг.

— Вы с мистером Манди не так уж сильно отличаетесь, — сказал Дункан.

Фрейзер еще улыбался:

— То есть?

— Это вроде того, о чем говорил Уотлинг. Вы оба считаете, что мир может быть идеальным, правда? Но он хотя бы старается сделать его таким, отвергая дурное. Вместо того... ну, вместо того, чтобы просто сидеть в тюрьме, вот что я хочу сказать.

Улыбка Фрейзера погасла. Он отвел взгляд.

---

33 Примечания: 33

ЖДС — Женская добровольная служба, создана в 1938 г.; во время Второй мировой войны участвовала в противовоздушной обороне, в мирное время оказывала помощь населению при стихийных бедствиях; в 1966 г. переименована в Женскую королевскую добровольную службу.

Повисло неловкое молчание. Затем Уотлинг подался вперед, будто продолжая разговор, в котором Дункан не участвовал:

— Позволь спросить, Фрейзер: если бы в трибунале тебе сказали...

Сложив руки на груди, Фрейзер слушал и вскоре снова заулыбался — благодушие явно восстановилось.

Дункан подождал и отвернулся. Игроки только что закончили партию в домино. Двое слегка похлопали в ладоши, и один учтиво сказал:

— Лихо сыграно.

Они отдали победителю фунтики с табаком, служившие ставкой, и все трое стали переворачивать «косточки», чтобы перемешать и начать новую партию.

— Давай с нами? — предложили игроки, видя, что парень сидит неприкаянно, однако Дункан помотал головой.

Он раскаивался, что, видимо, обидел Фрейзера. Может, стоит еще подождать, и Фрейзер бросит спорить с Уотлингом и повернется к нему... Но Фрейзер не повернулся; вонь из забитого стока была уже невыносимой. Дункан положил в миску нож с вилкой и кивнул игрокам:

— Пока.

— Пока, Дункан. Гляди...

Слова заглушил крик:

— Эй! Мисс Трагедия! Ку-ку!

Орали Тетушка Ви и пара ее подружек, которых звали Моника и Стелла, — парни чуть постарше Дункана. С сигаретами в зубах они семенили по залу и махали руками. Углядев, что Дункан встал из-за стола, они вопили:

— Ю-ху! Что такое, мисс Трагедия? Разве мы тебе не нравимся?

Дункан задвинул свой стул. Фрейзер бросил раздраженный взгляд, Уотлинг вновь принял чопорный непроницаемый вид. Тетушка Ви, Моника и Стелла присеменили ближе. Едва они поравнялись со столом, Дункан схватил миску и отошел.

— Гляньте-ка, ускакала! — услышал он за спиной голос Моники. — Куда это она так спешит? Что, у нее муженек там, в малиннике?

— Ну что вы, девочки! — сказала Тетушка Ви, пыхая самокруткой. — Она еще в трауре по последнему хахалю. Прям, как надгробная

Покорность буквально скалится Печали.[34] Вы же знаете ее историю? Не видали, как она шьет почтальонские сумки? Стежок, стежок, стежок — мелькают белые пальчики, а ночью, дорогуши, она пробирается обратно в цех и все распускает.

Педики просеменили дальше, их голоса угасли. Дункан чувствовал, что покраснел, виновато залился краской от шеи до корней волос. И уж совсем стало скверно, просто до тошноты, когда, оглянувшись, он увидел лицо Фрейзера, на котором читались неловкость, злость и отвращение.

Дункан выскреб из миски остатки еды и вместе с ножом и вилкой ополоснул в чане с холодной немыльной водой, предназначенном для мытья посуды. Он прошел к лестнице и чуть ли не бегом стал подниматься.

Почти сразу Дункан запыхался. От малейшего физического усилия у всех зэков появлялась одышка. На пролете третьей зоны пришлось

---

34 Примечания: 34

Измененный текст Виолы из 4-й сцены II акта «Двенадцатой ночи» У. Шекспира.

Подлинный текст:

«...в зеленой
И желтой меланхолии она
Застыла, как надгробная Покорность,
И улыбалась. Это ль не любовь?»

(Перевод М. Лозинского)

остановиться, чтобы перевести дух. Затем на площадке у своей камеры он облокотился на перила, давая сердцу успокоиться. Положив локти на поручень, Дункан смотрел на зал внизу.

На площадке шум от бранчливых голосов, смеха и возгласов слышался тише. Зрелище впечатляло чрезвычайно. Длинный зал под затемненной стеклянной крышей походил на небольшую городскую улицу. На уровне площадки второго этажа была натянута сетка; сквозь марево ячеек, табачного дыма и тусклого искусственного освещения люди казались странными, мертвенно-бледными существами, которым неведом дневной свет, обитателями клетки или аквариума. С высоты была заметнее вся убогость заведения: бетонный пол, блеклые стены, нескладные серые робы с единственной красной кляксой, тошнотной расцветки клеенки на столах... Лишь Фрейзер казался ярким пятном: его белобрысая коротко стриженная голова выделялась среди темных и сивых макушек, он оживленно жестикулировал, тогда как другие сидели сгорбившись, его громкий раскатистый смех — вот как сейчас — был слышен и здесь, наверху.

Он все еще разговаривал с Уотлингом — вни-

мательно слушал собеседника и временами кивал. Дункан знал, что Фрейзер недолюбливает Уотлинга, но готов со всяким говорить часами просто ради самого процесса; его горячность в беседе ничего не означала, он горячился по любому поводу.

«Не место здесь этому Фрейзеру, — сказал мистер Манди, когда они беседовали наедине. — Из такой семьи, да при таких возможностях!» Пребывание Фрейзера в тюрьме он воспринимал как оскорбление другим заключенным. Для него тюрьма — это игра, говорил мистер Манди. Плохо, что Дункану приходится делить с ним камеру, еще нахватается всяких сомнительных идей. Была б возможность, мистер Манди устроил бы Дункана в отдельную камеру.

Возможно, он прав, раздумывал Дункан, глядя на круглую белобрысую голову Фрейзера. Может быть, Фрейзер лишь играл в заключенного, как принц, переодевшийся в нищего. Но тюрьме-то какая разница, сидят в ней понарошку или взаправду? Все равно что играть в истязаемого или убиенного! Все равно что пойти в армию и говорить, мол, это ради шутки; но те, кто стреляет в тебя с другой стороны, не знают, что ты лишь притворяешься солдатом.

Фрейзер вновь потянулся, вскинув руки и выбросив длинные ноги. Он по-прежнему сидел спиной, и Дункану вдруг ужасно захотелось, чтобы он обернулся и посмотрел вверх. Взглядом он сверлил спину Фрейзера и мысленно повелевал ему обернуться. Дункан весь сосредоточился и слал приказ, словно луч. «Оглянись, Фрейзер! — приказывал он. — Роберт Фрейзер, обернись! — И даже называл тюремный номер: — Фрейзер, тысяча семьсот пятьдесят пятый, посмотри! Взгляни сюда, номер тысяча семьсот пятьдесят пять, Роберт Фрейзер!»

Но Фрейзер не обернулся. Он все говорил с Уотлингом, хохотал, и Дункан наконец сдался. Сморгнул и потер глаза. Когда он снова посмотрел вниз, то встретил взгляд мистера Манди, который, видимо, за ним наблюдал. Надзиратель кивнул, затем медленно двинулся меж столов. Дункан вошел в камеру и без сил повалился на койку.

*

— Опаздываешь, подруга, — сказала Бетти, встретив на министерской лестнице Вив, которая стремглав летела в раздевалку.

— Знаю. — Вив запыхалась. — Гибсон засекла?

— Она сейчас у мистера Арчера. А меня послали в подвал вот за этим. — Бетти тряхнула кипой папок. — Если поторопишься, проскочишь. И все же, где ты была?

— Нигде, — улыбнувшись, мотнула головой Вив.

На ходу сдергивая перчатки и шляпку, она побежала в гардероб, где, распахнув дверцу, засунула в шкафчик свернутое пальто. Сумочку оставила при себе, поскольку мисс Гибсон не возбраняла держать сумку на рабочем месте, но, перед тем как закрыть шкафчик, заглянула в нее, удостоверяясь, что все необходимое — гигиеническая прокладка и аспирин — на месте, ибо нывшие груди и живот уведомляли о приближении месячных. Было бы хорошо забежать в туалет и сразу приспособить прокладку на место, но времени не оставалось. Однако по дороге к лестнице Вив сунула в рот таблетку, без воды разжевала и проглотила, кривясь от ее горького мелового вкуса.

Обеденный перерыв она потратила на то, чтобы сгонять в общежитие и проверить почту. Вив знала, что придет открытка от Реджи; после субботних встреч он всегда посылал весточку — это был единственный способ сообщить, что с ним все благополучно. На сей раз открытка

была с дурацкой картинкой: смазливая молодица и подмигивающий солдат опускают штору светомаскировки, а ниже надпись «Соблюдайте темноту!». Рядом Реджи приписал: «Везунчики-...бунчики!!!» На обороте шел текст: «О. О. — (Что означало «Обалденной Очаровашке».) — Искал брюнетку, но есть лишь блондинки. Мечтаю, чтоб я был он, а ты — она! Целую». Сейчас открытка лежала в сумочке рядом с упаковкой аспирина.

Было уже четверть третьего, а комната Вив находилась на восьмом этаже. Можно бы воспользоваться лифтом, но эти лифты еле ползут, и ждешь их по целому часу; она пошла пешком. Шла резво и размеренно, точно стайер: руки перед грудью, на пятку не ступать — на мраморных ступенях каблуки ужасно цокают. Обогнала какого-то мужчину, и тот рассмеялся:

— Ну и ну! Что за спешка? Знаете нечто, неведомое остальным?

Вив слегка умерила прыть, пока он не свернул на свой этаж, а затем припустила снова. Лишь перед коридором восьмого этажа она притормозила, чтобы отдышаться, платком отереть лицо и поправить волосы.

Стал слышен бешеный треск — трах-тарарах-тах-тах! — будто разрывы крохотных снарядов.

Вив быстро прошла по коридору, открыла дверь, и звук стал почти оглушающим: в комнате толпились столы, и за каждым яростно печатала машинистка. Некоторые были в наушниках; почти все распечатывали стенограммы. Они молотили по клавишам столь энергично, потому что коретки содержали не один, но два, три, а порой и четыре проложенных копиркой листа. Комната была просторная, но душная. Окна давно законопатили на случай газовой атаки. Стекла оклеили полосами коричневой бумаги для предохранения от ударной волны.

Смесь запахов стояла просто сногсшибательная: пахло тальком, перманентом, чернильной лентой, табаком и потом. На стенах висели плакаты, оставшиеся от разных министерских кампаний: изображения Картофеля Пита и других жизнерадостных корнеплодов, заклинавших сварить их и съесть, а также лозунги в духе древних религиозных воззваний:

САЖАЙ ТЕПЕРЬ!
ВЕСНА и ЛЕТО приходят, как всегда, ДАЖЕ на ВОЙНЕ.

Во главе комнаты расположился отдельный стол, который сейчас пустовал. Но через минуту

после того, как Вив села на место, сдернула с машинки чехол и принялась за работу, из кабинета мистера Арчера выглянула мисс Гибсон. Она осмотрела комнату, удостоверилась, что все девушки печатают напропалую, и вновь скрылась.

Едва дверь затворилась, Вив почувствовала, как нечто маленькое и легкое ударило ее в плечо и отскочило на пол. Со своего места, футах в десяти, Бетти кинулась скрепкой.

— Спящая красавица, — беззвучно проартикулировала она, когда подруга оглянулась.

Вив показала язык и вернулась к работе.

Она печатала таблицу калорийности продуктов питания — дело кропотливое, поскольку вначале приходилось печатать столбцы, оставляя между ними зазор, а затем вставлять листы горизонтально и пропечатывать разделительные линии. Причем надо было следить, чтобы страницы не разъехались, иначе первая выйдет нормально, а в копиях — полная ерунда.

Хлопотливая работа в шуме и духоте навевала мысль, что с таким же успехом можно вкалывать на заводе, изготавливая прицелы для самолетов. Там хотя бы платят больше. Однако окружающих впечатляло, что ты служишь машинисткой в министерстве, где полно девушек-аристократок с

именами вроде Нэнси, Минти, Фелисити, Дафна, Фэй. С любой из них общего у нее было мало. Даже Бетти, которая жевала резинку и разговаривала в манере официантки-оторвы из американского фильма, закончила пансион благородных девиц и денег имела что грязи.

Вив же получила работу после секретарских курсов в колледже Бэлхем — повезло с инструктором, которая рекомендовала подать прошение. Сейчас ничто не мешает, сказала она, девушке вашего происхождения устроиться как человеку из именитой семьи. Еще посоветовала взять уроки дикции, и потому три месяца кряду Вив каждую неделю моталась в Кенсингтон, где в подвальной комнатке престарелой актрисы полчаса краснела, читая стихи. Она до сих пор помнила отрывки из Уолтера де ла Мара:

Эй, живые, откликнитесь, есть кто-нибудь?
Дверь дрожала под мощной рукой.
Конь почуял, что Странник ослабил узду,
И, понурясь, захрупал травой.[35]

В день собеседования наружность и выговор благовоспитанных девиц, собравшихся в приемной министерства, перепугали ее насмерть. Одна

35 Примечания: 35

Уолтер де ла Мар (1873-1956) — английский поэт и писатель. Первая строфа стихотворения «Безмолвие», перевод И. Трояновского.

из них беспечно сказала:

— Да все это мура, девочки! Они лишь хотят убедиться, что мы не красим волосы и не употребляем ужасных слов вроде «папаша» и «сортир».

Вообще-то собеседование прошло гладко. Но с тех давних пор Вив всякий раз вспоминала этот день и ту девушку, когда слышала слово «сортир».

О беде, разразившейся с Дунканом, она никому не сказала. Никто, даже Бетти, не знал, что у нее вообще есть брат. В начале войны девушки из общежития в бесцеремонной проходной манере, обычной для подобных вопросов, интересовались: «У тебя нет брата, Вив? Вот же повезло! Братцы — это такая гадость, я своего терпеть не могу!» Впрочем, теперь уже никто благоразумно не спрашивал о братьях, приятелях и мужьях.

Закончив печатать таблицу, Вив принялась за новую. Сидевшая впереди девушка по имени Милисент откинулась на спинку стула и тряхнула головой. На лист в машинке Вив упал волос: длинный, темный и пересушенный завивкой, но с сальным, похожим на булавочную головку корешком. Вив сдула волос на пол. Если присмотреться, пол усыпан такими волосками. Иногда вдруг в голову приходила мысль о невероятном

клубке спутанных волос, который собирался на вениках уборщиц, когда те подметут все здание. Сейчас эта мысль, появившаяся в довершение к вони и духоте комнаты, окончательно испоганила настроение. Как же остогидило бабское общество! От близости стольких женщин уже тошнит! От этой пудры! Духов! Следов помады на ободках чашек и кончиках карандашей! Бритых подмышек и ног! Пузырьков с верамоном и пачек аспирина!

Последнее напомнило об аспирине в собственной сумочке, и мысль перепрыгнула к открытке Реджи. Вив представила, как он ее писал, потом отправлял... Увидела его лицо, услышала голос, вспомнила его прикосновения и ужасно затосковала. Стала подсчитывать все затрапезные гостиничные номера, в которых они лежали в постели. После чего ему нужно было отправляться к жене и теще. Как бы мне хотелось, чтобы дома меня ждала ты, вечно говорил он. Она знала — не врет. Бог ведает, что о том думала его жена. Вив не позволяла себе интересоваться. Она никогда не расспрашивала его о семье, не шпионила, не вынюхивала. Когда-то давно она видела фотографию жены с малышом. Может, потом встречала их на улице! Вполне возможно

столкнуться с его семейством в автобусе или поезде и разговориться: «Какие прелестные детки!» — «Правда? Они просто вылитый отец. Сейчас покажу карточку...»

«Молоко, яйца, сыр, зараза», — напечатала Вив. Увидев, что вышло, быстро выдернула лист и вставила новый.

Интересно, что делает Реджи вот в эту секунду, когда она прокручивает валик? Думает о ней? Вив мысленно к нему потянулась. «Любимый», — позвала она. Живьем она его так не называла. «Любимый, любимый мой...» Вив защелкнула фиксатор листа и принялась печатать; печатала она быстро, и преимуществом — а может, недостатком — ее умелости было то, что пальцы бегали по клавиатуре, а мысли неслись вскачь. Раздумья подхватывали ритм машинки и стучали, будто колеса поезда... Сейчас они катились с образом Реджи. Вот он в ее объятьях. Теперь проводит рукой по ее бедрам. Воспоминания отдавались в пальцах, груди, губах и между ног... Какой стыд — так ярко представлять подобное среди всех этих аристократок и сухого «трах-тарарах» уймы печатных машинок. Но... Вив огляделась. Ведь кто-то же из этих девушек влюблен? По-настоящему, как она — в Реджи?

Ведь даже мисс Гибсон кто-нибудь когда-нибудь целовал. Мужчина, который ее желал и, лежа с ней на полу спальни, сдергивал с нее трусики, входил в нее и толкал, толкал...

Вновь распахнулась дверь в кабинет мистера Арчера, и мисс Гибсон явилась собственной персоной. Вив покраснела и спряталась за машинкой. «Свинина, бекон, говядина, ягнятина, птица, — печатала она. — Сельдь, сардины, лосось, креветки...»

Однако мисс Гибсон успела перехватить ее взгляд и окликнула:

— Мисс Пирс! — В руке она держала шаблон для копирования. — У вас, как вижу, избыток времени. Будьте любезны, отнесите это в копировальную и попросите сделать двести копий. Как можно быстрее, пожалуйста.

— Хорошо, мисс Гибсон, — сказала Вив. Взяла шаблон и вышла.

Копировальная находилась двумя этажами ниже, в конце еще одного мраморного коридора. Вив обратилась к копировщице — некрасивой очкастой девице, которую все недолюбливали. Поворачивая рукоять станка, та взглянула на шаблон и с величайшим презрением сказала:

— Двести штук? Мне надо сделать тысячу для

мистера Брайтмена. Вот же народ! Думают — свистнул, и копии враз появятся. Нет уж, сами делайте. Когда-нибудь работали на станке? А то прошлый раз одна тут напортачила — барабан к черту полетел.

Однажды Вив показывали, как укладывать шаблон, но давно. Она возилась с рамой, а копировщица, не отрываясь от станка, смотрела испепеляющим взглядом и покрикивала:

— Не так! Глядите! Вот как!

Наконец шаблон, бумага и чернильная паста нашли свои места, и осталось лишь двести раз повернуть рукоять... Грудь чутко отзывалась на каждое движение. Вив вспотела. А тут еще приперся мужик из соседнего отдела и с улыбкой на нее уставился.

— Мне ужасно нравится смотреть, как девушки это делают, — сообщил он, когда Вив закончила. — Ну прям молочницы, что взбивают масло.

Ему было нужно всего несколько копий. Пока Вив ждала, чтобы просохли отпечатанные экземпляры, а затем их пересчитывала, мужчина уже все сделал и на выходе неловко придержал для нее дверь — мешала палка, с которой он ходил. Вив знала, что в начале войны он служил пилотом и охромел после какой-то аварии. Он был

молод и довольно симпатичен — о таких девушки говорят: «У него красивые глаза» или «У него красивые волосы», но не потому, что глаза и волосы особенно хороши, — просто в целом ничего нет примечательного, а хочется сказать о человеке что-то доброе. Они вместе пошли по коридору, и Вив старалась приноровиться к его шагу.

— Вы ведь из девушек мисс Гибсон, да? — спросил мужчина. — С верхнего этажа? Я вас раньше видел.

Они добрались до лестницы. У Вив ныла наработавшаяся рука. Еще было неприятно влажно между ног. Может, вспотела, а может, чего и похуже. Если б не спутник, она бы сбегала вниз, но при нем мчаться в уборную было неловко. Хватаясь за перила, он одолевал каждую ступеньку; возможно, нарочно тянул время, чтобы побыть с Вив лишнюю минуту...

— Наверное, вон та ваша комната, — сказал мужчина, когда они достигли верхнего этажа. — По треску сразу понятно. — Он переложил палку в левую руку, чтобы попрощаться. — Что ж, до свиданья, мисс...

— Мисс Пирс.

— Всего хорошего, мисс Пирс. Надеюсь еще увидеть, как вы взбиваете молоко. А может... вам

захочется приготовить напиток покрепче?..

Вив сказала, что подумает; не хотелось, чтобы он решил, будто она отказывается из-за его ноги. Она бы позволила пригласить себя на свидание. И даже поцеловать. Что такого-то? Это ничего не значит. Это просто так. Совсем не то, что у них с Реджи.

Вив отдала копии мисс Гибсон, но на пути к своему столу замешкалась, вновь подумав об уборной. Она вспомнила про девушку, которая недавно моталась по зданию с кровавым пятном на юбке. Вив взяла сумочку, подошла к мисс Гибсон и спросилась выйти.

Начальница взглянула на часы и нахмурилась.

— Что ж, ладно, — сказала она. — Только не забывайте, что для этого вам дается перерыв.

На сей раз Вив поехала лифтом, чтобы не растрястись ходьбой. Однако в раздевалку уже почти вбежала и, проскочив в кабинку уборной, подняла юбку, спустила трусы, цапнула и прижала между ног пару листков туалетной бумаги.

Потом отняла руку — на бумаге никаких следов. Пожалуй, надо пописать, решила Вив, тогда пойдет кровь. Пописала, но ничего не изменилось.

— Черт! — вслух сказала Вив.

Приход месячных досаждал, но ожидание

изводило еще хуже. На всякий пожарный она приспособила на место прокладку; потом в сумочке увидела открытку Реджи, ужасно захотелось ее вынуть и снова прочесть...

Рядом с открыткой лежал министерский карманный ежедневник — тонкая синяя книжица с карандашиком в корешке. Проверяя себя, Вив задумалась о датах. Сколько же времени прошло с последних месячных? Вдруг показалось, что очень много.

Она раскрыла ежедневник. Странички, испещренные таинственными значками, выглядели шифровкой шпиона: одни отмечали дни свиданий с Дунканом, другие — субботние встречи с Реджи, и еще через каждые двадцать восемь — двадцать девять дней стояли неброские звездочки. Вив стала отсчитывать дни от последней, насчитала двадцать девять, но счет продолжился: тридцать, тридцать один, тридцать два, тридцать три.

Не может быть. Вив пересчитала заново. Такой задержки никогда не было. Задержек вообще не бывало; Вив еще шутила с подружками, мол, она точна как часы или календарь. «Это из-за бомбежек», — сказала она себе. Наверное, дело в них. Бомбежки всех взбаламутили. Само собой.

Она устала. Перенервничала.

Вив снова вытянула из ящика туалетную бумагу и прижала ее между ног, листки вновь оказались чистыми, и тогда она встала и пару раз подпрыгнула, чтобы вытряхнуть из себя кровь. От прыжков заныла грудь, да так сильно — до жжения; Вив потрогала груди, ощутив, как они увеличились, разбухли и налились.

Она вновь достала ежедневник и в третий раз пересчитала дни. Может, напутала с последней датой?

Она знала, что не напутала. «Да нет же, — думала она. — Нет!» Но если да... Мысли скакали. Если — да, значит, это случилось не в последнюю, а предпоследнюю встречу с Реджи, и прошел уже месяц...

Нет! Она в это не верит. Ты в полном порядке, сказала она себе. Вив оправила одежду. Руки тряслись. Этого боится каждая девушка, но тебе опасаться нечего. Реджи очень осторожен. Все нормально. Абсолютно. Этого не может быть!

*

— Ну наконец-то! — воскликнула Бинки, когда Кей появилась в дверях каюты. — Мы уж думали, ты не придешь.

Катер покачивало.

— Привет, Бинк. Привет, Микки. Извините, что задержалась.

— Ладно. Прямо к выпивке поспела. Мы готовим «буравчик».

— «Буравчик»? — Кей поставила сумку и взглянула на часы. Было всего четверть шестого.

Бинки отметила ее удивление.

— Да хрен-то с ним! Не знаю, как твоя печень, а моя живет по мирному расписанию.

Кей сняла фуражку. Все были в форме, готовые к службе. От печки и шипящей лампы в каюте было жарко; сев напротив Бинки, Кей расстегнула китель и ослабила галстук.

Микки принесла бокалы, ложки и сифон с содовой. На перевернутый ящик из-под пива, стоявший между Кей и Бинки, пристроила джин и сок лайма. Джин был из дешевых, безымянный, зато сок, предполагавшийся вместо ликера, настоящий — в коричневой аптекарской бутыли с белой винтовой крышкой; Бинки сказала, что приобрела его в аптеке как пищевую добавку.

Микки смешала коктейль и раздала стаканы, один оставив себе. Чокнулись, пригубили, сморщились.

— Прямо аккумуляторная кислота, — сказала

Кей.

— Ничего, дорогуша. Думай о витамине С, — утешила Бинки, всех угощая сигаретами.

Она предпочитала крепкий турецкий табак, который было трудно достать. Разрезанные на половинки сигареты — чтобы пачки хватило подольше — Бинки держала в фасонном золотом портсигаре и курила через потемневший мундштук из слоновой кости. Кей с Микки взяли свои половинки и, зажав между большим и указательным пальцами, склонились к зажигалке.

— Я прям как мой папаша, — сказала Микки, откидываясь на спинку стула и выпуская дым.

Ее отец был букмекером.

— Ты похожа на гангстера, — улыбнулась Кей. — Кстати о гангстерах... — Сердце ее слегка трепыхнулось. — Вам не интересно, что меня задержало?

Микки отложила сигарету.

— Ой, я совсем забыла! Ты же ходила к этим спекулянтам, дружкам Коул. Неужто тебя арестовали?

— Ты была у тварей с черного рынка? — Бинки вынула изо рта мундштук слоновой кости. — Да как же ты могла, Кей?

— Знаю, знаю! — Кей вскинула руки. — Все пре-

красно понимаю! Это гадко и мерзко. Но виски-то у них уже давно беру.

— Виски не считается. При нашей работе это практически лекарство. Но все другое...

— Это для Хелен, Бинк. В конце месяца у нее день рожденья. Ты давно в магазины заглядывала? Там шаром покати. Мне хотелось подарить ей... не знаю, что-нибудь красивое. Шикарное. Сволочная война выбила весь шик из жизни таких женщин, как она. Мы-то ладно, можем разгуливать во всяком хламье и быть довольны...

— Но это ворованные вещи, Кей! Краденое!

— Коул говорит, страховщики за этим следят. Многие товары остались еще с довоенных времен, лежали без пользы. Это вовсе не краденое. Господи, я бы в жизни не прикоснулась к ворованным вещам.

— Приятно слышать! Только не жди моего одобрения. Если в штабе прознают...

— Мне самой противно, — сказала Кей. — Ты же меня знаешь. Просто... — Она смутилась. — Тошно смотреть, как с каждым днем Хелен вянет и блекнет. Будь я ей мужем, воевала б на фронте, тогда бы и спросу не было. Но раз уж я здесь...

Бинки подняла руку:

— Сантименты прибереги для трибунала. Ви-

дит бог, и мне он светит, если выйдет наружу, что я замешана в подобных делах.

— Да ни в чем ты пока не замешана! — нетерпеливо перебила Микки. — Чего взяла-то, Кей? Какое оно?

Кей рассказала, что очутилась в подвале разрушенного магазина на Бетнал-Грин.

— Они стали предельно вежливы, когда узнали, что я не леди-детектив, а приятельница Коул. Чего там только нет, вы бы видели! Уйма ящиков с сигаретами! Мыло! Бритвенные лезвия! Кофе!

— Кофе!

— И чулки. Едва не соблазнилась, честно. Но, понимаете, я хотела ночную рубашку. Ночнушка Хелен уже вся расползлась, у меня прямо сердце кровью обливается. Хозяева все перерыли, нашли хлопчатобумажные и фланелевые пижамы... И тут я углядела вот что.

Кей открыла сумку и достала плоскую прямоугольную коробку. Розовую, перевязанную шелковой лентой.

— Гляньте, — пригласила она; Бинки с Микки подались вперед. — В американском фильме парень с такой штуковиной под мышкой отправляется за кулисы к хористке, точно?

Кей положила коробку на колени, для пущего

эффекта выдержала паузу и осторожно подняла крышку. Открылись слои серебристой бумаги. Кей их отогнула и предъявила атласную пижаму перламутрового цвета.

— Умереть! — ахнула Микки.

— Умереть и не встать, — уточнила Кей.

Она вынула и встряхнула блузу, не тяжелее гривы девичьих волос; холодная после улицы ткань быстро вбирала тепло. Что-то в ней — гладкость, блеск — напоминало Хелен. Кей снова встряхнула блузу, чтобы увидеть, как переливается атлас.

— Прямо сияет, да? А пуговки, гляньте!

Костяные пуговицы, тонкие, как облатка, были удивительно приятны на взгляд и на ощупь.

Бинки переложила в другую руку мундштук, завернула манжет блузы и пальцем погладила ткань.

— Чертовски отменный материал, ничего не скажешь.

— А ярлык видели? Франция, глянь.

— Франция? — хмыкнула Микки. — Что ж, будем считать это вкладом Хелен в Сопротивление.

— Дорогуша, стоит ей такое надеть, и она не окажет никакого сопротивления, — сказала Бинки.

Все засмеялись. Любуясь блузой, Кей поворачи-

вала ее так и этак, потом даже встала и вместе со штанами приложила к себе:

— На мне, конечно, смотрится дико, но это чтоб вы поняли.

— Класс! — сказала Микки, усаживаясь на место. — Наверное, бешеных денег стоит, а? Давай колись, сколько выложила?

Чувствуя, что краснеет, Кей складывала пижаму.

— Ладно, сама знаешь.

— Нет. — Микки ждала ответа. — Не знаю.

— Понятно же, что задешево такую хорошую вещь не достанешь. Да еще когда война...

— Так сколько? Кей, ты покраснела!

— Да жарко здесь. Чертова печка!

— Пять фунтов? Шесть?

— Ведь надо же промотать состояние рода Лэнгриш! А на что еще сейчас деньги тратить? В пивных нет выпивки, у табачников — курева.

— Семь фунтов? Восемь? — вперилась в нее Микки. — Неужто больше?

— Нет, около восьми, — поспешно, но туманно ответила Кей.

Вообще-то за пижаму она отдала десять фунтов и еще пять — за пакет кофейных зерен и пару бутылок виски, но признаваться в том не хотела.

— Восемь фунтов! — вскрикнула Микки. — Ты чокнулась!

— Зато какая радость для Хелен!

— И еще больше для спекулянтов.

— Ну и что? — Джин вдруг возымел эффект и сделал Кей задиристой. — Любовь и война все спишут, ведь так? Особенно нынешняя война и уж тем более... — она понизила голос, — такая любовь, как наша. Господи, да это же малость, нет, что ли? Ведь Хелен не получит даже крохотной пенсии, если меня укокошат...

— Твоя беда, Лэнгриш, в том, что у тебя комплекс благородства, — сказала Бинки.

— Ну и что? Что плохого-то? Такие, как мы, должны быть благородными. От других благородства черта с два дождешься.

— Ладно, только знай меру. Можно и без широких жестов.

— Ох, не начинай!

Кей свернула пижаму и посмотрела на часы, вдруг испугавшись, что Хелен, которая должна была подойти после работы, объявится раньше и сюрприз будет испорчен. Она протянула Микки коробку:

— Пусть до конца месяца у тебя полежит, ладно? Если возьму домой, Хелен может найти.

Микки забрала коробку и сунула под кровать в другом конце каюты.

Потом смешала еще коктейли. Бинки вдруг помрачнела и, понурившись, гоняла в стакане джин. Помолчав, она сказала:

— Чего-то, девочки, расстроил меня весь этот треп о благородстве.

— Ой, не бери в голову! — отмахнулась Микки.

— И все ж таки. Хорошо тебе, Кей, с крошкой Хелен, шелковыми пижамами и прочим строить из себя поборницу благородства, этакого Лучшего Друга Розовых. Но твой случай — невероятная редкость. Большинство же... Взять хоть Микки и меня. Что у нас есть?

— Говори за себя! — Микки закашлялась.

— Джин тебя рассиропил, — сказала Кей. — Так и знала, что ранняя пьянка к добру не приведет.

— Дело не в джине. Я серьезно. Вот скажи честно: неужели такая жизнь никогда тебя не тяготила? Все это хорошо по молодости. Когда тебе двадцать, это и вправду заводит. Скрытность, напряг... настраивают тебя, словно арфу. Когда-то девушки казались сказочными существами... все эти бешеные вспышки из-за чепухи, вечеринки, угрозы вскрыть себе вены в туалете и всякое такое. Мужики — тень, бумажные куколки, паца-

нята! Чего там сравнивать! Но потом наступает возраст, когда видишь всю правду. Приходит время, когда ты уже просто выхолощена. И понимаешь, что с этой чертовой игрой покончено... Теперь мужики кажутся чуть ли не привлекательными. Иногда я всерьез подумываю найти себе какого-нибудь славного парнишку, чтобы угомониться с ним, этакого тихоню-парламентария от либералов или что-нибудь в этом духе. Так было бы спокойно.

Вообще-то, Кей переживала нечто подобное. Но это было еще до войны, до того как она встретила Хелен. Сейчас она хмуро сказала:

— Глубокий безмятежный покой супружеского ложа после шурум-бурума сапфического[36] шезлонга.

— Именно.

— Какая чушь!

— Я серьезно. Погоди, вот доживешь до моих лет... — (Бинки было сорок шесть), — когда по утрам просыпаешься и видишь рядом с собой огромные равнины несмятых простыней. Тогда

---

36 Примечания: 36

Сапфо (Сафо) — древнегреческая поэтесса (VII-VI вв. до н. э.) с острова Лесбос. В центре ее лирики темы нежного общения подруг, девичьей красоты и лесбийской любви. Произведения отличаются метрическим богатством, один из введенных ею размеров носит название сапфической строфы.

поглядим на твое благородство... Ведь даже детей нет, чтоб было кому позаботиться в старости.

— Господи! — воскликнула Микки. — Ну давайте прямо сейчас перережем себе глотки и разом с этим покончим!

— Хватило б духу, я бы именно так и сделала, — сказала Бинки. — Только служба и держит. Хвала Господу за войну, вот оно как! Если хотите знать, меня приводит в ужас мысль, что вновь наступит мир.

— Ты уж помаленьку привыкай, ведь это лишь вопрос времени, — посоветовала Кей. — Наши уже в семнадцати милях от Рима, или где они там...

Следующие десять минут обсуждалось положение дел в Италии, затем перешли к теме секретного оружия Гитлера, самой популярной в те дни.

— Вы знаете, что во Франции немцы разместили гигантские пушки? — спросила Бинки. — Правительство пытается это дело замолчать, но у Коллинс с Баркли-Сквер в одном министерстве есть приятель. Он говорит, снаряды тех пушек достанут аж до северных окраин Лондона. Будут сметать прям целые улицы.

— А я слыхала, — начала Микки, — немцы со-

бирают в пучок какой-то луч...

Катер накренился — кто-то взошел по сходням. Все это время Кей прислушивалась к шагам.

— Это Хелен, — прошептала она, ставя на ящик стакан. — Помните: ни слова о пижамах, днях рождения и всяком таком.

Раздался стук, дверь открылась, и появилась Хелен. Кей встала, чтобы помочь ей спуститься по ступенькам, и чмокнула в щеку.

— Привет, милая.

— Привет, Кей, — улыбнулась Хелен.

Ее холодная тугая щека была гладкой и нежной, как у ребенка. Под помадой чуть шелушились обветренные губы. Хелен огляделась, разгоняя клубы дыма.

— Боже, у вас тут как в турецком гареме. Хотя я там не была.

— Я бывала, дорогуша, — сказала Бинки. — И могу сказать: гаремы шибко переоценивают.

Хелен рассмеялась.

— Привет, Бинки. Здравствуй, Микки. Как вы?

— Нормально.

— Припадок боевитости, дорогуша. Как ты?

Хелен кивнула на стаканы:

— Станет хорошо, когда нечто подобное окажется внутри меня.

— Мы пьем «буравчик» — не возражаешь?

— Сейчас я заглотну и толченое стекло, если в нем будет капля спиртного.

Хелен сняла пальто и шляпку, взглядом поискала зеркало, но не нашла.

— Наверное, ужасно выгляжу? — Она пыталась поправить волосы.

— Выглядишь прекрасно. — Кей обняла ее за талию. — Давай садись.

Они сели. Бинки с Микки занялись новой порцией коктейля, все еще обсуждая секретное оружие.

— Невидимые лучи... В жизни не поверю, — говорила Бинки.

— Все хорошо, милая? — шепнула Кей, губами вновь касаясь щеки Хелен. — Паршивый выдался день?

— Нет, не особенно, — ответила Хелен. — Как у тебя? Что делала?

— Совсем ничего. Думала о тебе.

Хелен улыбнулась:

— Ты всегда так говоришь.

— Потому что всегда думаю. Сейчас тоже.

— Да? И что ты думаешь?

— О-о! — сказала Кей.

Она думала об атласной пижаме. Представляла,

как застегивает блузу на обнаженной груди Хелен. Как рука скользит по ее бедрам и ягодицам, обтянутым перламутровым шелком. Кей стала поглаживать бедро Хелен, вдруг зачарованная его восхитительной выпуклостью и упругостью; она вспомнила слова Бинки и подумала, как сильно повезло ей самой, изумляясь тому, что Хелен, теплая и красивая, гладкая и живая, вот здесь, совсем рядом, на этом смешном, похожем на сабо кораблике, и можно ее коснуться.

Хелен посмотрела ей в глаза и сказала:

— Ты пьяная.

— Надеюсь. Это мысль. Напейся тоже.

— Напиться и побыть с тобой три четверти часа? Чтоб потом проспаться в одиночестве?

— Поехали с нами на станцию. — Кей вверх-вниз подвигала бровями. — Я покажу тебе заднее сиденье своего фургона.

— Балаболка! — засмеялась Хелен. — Что с тобой?

— Просто я влюблена.

— Эй вы! — громко сказала Бинки, передавая Хелен стакан. — Я бы не пришла, если б знала, что тут устроят обжиманцы. Хорош тискаться, а то мы с Микки чувствуем себя девицами, которых никто не приглашает танцевать.

— Мы по-дружески, — ответила Кей. — Вдруг мне сегодня башку оторвет? Приходится использовать губы на полную катушку, пока они есть.

— Я делаю то же самое, — подняла стакан Бинки. — Вот так.

В шесть часов на соседней барке заговорило радио; подруги открыли дверь и послушали новости. Затем стали передавать легкую музыку; дверь затворили, потому что сильно тянуло холодом, но Микки раздвинула окошко, и танцевальные мелодии доносились под аккомпанемент стрекота и плеска проходящих баркасов и глухого стука лодок о причал. Текла плавная мелодия, болтали Бинки с Микки, Кей легко поглаживала Хелен по спине. От тепла и джина Кей разморило.

Хелен потянулась за своим стаканом и чуть смущенно взглянула на Кей.

— Представляешь, кого я сегодня встретила? — спросила она.

— Понятия не имею. Кого же?

— Твою подругу. Джулию.

— Джулию? — уставилась Кей. — Джулию Стэндинг?

— Да.

— В смысле, на улице?

— Нет. То есть да. Но потом мы выпили чаю, там

вагончик возле моей службы... Она осматривала дом неподалеку... Ну, эта ее работа, ты знаешь, с отцом.

— Да, конечно, — проговорила Кей.

Она старалась отогнать мешанину чувств, которая всегда возникала при одном лишь имени Джулии. «Не будь дурой, — сказала она себе, как обычно. — Это пустяки. Все было слишком давно». Но она знала, что это не пустяки. Кей попыталась представить Хелен и Джулию вместе: вот округлое детское лицо Хелен, растрепавшиеся волосы, обветренные губы; а вот Джулия — спокойная и уравновешенная, точно прохладный темный самоцвет...

— Все было нормально? — спросила Кей.

Хелен смущенно рассмеялась.

— Да. А как иначе?

— Не знаю.

Бинки услыхала разговор. Она тоже знала Джулию, но совсем чуть-чуть.

— Это вы про Джулию Стэндинг говорите?

— Да, — неохотно ответила Кей. — Сегодня Хелен с ней встретилась.

— Правда? Ну и как она? По-прежнему выглядит так, словно всю войну ела мясо по-татарски и стаканами хлестала молоко?

— Ну, наверное, — замигала Хелен.

— Чертовски хороша, правда? Хотя, не знаю... Такая красота мне всегда почему-то казалась несколько холодной. Как считаешь, Микки?

— Нормальная красота, — буркнула Микки, глянув на Кей; она знала больше Бинки, которая не унималась:

— Она все еще занимается этим делом — бродит по разрушенным домам?

— Да, — ответила Хелен.

Микки прищурилась, взяла стакан и пробормотала:

— Пусть бы разок попробовала вытащить кого-нибудь из-под развалин.

Кей засмеялась. Не зная, что ответить, Хелен приложилась к стакану.

— Кстати, о жмуриках в развалинах, — сказала Бинки. — Дорогуша, ты слыхала, чем пришлось заниматься бригаде с восемьдесят девятой станции? Фрицы долбанули по кладбищу, половину могил разворотило, гробы выкинуло наружу.

Кей притянула к себе Хелен и тихонько сказала:

— Я вправду не знаю, с какой стати люди должны нравиться друг другу, если они подруги одного человека, но почему-то этого ожидаешь.

Не поднимая головы, Хелен ответила:

— Джулия яркая личность, таких либо принимают, либо нет. А Микки предана тебе.

— Наверное, так оно и есть.

— Мы всего лишь выпили чаю. Джулия была очень любезна.

— Вот и хорошо, — улыбнулась Кей.

— Вряд ли мы еще встретимся.

Кей поцеловала ее в щеку.

— Надеюсь, встретитесь.

— Надеешься? — взглянула Хелен.

— Конечно, — сказала Кей, хотя понимала, что скорее желает обратного, ибо вся эта идиотская ситуация Хелен явно смущала.

Но та рассмеялась и порывисто, но вовсе не смущенно наградила ее поцелуем.

— Ты милая! — сказала Хелен.

3

— Мисс Джинивер, вас желает видеть какая-то дама, — сказала мисс Чисхолм, просунувшись в кабинет Хелен.

Это было примерно через неделю. Хелен скрепляла бумаги и, не поднимая головы, спросила:

— Ей назначено?

— Она интересовалась именно вами.

— Да? Блин... — Вот что получается, если всем сообщать свое имя. — Где она?

— Сказала, что не войдет, ибо выглядит непрезентабельно.

— Здесь ее вид вряд ли кого шокирует. Пусть не волнуется. В любом случае ей надо записаться на прием.

Мисс Чисхолм вошла в комнату и протянула свернутую бумажку.

— Дама просила вам передать, — сказала она с оттенком неодобрения. — Я уведомила, что личные послания у нас не приняты.

Хелен взяла записку. Адресовано «Мисс Хелен Джинивер», почерк незнакомый, след от пальца. Она развернула бумажку:

Может, пообедаем вместе? У меня чай и сэндвичи с кроличьим мясом! Что скажете? Если не получится, ничего. Но я подожду у входа десять минут.

И подписано: *Джулия.*

Первой Хелен увидела подпись, отчего сердце в груди странно скакнуло, точно бьющаяся рыбина. Буквально ощущая взгляд мисс Чисхолм, она быстро перевернула записку.

— Спасибо, мисс Чисхолм, — сказала Хелен, ногтем отчеркивая сгиб листка. — Это всего лишь моя приятельница. Я... Я к ней выйду, когда закончу с делами.

Она сунула записку под кипу бумаг и взяла ручку, будто намереваясь писать. Но отложила ее, едва услышав, как мисс Чисхолм прошла к себе в приемную. Открыв ящик стола, Хелен достала сумочку, чтобы причесаться, попудриться и освежить помаду.

После сощурилась, осматривая себя в зеркале пудреницы. Любая женщина всегда разглядит, что другая только что накрасилась; ни к чему, чтобы мисс Чисхолм заметила ее усилия, и совсем плохо, если Джулия решит, что она прихорашивалась специально для нее. Хелен достала платок

и попыталась стереть пудру. Втянула губы и несколько раз прикусила ткань, чтобы снять помаду. Чуть растрепала волосы. «Ну вот, — подумала она, — а теперь видок, будто после драки...»

Боже ты мой! Какая разница? Это всего лишь Джулия. Хелен убрала косметику, надела шляпку, пальто и кашне; проскользнула мимо стола мисс Чисхолм и, миновав муниципальные коридоры с вестибюлем, вышла на улицу.

Джулия стояла у серого каменного льва. Она снова была в комбинезоне и джинсовой куртке, только вместо тюрбана волосы укрывала косынка. Намотав на руки ремень кожаной сумки, висевшей через плечо, она бесцельно смотрела перед собой и слегка покачивалась на носках. Услышав, что открылась тяжеленная дверь, она обернулась и заулыбалась. От ее улыбки сердце Хелен вновь нелепо споткнулось, вильнуло и дернулось, его даже слегка кольнуло. Однако заговорила она спокойно:

— Здравствуйте, Джулия. Какой приятный сюрприз.

— Правда? Я подумала, что, коль скоро знаю, где вы работаете... — Джулия взглянула на затянутое серыми тучами небо. — Надеялась, будет солнечно, как в тот раз. Зябко, да? Я подумала...

Только сразу скажите, если это паршивая идея. Я так долго в одиночестве лазала по руинам, что напрочь забыла светские тонкости. Я подумала, может, вам будет интересно взглянуть на дом, где я ковыряюсь, тут, на Брайанстон-Сквер, посмотреть, чем я занята. Он давно пустует. Никто возражать не станет.

— С удовольствием, — сказала Хелен.

— Правда?

— Да.

— Отлично! — Джулия опять заулыбалась, — За руку вас брать не буду, я вся грязная; нам лучше пройти здесь.

Она повела Хелен по Марилебон-роуд, но вскоре свернула на тихие улочки.

— Не та ли знаменитая мисс Чисхолм взяла мою записку? — спросила Джулия. — Понимаю, что вы имели в виду, когда говорили о поджатых губах. Она смотрела на меня так, словно я задумала взорвать вашу контору!

— Она и на меня так смотрит, — сказала Хелен.

Джулия засмеялась.

— Видела бы она это! — Из сумки Джулия достала огромную связку ключей, каждый с потрепанной биркой, и потрясла ими, словно тюремщик. — Как вам? Получила у местного

караульного. Я побывала здесь в половине домов. У Марилебона не осталось от меня секретов. Думала, народ уже привык, что я тут шныряю, — ан нет. Пару дней назад какая-то тетка засекла, что я вожусь с замком, и вызвала полицию. Заявила: «явная иностранка» пытается проникнуть в дом. Не знаю, за кого она меня приняла — за фашистку или бродягу-беженку. Полицейские держались весьма пристойно. Что, я похожа на иностранку?

Джулия перебирала ключи, но теперь подняла голову. Хелен взглянула на нее и отвернулась.

— Наверное, смущает ваша смуглость.

— Пожалуй. Но с вами-то я в полной безопасности. По внешности вы цвет английской нации. Вас ни с кем не спутают, могут принять лишь за кого-нибудь из союзников... Вот и пришли. Вон дом, который нам нужен.

Джулия подвела Хелен к двери высокого, мрачного и ветхого дома и вставила в скважину ключ. С притолоки хлынул поток пыли, когда она толкнула створку. Хелен опасливо шагнула внутрь. Сразу шибануло горькой сыростью, похожей на запах старых посудных тряпок.

— Это из-за дождя. — Джулия закрыла дверь и возилась со щеколдой. — Крышу пробило, стекла вылетели. Извините за темноту. Электричество,

конечно, не работает. Проходите в ту дверь, там немного светлее.

Хелен прошла через прихожую и очутилась перед входом в гостиную, куда проникал слабый сумеречный свет из неплотно закрытого ставнями окна. На мгновенье, пока глаза привыкали к полумраку, комната показалась неповрежденной, но вот стало виднее, и Хелен, шагнув вперед, охнула:

— Какая жалость! До чего красивая мебель!

Ковер на полу, прекрасный диван и стулья, скамеечка для ног — все было покрыто густой пылью, усыпано битым стеклом и обвалившейся штукатуркой; отсыревшее дерево разбухло и зацветало плесенью. Хелен взглянула вверх и тихо вскрикнула:

— Ой, какая люстра!

— Ступайте осторожнее. — Джулия подошла и коснулась ее руки. — Половина подвесок сорвалась и расколошматилась.

— Из ваших рассказов я поняла, что здесь совсем пусто. Почему же хозяева не вернутся, не починят все или хотя бы не вывезут вещи?

— Видимо, считают бессмысленным, ведь дом почти разрушен. Хозяйка, наверное, укрылась у родичей в деревне. Муж воюет, а то и погиб.

— Но такие хорошие вещи! — повторила Хелен. Она вспомнила мужчин и женщин, которые приходили в ее кабинет. — Ведь здесь могли бы жить другие люди. Я стольких встречаю, у кого вообще ничего нет.

— Дом ненадежен. — Джулия легонько постучала по стене. — Один близкий взрыв, и все может рухнуть. Наверное, и рухнет. Вот почему мы с отцом здесь ходим. По сути, регистрируем призраки.

Хелен прошла по комнате, переводя обескураженный взгляд с одной испорченной вещи на другую. Потом осторожно раздвинула створки высокой двери. Следующая комната была в столь же плачевном состоянии: окна разбиты, бархатные шторы в дождевых разводах, пол загажен птицами, усыпан золой и сажей, которые взрывной волной выбросило из камина. Хелен шагнула, и под ногой что-то хрустнуло — кусок прогоревшего угля. На ковре осталось черное пятно. Хелен оглянулась на Джулию и сказала:

— Мне страшно идти дальше. Кажется, это нехорошо.

— Ничего, обвыкнетесь. Я неделями мотаюсь вверх-вниз по лестницам и уже не задумываюсь.

— Вы точно знаете, что здесь никого? Вроде

той старухи, о которой вы рассказывали. И никто сюда не придет?

— Никто. Позже лишь отец может заглянуть. Я оставила дверь незапертой. — Джулия поманила рукой. — Идемте вниз, посмотрите, чем мы с ним занимаемся.

Они вернулись в прихожую и неосвещенной лестницей спустились в подвальную комнату, где на раскладном столе под зарешеченным, но разбитым окном лежали всевозможные чертежи и проекции расположенных на площади домов. Джулия показала, как отмечаются повреждения, рассказала о значках, которые применяет, о системе измерений и прочем.

— Все это кажется очень техническим, — сказала впечатленная Хелен.

— Да нет, технического здесь, пожалуй, не больше, чем в вашей конторской работе, во всех этих балансовых книгах, формулярах и всяком таком. Вот уж где от меня никакого толку. Я бы не смогла заниматься людьми, которые ходят туда-сюда и чего-то от тебя хотят; не представляю, как вы терпите. Вот эта работа по мне, потому что столь уединенная и тихая.

— Вам не одиноко?

— Иногда. Но я привыкла. Писательский склад

и все такое... — Джулия потянулась. — Перекусим? Пойдемте в соседнюю комнату. Там холодно, но не так сыро, как наверху.

Она взяла сумку и коридором прошла в кухню, посреди которой расположился старый дощатый стол, густо усыпанный хлопьями побелки.

— Кстати, у меня вправду сэндвичи с кроличьим мясом, — сказала Джулия, смахивая мусор. — Садовник нашего соседа ловит кроликов. Похоже, они заполонили весь Лондон. Говорит, этого поймал на Лестер-Сквер! Не знаю, можно ли верить.

— Подруга из пожарной дружины рассказывала, что как-то ночью видела кролика на платформе вокзала «Виктория»; так что, наверное, садовник не врет.

— Кролик на вокзале! Неужто ждал поезда?

— Ага. Наверное, поглядывал на карманные часы, из-за чего-то ужасно волнуясь.

Джулия рассмеялась. Смех отличался от того, который Хелен слышала прежде. Искренний и непринужденный, он походил на журчание родника; Хелен ему по-детски обрадовалась. «Господи боже мой! — сказала она себе. — Ты обмираешь, точно второклассница перед старостой школы!» Чтобы скрыть смущение, она прошлась

по кухне, разглядывая на полках запыленные кружки и формы для пудинга, пока Джулия разгружала на стол сумку.

Вдоль стен старой викторианской кухни тянулись деревянные прилавки, в углу стояла щербатая каменная раковина. Прутья зарешеченных окон обвивал плющ, отчего освещение было мягким и зеленоватым.

— Представляю здесь кухарку и судомоек, — сказала Хелен.

— Ага, правда?

— И квартального, который на обходе заскочил выпить чашечку чая.

— «Никаких ухажеров»,[37] — улыбнулась Джулия. — Присаживайтесь, Хелен.

Она уже достала сэндвичи в пакете из вощеной бумаги и термос с чаем, какими пользуются ночные сторожа. Придвинула стулья, но с сомнением посмотрела на пыльные сиденья и приличное пальто Хелен.

— Можно подстелить бумагу, если хотите.

— Ничего, обойдусь, — сказала Хелен.

— Точно? Ну смотрите, ловлю на слове. Я не Кей.

---

37 Примечания: 37

«Никаких ухажеров» — одно из условий в газетном объявлении о найме служанок.

— То есть?

— Не буду подстилать свое пальто и все такое, словно Уолтер Рэли.[38]

Сегодня Кей упомянули впервые. Хелен промолчала. Да уж, Кей бы всполошилась, подумала она, интуитивно угадывая, что для Джулии подобные хлопоты из-за пыли — сплошная морока. Хелен еще острее осознала странность ситуации: она приняла любовь и внимание, которыми сначала воспользовалась, а потом отвергла Джулия...

Та развернула сэндвичи и выдернула пробку из пустившего пар термоса — он был укутан в пуловер, чтобы не остыл. Из серванта Джулия взяла две изящные чашки, плеснула в них на донышко чаю, погоняла его, согревая фарфор, затем опорожнила и вновь наполнила чашки.

В сладком чае было очень много сливок. Вероятно, Джулия вбухала весь свой рацион. Чувствуя себя неловко, Хелен сделала глоток и прикрыла глаза. Когда Джулия предложила сэндвич, она сказала:

— Я должна отдать вам деньги или как-то рассчитаться за угощение.

— Перестаньте.

---

38 Примечания: 38

Уолтер Рэли (ок. 1552-1618) — английский мореплаватель, поэт, драматург, историк, фаворит королевы Елизаветы.

— У меня есть талон на...

— Господи ты боже мой! Что с нами делает война! Ладно, как-нибудь угостите выпивкой, если уж вам так неймется.

Они принялись за еду. Хлеб был грубого помола, но мясо сладкое и очень нежное, с каким-то крепким, отчетливым привкусом. Чуть погодя Хелен догадалась, что это чеснок. В ресторанах она ела блюда с чесноком, но сама с ним ничего не готовила. Чеснок куплен в лавочке на Фрит-стрит в Сохо, за едой рассказывала Джулия. Еще у нее есть макароны, оливковое масло и засохший пармезан. Родственница из Америки присылает посылки с продуктами.

— В Чикаго итальянской еды больше, чем в самой Италии, — с набитым ртом говорила Джулия. — Джойс присылает оливки и черный уксус.

— Везет же вам! — сказала Хелен.

— Пожалуй. У вас за границей никого, кто бы так поддерживал?

— Ой, нет. У меня вся семья в Уэртинге, где я выросла.

— Вы из Уэртинга? — удивилась Джулия. — Я не знала. Хотя, если вдуматься, должны же вы были где-то расти... У нас есть дом близ Аранделя, иногда мы плавали в Уэртинг. Раз я объелась

улиток — а может, глазурованных яблок или чего-то еще — и заблевала весь причал. Ну и как там рослось?

— Нормально, — ответила Хелен. — Моя семья... совсем обычная. Вы не знали? Не такая... как семья Кей. — Не как твоя, имела в виду Хелен. — Отец — оптик. И брат делает линзы для ВВС. Наш дом... — она огляделась, — совсем не похож на этот, ничего общего.

Вероятно, Джулия заметила ее смущение и тихо сказала:

— Теперь это уже совсем не важно, правда? В нынешние-то времена. Когда все одеты как пугала и разговаривают, точно американцы или уборщицы. «Вот твоя жрачка, голуба», — на днях сказала мне официантка в кафе, хотя, могу поклясться, училась в Роудине.[39]

— Наверное, так людям легче, — улыбнулась Хелен. — Своего рода униформа.

Джулия сморщилась.

— Мне противна эта страсть к униформе. Мундиры, нарукавные повязки, кокарды. Я-то думала, мы как раз против всей этой военщины, что родом из Германии. — Она прихлебнула чай и

---

39 Примечания: 39

Роудин — привилегированная частная женская школа близ Брайтона, графство Суссекс. Основана в 1885 г.

слегка зевнула. — Может, я слишком серьезно все воспринимаю. — Через край чашки Джулия взглянула на Хелен. — Надо, как вы. Приноровиться, и вперед.

Хелен удивило, что у Джулии сложилось о ней хоть какое-то мнение, даже столь невысокое.

— Значит, вот такой я кажусь? — спросила она. — Я себя ощущаю иначе. «Приноровиться». Не знаю, понимаю ли я, что под этим подразумевается.

— Ну, вы производите впечатление человека вдумчивого и вполне уравновешенного. Вот что я имела в виду. Говорите мало, и кажется, что к вашим словам стоит прислушаться. Ведь это редкое свойство.

— Простая уловка, — беспечно сказала Хелен. — Молчишь и выглядишь невероятно глубокой. А сама в это время думаешь... ну, не знаю... что лифчик жмет, или там, хочется ли тебе в туалет.

— Так, по-моему, это и есть отличное умение приноровиться! Думать о себе, а не о том, какое впечатление производишь на других. И все эти... — Джулия замялась, — ну, пресловутые дела на букву «л». Понимаете, о чем я... Похоже, вы так хладнокровно с этим управляетесь.

Хелен смотрела в чашку и не отвечала.

— Ужасно бестактно с моей стороны, — тихо сказала Джулия. — Простите.

— Ничего, все нормально, — поспешно сказала Хелен, подняв взгляд. — Просто я не очень привыкла говорить на эту тему. И еще, знаете, я никогда не думала об этом как о делах. Просто так само сложилось. Сказать по правде, в юности я вообще о том не думала. Ну если и случалось, то в обычной манере: мол, это удел старых дев-училок и заумных девиц...

— В Уэртинге у вас никого не было?

— Нет, там были мужчины, — Хелен засмеялась. — Звучит так, словно я девушка по вызову, да? По правде, был лишь один мальчик. Я и в Лондон переехала, чтоб быть ближе к нему, но у нас ничего не вышло. А потом я встретила Кей.

— Да-да. — Джулия вновь прихлебнула чай. — А потом вы встретили Кей. Да еще в столь невероятно романтичных обстоятельствах.

Хелен пыталась понять ее тон и выражение лица.

— Романтичным это не выглядело, — смущенно сказала она. — Кей довольно обаятельная, правда? По крайней мере, на мой взгляд. Таких людей я еще не встречала. К тому времени я прожила в Лондоне меньше полугода. Она так... суетилась

из-за меня. И так твердо знала, чего хочет. Это невероятно волновало. Так или иначе, устоять было трудно. Это вовсе не показалось странным, как, наверное, должно бы... И потом, в то время столько всего невозможного стало обычным. — Она чуть вздрогнула, вспомнив ночь, когда они с Кей встретились. — По-моему, среди происходящих невероятностей моя жизнь с Кей выглядит весьма скромно.

Хелен вдруг поняла, что говорит почти извиняющимся тоном, ибо все-таки не может избавиться от внутренней неловкости и сознает, что сама-то Джулия легко противостояла всей неотразимости Кей, которую она тут расписывает. Хотелось заступиться за Кей и в то же время повериться Джулии, ну вроде как женщина женщине. Еще ни с кем она так не говорила. Переехав к Кей, она разошлась со своими друзьями или прятала ее от них. Подруги Кей все были вроде Микки — то есть такие, как она сама. Хотелось спросить, как все было у Джулии. Не возникала ли виноватая мысль, на которой иногда она себя ловила: беспрестанная суета Кей, некогда столь привлекательная и возбуждающая, вместе с тем несколько обременительна; не казалось ли, что Кей творит из тебя какую-то нелепую героиню, а ее страсть

так велика, что порой кажется нереальной, и соответствовать ей абсолютно невозможно...

Ничего этого Хелен не спросила. Снова уткнулась взглядом в чашку и молчала.

— А что будет, когда война закончится? — спросила Джулия. — Когда все придет в норму?

Прячась за бесшабашностью, Хелен качнула головой:

— Что толку загадывать? — Это был универсальный ответ на любой вопрос. — Может, завтра нас разнесет в куски. А пока... Я вовсе не собираюсь это афишировать. Например, и мысли не было рассказать матери! Да и зачем? Это касается меня и Кей. Мы обе взрослые женщины. Кому от этого плохо?

Секунду Джулия ее разглядывала, затем подлила чаю из фляги и сказала:

— Вы таки приноровились. — В голосе слышался легкий сарказм.

Хелен вновь смутилась и подумала: «Я чересчур разболталась и надоела ей. Я нравилась больше, когда молчала и казалась глубокой...»

Они сидели молча, потом Джулия поежилась и растерла руки.

— Да уж, ничего себе развлекла вас, а? В подвале разрушенного дома устроила допрос с пристра-

стием! Прямо какой-то ланч в гестапо!

Хелен рассмеялась, ее смущение растаяло.

— Да нет, все хорошо.

— Точно? Что ж... Могу провести по всему дому, если хотите.

— Да, конечно.

Прикончили сэндвичи, допили чай; Джулия убрала термос и пакет, сполоснула чашки. Они поднялись наверх и, минуя дверь в гостиную со смежной комнатой, полутемной лестницей поднялись на второй этаж.

Шли тихо, иногда шепотом переговаривались о какой-нибудь разбитой вещи, но больше молчали. Здесь комнаты выглядели еще унылее, чем внизу. В спальнях стояли кровати и шкафы, отсыревшие из-за разбитых окон, в гардеробах висела старая, изъеденная молью и покрывшаяся плесенью одежда. Местами обвалился потолок. Валялись порванные книги, разбитые безделушки. В ванной висело странно слепое зеркало: расколовшееся стекло сотней серебристых осколков усыпало раковину.

Они поднялись в мансарду и услышали непонятный шум: словно кто-то зашебаршил и драпанул.

— Голуби или мыши, — обернувшись, тихо

сказала Джулия. — Не боитесь?

— Не крысы? — испуганно спросила Хелен.

— Нет-нет. Во всяком случае, я их не видела.

Джулия открыла дверь. Звук переменился, став похожим на хлопки в ладоши. Заглянув через плечо Джулии, Хелен увидела взлетевшую птицу, которая, словно по волшебству, исчезла. В покатом потолке была дыра, прожженная зажигалкой. Свалившись на перину, бомба прожгла в ней воронку, отчего постель стала похожей на изъязвленную ногу. До сих пор ощущалась острая вонь горелых сырых перьев.

Здесь жила экономка или горничная. На прикроватной тумбочке стояла рамка с фотографией девочки. На полу валялась узкая кожаная перчатка, сильно обгрызенная мышами.

Хелен ее подняла и постаралась разгладить. Затем аккуратно положила рядом с фотографией. Секунду постояла, сквозь дыру глядя на низкое стальное небо. Затем они с Джулией подошли к окну и посмотрели на задний двор.

И здесь все было в руинах: развороченная брусчатка, излохмаченные кусты, обломки столбика от солнечных часов, выдернутого взрывом.

— Грустное зрелище, — тихо сказала Джулия. — Взгляните на фигу.

— Да, столько плодов.

Дерево свесило перебитые ветви, землю под ним густо устилали гниющие фиги, не собранные с прошлого лета.

Хелен достала сигареты, Джулия придвинулась и одну взяла. Они курили, чуть касаясь друг друга плечами; когда Джулия подносила сигарету к губам, рукав ее куртки чиркал по пальто Хелен. На руке Джулии еще виднелись ссадины, и Хелен вспомнила, как неделю назад непринужденно их коснулась. Тогда они стояли рядом, просто стояли, вот как сейчас. Вроде ничего не изменилось. Но теперь невозможно представить, чтобы она так беззаботно дотронулась до Джулии.

Эта мысль будоражила и пугала. Они поговорили о домах, примыкавших к Брайанстон-Сквер, Джулия показала, в каких она побывала, рассказала, что в них увидела. Однако внимание Хелен было приковано не столько к рассказу, сколько к шороху ткани, когда Джулия задевала ее рукавом; наконец стало казаться, что кожа на руке дыбится, словно Джулия своей близостью притягивает ее к себе...

Хелен вздрогнула и отошла от окна, сделав вид, что хочет загасить почти догоревшую сигарету. Она огляделась в поисках пепельницы.

— Бросьте на пол и растопчите, — сказала Джулия.

— Неудобно.

— Хуже не будет.

— Я понимаю, но...

Хелен раздавила окурок в камине и так же поступила с окурком Джулии. Не желая мусорить в пустом очаге, она помахала рукой, остужая окурки, и спрятала их в сигаретную пачку.

Заметив ошарашенный взгляд Джулии, Хелен сказала:

— Вдруг хозяева вернутся? Им будет неприятно, что чужие люди здесь ходили и разглядывали их вещи.

— Вам не кажется, что чуть больше их обеспокоят дождь, разбитые окна и бомба в кровати?

— Дождь, бомбы, окна — не живые. Они безлики, не то что люди... Считаете меня глупой?

Не сводя с Хелен взгляда, Джулия покачала головой.

— Наоборот. — Она улыбнулась, но голос был грустный. — Думаю, что вы... ужасно милая.

Секунду они смотрели друг на друга, потом Хелен опустила глаза. Она спрятала пачку и отошла к прожженному матрасу. Комната вдруг показалась тесной; здесь, в мансарде промозглого

тихого дома Хелен остро ощутила, насколько они с Джулией теплые, живые и целые по сравнению с царившим разрушением. Руки вновь покрылись мурашками. Сердце билось в горле, груди, кончиках пальцев...

— Мне надо вернуться на работу, — не оборачиваясь, сказала Хелен.

Джулия рассмеялась:

— Теперь вы просто невозможно милая. — В голосе по-прежнему слышалась какая-то печаль, — Ладно, идемте вниз.

Они вышли на площадку и стали спускаться по лестнице. Обе шли так тихо, что услышали, как где-то внизу хлопнула дверь. Они остановились. Сердце Хелен почему-то не заскакало, но засбоило.

— Что это? — прошептала она, испуганно вцепившись в перила.

— Не знаю, — нахмурилась Джулия, но лицо ее прояснилось, когда снизу донесся беззаботный мужской голос:

— Джулия! Ты там?

— Это отец! — Джулия перегнулась через перила и радостно крикнула в лестничный проем: — Я здесь, пап! Наверху! — Она повернулась к Хелен и, стиснув ее пальцы, сказала: — Пошли

знакомиться.

Джулия побежала по ступенькам. Хелен спускалась медленно. Когда она появилась в прихожей, Джулия отряхивала пыль с отцовских плеч и волос.

— Папахен, ты весь измазался! — смеялась она.

— Разве?

— А то! Хелен, посмотрите, в каком виде мой отец. Он рыл ходы в угольных погребах... Папа, это моя приятельница мисс Хелен Джинивер. Не суй свою грязную лапу! Знаешь, она считает нас семейством золотарей.

Мистер Стэндинг улыбнулся. Он был в грязной синей спецовке; на груди замызганные орденские планки, в руке мятая кепка. Приглаживая взъерошенные Джулией волосы, мистер Стэндинг сказал:

— Здравствуйте, мисс Джинивер. Боюсь, Джулия права насчет моей руки. Решили совершить экскурсию?

— Да.

— Странная у нас работа, правда? Сплошная пыль. Не то что в прошлую войну — тогда была сплошная грязь. Задумываешься, что же будет в следующий раз? Наверное, пепел... Конечно, хотелось бы строить новые дома, а не копошиться в

старых развалинах. Но все ж таки дело. И Джулии некогда колобродить. — Он подмигнул. Из-под нависших век смотрели темные, как у дочери, глаза. Седые волосы от пыли потемнели, на лбу и висках налипла грязь, а может, это веснушки — не разглядишь. Взгляд его привычно обегал фигуру Хелен. — Рад, что вы проявили интерес. Может, останетесь и поможете?

— Не ерунди, пап, — сказала Джулия. — У Хелен уже есть чрезвычайно важная работа. Она служит в управлении по выплате пособий.

— Вот как? — Мистер Стэндинг взглянул на Хелен внимательнее. — У лорда Стэнли?

— Нет, я в районном отделении, — сказала Хелен.

— Ах так. Жаль. Мы с лордом Стэнли давнишние друзья.

Поболтав еще пару минут, мистер Стэндинг сказал:

— Что ж, отлично. Пойду в подвал, нужно взглянуть на чертежи. Прошу прощения, мисс... э-э...

Направляясь к лестнице, он вышел из тени, и Хелен разглядела его лицо: то, что она приняла за грязь или веснушки, было рубцами от давнишних ожогов.

— Правда, он милый? — сказала Джулия, когда

отец ушел. — Только ужасный баламут. — Она открыла дверь, и они вышли на крыльцо. Джулия поежилась. — Похоже, дождь собирается. Вам надо торопиться. Дорогу найдете? Я бы вас проводила, но... Ой, погодите!

Внезапно она взяла Хелен за плечо, и та испугалась, решив, что Джулия собирается ее поцеловать, обнять или что-то в этом роде. Оказалось, она хотела лишь отряхнуть ее рукав.

— Ну вот, — улыбнулась Джулия. — Повернитесь-ка, я посмотрю сзади. Ага, вот тут еще чуть-чуть. Теперь другим боком. Какая вы послушная! Нельзя давать мисс Чисхолм никаких поводов к недовольству. — Она приподняла бровь. — А заодно и Кей... Вот так. Прекрасно.

Они распрощались.

— Как-нибудь заходите в обеденный перерыв! — вслед крикнула Джулия. — Я буду здесь еще две недели. Сходим в пивную. Поставите мне выпивку!

Хелен обещала зайти.

Она двинулась шагом, но, когда дверь закрылась, глянула на часы и побежала. На месте была в одну минуту третьего.

— Первый посетитель уже ждет, мисс Джинивер, — сказала мисс Чисхолм, скосившись на

стенные часы.

Хелен даже не успела заскочить в туалет и причесаться.

Часа полтора она трудилась без продыху. Нынешняя работа утомляла. Последнее время к ним обращались люди, каких она привыкла видеть три года назад, когда накатил первый огромный вал войны. Некоторые приходили, едва выбравшись из-под развалин своего дома, грязные, в порезах и бинтах. Сидевшая напротив женщина плакала и говорила, что ее разбомбило уже в третий раз.

— Дело-то не в доме, переезды замучили, — жаловалась она. — Чувствую себя гнилушкой, мисс. Как все это началось, не могу спать. У сынишки слабое здоровье. Муж в Бирме, я совсем одна.

— Ужасно тяжело, — вздохнула Хелен.

Она дала женщине форму и терпеливо показала, как заполнять. Женщина смотрела и не понимала.

— Вот это все?

— К сожалению, да.

— Да мне бы просто маленько денег...

— Извините, я не могу дать вам денег. Понимаете, процедура довольно долгая. Прежде чем выдать аванс, мы должны направить оценщика,

который определит ущерб. Кто-нибудь из нашего департамента осмотрит ваш старый дом и представит отчет. Я постараюсь прислать к вам сотрудников как можно скорее, но из-за этих налетов...

Женщина уставилась на листы бумаги в своей руке.

— Точно как гнилушка, — повторила она и провела рукой по глазам. — Ну просто гнилушка.

Секунду Хелен на нее смотрела, потом забрала форму. Сама ее заполнила, проставив число месяцем раньше; в графу, где требовалось указать дату осмотра и регистрационный номер отчета оценщика, вписала какие-то правдоподобные, но слегка неразборчивые цифры. Прикрепила к бумагам записку с пометкой «срочно» и положила в лоток с маркировкой «Одобрено», готовый к отправке на первый этаж к мисс Стедман.

Для следующего и других посетителей ничего подобного она не делала. Просто ее поразило, что женщина сравнивает себя с гнилушкой. В первую военную волну она пыталась помочь каждому и порой давала деньги из своего кошелька. Но война притупляет чуткость. Вначале воображаешь себя этакой героиней, печально думала Хелен, а заканчиваешь тем, что думаешь лишь о себе.

Весь день на задворках сознания жила мысль о Джулии. Хелен думала о ней, даже когда утешала плачущую женщину и говорила «ужасно тяжело». Вспоминала прикосновение ее рукава, ее близость в той маленькой мансарде.

В четверть пятого зазвонил телефон.

— Мисс Джинивер? — спросила телефонистка. — Городской звонок. От мисс Хепбёрн.[40] Соединить?

«Мисс Хепбёрн?» — растерянно подумала Хелен. Потом сообразила, и в животе трепыхнулось виноватое беспокойство.

— Пожалуйста, пусть абонент подождет. — Хелен положила трубку и выглянула в приемную: — Мисс Чисхолм, одну минутку без просителей! У меня на линии отдел в Кэмден-Тауне. — Потом вернулась за стол и приказала себе успокоиться. — Привет, мисс Хепберн, — тихо сказала она, когда их соединили.

— Приветик, — ответила Кей. У них была такая игра с именами. — Наверное, я не вовремя. — Вялый голос звучал глухо. Кей курила и отодвинула

---

40 Примечания: 40

Кэтрин Хоутон Хепбёрн (1907-2003) — выдающаяся американская актриса кино и театра — «Великая Кейт». Четырежды была удостоена высшей кинематографической награды США «Оскар», но ни разу не участвовала в церемонии награждения.

трубку, выдыхая дым. — Как там дела в конторе?

— Вообще-то, лихорадит. — Хелен взглянула на дверь. — Долго говорить не могу.

— Да? Зря я позвонила?

— Нет, ничего.

— А я вот ошиваюсь дома. Я... секунду...

Трубка зашуршала и умерла — Кей ладонью прикрыла микрофон, чтобы откашляться. Хелен представила ее набухшие слезами глаза, побагровевшее лицо; вот она согнулась пополам и заходится в кашле, рвущем забитые гарью и кирпичной пылью легкие.

— Кей! Ты как там?

— Я здесь. Оклемалась.

— Бросай курить.

— Курево помогает. Твой голос тоже.

Хелен промолчала. Она думала о телефонистке на коммутаторе. Любовница Микки лишилась работы, когда барышня подслушала их разговор.

— Хочется, чтоб ты была дома, — сказала Кей. — Там без тебя не справятся?

— Ведь знаешь, что нет.

— Тебе уже пора?

— Честно, да.

По голосу Хелен слышала, что Кей улыбается.

— Ладно. Новостей никаких? Никто не пытался

штурмовать контору? Мистер Холмс за тобой зрит?

— Нет, — улыбнулась в ответ Хелен. В животе снова затрепыхалось, она задержала дыхание. — Вообще-то...

— Погоди. — Кей отвела трубку и снова закашлялась. Было слышно, как она отирает рот. — Пора тебя отпускать, — сказала она, вернувшись.

— Да, — вяло ответила Хелен.

— Увидимся. Ты прямо домой? Приезжай скорее, ладно?

— Да, конечно.

— Умничка... До свиданья, мисс Джинивер.

— Всего доброго, Кей.

Хелен опустила трубку и замерла. Она живо представила, как Кей встает, докуривает сигарету, неприкаянно бродит по квартире и, наверное, опять кашляет. Вот встала у окна, засунув руки в карманы. Насвистывает или мычит старые варьетешные песенки — «Маргаритка, маргаритка» или что-нибудь этакое. Вот в гостиной постелила на стол газету и чистит ботинки. Или достала забавный матросский наборчик и штопает носки. Она не знает, что пару часов назад Хелен стояла у окна мансарды и от близости Джулии кожа на ее руке дыбилась, словно лепестки цветка,

тянущегося к солнцу. Она не знает, что Хелен отвернулась от взгляда Джулии, потому что испугалась бешеного тока своей крови...

Хелен подняла трубку и назвала телефонистке номер. Прошло два гудка.

— Привет, — сказала Кей, удивившись голосу Хелен. — Что-нибудь забыла?

— Ничего. Просто... захотелось снова тебя услышать. Что ты делаешь?

— Была в ванной. Только начала подстригаться. Повсюду набросала волос. Ты меня заругаешь.

— Нет, Кей. Я только хотела сказать... Ты знаешь, то самое.

Это означало: «Я тебя люблю». Кей секунду молчала, затем произнесла:

— То самое. — Голос ее стал хриплым. — И я хотела тебе это сказать...

«Я полная идиотка!» — подумала Хелен, опустив трубку. Казалось, сердце разбухает и поднимается к горлу, словно тесто. Слегка потряхивало. Хелен поискала в сумочке сигареты. Нашла и открыла пачку.

Внутри лежали два окурка. Она про них забыла. Оба в помаде, от ее и Джулиных губ.

Хелен положила окурки в пепельницу на столе. Но они все время притягивали взгляд. В конце

концов Хелен вышла из комнаты и в приемной мисс Чисхолм опорожнила пепельницу в проволочную корзину для мусора.

*

В половине седьмого Вив была в министерской раздевалке. Ее рвало в кабинке уборной, где она согнулась над унитазом. Вывернуло трижды; она выпрямилась, закрыла глаза и на минуту почувствовала себя удивительно хорошо и спокойно. Но потом увидела свою бурую комковатую рвоту — мешанину из чая и бисквита с изюмом — и вновь срыгнула. Вив брела к умывальнику сполоснуть рот, когда в раздевалку вошла девушка по имени Каролина Грэм, тоже служившая в машбюро.

— Эй, как дела? — спросила она. — Гибсон велела тебя разыскать. Чего такое? Выглядишь паршиво.

Краем полотенца на ролике Вив опасливо вытерла лицо.

— Все нормально.

— По виду не скажешь, честно. Хочешь, провожу к медсестре?

— Пустяки, — сказала Вив. — Просто... похмелье.

Каролина вмиг преобразилась. Бедром навалившись на край раковины, устроилась удобнее и достала жевательную резинку.

— О, уж это мне знакомо, — сказала она, отправляя жвачку в рот. — Крепко же ты поддала, если до сих пор выворачивает! Надеюсь, парень того стоил. По опыту знаю: если славно провела времечко, утром не так погано. Хуже нет, когда мужик козел и ты накачиваешься в надежде, что тогда он будет выглядеть маленько лучше. Тебе надо выпить сырое яйцо и чего-нибудь пожевать.

Живот опять свело. Вив отвернулась, чтобы не видеть кувырканья серой жвачки во рту Каролины.

— Вряд ли смогу, — Вив посмотрелась в зеркало. — Господи, ну и видок! У тебя с собой пудры нет?

— Имеется, — сказала Каролина.

Она передала Вив пудреницу и после нее припудрилась сама. Затем на секунду перестала жевать и, стоя перед зеркалом, взбила кудряшки; глядя на ее розовый язычок, высунувшийся меж накрашенных губ, и гладкую пухлую мордашку, которая светилась молодостью, здоровьем и беззаботностью, Вив с горечью подумала: «Мне бы так. До чего же подла и несправедлива сволочная

жизнь!»

Каролина перехватила ее взгляд.

— Ты вправду хреново выглядишь. — Она вновь принялась жевать. — Ладно уж, сиди здесь. Мое дело маленькое. Да и осталось-то всего полчаса. Гибсон скажу, что не нашла тебя. А ты наври, мол, мистер Брайтмен захомутал. Он вечно гоняет девушек за мятной содовой.

— Спасибо, но я сейчас буду в норме.

— Точно?

— Да.

Поправляя пояс юбки, Вив нагнула голову и потом слишком резко выпрямилась, отчего ее вновь замутило. Ухватившись за раковину, она закрыла глаза и сглатывала, сглатывала, пытаясь удержать поднимавшуюся из желудка дурноту... Тошнота прихлынула волной. Вив метнулась к унитазу. В тесной кабинке звуки сухой рвоты казались еще ужаснее. Чтобы их заглушить, Вив дернула цепочку слива. Вернувшись к умывальникам, она заметила встревоженный взгляд Каролины.

— Вив, давай все же отведу к медсестре.

— Я не могу заявиться к ней с похмельем.

— Надо же чего-то делать. Ты жутко выглядишь.

— Через минуту все будет в порядке.

Вив представила обратную дорогу в машбюро: неодолимые лестничные марши, коридоры. Еще где-нибудь вырвет на отполированный мраморный пол. Вообразила саму комнату: сгрудившиеся столы и стулья, поднятая светомаскировка, отчего духота только сильнее, невыносимый запах чернил, завивки и косметики.

— Мне бы домой, — жалобно сказала Вив.

— Ну и валяй, чего ты? Теперь уже двадцать минут осталось.

— Думаешь? А как же Гибсон?

— Скажу, ты расхворалась. Это же правда, нет что ли? Слушай, а как же ты пойдешь? Вдруг на улице в обморок грохнешься или еще чего?

— Думаю, не грохнусь.

Но ведь женщины падают в обморок, когда они... Господи! Вив отвернулась, вдруг испугавшись, что по ее виду Каролина догадается, в чем, собственно, дело. Она посмотрела на часы и с потугой на беспечную оживленность сказала:

— Лучше я дождусь Бетти Лоренс, и она проводит меня домой. Будь другом — наври Гибсон, а потом скажи Бетти, что я жду ее здесь.

— Легко. — Каролина выпрямилась, собираясь уйти. — Не забудь про сырое яйцо. Конечно, греш-

но так переводить паек, но однажды у меня было жуткое похмелье — на вечеринке хахаль намешал всякой мерзости, и яйцо, ты не поверишь, просто сотворило чудо. Кажется, Минти Брюстер где-то хапнула пару яиц, спроси у нее.

— Спрошу. — Вив пыталась улыбаться. — Спасибо, Каролина. Да, и если Гибсон полезет с расспросами, не говори, что меня тошнило, ладно? А то она догадается... в смысле, про похмелье.

Каролина засмеялась и выдула из жвачки серый пузырек, который со щелчком лопнул.

— Не волнуйся. Напущу бабьей таинственности, пускай думает, это сглаз. Годится?

Вив кивнула и тоже рассмеялась.

Но смех ее угас, едва она осталась одна. Лицо отяжелело, будто вся кожа на нем обвисла. В раздевалке, где проходили трубы отопления, было сухо и душно, словно в отсеке субмарины. Ужасно хотелось распахнуть окно и подставить лицо ветерку. Но горел свет, и маскировку уже спустили; можно было лишь пристроиться сбоку, чтобы, накинув на голову, точно капюшон, пыльную колючую штору, втягивать крохи прохладного вечернего воздуха, сочившегося сквозь щели оконной рамы.

Окно выходило во двор. С верхних этажей до-

носились треск печатных машинок и звонки телефонов. Если прислушаться, за ними можно было различить привычный шум Уигмор-стрит и Портмен-Сквер: гул машин, клаксоны такси, голоса людей, которые, возвращаясь с работы домой, заглядывали в магазины. Все эти звуки, думала Вив, слышишь тысячу раз, но не замечаешь, как не задумываешься о здоровье, пока все хорошо; ты понимаешь, что значит быть здоровой, лишь когда на минутку отпустит тошнота. А вот когда тошнит, ты становишься чужаком, иноземцем в родном краю. Тебе враждебно все, что для других обычно и просто. Даже собственное тело превращается в твоего врага, который строит козни и расставляет ловушки...

С этими мыслями Вив стояла у окна до тех пор, когда незадолго до семи стук печатных машинок во всем здании сменился скрежетом стульев по голому полу. Минуту спустя в раздевалке появились первые сотрудницы, а вскоре они уже вкатывались одна за другой, заскакивали в кабинки, начинали одеваться. Вив прошла к своему ящику и очень медленно надела пальто, шляпку и перчатки. Точно призрак, она слонялась среди женщин и с какой-то бешеной завистью разглядывала самых блеклых и некрасивых очкастых

толстушек, чувствуя себя невероятно одинокой и отделенной от них. Прислушиваясь к их ясным самоуверенным голосам, она думала: «Вот что случается с людьми вроде меня. Значит, я совсем как Дункан. Пытаешься что-то из себя сотворить, но жизнь не позволяет и ставит подножку...»

Появилась Бетти. Нахмурившись, она повертела головой, взглядом отыскала Вив и подошла.

— Что случилось? Каролина Грэм сказала, что ты не можешь подняться. С три короба наплела чего-то Гибсон — мол, на тебя накатило. Разнесся слух, что у тебя понос. — Она оглядела подругу. — Эй, ты в самом деле скверно выглядишь.

Вив пыталась укрыться от ее глаз, как перед тем — от взгляда Каролины.

— Просто меня немного затошнило.

— Бедная девочка! Тебе нужно встряхнуться. Как раз есть средство. Джин из отдела перевозок трепалась о вечеринке в министерстве информации. Там один парень сегодня оформил развод, требуются девушки. Ребята давно запасались к событию, так что сабантуй будет отменный. Мы еще успеем переодеться, двинули.

Вив испугалась:

— Ты что! Я не сдюжу. Да и выгляжу страшилищем.

— Ой, пара мазков «Макс Фактора», и парнишки ничего не заметят, — отмахнулась Бетти, влезая в пальто.

Она подхватила Вив под руку, вывела из раздевалки, и они пустились в поход к вестибюлю. Подъем по лестнице был сродни ужасной морской качке, но рука Бетти приносила успокоение, обещая помощь и поддержку. Вот добрались до конторки и расписались об уходе. На улице еще не вполне стемнело, фонарики включать не пришлось. Но вечер был холодный. Бетти приостановилась, чтобы достать перчатки.

Увидев кого-то, она вскинула руку и замахала:

— Джин! Иди сюда! Расскажи-ка о сегодняшней вечеринке. Надо уговорить Вив.

Девушка но имени Джин пристроилась рядом.

— Будет грандиозно! — на ходу говорила она. — Велено привести всех подружек, кого только найду.

Вив покачала головой:

— Извини, Джин, сегодня не смогу.

— Да ну, Вив!

— Не слушай ее, Джин, — сказала Бетти. — Она не в себе.

— Уж точно не в себе! Ребята столько времени все запасали...

— Я ей говорила.

— Не могу, — повторила Вив. — Честно, я просто не в состоянии.

— Да какое там состояние? Все, что ребятам нужно, это классные девчонки в свитерах в обтяжку.

— Нет, правда.

— Все-таки не каждый день парень разводится.

— Нет, честно. — Голос Вив задрожал. — Не могу. Никак! Я...

Она остановилась, закрыла рукой глаза и прямо посреди Уигмор-стрит расплакалась.

На миг возникло молчание. Потом Бетти сказала:

— Хо-хо. Извини, Джин. Похоже, мероприятию придется обойтись без нас.

— Что ж, не повезло ребятам. Они ужасно огорчатся.

— С другой стороны, тебе больше достанется.

— Пожалуй, это мысль. — Джин коснулась руки Вив: — Не горюй. Наверное, он полная мразь, коль довел тебя до такого. Ладно, девочки, лечу в общагу. Если передумаете, вы знаете, где меня найти! — И она припустила почти бегом.

Вив достала платок и высморкалась. Подняв

голову, заметила на себе сочувственно-любопытные взгляды прохожих.

— Я выгляжу полной дурой.

— Не психуй, — мягко сказала Бетти. — Все мы иногда плачем. — Она просунула руку под локоть Вив и сжала ее ладонь. — Давай доставим тебя домой. Сейчас тебе требуются горячая грелка и стаканчик джина с парой таблеток аспирина. Если подумать, мне бы это тоже не помешало.

Пошли еще медленнее. Вив чувствовала, как дрожат гудящие от усталости ноги. Последних сил лишала мысль о возвращении в общежитие, где в эту пору царит хаос: в столовой скрежещут стулья, повсюду лупит свет, наяривает музыку радио, а девицы в исподнем вверх-вниз снуют по лестнице и, сдергивая с волос бигуди, во все горло перекрикиваются друг с другом.

Вив потянула Бетти за руку.

— Мне невыносимо идти в общагу. Пойдем куда-нибудь, где тихо. Ладно?

— Ну, — неуверенно протянула Бетти, — можно зайти в кафешку или еще куда.

— В кафе тоже не могу. Давай где-нибудь просто посидим. Всего пять минут. — Голос Вив взметнулся, грозя вновь осечься.

— Ну хорошо, хорошо, — сказала Бетти, свора-

чивая в переулок.

Неподалеку среди жилых домов нашелся сквер. До войны он был бы закрыт, но теперь ограда исчезла, и они прошли свободно. В самой тихой части сквера отыскали лавочку, чтоб стояла подальше от густых кустов. Темнота еще не наступила, но неуклонно смеркалось, и Бетти, оглядевшись, сказала:

— Что ж, либо нас изнасилуют, либо сочтут парочкой проституток и предложат деньги. Не знаю, как ты, но если цена окажется сходной, я, пожалуй, соглашусь. — Она все еще держала Вив под руку. Потом они сели, плотнее запахнув пальто. — Ну, детка, выкладывай, что случилось. Только помни: ради этого я упустила шанс, чтобы меня полапал информационный разведенец, так что пусть новость будет хорошей.

Вив улыбнулась. Но едва ли не сразу улыбка превратилась в подобие гримасы. На смену тошноте к горлу подкатили слезы.

— Ох, Бетти... — начала Вив, но голос осекся. Она зажала рукой рот и покачала головой. Чуть погодя прошептала: — Если скажу, заплачу.

— А я заплачу, если не скажешь! — Бетти помолчала и уже мягче добавила: — Ладно, я ж не тупая. Догадываюсь, в чем дело. Вернее, в ком...

Что теперь он натворил? Выкладывай, хотя можно по пальцам пересчитать, чем мужик способен довести девушку до слез. У них же никакого воображения. Могут лишь обмануть, бросить или обобрать. — Бетти фыркнула. — Либо обрюхатить.

Она рассмеялась собственной шутке. Но потом в сгустившихся сумерках встретила взгляд подруги, и смех ее угас.

— Ой, Вив... — охнула Бетти.

— Вот так вот.

— Ой-ой-ой! Когда узнала?

— Пару недель назад.

— Пару недель? Это немного. А ты уверена, что это не... ну сама знаешь, просто задержка? С этими бомбежками...

— Нет. — Вив отерла лицо. — Сначала я тоже так подумала. Но это не просто задержка. Я знаю, что залетела. Просто знаю. Ты глянь, какая я... Меня тошнит.

— Тошнит? — растерялась Бетти. — По утрам?

— Не по утрам. Днем и вечером. У сестры было так же. Всех ее подруг тошнило в самом начале, а ее три месяца рвало почти каждый вечер.

— Три месяца? — ахнула Бетти.

— Тише ты! — огляделась по сторонам Вив.

— Извини. Вот это да, детка! Что будешь делать?

— Не знаю.

— Реджи сказала?

Вив отвернулась.

— Нет.

— Почему? Он же виноват.

— Он не виноват. — Вив снова повернулась к подруге. — В смысле, я виновата не меньше.

— Ты виновата? В чем это? В том, что позволила ему... — Бетти заговорила еще тише, — взойти на борт? Все это прекрасно, но ему, знаешь ли, следовало накинуть макинтош.

Вив затрясла головой:

— Прежде все было нормально. Мы никогда ими не пользовались. Он их терпеть не может.

Они помолчали.

— Все же надо ему сказать, — проговорила Бетти.

— Нет, — твердо ответила Вив. — Я никому не собираюсь говорить, кроме тебя. И ты никому не говори! Господи! Вдруг Гибсон прознает? — Мысль ужаснула. — Помнишь Фелисити Уитерз?

Год назад Фелисити Уитерз, служившая в министерстве труда, забеременела от летчика из

«Свободной Франции».[41] В общежитии девушка бросилась с лестницы, был жуткий скандал. Фелисити уволили из министерства и отправили к родителям в Бирмингем, где ее отец служил викарием.

— Все говорили: надо ж, какая шалава! Господи, была бы она здесь! — вздохнула Вив и, оглядевшись, зашептала: — Фелисити принимала какие-то таблетки, да? Брала в аптеке.

— Я не знаю.

— Брала, точно брала.

— Может, попробовать английскую соль?

— Принимала, не помогает.

— Тогда очень горячую ванну и выпить джину.

Вив усмехнулась.

— В общаге? Я даже воды не успею нагреть. А если кто-нибудь увидит или учует джин? У отца тоже нельзя. — Она вздрогнула от одной только мысли. — Неужели нет другого способа? Что-нибудь должно быть.

Бетти задумалась.

— Еще можно спринцеваться мыльной водой. Должно сработать. Только непременно попасть куда надо. Ну или это... вязальная спица...

---

41 Примечания: 41

«Свободная Франция» — патриотическое движение с руководящим центром в Лондоне, в 1940 г. основанное Шарлем де Голлем (1890-1970).

— Боже мой! — Вив опять затошнило. — Мне такого не выдержать. А ты смогла бы?

— Не знаю. Наверное, если б приперло. Может, это... тяжести поднимать?

— Какие тяжести?

— Ну, мешки с песком и всякое такое. Или попрыгать на месте.

Вив вспомнила последние две недели: повседневную одуряющую тряску в поездах и автобусах, беготню по лестницам на службе.

— Это без толку, — сказала она. — Так оно не хочет вылезать. Я чувствую, что не хочет.

— Можно пенсы класть в питьевую воду.

— Так это ж бабкины сказки?

— Бабки, они кое в чем толк знают. В конце концов, потому они и бабки, а не...

— А не лахудры вроде меня?

— Я не это имела в виду.

Вив глядела в сторону. Уже совсем стемнело. На тротуарах по краям сквера приплясывали, появляясь и пропадая, тусклые лучи затененных фонариков. Окаймлявшие сквер высокие плоские дома были мертвы. Почувствовав дрожь Бетти, Вив затряслась сама. Но они всё сидели. Бетти подтянула воротник пальто и сложила руки на груди.

— Можно поговорить с Реджи, — снова сказала она.

— Нет. Я не стану ему говорить.

— Да почему? Это же от него?

— Конечно от него!

— Ладно, я только спросила.

— Надо ж додуматься!

— Все равно, нужно ему сказать. Я серьезно, Вив, он все ж таки женатый мужчина... Может подсказать, чего делать.

— Он понятия не имеет. Его жена... помешана на детях. Только для этого он ей и нужен. От меня он получает совсем другое.

— Не сомневаюсь.

— Да!

— Не пройдет и девяти месяцев, как оно перестанет быть другим. То есть восьми месяцев.

— Вот почему я должна все уладить сама. Неужели не понятно? Если окажется, что я просто такая же, как она...

— Ты вправду хочешь уладить? Может, оставишь и...

— Смеешься, что ли? Отец... Это его убьет!

«Это его убьет, — хотела она сказать, — после истории с Дунканом». Однако Бетти этого не скажешь, и бремя стольких секретов, нескончаемой

предосторожности, умалчиваний и опасений вдруг стало невыносимым.

— Ох, это ужасно несправедливо! Ну почему так случается, Бетти? Словно было еще недостаточно тяжело. Так на тебе, чтоб доверху! Такая малость...

— Жаль огорчать тебя, детка, но малостью оно останется недолго.

Сквозь темноту Вив вгляделась в подругу и обхватила руками живот.

— Невыносимо думать, что оно сидит там во мне и становится все больше и больше, — тихо сказала она. Вдруг показалось, что она чувствует это, присосавшееся к ней, как пиявка. — Какое оно? Просто жирный червячок, да?

— Жирный червячок с физиономией Реджи, — ответила Бетти.

— Не говори так! Если я начну так думать, станет еще хуже. Надо попробовать таблетки, какие пила Фелисити Уитерз.

— Они же не помогли. Почему она и ковырнулась с лестницы. И разве от них не тошнило?

— Так меня и без них тошнит! Какая разница?

Впрочем, сейчас не тошнило. Вив ощутила почти лихорадочное возбуждение. Вдруг показалось, что раньше она пребывала в некоем трансе.

Даже не верится. Столько дней промелькнуло, и она ничего не делала. Вив выпрямилась и огляделась.

— Нужно в аптеку, — сказала она. — Где такая аптека? Ну же, Бетти!

— Не гони, — буркнула Бетти, открывая сумочку. — Черт, нельзя же вывалить такое на девушку и ждать, что она... Дай хоть сигаретку выкурю.

— Сигаретку! Как ты можешь думать о сигаретах!

— Уймись, — сказала Бетти.

Вив пихнулась:

— Я не могу уняться! Думаешь, ты бы смогла, окажись на моем месте?

Внезапно накатила страшная усталость. Вив осела и прикрыла глаза. Потом заметила, что Бетти ее рассматривает. В темноте было трудно прочесть выражение ее лица. Это могли быть и жалость, и восхищение, и даже легкое презрение.

— О чем ты думаешь? — тихо спросила Вив. — Считаешь меня размазней, да? Какой мы считали Фелисити Уитерз?

Бетти пожала плечами:

— Любая девушка может залететь.

— Ты вот не залетаешь.

— Типун тебе! — Бетти сдернула перчатку и заколотила по скамейке. — Постучи по дереву, слышишь? В конце концов, так уж устроено, это просто удача — одним везет, другим нет... — Она рылась в сумочке, ища зажигалку. — И все же я считаю, надо поставить в известность Реджи. Какой тогда смысл вожжаться с женатым мужиком, если нельзя ему такое сказать?

— Нет, — чуть слышно сказала Вив. Обе снова перешли на шепот. — Сначала попробую таблетки; если не подействуют, тогда скажу. А коли получится, он ничего не узнает.

— В отличие от тебя, будем надеяться.

— Ты все же считаешь меня размазней.

— Я только говорю, что если б он надел дождевик...

— Ему не нравится!

— Вот то-то и паршиво. Парню в его шкуре нельзя шалопайничать. Будь он холостяком, другое дело, можно и рискнуть; на худой конец, выскочила бы замуж раньше, чем намеревалась.

— Так говоришь так, словно это можно просчитать, спланировать — вроде покупки спального гарнитура! — горестно сказала Вив. — Ты же знаешь, как у нас с ним. Сама только что говорила про удачу. Он женат на другой, потому что ему

ужасно не повезло, вот так неудачно совпало. Бывает, что ничего не поделаешь, все так, как оно есть.

— И так оно будет продолжаться годами и годами. Благодарю покорно: он весь из себя грандиозный, а как с тобой?

— Нельзя так думать. Никто так не думает! Завтра мы все можем умереть. Надо брать, чего хочется, верно? А чего взаправду хочется? Сама не знаешь. У меня больше ничего нет, кроме Реджи. Если б его не было... — Голос Вив треснул. Она достала платок, высморкалась и, помолчав, сказала: — Он дарит мне радость, ты же знаешь. И смех.

Бетти наконец отыскала зажигалку и прикурила.

— Однако сейчас тебе не до смеха.

Вив смотрела на выскочившее пламя, мигнула, когда оно вновь исчезло в темноте, и ничего не сказала. Почти не разговаривая, они сидели, пока окончательно не замерзли; тогда устало сцепили руки и поднялись.

Они еще шли по скверу, когда завыли сирены.

— Вот, извольте, — сказала Бетти. — Это положило бы конец всем твоим проблемам — хорошая толстая бомба.

Вив посмотрела на небо.

— Боже мой, это правда. И никто бы, кроме тебя, не знал.

Прежде она не задумывалась, сколько тайн война поглощает и хоронит в пыли, тьме и молчании. Бомбежки представлялись злом, которое лишь со всего срывает покров. Поглядывая на небо, они шли к общежитию, и Вив говорила себе: пусть рыщут прожектора, пусть прилетят самолеты и залают зенитки, пусть разверзнется ад...

Но когда где-то на севере Лондона ударили первые залпы орудий, она забеспокоилась и потащила Бетти быстрее; даже в своем злосчастье Вив боялась бомбежки и боли и все же не хотела умирать.

*

— Эй, Ганс! — двумя часами позже орал в окно Джиггс. — Фриц! Давай сюда! Сюда, мать твою!

— Заткнись, Джиггс, дерьма кусок! — раздался чей-то голос.

— Сюда, Ганс! Я здесь!

Джиггс прослышал, что из разбомбленной тюрьмы выпустили всех заключенных, кому оставалось сидеть меньше полугода; его срок заканчивался через четыре с половиной меся-

ца, и потому в каждый налет он подтаскивал к окну стол и с него призывал немецких пилотов. Дункан заметил: если бомбили близко, эти вопли всерьез нервировали — тогда Джиггс представлялся огромным магнитом, притягивающим самолеты с бомбами и пулями. Впрочем, сегодня отдаленная бомбежка никого особо не беспокоила. Временами мягко бухало, вспышки на миг разжижали густую темень, да по небу шарили прожектора. Другие заключенные тоже влезли на столы и перекликались о всякой ерунде, прорываясь сквозь вопли Джиггса.

— Баран! Эй, Баран, ты мне полкроны задолжал, сучий потрох!

— Мик! Здорово! Чего делаешь?

Надзирателя, который заставил бы их замолчать, не было. Едва начался налет, все охрана спустилась в укрытие.

— За тобой должок!..

— Мик! Эй, Мик!

Чтобы услышать друг друга, заключенные орали до хрипоты, ибо порой собеседники общались с разных концов корпуса, их разделяло пятьдесят камер. Дункану даже нравилось лежать и слушать эти вопли — будто в темноте крутишь настойку радиоприемника; он умел отключиться

от голосов, когда они начинали раздражать. А вот Фрейзер каждый раз приходил в бешенство. Сейчас, к примеру, он ворочался, кряхтел и матерился. Затем привстал и кулаком разровнял ухабы тюфяка, набитого конским волосом. Подтянул одежду, для тепла уложенную поверх одеяла. В темноте Дункан его не видел, но угадывал его движения по колебаниям рамы шконок. Когда Фрейзер тяжело улегся, шконки с легким стоном и скрипом качнулись из стороны в сторону, точно койки кубрика. «Мы будто матросы», — подумал Дункан.

— Ты мне полкроны должен, пиздюк!

— О господи! — Фрейзер вновь подскочил и яростно взбил тюфяк. — Неужели помолчать не могут! Заткнитесь!!! — заорал он, саданув кулаком в стену.

— Без толку, — зевнул Дункан. — Им не слышно. Они сейчас Стеллу доводят, послушай.

Кто-то выкрикивал:

— Стел-ла! Стел-ла!

Кажется, это был Пейси из второй зоны.

— Стел-ла! Я кое-что про тебя знаю... В бане я видел твою манду! Твою шахну видел! Она черна, как ночь!

Другой зэк присвистнул и рассмеялся:

— Ну ты, на хер, поэт, Пейси!

— Будто черная крыса с перерезанной глоткой! Словно толстые мамкины губищи спрятались в папашиной бородище! Стел-ла! Чего молчишь-то?

— Не может ответить, — раздался другой голос. — Строчит мистеру Чейсу!

— Чейсу сосет, — крикнул третий, — а Брауниинг засаживает сзади! На все руки, на хер, мастерица!

— Замолчите, противные! — возник новый голос. Это была Моника из третьей зоны.

Пейси переключился на нее:

— Мо-ни-ка! Мо-ни-ка!

Засим последовали «бум!» далекого разрыва и вопль Джиггса:

— Ганс! Фриц! Адольф! Валяй сюда!

Фрейзер застонал и перевернулся на подушке.

— Сволочи! — буркнул он. — Достали уже!

В довершение всего кто-то запел:

— Голубые одежды были знаком надежды... Ты снилась вся в голубом...

Певца звали Миллер. Он сидел за нечто вроде рэкета ночного клуба. Миллер всегда пел с невероятной проникновенностью, будто с эстрады мурлыкал в микрофон. Услышав его голос, зэки

со всех этажей взвыли:

— Вырубите его на хер!

— Миллер, паскуда!

В соседней с Дунканом камере чем-то заколотил по полу Куигли — вероятно, солонкой.

— Заткнись, дерьмо собачье! — ревел он. — Миллер, разъебай!

— Ты снилась вся в голубом...

Миллер продолжал петь, перекрывая возмущенные вопли и отдаленный гул бомбардировщиков; как назло, песня была мелодичной. Один за другим зэки стихли, будто заслушались. Чуть погодя даже Куигли отбросил солонку и перестал реветь.

Я помню твой голос и наши объятья,

И вкус твоих губ готов был познать я.

Но ты вдруг исчезла, а я пробудился

И понял – твой образ мне только приснился.

Фрейзер тоже затих и приподнял голову, чтобы лучше слышать.

— Черт возьми, Пирс, — сказал он. — Вроде бы я даже танцевал под эту мелодию. Точно, танцевал. — Фрейзер снова лег. — Наверное, потешался над дурацкими словами. А сейчас они кажутся

офигительно к месту, правда? Надо же, чтоб попсовая песенка в исполнении Миллера так верно передавала желание.

Дункан промолчал. Песня продолжалась.

Пусть мы в разлуке, но образ твой светел,

Я славлю тот час, когда тебя встретил...

Внезапно в песню врезался другой голос. Густой, немелодичный, похабный.

Ах, у девчонки-то глаза, будто темная вода,

Ей любо, если нет, но больше – коли да!

Кто-то заржал.

— Это еще кто? — обескураженно спросил Фрейзер.

Вслушиваясь, Дункан наклонил голову.

— Не знаю. Может, Аткин?

Аткин, как и Джиггс, был дезертиром. Песенка походила на обычную солдатскую припевку.

Ах, у девчонки-то глаза – две сине-синих льдинки,

Ей любо на животике, но больше – коль на спинке!

Миллер продолжал:

Мы встретимся вновь, и наша любовь...

С минуту обе песни причудливо текли вместе, потом Миллер сдался. Его голос умолк.

— Ты, дрочила! — выкрикнул он.

Опять заржали. Голос Аткина, или кого там еще, стал громче и разухабистее. Видимо, певец сложил ладони рупором и ревел, точно бык:

Ах, у девчонки-то волос каштановый обвал,

Ей любо, коль встает, но больше – чтоб упал!

Ах, у девчонки-то волос рыже-рыжий стог,

Ей любо, коль в руке, но больше – между ног!

Ах, у...

Тут заныли сирены «отбой тревоги». Пение Аткина перешло в вой. На всех этажах зэки его подхватили, забарабанив кулаками по стенам, оконным рамам и шконкам. Один лишь Джиггс пребывал в расстройстве.

— Назад, засранцы! — сипло надрывался он. — Назад, мудаки немецкие! Корпус «Д» пропустили!

Забыли корпус «Д»!

— А ну-ка слезли, на хрен, с окон! — заорал кто-то во дворе, и послышался торопливый хрум-хрум башмаков по гаревому плацу — надзиратели вышли из укрытия и поспешили в тюрьму.

Весь корпус наполнился буханьем от приземлившихся тел и скрежетом столов — зэки соскакивали с окон и прыгали в койки. Через минуту повсюду зажегся свет. Мистер Браунинг и мистер Чейс протопали по лестнице и зарысили по площадкам, дубася в двери и заглядывая в глазки.

— Пейси! Райт! Мэлоун, говнюк паршивый... Если хоть одну сволочь застану не в койке, всех засажу в карцер до самого Рождества, поняли меня?

Фрейзер простонал и зарылся лицом в подушку, ругая свет. Дункан с головой накрылся одеялом. В дверь бухнули, но шаги прорысили дальше. Вот они на секунду смолкли, вновь затопали и опять стихли. Дункан представил, как Браунинг с Чейсом рычат и неуемно мечутся, точно разъяренные цепные псы.

— Говноеды! — кричал кто-то из них, стращая. — Гляди у меня!..

Еще пару минут они шныряли по площадкам, а

затем наконец протопали вниз по лестнице. Через секунду с легким «фук!» свет в камерах погас.

Дункан быстро откинул одеяло и сдвинулся на край подушки. Ему нравился момент, когда выключали электричество. Он любил смотреть на лампочку. Она гасла медленно, секунды три-четыре, и, если вглядеться, было видно, как внутри стеклянной колбы проволочный завиток из белого становится густо-янтарным, потом огненно-красным и нежно-розовым, а когда камера погружалась во тьму, перед глазами еще плавала желтая размытая клякса.

Какой-то зэк тихонько свистнул. Потом окликнул Аткина. Он хотел, чтобы тот допел песню. Ему не терпелось услышать про девчонку, у которой волос соломенна скирда — ей-то что любо? Как насчет нее? Зэк позвал во второй и третий раз, но Аткин не ответил. Бесшабашное компанейское чувство, охватившее всех десять минут назад, разжимало свою хватку. Унылая тишина сгущалась, и от попыток разорвать ее было только хуже. Можно сколько угодно вопить и горланить песни, размышлял Дункан, но все это лишь для того, чтобы отдалить неизменно наступавший миг, когда одиночество тюремной ночи поднималось в тебе, словно вода в тонущей лодке.

Однако слова песен еще звучали в нем, подобно видению раскаленной нити лампочки, что плавало перед закрытыми глазами. «Ах, у девчонки-то», — крутилось в голове. Строчки «Ах, у девчонки-то» и «Мы встретимся вновь» повторялись беспрестанно.

Наверное, они донимали и Фрейзера. Он заворочался, перевернулся на спину и опять заелозил. В звенящей тишине было слышно, как он поскреб щетинистый подбородок... потер кулаками глаза... выдохнул...

— Зараза, — чуть слышно произнес Фрейзер. — Сейчас бы сюда бабу, Пирс, Самую обычную бабу. Только не заумную девицу, с какими я встречался. — Он засмеялся, и шконки качнулись. — От слов «умная девушка» у любого мужика стынет кровь. «Вам понравится моя подруга, она такая умная», — пропищал он. — Как будто от них это требуется... — Он опять засмеялся, но теперь лишь издал тихий смешок, не обеспокоивший шконки. — Да, самая обычная девка — вот что сейчас мне нужно. Не обязательно красивая. Иногда от красивых никакого толку — понимаешь меня? Они слишком озабочены собой — не дай бог прическа растреплется, помада смажется. Я хочу простую, ядреную, глупую девку. Простую,

ядреную, глупую и услужливую. Знаешь, что я с ней сделаю, Пирс?

Казалось, он обращается не к Дункану, а к темноте и самому себе. Словно бормочет во сне. Но отчего-то получалось еще интимнее, чем если бы он шептал на ухо. Дункан открыл глаза, уставившись в абсолютный, бархатный мрак камеры. Бездонность темноты была столь пугающей и странной, что он поднял руку. Хотелось удостовериться, что койки разделяет пространство, ибо стало казаться, что Фрейзер совсем близко, а собственное тело — всего лишь дубликат, отзвук того, что лежит наверху... Пальцы нашарили проволочную сетку верхней койки и уцепились за ее переплетения.

— Не думай об этом, — сказал Дункан. — Спи.

— Нет, серьезно, — не унимался Фрейзер. — Знаешь, что я сделаю? Я возьму ее полностью одетой; даже ниточки не сниму. Только расстегну пару пуговиц на платье, потом рассупоню лифчик, вместе с платьем сдерну на локти и схвачу за грудь. Потискаю, помну. Потяну за соски — могу делать, что хочу, ей не рыпнуться, руки-то — понимаешь? — платьем пришпилены к бокам... Когда набалуюсь с титьками, задеру подол. Вздерну до пупа. Трусики оставлю, они такие

шелковые, тонкие, их можно оттянуть вбок и прямо в них... — Слова угасли. Когда Фрейзер вновь заговорил, тон его изменился, став тусклым и нехвастливым. — Однажды я вот так поимел девушку. Запомнилось. Не красавицу.

Он замолчал. Потом тихо выругался. Фрейзер заворочался, сетка под его тюфяком прогнулась, и Дункан поспешно отдернул пальцы. Фрейзер повернулся на бок и замер, но в этой неподвижности угадывалось скрытое напряжение, словно он затаил дыхание и что-то прикидывал. Затем он снова пошевелился, натягивая одеяло, но движение выглядело нарочным и неестественным, призванным скрыть другое, тайное...

Дункан догадался, что Фрейзер сунул руку в штаны и потихоньку дрочит.

В тюрьме этим занимались всегда. Это было предметом шуток, насмешек и бахвальства; одно время Дункан сидел в камере с парнем, который ублажал себя не ночью под одеялом, а внаглую, средь бела дня. Дункан привык отворачиваться, как приучился избегать вида, звуков и запахов других заключенных, когда те рыгали, пускали ветры или испражнялись на параше. Но сейчас, в кромешной тьме камеры, в этой странной тревожной атмосфере, созданной песнями Аткина

и Миллера, он с ужасающей отчетливостью был осведомлен о вороватом и беззащитном, умышленном и постыдном занятии руки Фрейзера. На пару секунд Дункан замер, не желая выдавать своего бдения. Но затем понял, что неподвижность лишь обостряет чувства: он слышал легкое пыхтенье, запах испарины и даже, казалось, улавливал ритмичное, похожее на тиканье часов, влажное чмоканье кожи на открывавшейся головке... Удержаться было невозможно. Дункан почувствовался, как дрогнул и отвердел его собственный член. Еще минуту он лежал абсолютно неподвижно, если не считать плоти, что пружинисто крепла между ног, а затем повторил вороватый и обманный маневр Фрейзера: накрылся одеялом, скользнул рукой в пижамные штаны и взял себя в кулак.

Левой рукой он коснулся напружинившейся сетки над головой и ощутил лихорадочные толчки и сотрясение, которые транслировали безостановочный ход Фрейзерова кулака. Кончиком пальца Дункан зацепился за ячейку сетки, будто пристегнув себя к ней, а правая рука уже трудилась над членом.

Вскоре он почувствовал, как Фрейзер содрогнулся, и сетка замерла; но его собственную руку

уже ничто не могло остановить, и через мгновенье судорожными толчками выплеснулась сперма, показавшаяся обжигающе горячей. Он замычал, а может, это в ушах ревела кровь...

Но вот рев стих, и осталась лишь тишина, оглушительный покой тюремной ночи. Будто закончился некий припадок, приступ безумия; Дункан вспомнил, как только что дергался, задыхался и цеплялся за сетку, точно какой-то зверек.

Прошла еще минута, прежде чем Фрейзер пошевелился. Зашуршала простыня — вытирается, догадался Дункан. Шорох стал яростным, а потом Фрейзер сунул кулаком в подушку.

— Пропади пропадом эта тюряга, которая превращает нас в пацанов! Слышь, Пирс? Что, понравилось? А? Эй!

— Нет, — наконец ответил Дункан; во рту пересохло, язык лип к небу. Слово выговорилось шелестящим шепотом.

Он вздрогнул. Шконки качнулись, и что-то теплое легко шлепнулось ему на щеку. Пальцы ощутили нечто мокрое и липкое. Видимо, Фрейзер свесился с койки и щелчком пульнул в него спермой.

— Да нет, понравилось! — зло сказал он. Голос звучал совсем близко. Потом Фрейзер откачнулся

на место и натянул одеяло. — Тебе очень понравилось, сучонок хренов.

4

— Боже мой! — сказала Хелен, открыв глаза. — Что это?

— С днем рожденья, милая! — Кей поставила поднос на край постели и потянулась с поцелуем.

До чего же она хороша: сухое тепло гладкой щеки, волосы чуть кудрявятся, как у сонного ребенка. Лежит, моргает; теперь подтянулась и села в кровати, сунув под спину подушку. Еще не вполне проснулась, движения неловки; вот зевнула и пальчиками выковыривает крошки сна из уголков припухших глаз.

— Ничего, что я тебя разбудила? — спросила Кей. Было раннее утро субботы; она вернулась с ночного дежурства, но уже час как встала, одевшись в приличные брюки и свитер. — Терпежу не хватило. Вот, посмотри.

На колени Хелен она поставила поднос: вазочка с букетиком бумажных цветов, фарфоровые горшочки и чашки, тарелка под перевернутой миской и обвязанная шелковой лентой розовая коробка с атласной пижамой. Хелен вежливо и чуть смущенно перебирала подарки.

— Какие милые цветочки! Ой, какая коробка!

Казалось, она никак не может проснуться и через силу изображает радость и восторг. «Зря я ее разбудила», — подумала Кей.

Но вот Хелен подняла крышки фарфоровых горшочков.

— Джем! — воскликнула она. — И кофе! — (Вот так-то лучше.) — Ох, Кей!

— Кофе настоящий. А теперь здесь посмотри.

Кей пододвинула перевернутую миску, и Хелен ее подняла. В тарелке на бумажной салфетке лежал апельсин. Кей полчаса над ним трудилась, кончиком овощного ножа вырезая на кожуре «С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ».

Хелен улыбнулась по-настоящему — сухие губы разъехались, открыв белые мелкие зубы.

— Как здорово!

— «Эр» маленько не получилась.

— Прекрасно получилось. — Хелен понюхала апельсин. — Где ты его достала?

— Да так, — неопределенно ответила Кей, наливая кофе. — В темноте оглушила ребятенка и отняла. Открой подарок.

— Сейчас. Писать хочу. Подержи поднос, ладно?

Хелен побежала в ванную. Кей поправила от-

кинутое одеяло, чтобы постель не остыла. От простыней исходило ощутимое тепло, оно коснулось ее лица, точно пар или дымок. Держа на коленях поднос, она поправила цветы и полюбовалась апельсином, слегка огорчаясь из-за корявой «эр».

— Ну и страшилищем же я проснулась! — засмеялась Хелен, вернувшись в спальню. — Прямо растрепа-недотепа! — Она умылась, почистила зубы и постаралась угомонить облако волос.

— Не придумывай, — сказала Кей. — Иди сюда. — Она протянула руку, и Хелен позволила привлечь себя для поцелуя. От холодной воды ее губы казались прохладными.

Она вновь забралась в постель, Кей села рядом. Они пили кофе и ели тосты с джемом.

— Съешь свой апельсин, — сказала Кей.

Хелен повертела его в руках.

— Думаешь? Жалко. Лучше сберегу.

— Вот еще! Давай ешь.

Хелен надорвала кожуру, очистила и разделила апельсин на дольки. Кей взяла одну, остальные велела съесть Хелен. Чуть лежалый апельсин был суховат — дольки распадались слишком легко. Но во рту они отдавали сок, создавая восхитительное ощущение.

— Теперь открывай подарок, — нетерпеливо сказала Кей, когда с апельсином было покончено.

Хелен прикусила губу.

— Страшно! Такая красивая коробка!

Вновь засмущавшись, она шутливо потрясла коробку над ухом. Затем стала чрезвычайно осторожно освобождать от ленты крышку.

— Да просто сдерни! — засмеялась Кей.

— Не хочу попортить.

— Это не важно.

— Важно. Она такая красивая.

Хелен испуганно ойкнула, когда, сняв наконец крышку, накренила к себе коробку и сквозь расступившиеся бумажные покрывала на ее колени плавно, точно ртуть, вывалился пижамный гарнитур. На мгновенье она замерла, потом, словно нехотя, подняла блузу.

— Ох, Кей!

— Нравится?

— Такая красивая! Даже слишком красивая! Наверное, стоит кучу денег. Где ты ее достала?

Кей улыбнулась и, не ответив, подняла рукав блузы.

— Видишь, какие пуговицы?

— Ага.

— Костяные. Здесь на рукаве тоже.

Хелен прижала блузу к лицу и закрыла глаза.

— Цвет тебе идет, — сказала Кей. Хелен молчала, и она спросила: — Тебе вправду нравится?

— Конечно, милая. Но... я не заслуживаю.

— Не заслуживаешь? О чем ты?

Хелен тряхнула головой и, рассмеявшись, открыла глаза.

— Ни о чем. Просто я глупая.

Кей отодвинула поднос, чашки с тарелками и бумагу.

— Примерь, — попросила она.

— Что ты! Сначала надо помыться.

— Чепуха. Надевай. Хочу увидеть тебя в ней.

Хелен медленно выбралась из постели, стянула ветхую ночнушку, влезла в пижамные штаны и застегнула блузу. Штаны стягивались шнурком. Блуза завязывалась на поясе; она была свободного покроя, но под ниспадающим атласом отчетливо проглядывали бугорки грудей с торчащими сосками. Хелен застегнула и отвернула манжеты, однако длинные рукава тотчас складками стекли почти до кончиков пальцев. Она будто стеснялась оценивающего взгляда Кей, которая присвистнула:

— Ты бесподобна! Прямо Грета Гарбо[42] в «Гранд-отеле»!

По правде, ничего бесподобного не было: Хелен выглядела молоденькой, маленькой и довольно угрюмой. В прохладной комнате атлас холодил кожу, Хелен вздрагивала и дышала на руки. Потом снова чуть ли не раздраженно завозилась с рукавами, разок взглянула на себя в зеркало и тотчас отвернулась.

У Кей слегка закололо сердце. В такие моменты любовь казалась чудом — просто невероятно, что Хелен, столь прелестная, такая красивая и чистая, здесь, рядом, и на нее можно смотреть, можно ее коснуться... Нет, невообразимо, чтобы она была где-то в ином месте, с другой любовницей. Кей знала, что никто другой не сумеет ее любить, как она. Может быть, Хелен появилась на свет, была ребенком, взрослела, совершала все свои важные и незначительные поступки только ради того, чтобы в этот миг оказаться здесь и босой стоять в атласной пижаме, а Кей ею любовалась.

---

42 Примечания: 42

Грета Гарбо (1905-1990) — киноактриса, настоящее имя Грета Густафссон, по национальности шведка. В 1926 г. начала сниматься в Голливуде и вскоре стала легендой в мире кино, чему в немалой степени способствовали амплуа роковых женщин и чрезвычайно замкнутый образ жизни; в 1941 г. перестала сниматься. Реплика из фильма «Гранд-отель» (1932) «Хочу, чтобы меня оставили в покое» стала своеобразной визитной карточкой актрисы.

Хелен отошла от зеркала.

— Не уходи, — сказала Кей.

— Я хотела помыться.

— Погоди еще.

Кей встала с кровати, прошла через комнату и обняла Хелен. Пальцами провела по лицу, поцеловала в губы. Руки скользнули под атласную блузу, коснувшись гладкой теплой спины. Кей развернула Хелен к себе спиной и обхватила ее грудь, ощутив в ладонях ее тяжесть. Провела рукой по выпуклым ягодицам и полным бедрам под скользким атласом. Щекой прижалась к ее уху.

— Ты прекрасна.

— Нет, — сказала Хелен.

Кей повернула ее лицо к зеркалу.

— Неужто сама не видишь? Ты прекрасна. Я это поняла, едва тебя увидела. Тогда я держала в руках твое лицо. Ты была гладкая, как жемчужина.

Хелен закрыла глаза.

— Я помню.

Они поцеловались. Поцелуй длился. Но потом Хелен отстранилась.

— Опять писать хочу, — сказала она. — Извини, Кей. И мне вправду нужно помыться.

Атлас помог легко выскользнуть из объятий; Хелен засмеялась, игриво, но решительно укло-

няясь от губ Кей, точно нимфа, спасающаяся от сатира. Она прошла в ванную и заперла дверь. Послышались шум льющейся воды, гуденье пламени в горелке, а чуть позже — трение пяток об эмаль ванны.

Турку с кофе Кей отнесла в гостиную и поставила у камина. Потом вернулась в спальню, убрала поднос, заправила постель, сложила мятые салфетки. Вазочку с цветами поставила в гостиной на стол рядом с поздравительными открытками от родных из Уэртинга, которые пришли со вчерашней почтой. Подвинула стул. Под ножками обнаружилась россыпь каких-то крошек. Из кухни принесла щетку и совок, подмела.

Кей жила здесь почти семь лет. Она никогда не рассказывала Хелен, что квартира досталась ей от бывшей любовницы — можно сказать, проститутки, которая водила сюда клиентов. В то время Кей вела довольно сумбурную жизнь. Было слишком много денег, слишком много выпивки, и она бросалась из одного неудачного романа в другой... В конце концов подруга сошлась с каким-то дельцом и переехала в Мейфэр, а квартиру оставила как прощальный подарок.

Кей любила ее больше всех своих прежних жилищ. Нравилась планировка в виде буквы

«Г». Нравилось, что окна выходят на забавный маленький конный двор. Склад по соседству раньше принадлежал мебельным магазинам с Тоттнем-Корт-роуд; до войны Кей стояла у окна и смотрела, как в мастерских парни и девушки расписывают гирляндами и купидонами красивые старинные столики и стулья. Теперь мастерские закрыли. На складе хранилась плохонькая мебель для министерства торговли. То, что здесь было столько дерева, лака и краски, делало конюшни крайне небезопасным местом. Однако при мысли о переезде у Кей сжималось сердце. Квартира вызывала те же чувства, что Хелен: это нечто особое, тайное и принадлежит только ей.

Кей потрогала турку — не остыл ли кофе. Коробка с сигаретами на каминной полке напомнила о портсигаре в кармане. Кей его вынула и стала наполнять. Услышав, что Хелен вышла из ванной и одевается, крикнула через холл:

— Чем сегодня займемся? Чего бы тебе хотелось?

— Не знаю, — ответила Хелен.

— Могу сводить тебя в шикарный ресторан. Ты как?

— Ты и без того уже столько на меня угрохала.

— Да хрен-то с ним, как скажет Бинки. Хочешь

обалденный обед?

Ответа не последовало. Кей захлопнула и сунула в карман портсигар. В чашку Хелен налила кофе и понесла в спальню. В лифчике, нижней юбке и чулках Хелен тщательно расчесывала волосы, стараясь превратить кудряшки в волны. Очень аккуратно сложенная пижама лежала на кровати.

Кей поставила чашку на туалетный столик.

— Хелен...

— Да, милая?

— Ты какая-то ужасно рассеянная. Хочешь куда-нибудь съездить? Ну там, в Виндзорский замок. Или в зоопарк?

— В зоопарк? — Хелен рассмеялась, но тотчас нахмурилась. — Боже, я чувствую себя ребенком, которому тетушка предлагает развлечения.

— Что ж, в день рожденья так и полагается себя чувствовать. Кроме того, ты сама упомянула Виндзорский замок — и зоопарк тоже, когда на прошлой неделе мы обсуждали, чем займемся.

— Я помню. Извини, Кей. Но Виндзор — туда бог знает сколько ехать. С поездами полная жуть. — Хелен подошла к гардеробу и стала перебирать платья. — Ведь к семи тебе на работу.

— До семи вагон времени. — Кей увидела, какое

платье Хелен снимает с плечиков. — Думаешь, это?

— Тебе не нравится?

— Все-таки день рожденья. Надень то, от Седрика Аллена. Оно мне больше по вкусу.

— Уж очень нарядное, — засомневалась Хелен, но вернула на место первое платье и достала темно-синее с кремовыми отворотами.

Два года назад оно стоило два фунта, купила его, естественно, Кей. Она покупала большую часть вещей Хелен, особенно в ту пору. Краешек подола слегка морщил на сгибе, где пришлось заштопать потертости, но в остальном платье выглядело как новенькое. Встряхнув, чтобы расправилось, Хелен в него шагнула.

— Иди сюда, — протянула руки Кей. — Я тебя застегну.

Хелен подошла, повернулась спиной и приподняла волосы. Кей поддернула платье на плечах, чтобы лучше село, свела половинки над ягодицами и стала застегивать крючки. Медленно. Женская спина ей всегда нравилась. К примеру, нравились облегающие вечерние платья, когда плечи обнажены, а сведенные вместе лопатки вдруг открывают прогал между телом и тканью, в котором мелькнет краешек белья или тугая

розовая плоть... У Хелен спина плотная, не мускулистая, но полная и упругая. Красивая шея с пушком светлых волос. Справившись с последним крючком и петелькой, Кей поцеловала ее в шею. Потом обняла за талию, положила руку на живот и прижала к себе.

Хелен потерлась щекой о ее подбородок.

— Кажется, ты собиралась идти.

— Ты потрясающе выглядишь в этом платье.

— Может, снять его, раз оно тебя так заводит?

— Может, я сама его сниму?

Хелен дернулась:

— Не сходи с ума.

Кей засмеялась и отпустила ее.

— Ладно... Так что насчет зоопарка?

Хелен склонилась над туалетным столиком, выглядывая сережки.

— Зоопарк? — опять нахмурилась она. — Ну, может быть. А это не будет смешно? Две взрослые женщины...

— Разве это важно?

— Нет, — помолчав, сказала Хелен. — Наверное, нет. — Она села надеть ботинки, наклонилась, и волосы упали ей на лицо. — Звать никого не будешь? — небрежно добавила она, когда Кей выходила из комнаты.

— Звать? — удивленно обернулась Кей. — В смысле, кого-нибудь вроде Микки?

— Да, — после паузы сказала Хелен. — Не надо, просто подумалось.

— Хочешь, по дороге заглянем к ней?

— Да нет, все и так хорошо, правда.

Хелен засмеялась и выпрямилась; она вся раскраснелась, пока в наклоне завязывала шнурки.

В конечном счете в зоопарк они не пошли. Хелен сказала, что ее все же не греет мысль глазеть на кучу несчастных тварей, запертых в клетках и загонах. Они прогуливались, но потом увидели автобус, шедший в Хэмпстед, и побежали, чтобы успеть на него. Вышли на Хай-стрит, в маленьком кафе перекусили сардинами с чипсами, заглянули в пару букинистических лавок и симпатичными улицами в сумбурной красно-кирпичной застройке направились к Хиту. Хелен не возражала, чтобы они шли под руку — субботним полднем в Хэмпстед-Хите женщины не редкость, это место прогулок некрасивых принарядившихся дам, старых дев и собак.

Правда, гуляло много и молодых пар. Некоторые девушки были в брюках, но большинство — в военной форме или неброской строгой одежде, которая в те дни сходила за выходное платье.

Обмундирование парней передавало все оттенки хаки и темно-синего — формы поляков, норвежцев, канадцев, австралийцев и французов.

День выдался холодный. От белесого неба резало глаза. Кей с Хелен не были здесь с лета, когда приезжали купаться в Дамском пруду, запомнившемся в окружении буйной красивой зелени. Сейчас сквозь абсолютно голые деревья там и сям просматривались обнесенные колючей проволокой позиции противовоздушных батарей и военная техника. Давно облетевшая листва превратилась в прихваченный морозцем перегной и смотрелась неприглядно, напоминая сгнившие плоды. Во многих местах земля была изрыта осколками и разворочена колесами грузовиков, а в западной части парка зияли огромные, разной глубины котлованы и ямы, откуда брали землю для песочных мешков.

Стараясь держаться подальше от сего грустного зрелища, Кей с Хелен бродили бесцельно, но тропинки выбирали укромные. На пересечении двух широких дорожек они свернули на север, и вскоре тропа, пробежав через холмистый лесок, привела их к озеру. Вода в нем полностью замерзла. На островке из веток сгрудилось около дюжины уток, похожих на беженцев.

— Бедненькие! — сказал Хелен, сжимая руку Кей. — Жалко мы хлеба не захватили.

Они подошли к воде. Тонкий, но крепкий ледок был усеян палками и камешками, которые набросала гуляющая публика, надеясь его проломить. Кей оголила руки — оделась она тепло: пальто с поясом, перчатки, шарф и берет — и сама швырнула камешек, просто ради удовольствия посмотреть, как он заскачет. Затем подошла к самому краю воды и носком ботинка придавила лед. Прибыла пара любопытных ребятишек, и она показала им серебристые пузырьки воздуха, вздувавшиеся во льду, а потом, сев на корточки, выломала и разбила на куски зазубренные льдины, которые мальчишки увлеченно метали и давили каблуками. Раздавленный лед превращался в белое крошево, совсем как стекло в разбомбленных домах.

Хелен смотрела с места, где Кей ее оставила. Руки в перчатках она засунула в карманы, подняла воротник пальто и до бровей натянула свободную вязаную шапочку вроде шотландского берета. На губах ее застыла странная улыбка — мягкая, но встревоженная. Выудив ребятам последнюю льдинку, вернулась Кей.

— Что-то не так? — спросила она.

Хелен покачала головой и широко улыбнулась.

— Нет, ничего. Так приятно на тебя смотреть. Ты совсем как мальчишка.

Кей похлопала озябшими руками, сбивая грязь.

— Лед всех превращает в мальчишек, правда? Когда я была маленькой, озеро в наших местах иногда замерзало. Оно гораздо больше. А может, только казалось огромным. Мы с Томми и Джеральдом выбегали на лед. Бедная мама! Так переживала, все боялась, что мы утонем. Я не понимала. Все мальчики, которых она знала, разумеется, гибли один за другим... Ты замерзла?

Хелен поежилась.

— Немного, — кивнула она.

Кей огляделась.

— Здесь где-то есть кафе-молочная. Можем выпить по чашке чая. Хочешь?

— Да, пожалуй.

— И в честь дня рожденья надо съесть пирожное или плюшку. Ага?

Хелен сморщила нос:

— Чего-то не очень хочется. Наверняка подадут какую-нибудь гадость.

— Все равно надо.

Кей вроде бы помнила, где находится кафе. Она просунула руку под локоть Хелен, притянула ее к себе и повела по дорожке; они шли минут двадцать, однако ничего не нашли. Вернулись к замерзшему озеру и выбрали другую тропинку. Чуть погодя Кей воскликнула:

— Вот оно!

Однако, подойдя ближе, они увидели обгоревшее здание с закопченными стенами и разбитыми окнами, в которых болтались клочья занавесок. Записка на дверях извещала: «Разбомбило в прошлую субботу». Ниже кто-то прикрепил унылый бумажный флажок «Юнион-Джек», наподобие тех, что до войны втыкали в песочные замки, выстроенные на пляже.

— Черт! — вздохнула Кей.

— Ничего, мне не особенно и хотелось.

— Где-нибудь есть другое кафе.

— Вот выпью чаю, и захочется в туалет.

Кей засмеялась:

— Милая, в туалет ты захочешь в любом случае. Нет уж, в свой день рожденья ты должна съесть пирожное.

— Я уже выросла из пирожных, — чуть досадливо сказала Хелен. Потом достала платок и высморкалась. — Господи, холодно-то как! Лучше

ходить.

Она улыбалась, но как-то рассеянно и отстраненно. Наверное, погода виновата, решила Кей. На такой холодрыге не очень-то повеселишься.

Кей прикурила две сигареты. Они снова вернулись к озеру и пошли через лесок, шагая быстрее, чтобы согреться. Теперь тропинка показалась Кей знакомой. Вдруг вспомнив давнишний полдень, она машинально сказала:

— Кажется, однажды я гуляла здесь с Джулией.

— С Джулией? — переспросила Хелен. — Когда это было?

Она говорила с наигранной легкостью, но смутилась. «Черт!» — подумала Кей и ответила:

— Даже не знаю, сто лет назад. Помню что-то вроде моста.

— Какого моста?

— Ну, мост. Смешной мостик над прудом, в стиле рококо.

— А где это?

— Мне казалось, здесь, но теперь уж и не знаю. Наверное, он вроде Шангри-Ла,[43] которую найдешь, если не ищешь.

---

43 Примечания: 43

Шангри-Ла — волшебная страна в романе английского писателя Джеймса Хилтона (1900-1954) «Утерянный горизонт» (1935), ставшая нарицательным именем мечты, утопии, блаженства.

Лучше бы я молчала, думала Кей. Теперь Хелен наигрывает заинтересованность, чтобы снять неловкость, возникшую при имени Джулии. Они шли дальше. Кей нерешительно повела в одну сторону, потом в другую и уже хотела плюнуть на поиски, как вдруг тропинка расширилась, и они увидели именно то, что искали.

Мостик оказался далеко не столь хорош, каким запомнился: простенький, вовсе не в стиле рококо. Но Хелен тотчас на него взошла и склонилась, словно очарованная прудом.

— Я представляю здесь Джулию, — улыбнулась она, когда Кей встала рядом.

— Правда? — спросила Кей.

Думать о Джулии не особенно хотелось. Она посмотрела на пруд, тоже замерзший и замусоренный, со своим отбившимся отрядом беженок-уток. Затем перевела взгляд на профиль Хелен, на ее горло и щеки, наконец-то порозовевшие от вроде бы искреннего живого интереса, увидела кремовый отворот платья, мелькнувший за воротником пальто, а под ним — гладкую чистую кожу. Кей вспомнила, как в спальне застегивала нарядное платье, вспомнила скользкий шелк пижамы и теплую тяжесть грудей Хелен на своих ладонях.

Жаром обдало желание. Кей взяла Хелен за руку и притянула к себе. Хелен увидела ее глаза и тревожно огляделась.

— Кто-нибудь увидит, — сказала она. — Не надо, Кей.

— Не надо — что? Я только смотрю на тебя.

— Я знаю, как ты смотришь.

Кей пожала плечами.

— Может, я... Вот. — Она стала расстегивать сережку Хелен и заговорила тише: — Может, я поправляю твою сережку. Предположим, она зацепилась. Надо же ее вот так расстегнуть, правда? Любой так поступит. Нужно откинуть твои волосы, это же естественно. И мне нужно встать ближе...

Кей вынула сережку и разглаживала холодную чистую мочку.

Хелен вздрогнула и повторила:

— Кто-нибудь увидит.

— Нет, если мы быстро.

— Не дури, Кей.

Кей ее поцеловала, однако Хелен почти грубо вырвалась. Кто-то все же появился — миловидная женщина выгуливала пса. Она бесшумно и словно ниоткуда возникла на другой стороне моста.

Разглядывая сережку, Кей будничным голосом

сказала:

— Нет, без толку. Наверное, придется отдать в ремонт.

Хелен повернулась к ней спиной и замерла, будто прикованная какой-то деталью в пейзаже.

Кей перехватила взгляд женщины и улыбнулась. Та ответила неуверенной улыбкой. Вероятно, она углядела финал объятья, но была озадачена и пребывала в растерянном недоумении. Притрусил пес и стал обнюхивать ботинки Хелен. Казалось, он прилип навечно.

— Дымок! — закричала женщина, багровея лицом. — Дымок! Плохая собака!

— О боже! — сказала Хелен, когда пара ушла. Наклонив голову, она вставляла сережку, пальцы лихорадочно возились с застежкой.

Кей рассмеялась:

— Ну и что такого? Сейчас не девятнадцатый, блин, век.

Хелен не улыбнулась. Помрачнев, она сжала губы и все никак не могла справиться с сережкой. Кей хотела помочь, но Хелен резко отпрянула. Кей отстала. «Столько переживаний из-за ерунды», — подумала она. Достала сигареты и предложила Хелен. Та помотала головой. Дальше пошли молча, раздельно.

Выйдя к дорожке, по которой пришли, они, не сговариваясь, свернули на другую, бежавшую на юг, и вскоре увидели, что она ведет к вершине Парламентского холма. Вначале пологий, склон становился все круче; Кей искоса поглядывала на Хелен, которая, тяжело дыша, шагала порывисто и, казалось, распаляет себя, выискивая повод, чтобы обрушиться с жалобами и обвинениями... Но вот они добрались к вершине и увидели открывавшуюся панораму. Лицо Хелен смягчилось, опять став милым и приятным.

Отсюда был виден весь Лондон, все его достопримечательности; расстояние и дым из множества труб, сетью висевший в прохладном безветрии, придали некий флер очарования даже грудам развалин и домам без крыш.

Штук пять аэростатов, которые плавали в небе, медленно поворачивались, отчего казалось, что они то разбухают, то съеживаются. Будто свиньи на скотном дворе, подумала Кей. Они придавали городу веселый уютный вид. Кое-кто из гуляющих фотографировал.

— Вон собор Святого Павла, — говорила девушка своему приятелю, американскому солдату. — Вон Парламент. А там...

— Тихо ты! — оборвал ее солдат. — Кругом

шпионы!

Девушка замолкла.

Затенив глаза от сияния белесого неба, Хелен и Кей вместе со всеми любовались видом. Чуть дальше по дорожке освободилась скамейка, и Кей метнулась ее занять. Медленно подошла Хелен. Села, наклонилась вперед и нахмурилась, не сводя взгляда с города.

— Изумительно, правда? — сказала Кей.

— Да, — кивнула Хелен. — Жаль, что дымка.

— Без нее пропало бы очарование. Так романтичнее.

Хелен вглядывалась в панораму.

— Кажется, вон там вокзал Сент-Панкрас, — тихо сказала она, оглянувшись на бдительного воина.

— Да, вроде бы.

— А вон университет.

— Ага. Ты что ищешь? Рэтбоун-Плейс? Отсюда, наверное, не разглядеть.

— А это Воспитательный дом, — будто не слыша, продолжала Хелен.

— Он к юго-западу от парка Корамз-Филдз. Вон там, наверное, Портленд-Плейс, — показала Кей. — Где-то рядом с ним.

— Да, — невнятно сказала Хелен.

— Видишь? Да ты не туда смотришь.

— Да.

Кей положила руку на запястье Хелен.

— Милая, ты...

— Господи! — Хелен отдернула руку. — Неужели обязательно так меня называть?

Она почти прошипела, вновь озираясь. Лицо ее побледнело от холода и раздражения. Ярко выделялись губы в помаде.

Кей отвернулась. Накатила волна не столько злости, сколько досады — на погоду, Хелен, весь этот день и всю чертову передрягу.

— Да ради бога.

Кей закурила, не предлагая Хелен. Дым горчил, как и прокисшее настроение.

Помолчав, Хелен тихо сказала, глядя в стиснутые на коленях руки:

— Прости, Кей.

— Что с тобой такое?

— Немного грустно, только и всего.

— Умоляю, не сникай, иначе... — Кей отбросила сигарету и понизила голос, — мне придется тебя обнять. Вообрази, как тебе будет противно.

Настроение вновь переменилось. Горечь исчезла, ушла на глубину столь же резво, как и поднялась; в конце концов, досада — слишком

тяжкий груз, чтобы таскать его с собой. Душу заполнила нежность. Даже сердце заныло.

— И ты меня прости, — ласково сказала Кей. — Наверное, дни рождения приносят радость не столько самим новорожденным, сколько поздравителям.

Хелен подняла взгляд и улыбнулась, но грустно.

— Видимо, мне не нравится число двадцать девять. Странный возраст, правда? Лучше бы его проскочить и сразу стать тридцатилетней.

— Тебе очень идет этот возраст. — В голосе Кей слышалось пресловутое благородство. — И любой пойдет...

Хелен вздрогнула.

— Не нужно, Кей. Не нужно... быть со мной такой милой.

— Как же не быть с тобой милой!

— Не надо... — Хелен покачала головой. — Я не заслуживаю.

— Утром ты уже говорила.

— Потому что это правда. Я...

Хелен посмотрела на город, в ту же сторону, куда глядела раньше, и замолчала. Кей озадаченно ждала продолжения, потом ласково ткнула ее кулаком в плечо.

— Эй, все это пустяки, — тихо сказала она. — Мне хотелось устроить особенный день, вот и все. Вероятно, не стоило ждать, что получится, когда идет война. На будущий год... Кто его знает, может, война закончится. Отметим как следует. Я тебя куда-нибудь увезу! Во Францию! Хочешь?

Хелен не ответила. Она повернулась к Кей, и взгляд ее стал очень серьезным. Помолчав, она шепотом спросила:

— Я тебе не надоем вот такой — гадкой и сварливой старой девой?

Секунду Кей не могла ответить. Затем так же тихо сказала:

— Ведь ты моя девочка, правда? Ты мне никогда не надоешь, и ты это знаешь.

— А вдруг?

— Никогда. Ты моя навеки.

— Если бы так. Пусть бы... пусть бы жизнь была иной. Почему она не станет другой? Противно, что надо таиться... — Хелен остановилась, пережидая, пока мимо пройдет гулявшая под руку молчаливая пара, и заговорила еще тише: — Противно таиться и жить украдкой, изворачиваться, словно червяк. Если бы мы могли пожениться, или что-то в этом роде.

Кей сморгнула и отвернулась. Невозможность

стать для Хелен мужем, сделать ее своей женой, подарить ей детей — это трагедия ее жизни... Они помолчали, невидяще глядя на город, потом Кей тихо сказала:

— Давай отвезу тебя домой.

Хелен дергала пуговицу на пальто.

— Останется пара часов до твоей службы.

Кей заставила себя улыбнуться:

— Что ж, я знаю способ, как убить часок-другой.

— Ты понимаешь, о чем я. — Хелен подняла взгляд, и Кей увидела, что она вот-вот заплачет. — Можешь сегодня остаться со мной?

— Что случилось, Хелен? — всполошилась Кей.

— Просто... не знаю. Мне хочется, чтобы ты была со мной, вот и все.

— Я не могу. Никак. Я должна быть на службе. Ты же знаешь.

— Ты всегда уходишь.

— Я не могу, Хелен... Господи, не смотри на меня так! Если стану думать, что ты одна дома, что тебе плохо, я...

Они сдвинулись ближе, но опять показались мужчина с девушкой, неторопливо вышагивавшие по дорожке, и Хелен отпрянула. Она достала платок и вытерла глаза. Кей была готова

убить парочку, которая, как все, остановилась полюбоваться видом. Желание обнять Хелен и понимание, что делать этого нельзя, корежили до одури.

Когда пара двинулась дальше, Кей взглянула на Хелен и сказала:

— Обещай, что вечером грустить не будешь.

— Буду вне себя от радости, — уныло ответила Хелен.

— Обещай, что тебе не будет одиноко. Скажи... скажи, что пойдешь в бар, напьешься и подцепишь какого-нибудь парня, солдата...

— Ты этого хочешь?

— Очень... Ты же знаешь, что нет. Я бы утопилась. Ты — единственное, что делает эту проклятую войну переносимой.

— Кей...

— Скажи, что любишь меня, — прошептала Кей.

— Я люблю тебя, — сказала Хелен. Она зажмурилась, словно для большей убедительности, голос вновь звучал искренне: — Я очень тебя люблю, Кей.

*

— Ну как ты, сынок? — спросил отец, усевшись рядом с Вив. — С тобой тут нормально обращаются, а?

— Да, — ответил Дункан. — Вроде бы.

— А?

Дункан прокашлялся.

— Я говорю, да, нормально.

Отец кивнул, лицо его жутко напряглось от старания прочесть по губам. Дункан понимал, что обстановка для отца здесь самая неподходящая. В комнате было шесть столов, их — последний; за каждым столом по два заключенных, напротив — посетители; все орали. Соседом Дункана оказался человек по фамилии Ледди — почтовый чиновник, осужденный за подделку денежных переводов. Рядом с Вив сидела его жена. Дункан видел ее и раньше. На каждом свидании она устраивала мужу скандал.

— Если ты думаешь, что я счастлива, когда в мой дом заявляется такая баба... — верещала она сегодня.

За соседним столом сидела девушка с грудным ребенком. Она подкидывала дите вверх-вниз, чтобы оно улыбнулось папаше. Но младенец

лишь надсадно вопил, точно сирена, потом судорожно всхлипывал и вновь заходился в крике. Помещение представляло собой обычную тесную тюремную комнату с обычно задраенными тюремными окнами. И запах стоял обычный, тюремный — пахло немытыми ногами, закисшими швабрами, скверной едой и дурным дыханием. Однако над традиционными запахами плавали и другие, гораздо более тревожащие: запахи духов, пудры, перманента, а еще — детей, а еще — машин, собак, тротуаров и вольного воздуха.

Вив сняла пальто. Она была в бледно-лиловой блузке с перламутровыми пуговками, которые притягивали взгляд Дункана. Он и забыл, что бывают такие пуговицы. Забыл, какие они на ощупь. Хотелось перегнуться через стол и хоть секунду подержать одну в пальцах.

Поймав его взгляд, Вив смущенно заерзала. Она сложила на коленях пальто и спросила:

— Нет, правда, как ты? Все хорошо?

— Ну да, все нормально.

— Ты очень бледный.

— Да? Ты уже говорила в прошлый раз.

— Вечно я забываю.

— Ну и как тебе прошедший месяц, сынок? — громко спросил отец. — Страшновато, а? Я сказал

мистеру Кристи: немец продыху не дает, загибает нам салазки. Вот уж ночка была пару дней назад! Так бухало, что даже я проснулся! Можешь представить, как грохотало.

— Представляю. — Дункан пытался улыбнуться.

— Дом мистера Уилсона теперь без крыши.

— Мистера Уилсона?

— Ты его знаешь.

— Маленькими мы к ним ходили, — сказала Вив, заметив мучения Дункана. — Мужчина с сестрой, они угощали нас конфетами. Не помнишь? У них еще была птичка в клетке. Ты все хотел ее покормить.

— ...здоровенная девка, — говорила жена Ледди, — да еще с такими привычками! Блевать тянет...

— Не помню, — сказал Дункан.

Из-за глухоты запоздав на такт, отец покачал головой.

— Нет, это просто уму непостижимо, когда все стихает. Ведь грохотало так, будто мир расшибся в лепешку. Прямо шалеешь от того, что многие дома все еще целы. Вспоминаешь, как все начиналось. Кажется, это называлось «Маленький блицкриг», да? — Отец адресовал вопрос Вив и снова повернулся к Дункану: — У вас-то здесь,

наверное, не так чувствуется?

Дункан вспомнил темноту, крики Джиггса, надзирателей, спешащих в укрытие. Поерзав на стуле, он сказал:

— Смотря что ты подразумеваешь под словом «чувствуется».

Видимо, он промямлил, потому что отец пригнул голову и сморщился.

— А?

— Смотря что... О господи! Нет, здесь не особенно чувствуется.

— Ну да, — снисходительно хмыкнул отец. — Как я и думал.

Шаркая ногами, за спинами заключенных прохаживался мистер Дэниелс. Орал младенец; отец Дункана старался поймать его взгляд и корчил ему рожицы. Через пару столов сидел Фрейзер, к нему приехали родители. Толком разглядеть их не удавалось. Мать в черном и в шляпе с вуалью, будто на похоронах. У отца багровое лицо. О чем говорят, не слышно, но покрытые волдырями руки Фрейзера беспокойно двигаются по столу.

— Отец перешел в другой цех, — сказала Вив.

Дункан сморгнул, а сестра коснулась руки отца и повторила ему в самое ухо:

— Папа, я говорю Дункану, что ты перешел в

другой цех.

— Да, верно, — кивнул отец.

— Вот как? — спросил Дункан. — Ты доволен?

— Там неплохо. Теперь я работаю с Берни Лоусоном.

— С Берни Лоусоном?

— И с Джун, дочерью миссис Гиффорд.

Отец улыбнулся и начал какую-то историю... Дункан почти сразу потерял нить рассказа. Отец не понимает. Вечно пересказывает фабричные шутки и дрязги, словно Дункан по-прежнему дома.

— Стенли Хибберт, Мюриель и Фил, — говорил отец. — Видел бы ты их физиономии! Я сказал мисс Огилви...

Некоторые имена Дункан припоминал, но люди казались призраками. Он смотрел на шевелящиеся отцовские губы, ловил смену выражений на его лице и подавал ответные реплики улыбками и кивками, словно сам был глухой.

— И все шлют тебе привет, — закончил отец. — Они всегда о тебе справляются. Конечно, Памела тоже передает привет. Просила извиниться, что не смогла приехать.

Дункан снова кивнул, на секунду забыв, кто такая Памела. Потом кольнуло — это же его вторая

сестра... За три года она приезжала раза три. Он не особенно огорчался, а вот Вив с отцом всегда тушевались.

— С малышами трудно выбраться, — сказала Вив.

— Да-да, — ухватился за причину отец, — очень тяжело. Ведь сюда детишек не потащишь. Ну разве что повидаться с отцом, это, конечно, другое дело. Знаешь... — он глянул на девушку с вопящим младенцем и безуспешно попытался говорить тише, — я бы не хотел, чтоб мои дети меня видели, окажись я тут. Ничего хорошего. Никаких тебе приятных воспоминаний. Мне вот даже не нравилось, когда вы навещали в больнице мать.

— Но это радость отцам, — сказала Вив. — И маме, наверное, было приятно.

— Ну да, это уж так.

Дункан вновь посмотрел на родителей Фрейзера. Теперь он увидел и самого Роберта, который тоже смотрел вдоль столов. Заметив взгляд Дункана, Фрейзер чуть дернул уголком рта. Потом заинтересованно посмотрел на отца Дункана и Вив... Дункан подумал о ветхом пальто отца. Опустил голову и стал колупать лак столешницы.

Утром он озаботился дочиста отмыть руки и подрезать ногти. На брюках виднелись ост-

рые стрелки, поскольку прошлую ночь он спал, положив их под тюфяк. Волосы были гладко расчесаны и смазаны смесью воска и маргарина. Представляя свидание, каждый раз Дункан хотел произвести впечатление на отца и Вив, хотел, чтобы они подумали: «Он наша гордость!» Но во встрече всегда наступал момент, когда настроение резко падало. Дункан вспоминал, что и раньше они с отцом не знали, о чем говорить друг с другом. И тогда вздымалось удушающее разочарование — в отце, себе и даже Вив. Возникала злобная мысль: надо было прийти с грязными ногтями и нечесаным. Дункан сознавал, что на самом-то деле ему хочется, чтобы отец и Вив поняли, в какой мерзости он пребывает, чтобы увидели в нем этакого героя, который безропотно сносит тяготы, не превращаясь в животное. Всякий раз, когда они заводили разговоры о будничном, словно навещали его не в тюрьме, а в больнице или интернате, разочарование обращалось в ярость. Иногда вялую, и тогда удавалось смотреть на отца без желания броситься на него и ударить в лицо.

Дункан почувствовал, как его трясет. Руки на столе заметно подпрыгивали. Он их убрал и сложил на коленях. Глянул на часы, висевшие на

стене. Еще одиннадцать минут...

Отец опять строил рожи младенцу, и тот притих. Потом они с Вив стали оглядывать комнату. «Я им надоел», — подумал Дункан. Родные казались посетителями ресторана, которые в скучном вечере достигли точки, когда уже нечего сказать, а потому можно разглядывать других обедающих, выискивая в них всякие причуды и изъяны. Он снова посмотрел на часы. Десять минут. Руки все дрожали. Прошибло потом. Возникло дикое желание совершить какое-нибудь жуткое непотребство, чтобы родные его возненавидели. Но вот отец снова к нему повернулся и добродушно спросил:

— Сынок, что за парень сидит в том конце?

— Патрик Грейсон, — презрительно ответил Дункан, словно вопрос был полнейшей глупостью.

— Симпатичный паренек, да? Он новенький?

— Нет. В прошлый раз ты его видел. И сказал, что он симпатичный. У него заканчивается срок.

— Да ну? Вот уж рад-то, наверное. И жена, поди, тоже.

Дункан скривил губы.

— Думаешь? Как только выйдет, заметут в армию. Лучше бы уж оставался. Здесь он хотя бы раз

в месяц видит жену, и уж конечно, нет шансов, что отстрелят башку.

Отец пытался прочесть по губам.

— Что ж, наверное, будет рад исполнить свой долг, — пробормотал он и снова отвернулся. — И вправду, очень симпатичный парень.

Дункан взорвался:

— Ну так иди и разговаривай с ним, раз он тебе так нравится!

— Что? — повернулся отец.

— Дункан! — сказала Вив.

Но Дункана понесло:

— Вижу, тебе хочется, чтоб я оказался на его месте. Чтобы вышел, загремел в армию и мне оторвало башку. Тебе неймется, чтобы армия превратила меня в убийцу...

— Дункан! — повторила Вив, испуганно и устало. — Не глупи.

Однако отец уже разъярился:

— Чего ты несешь! Загреметь в армию, чтобы оторвало башку? Да что ты об этом знаешь? Если б пошел служить, как положено...

— Папа! — сказала Вив.

Отец ее игнорировал либо не услышал.

— Хлебнуть солдатской службы — вот что ему требуется! — говорил он, ерзая на стуле. — Еще

рассуждает! Стыдить меня вздумал! Да мне и так — хоть провалиться со стыда!

Вив коснулась его руки:

— Дункан не хотел тебя обидеть, папа. Правда, Дункан?

Дункан не ответил. Отец ожег его взглядом:

— Здесь ты еще не знаешь, что такое стыд. Но поймешь, когда выйдешь. Узнаешь, едва встретишь на улице ту женщину и ее мужа...

Он говорил о родителях Алека. Отец никогда не произносил его имя. И сейчас он подавился словами, с усилием их проглотив. Лицо его побурело.

— Стыдить вздумал! — повторил он, глядя на Дункана. — Что ты хочешь от меня услышать, мальчишка?

Дункан дернул плечом. Ему уже было стыдно и как-то странно легко. Он опять принялся колупать стол и отчетливо бросил:

— Не приходи, раз тяжело.

Отец вновь завелся:

— Не приходи? Что значит — не приходи? Ты мне все-таки сын!

— Ну и что?

Взбешенный, мистер Пирс отвернулся.

— Дункан! — охнула Вив.

— Что? Он вовсе не обязан приходить.

— Ради бога, Дункан!

По лицу Дункана бродила улыбка. Безрадостная. Чувства метались в сумбуре, как у безумного. Они уподобились воздушному змею, захваченному бурей, и оставалось лишь тянуть за веревку, стараясь не грохнуться... Дункан закрыл рукой рот и выговорил:

— Простите.

Отец побагровел:

— Чего он лыбится?

— Он вовсе не улыбается, — сказала Вив.

— Видела б тебя мать!.. Неудивительно, что ты скурвился.

— Не надо, папа!

— Вивьен нездорова! — наступал отец. — Добиралась к тебе с передышками. Очень ей нужно слушать твой вздор. Скажи спасибо, что она вообще приехала! Другая и утруждаться б не стала, можешь мне поверить.

— Да что они понимают! — встряла жена Ледди. Разумеется, она все слышала. — Посиживают себе. На всем готовеньком. Им невдомек, каково нам-то приходится.

Вив слабо отмахнулась, но промолчала. Вид у нее был хмурый. Дункан вгляделся в ее лицо и увидел не замеченную прежде бледность, скры-

тую пудрой, тени под воспаленными глазами. Внезапно он понял, что отец прав. Он стал противен себе, потому что все испоганил. «Она самая милая, расчудеснейшая сестра на свете!» — осатанело думал он, не сводя с нее глаз. Хотелось вскочить и заорать: «Посмотрите все, какая у меня чудесная сестра!»

Потребовались все силы, вся воля, чтобы усидеть на месте и хранить тягостное молчание. Взглядом он умолял мистера Дэниелса объявить, что время свидания истекло, и наконец с громадным облегчением увидел, как тот сверяет свои часы с настенными, отпирает шкаф и достает колокольчик. Вот пару раз вяло блямкнуло, и шум голосов стал громче. Задвигались стулья. Посетители резво вставали, словно тоже испытывали облегчение. Младенец на руках мамаши вздрогнул и вновь залился плачем.

Отец мрачно встал и надел шляпу. Взгляд Вив говорил: «Браво!»

— Я сожалею, — сказал Дункан.

— Есть о чем. — Они говорили слишком тихо, отец их не слышал. — Знаешь, ты не единственный, кому сейчас тяжело. Подумай об этом.

— Я знаю. Просто... — Объяснить не получалось, и он только спросил: — Тебе вправду нехорошо?

Вив отвернулась:

— Все нормально. Просто устала.

— От бомбежек?

— Наверное, да.

Она встала и натянула пальто. Скрылась бледно-лиловая блузка с перламутровыми пуговками. Вив пригнула голову, и на лицо упала прядь; она заправила волосы за ухо. Дункан вновь отметил скрытую пудрой бледность.

Поцелуи и объятья были запрещены; перед уходом Вив потянулась через стол и коснулась руки Дункана.

— Береги себя, ладно? — без улыбки сказала она и убрала руку.

— Обещаю. Ты тоже себя береги.

— Постараюсь.

Дункан кивнул отцу, желая и боясь посмотреть ему в глаза:

— До свиданья, папа. Прости за глупости, что я наговорил.

Наверное, он сказал недостаточно отчетливо. Еще на его словах отец отвернулся и пригнул голову, взглядом ища руку Вив.

Десять минут назад Дункан был почти готов ударить его, а теперь, навалившись бедром на острый край стола, смотрел, как отец и Вив слива-

ются с толпой посетителей, и не хотел покидать комнату, прежде чем они уйдут, надеясь, что отец обернется.

Но обернулась только Вив — всего один раз, очень коротко. Подошел мистер Дэниелс и наградил тычком:

— Выходи строиться, Пирс. И ты, Ледди. Давай, давай, ублюдки, шевелись!

Мистер Дэниелс вывел заключенных в переплетение коридоров, уходивших в цеха, и сдал мистеру Чейсу. Тот устало посмотрел на часы. Без двадцати пять. Охламоны из корзиночного цеха, сказал мистер Чейс, превосходно дотяпают на место сами под водительством бригадира. Что до мешочников из первого и второго цехов, то пропади он пропадом, если потащится туда ради двадцати минут — шагом марш в корпус. Сникшие зэки, все как один аккуратно причесанные, в отлежанных брюках и с отмытыми руками, шли в удрученном молчании. Безлюдный зал показался огромным. Их было всего восемь человек, и когда они медленно взбирались по лестнице, площадки издавали тот равнодушный дребезжащий звон, который Дункан слушал по ночам.

Каждый сразу прошел в свою камеру, словно радуясь возможности там оказаться. Дункан сел

на шконку и обхватил руками голову.

Он сидел так минуты три-четыре. Услышав за дверью уверенные мягкие шаги, торопливо отер глаза. Но все же замешкался.

— Ну вот, — ласково сказал мистер Манди. — Это еще что такое?

И тогда Дункан расплакался по-настоящему. Закрыл руками лицо и разрыдался — вздрагивали плечи, тряслась рама шконок. Мистер Манди не пытался его утешить — не подошел, не положил на плечо руку, ничего в таком роде. Просто ждал, пока схлынут самые горючие слезы, а потом сказал:

— Вот и ладненько. Повидался с батюшкой? Ну да, я видел приказ. Маленько шибануло, а?

— Немного, — кивнул Дункан, вытирая лицо шершавым тюремным платком.

— Оно всегда шибает, когда видишь родные лица. В такой-то обстановке, куда денешься. Ты давай, поплачь, если хочется. Мне не в диковину. Уж поверь, я видал, как плачут мужики покруче тебя.

Дункан помотал головой. От рыданий саднило разгоряченное лицо.

— Я уже в норме, — запинаясь, сказал он.

— А то.

— Просто... я такого наворотил, мистер Манди. И так каждый раз.

Голос сорвался. Дункан закусил губу и прижал к груди стиснутые кулаки, стараясь не разрыдаться вновь. Когда приступ прошел, он расслабился, чувствуя себя совершенно измотанным. Замычал и растер лицо.

Мистер Манди выждал, потом развернул к Дункану стул и, покряхтывая, чуть неловко уселся.

— Вот чего. Покури-ка. Глянь, что у меня есть.

Он достал пачку сигарет «Плейерз». Открыл и протянул Дункану.

— Угощайся, — сказал мистер Манди, встряхивая пачку.

Дункан выудил сигарету. По сравнению с обычными самокрутками зэков она казалась толстой, как сигара. Плотно набитая табаком сухая гильза была приятна даже на ощупь; Дункан вертел в руках сигарету, чувствуя себя лучше.

— Недурная цигарка, да? — Мистер Манди за ним наблюдал.

— Превосходная.

— Что, курить не будешь?

— Не знаю. Наверное, лучше сберегу, а табак потом высыплю. Выйдет штук пять чинариков.

Мистер Манди улыбнулся и запел приятным

старческим тенорком:

— «Пять чинариков в тоненькой пачке», — сморщил нос и сказал: — Кури сейчас.

— Думаете?

— Валяй. А я составлю тебе компанию. Покурим, словно два приятеля.

Дункан засмеялся. Однако смех, поспешивший на место слез, застрял в груди и заставил зябко вздрогнуть. Мистер Манди сделал вид, что ничего не заметил. Он достал сигарету и коробок спичек. Сначала поднес огонь Дункану, затем прикурил сам. С полминуты курили молча. Потом Дункан вынул изо рта сигарету и сказал:

— Дым глаза щиплет. Голова кружится! Сейчас в обморок упаду!

— Да ну тебя! — усмехнулся мистер Манди.

— Ей-богу, упаду! — Дункан откинулся, притворяясь, что валится навзничь. Порой с мистером Манди он вел себя как мальчишка... Затем посерьезнел. — Дожил! Одна сигаретка сшибает с ног.

Опершись на локоть, он привалился к стенке. Где-то сейчас отец и Вив? Представить, как отец добирается в Стритем, не получилось. Тогда он постарался вообразить комнаты в отцовской квартире. Внезапно возникла невероятно яркая

картинка кухни, какой он ее видел в последний раз: на стенах и полу расплываются темнеющие алые пятна...

Дункан быстро сел. С сигареты упал пепел. Смахнув его, Дункан потер все еще зудевшее лицо и, взглянув на мистера Манди, тихо спросил:

— Думаете, я справлюсь, когда выйду отсюда?

Мистер Манди затянулся сигаретой.

— Конечно справишься, — спокойно сказал он. — Только понадобится время, чтобы... ну, обвыкнуться.

— Обвыкнуться? — Дункан нахмурил брови. — В смысле, как моряк на суше? — Он представил, как пошатывается на покатом тротуаре.

— Будто моряк! — усмехнулся мистер Манди, довольный сравнением.

— А где же я, например, буду работать?

— Уладится.

— Да как же?

— Для смекалистых ребят вроде тебя работа всегда найдется. Помяни мое слово.

Нечто подобное говорил отец, и тогда возникало желание прикончить его. Но сейчас Дункан покусывал ноготь и, глянув поверх руки, спросил:

— Вы так думаете?

Мистер Манди кивнул.

— Уж я навидался тут всяких ребят. В разное время все они переживали, как ты. А потом прекрасно справлялись.

— Так, может, у них были жены, дети и всякое такое, к чему возвращаться? — не отставал Дункан. — Полагаете, никто из них... не боялся?

— Чего?

— Ну, того, что их ждет, как все будет...

— Ну-ка, это что еще за разговоры? — уже строже сказал мистер Манди. — Ведь знаешь, что это означает?

Дункан отвернулся.

— Знаю, — сказал он, помолчав. — Это значит — впускать Заблуждение.

— Верно. Хуже нет, если парень в твоем положении начнет этак думать.

— Да, я знаю, — повторил Дункан. — Просто... Тут кругом одни стены, я пытаюсь заглянуть в будущее, но опять будто в стену утыкаюсь и не могу через нее перебраться. Я стараюсь представить, что стану делать, где буду жить. Отцовский дом... — (Вновь возникла алая кухня.) — Всего через две улицы от... — голос осекся, — дома Алека. Ну, вы знаете, это мальчик, мой друг... Той улицей отец ходил на работу. Теперь, сестра рассказала,

он делает крюк в полмили. Как все будет, когда я вернусь? Я все время об этом думаю, мистер Манди. Вдруг встречу кого-нибудь, кто знал Алека...

— Из твоих рассказов я понял, что этот Алек был несчастный мальчик, — твердо сказал мистер Манди. — Он жил в Заблуждении, если такое вообще возможно. Теперь он от всего этого свободен.

Дункан беспокойно поерзал.

— Вы это уже говорили. Но мне так не кажется. Если б вы там были...

— Там не было никого, кроме тебя. Воспринимай это как свое Бремя. Но я ставлю фунт против пенса, что вот прямо сейчас Алек смотрит на тебя и желает сбросить это Бремя; он говорит: «Скинь его, дружок!» — и уж больно ему хочется, чтобы ты его услышал. Ей-богу, он сейчас смеется и плачет: смеется, ибо пребывает в блаженстве, и плачет, ибо ты еще во мраке.

Дункан кивал, слушая приятный успокаивающий голос мистера Манди и забавные странные слова: «скинь», «Бремя», «Заблуждение», «дружок», но в душе ничему этому не верил. Хотелось думать, что Алек сейчас в тех пределах, какие описывает мистер Манди; Дункан старался представить его в солнечном сиянии, среди цветов,

улыбающимся... Но Алек был совсем другой: он считал банальным разгуливать в парках и скверах или скупнуться в пруду, он вообще редко улыбался, стесняясь гнилых зубов.

Дункан посмотрел на мистера Манди.

— Тяжело мне, — просто сказал он.

Мистер Манди помолчал. Затем медленно встал, подсел к Дункану и левой рукой с сигаретой обнял его за плечи. Он заговорил тихим, доверительным тоном:

— Когда тебе плохо, думай обо мне, а я стану думать о тебе. Как оно так? Ведь мы с тобой схожи: на будущий год и мне отсюда выходить. Пора на пенсию, понимаешь ли; мне это тоже чудно, и, может, еще чуднее, чем тебе; не зря же говорят: охранник проводит в тюрьме полсрока зэка... Так что, думай обо мне, как станет тяжело. А я подумаю о тебе... Не скажу, как отец, ведь у тебя есть свой батюшка, а буду вроде дядюшки, который думает о племяннике. Годится?

Он взглянул на Дункана и потрепал его по плечу. С кончика сигареты на колено Дункана упал столбик пепла; свободной рукой мистер Манди аккуратно его смахнул, и рука осталась лежать на коленке.

— Все хорошо?

Дункан опустил взгляд и тихо ответил:

— Да.

Мистер Манди снова потрепал его по плечу.

— Умница. Ведь ты особенный мальчик, ты знаешь это, а? Очень особенный. А для таких особенных мальчиков все оборачивается хорошо. Вот сам увидишь.

Еще секунду его рука оставалась на коленке Дункана, затем пожала ее, и мистер Манди поднялся. В конце зала распахнулись ворота — с работы привели заключенных. Зашаркало множество ног, загремели лестница и железные площадки. Слышался голос мистера Чейса:

— Шевелись, шевелись! Все по камерам! Джиггс и Хэммонд, кончай валять дурака!

Мистер Манди загасил окурок, спрятав его в пачку; потом достал две сигареты и сунул под уголок подушки. Подмигнул и расправил наволочку. Едва он выпрямился, как за дверью камеры строем прошагали первые заключенные. Кроли, Уотерман, Джиггз, Куигли... Затем появился Фрейзер. Засунув руки в карманы, он еле волочил ноги. Но, увидев мистера Манди, заулыбался.

— Привет! — сказал он. — Вот уж честь для нас, сэр! Неужели я чую настоящий табак? Здорово, Пирс. Как прошло свидание? Похоже, весело,

как и у меня. Милый фортель выкинул мистер Чейс — нас отправил пахать, а вы, мешочники, смылись досрочно.

Дункан не отвечал. Да Фрейзер и не слушал. Он смотрел на мистера Манди, протиснувшегося мимо него к двери.

— Уже покидаете нас, сэр?

— Служба, — сухо ответил надзиратель. — Мой день не заканчивается в пять, как ваш.

— О, так обеспечьте нас надлежащим занятием! — с преувеличенным жаром вскинулся Фрейзер. — Обучите ремеслам. Платите человеческое жалованье, а не гроши, как сейчас. Уверяю, мы станем трудиться как бешеные! Господи, возможно, вы увидите, что превратили нас в достойных людей. Вообразите такой результат отсидки!

Мистер Манди кивнул весьма кисло.

— Ты умен, сынок, — сказал он, уходя.

— Вот и мой отец всегда это говорит. Так умен, что впору зарезаться. Ась?

Фрейзер засмеялся и взглянул на Дункана, словно ожидая, что тот присоединится.

Но Дункан отвел глаза. Лег на шконку и отвернулся к стене.

— Что с тобой, Пирс? — спросил Фрейзер. — Что случилось-то?

Дункан махнул рукой, будто хотел его оттолкнуть:

— Заткнись, понял? Просто заткнись на хрен, и все!

*

— Я почитаю, — сказала Хелен, когда Кей собралась уходить. — Послушаю радио. Надену свою чудесную новую пижаму и улягусь в постель.

Она действительно хотела так поступить. После ухода Кей с час лежала на диване с «Французовым ручьем».[44] В половине восьмого приготовила тосты и включила радио, застав начало постановки. Однако пьеса оказалась скучной. Хелен послушала минут десять-пятнадцать и стала искать другую программу. Потом вообще выключила радио. В квартире стало очень тихо; по вечерам и выходным, когда закрывался и погружался в темноту мебельный склад, в доме всегда наступала какая-то особенная тишина. Эти безмолвие и неподвижность порой действовали на нервы.

Хелен снова взяла книгу, но поняла, что со-

---

44 Примечания: 44

«Французов ручей» — исторический роман (1942) английской писательницы Дафны Дюморье (1907-1989); действие происходит во времена Карла II, в центре сюжета любовная связь импульсивной английской леди с французским пиратом.

средоточиться не может. Попробовала читать журнал, однако взгляд бессмысленно скользил по странице. Возникла мысль, что время уходит попусту. Ведь сегодня день ее рожденья — день рожденья на войне. Следующего может не быть! «Не стоит рассчитывать, что получится особенный день, когда идет война», — сказала Кей. Но почему? Сколько еще можно позволять войне все гадить? Уже столько времени терпишь. Живешь в темноте. Обходишься без соли, без духов. Кормишься ошметками радости, точно сырными обрезками. Хелен вдруг ощутила, как проходят минуты — эти бесчисленные мгновенья ее жизни, ее молодости, которые капля за каплей утекают и никогда не вернутся.

«Хочу увидеть Джулию», — подумала она. И тотчас словно кто-то схватил ее за плечо и настойчиво прошептал в ухо: «Так чего ты ждешь? Иди!» Хелен отбросила журнал, вскочила и побежала в ванную, где сходила в туалет, причесалась и подкрасилась; потом надела пальто, шарф и шотландский берет, в котором была днем, и вышла из дома.

Разумеется, во дворе стояла кромешная тьма, под ногами скользил прихваченный изморозью булыжник, но Хелен выбралась на улицу, не

включая фонарик. Из пивных Рэтбоун-Плейс доносились звяканье стаканов, гул нетрезвых голосов и пьяное бренчанье механического пианино. Звуки придали бодрости. Обычный субботний вечер. Люди вышли развлечься. А почему ей нельзя? Ей еще и тридцати нет... Хелен шла по Перси-стрит мимо затемненных окон кафе и ресторанов. Пересекла Тоттнем-Корт-роуд и вступила на убогие улочки Блумсбери.

Здесь было тихо, и она шла быстро, но споткнулась о разбитый бордюр тротуара и чуть не упала, после чего заставила себя перейти на разумный шаг и осмотрительно выбирать дорогу, подсвечивая фонариком.

Однако сердце скакало так, будто она бежала. «Ты рехнулась!» — беспрестанно повторяла себе Хелен. Что подумает Джулия? Может, ее вообще нет дома. С какой стати ей сидеть взаперти? Или же она пишет. А может, у нее гости. Или кто-то еще — друг...

Мысль заставила притормозить. Раньше как-то в голову не приходило, что у Джулии может быть любовник. Ни о чем таком она не говорила, но это вполне в ее стиле, думала Хелен, держать подобные вещи в секрете. Да и зачем ей об этом говорить? Что их связывает? Ну выпили чаю воз-

ле станции «Марилебон». Потом бродили по дому на Брайанстон-Сквер и практически молчали. После снова встретились и выпили в пивной, да еще недавно, когда был солнечный денек, в обеденный перерыв сходили в Риджентс-парк и посидели у пруда...

Вот и все, но казалось, что после этих мимолетных встреч мир неуловимо изменился. Их с Джулией будто связала тонкая дрожащая нить. Даже с закрытыми глазами можно отыскать маленькую точку на груди, где она проникает к сердцу и нежно его тянет.

Хелен добралась к станции метро «Рассел-Сквер», где улицы стали люднее. На минуту она оказалась в небольшой толпе тех, кто только что поднялся с платформы и теперь беспомощно стоял, ожидая, пока глаза привыкнут к темноте.

Вид людей, как и звуки на Рэтбоун-Плейс, придал уверенности. Хелен миновала сквер Воспитательного дома и лишь раз замешкалась на входе в Макленбург-Плейс, но затем поспешила в квартал, который в темноте выглядел угрожающе.

Плоские георгианские дома казались гладкими, как породистые устало-равнодушные лица, но потом сквозь их окна Хелен увидела небо и по-

няла, что многие здания выпотрошены взрывами и огнем. Она вроде бы помнила, где дом Джулии, хотя прежде была здесь только раз. Точно, ее дом в конце вот этого ряда строений. Вспомнилась разломанная ступенька крыльца, шатавшаяся под ногой.

Хелен поднялась на крыльцо вроде бы нужного ей дома. Ступеньки скрипели, но не шатались. Может, починили?

Внезапно она засомневалась, тот ли это дом. Поискала звонок в квартиру Джулии: на двери было четыре звонка, но все без табличек, безымянные. Какой же из них? Бог его знает; Хелен выбрала наобум. Где-то в глубинах здания прозвенело, словно в пустой комнате; по звуку она поняла, что звонок не тот, и, не дожидаясь, нажала другой. Этот прозвучал менее отчетливо, определить его местоположение не удалось. Казалось, что на втором или третьем этаже послышалось какое-то шевеление; тем не менее Хелен сказала себе: «Не этот, следующий». Ведь в сказках и чудесах все происходило не со второго, а с третьего раза... Вот опять что-то зашевелилось. Послышались медленные мягкие шаги по лестнице. Дверь раскрылась, на пороге стояла Джулия.

В темноте она не сразу узнала Хелен, осве-

щенную лишь светом фонарика с затененной лампочкой. Разглядев, кто пришел, Джулия ухватилась за косяк и спросила:

— Что случилось? Кей?

«Кей узнала?» — так истолковала Хелен смысл вопроса, и сердце ее сжалось. Испуганно сообразив, что Джулия решила, будто она заявилась с дурными вестями, Хелен поспешно выдохнула:

— Нет. Просто... захотелось увидеть вас, Джулия. Захотелось увидеть, только и всего.

Джулия молчала. Свет фонарика превращал ее лицо, как и лицо Хелен, в подобие маски. Прочесть его выражение было невозможно. Однако через секунду Джулия распахнула дверь шире и отступила назад.

— Входите, — сказала она.

Затемненной лестницей они поднялись на третий этаж. Через небольшую прихожую и занавешенную дверь вошли в гостиную. После темных улиц тусклый свет казался ярким, и Хелен чувствовала себя уязвимо.

Джулия нагнулась подобрать валявшиеся ботинки, брошенное посудное полотенце и упавшую куртку. Она казалась смущенной и озабоченной и не выказывала никаких признаков вежливой радости от прихода Хелен. Ее темные

волосы как-то странно облепляли голову; когда Джулия вышла на свет, Хелен в смятении увидела, что они мокрые — человек только что вымыл голову. Лицо бледное, без всякой косметики. Джулия была в неглаженых темных фланелевых брюках, рубашке со свободным воротом и вязаной безрукавке. На ногах — нечто, напоминавшее рыбацкие носки, и красные бабуши.[45]

— Минутку, я только уберу этот хлам, — сказала Джулия, с курткой и ботинками скрываясь за дверной шторой.

Хелен беспомощно и нервно огляделась.

Большая комната, теплая и неприбранная, совсем не походила на опрятную холостяцкую квартиру Кей; Хелен представляла ее себе совсем другой. Голые стены расцвечены пятнами красной темперы, на полу внахлест турецкие ковры и искусственные дорожки. Мебель самая обычная. Большая кушетка с разномастными подушками; кресло в грязно-розовой бархатной обивке — под сиденьем сквозь порванную мешковину проглядывают пружины и стяжки. Каминная доска расписана под мрамор.

На ней пепельница, полная окурков. Один еще

---

45 Примечания: 45

Бабуши — туфли без задников и каблуков, с закругленными мысами.

дымился — Джулия вернулась и загасила его.

— Ничего, что я пришла? — спросила Хелен.

— Конечно ничего.

— Вышла прогуляться. Потом смотрю — я в ваших краях. Вспомнила ваш дом.

— Вот как?

— Да. Ведь я приходила сюда, очень давно. С Кей. Не помните? Она что-то вам заносила — билет или книгу. Наверх мы не поднимались, вы сказали, там жуткий беспорядок. Стояли внизу, в холле... Неужто не помните?

Джулия нахмурилась.

— Да, — проговорила она. — Кажется, припоминаю.

Они посмотрели друг на друга и почти разом отвели взгляд, будто в смущении и растерянности; сейчас Хелен казалось невероятным, что когда-то можно было запросто заглянуть к Джулии вместе с Кей и на пороге вежливо болтать, отмечая легкую неловкость между той и другой. И что с тех пор произошло? — думала Хелен. Вообще-то, ничего.

«Но если ничего не произошло, почему я скрыла это «ничего» от Кей? — спросила она себя. — С какого ляду я здесь?»

Она знала, почему она здесь. Стало страшно.

— Наверное, я уже пойду, — сказала Хелен.

— Ведь вы только что пришли.

— Вы мыли голову.

Джулия поморщилась, словно досадуя.

— Наверное, вам уже доводилось видеть мокрые волосы? Не ерундите. Садитесь, я принесу вам выпить. У меня есть вино! Давно уж стоит, все не было повода открыть. Правда, лишь алжирское, но все же.

Она склонилась к шкафу и завозилась на полке. Хелен посмотрела на ее согнутую спину, переступила на месте и снова нервно огляделась. Затем подошла к книжной полке и обежала взглядом названия. В основном детективы в крикливых переплетах. Среди них два опубликованных романа Джулии: «Постепенная смерть» и «Двадцать безжалостных убийств».

С книг перевела взгляд на картины на стенах и безделушки на расписной каминной полке. Несмотря на волнение и зажатость, она хотела впитать любую крохотную деталь, которая могла бы рассказать о Джулии.

— У вас прелестная квартира, — учтиво сказала Хелен.

— Находите? — Закрыв дверцу шкафа, Джулия выпрямилась. Она держала бутылку, штопор и

стаканы. — Вообще-то, барахло не мое — кузины Ольги.

— Кузины?

— Квартира теткина. Я здесь живу, чтоб не реквизировали. Этакая благородная хитрость, на какие горазды буржуи. Здесь только эта комната и кухня, которая еще служит ванной. Сортир внизу в холле. Вообще-то, жуткий бардак. Все окна без стекол — бились так часто, что Ольга плюнула вставлять. Летом я затягивала окна марлей — прелестно, живешь будто в палатке. Но сейчас уже холодно, и я заделала их картоном из-под талька. Вечером ничего, когда шторы опущены. Но днем паршиво. Чувствуешь себя кем-то вроде шлюхи.

Тем временем Джулия ввинтила в бутылку штопор и с легким усилием выдернула пробку. Разливая вино, взглянула на Хелен и улыбнулась:

— Раздеться не хотите?

Нехотя Хелен размотала шарф, сняла берет и стала расстегивать пуговицы пальто. Она была в утреннем платье с кремовыми отворотами, которое так нравилось Кей. Лишь сейчас Хелен сообразила, что осталась в нем, дабы произвести впечатление на Джулию, однако теперь

оно выглядело нелепо на фоне мокрых волос и бесцветных губ, мятых брюк, чудных носков и туфель хозяйки, которая при всем при том держалась с очаровательной непринужденностью. Хелен неловко вылезла из пальто, словно делала это впервые в жизни. Джулия бросила взгляд в ее сторону и сказала:

— Ух, какая вы нарядная! По какому случаю?

Замявшись, Хелен ответила:

— У меня день рожденья.

Решив, что она шутит, Джулия рассмеялась, но увидела серьезный взгляд гостьи, и лицо ее помягчело.

— Хелен! Что ж вы не сказали-то? Если б я знала...

— Пустяки, — сказала Хелен. — Правда. Глупо, но чувствуешь себя ребенком... Все будто сговорились... Кей подарила мне апельсин, — грустно добавила она. — На кожуре вырезала «С днем рождения».

Джулия передала стакан с красным вином.

— Она молодец. И вы молодец, что чувствуете себя ребенком.

— Лучше бы не надо, — вздохнула Хелен. — Сегодня я была ужасной. Хуже ребенка. Я... — Она не договорила и вяло махнула рукой, словно отгоняя

воспоминания о своем поведении.

— Ничего, — мягко сказала Джулия, поднимая стакан. — Ну, будем! Ваше здоровье!.. И всякие прочие глупости, какие при этом говорят, отчего я всегда чувствую себя так, словно отправляюсь на последнее задание. Ну давайте, краешком и донышком — за удачу.

Они дважды чокнулись и выпили. Резкое вино заставило сморщиться.

Сели порознь. Хелен расчистила себе место среди подушек на кушетке. Джулия, вытянув ноги, унасестилась на подлокотнике кресла в розовой бархатной обивке. Во фланелевых брюках ее ноги казались невероятно стройными и длинными, а бедра такими хрупкими и уязвимыми, словно могли переломиться, если их сдавить руками. Она взяла пепельницу и потянулась за сигаретами и спичками на каминной полке. При этом безрукавка задралась, и стала видна не застегнутая внизу рубашка, сквозь разошедшиеся полы которой проглянул плоский смуглый живот с аккуратным пупком. Хелен поспешно отвернулась.

Одна подушка свалилась на пол. Хелен за ней нагнулась и поняла, что это не диванная, а постельная подушка; значит, в этой двухкомнатной квартире кушетка служила Джулии кроватью,

и каждый вечер она застилала ее простынями и одеялом, раздевалась, стоя перед ней... Возникшая картинка не была эротической — всюду так часто видишь кровати, подушки и ночные рубашки, что они давно уже утратили свой заряд интимности и сексуальности. Наоборот, образ показался трогательным и слегка тревожащим. Хелен вновь взглянула на красивое хрупкое тело Джулии и подумала: «Что же в ней такое? Почему она всегда такая одинокая?»

Они молчали. Хелен не знала, о чем говорить. Она отхлебнула вино и вдруг услышала шум наверху: сбивчивые шаги, скрип половиц. Хелен посмотрела на потолок.

— Это мой сосед-поляк, — тоже задрав голову, прошептала Джулия. — Каким-то чудом оказался в Лондоне. Часами вот так ходит. Говорит, вести из Варшавы с каждым разом все хуже.

— Господи, проклятая война! — сказала Хелен. — По-вашему, это правда, что кругом говорят? Мол, скоро ей конец?

— Кто его знает. Если откроют Второй фронт, может быть. Но думаю, с год-то еще протянется.

— Еще год! Мне будет тридцать.

— А мне тридцать два.

— Скажете, самый неудачный возраст? Будь

нам двадцать, мы бы пережили войну, все еще оставаясь почти молодыми. В сорок мы бы не возражали стареть дальше. А вот тридцать... Из юности прямо в средний возраст. Чего еще остается ждать? Наверное, только климакса. Говорят, у нерожавших он проходит тяжелее. Не смейтесь! Вы хоть чего-то достигли, Джулия. Я говорю о ваших книгах.

Еще улыбаясь, Джулия дернула подбородком.

— Книжки! Да это все равно что большой кроссворд. Знаете, первую я написала ради хохмы. Потом гляжу — неплохо получается. Уж не знаю, что это во мне открывает. Кей всегда говорила: странное занятие — писать об убийствах именно сейчас, когда вокруг гибнет столько людей.

Имя Кей возникло во второй или третий раз, но теперь обеих смутило, чего не бывало раньше. Они опять замолчали. Джулия гоняла в стакане вино, уставившись в него, точно гадалка. Не поднимая головы, она сказала:

— Я вас не спрашивала... Как Кей отнеслась к нашей неожиданной встрече в тот день? — Голос ее звучал по-иному.

— Порадовалась, — не сразу ответила Хелен.

— И не возражала против новых встреч? Как она воспримет ваш сегодняшний приход?

Хелен молча потягивала вино. Видимо, она предательски покраснела, когда Джулия подняла голову и посмотрела ей в глаза.

— Вы ей не говорили? — нахмурилась Джулия.

Хелен покачала головой.

— Почему?

— Не знаю.

— Сочли, что о таком и говорить не стоит? Что ж, наверное, справедливо.

— Нет, Джулия, вовсе нет. Зачем вы так?

— А что тогда? — засмеялась Джулия. — Ничего, что я спрашиваю? Мне любопытно. Но я заткнусь, если вам неприятно. Если это касается вас и Кей...

— Ничего подобного, — быстро сказала Хелен. — Говорю же, Кей была рада, что мы встретились. Ей было бы приятно узнать, что мы продолжаем видеться.

— Уверены?

— Конечно уверена! Она вас очень любит и потому хочет, чтобы и я вас любила. Так всегда было.

— Как великодушно с ее стороны. А я вам нравлюсь, Хелен?

— Ну, естественно.

— Это как раз неестественно.

— Ну пусть неестественно. — Хелен состроила гримасу.

— Тем не менее Кей не расскажете?

Хелен беспокойно заерзала.

— Я понимаю, что надо рассказать. И раньше зря молчала. Просто иногда с Кей... — Она смолкла. — Это звучит как-то противно по-детски. Все дело в ее отношении, она так заботится обо мне. Порой ужасно хочется что-то скрыть от нее, пускай заурядное, мелочь. Чтобы это было только моим.

Сердце трепетало, и Хелен боялась, что Джулия услышит дрожь в ее голосе. Она говорила искренне, но сознавала, что здесь не вся правда. Понимала, что пытается все представить несколько иначе. Все умаляет, прибегая к словам вроде «заурядное» и «по-детски». Притворяется, что не существует тонкой невидимой вибрирующей нити, которая передает движения и дыхание Джулии...

Наверное, это удалось. Джулия задумчиво курила и молчала; потом сбила в пепельницу пепел с сигареты и встала.

— Кей нужна жена, — улыбнулась она. — Звучит, как в детской игре, да? Она хочет жену. И всегда хотела. Надо быть ей женой или никем.

Джулия зевнула, словно тема ей прискучила, подошла к окну и, оттянув штору, приникла глазом к щелке между серыми картонками.

— Ненавижу эти вечера, а вы? Никогда не знаешь, объявят ли тревогу и что произойдет. Все равно как ждать казни, которая то ли состоится, то ли нет.

— Хотите, чтобы я ушла? — спросила Хелен.

— Да нет же, господи! Я рада, что вы здесь. Одной гораздо хуже, вам не кажется?

— Да, гораздо хуже. Но в укрытии тоже плохо. Дома Кей велит спускаться в убежище, а я его терпеть не могу, чувствую себя там в западне. По мне, уж лучше одной цепенеть от страха, чем трястись на глазах чужих людей.

— Со мной то же самое. Знаете, иногда я выхожу на улицу. На открытом пространстве мне лучше.

— Бродите в затемнении? А это не опасно?

— Может, и опасно, — пожала плечами Джулия. — Но сейчас все опасно. — Она отпустила штору, вернулась в комнату и взяла стакан.

Сердце Хелен вновь затрепыхалось. Она вдруг поняла, что предпочла бы оказаться с Джулией на темной улице, нежели сидеть под этим мягким, интимным и разоблачающим светом.

— Может, выйдем на воздух, Джулия?

— Сейчас? — удивилась Джулия. — В смысле, прогуляться? Вы хотите?

— Да. — Внезапно Хелен почувствовала себя пьяной и рассмеялась.

Джулия тоже засмеялась. Ее темные глаза вспыхнули радостью и озорством. Запрокинув голову, она быстро допила вино и небрежно поставила на каминную полку стакан, звякнувший о фальшивый мрамор. Взглянула на огонь и, присев на корточки, пошуровала в камине золу. Зажав в уголке рта сигарету, она занималась этим с невероятной сосредоточенностью: щурила глаза и, уклоняясь от вздымавшегося серого облака, забавно кренила изящную головку — точно девица на первом выходе в свет, подумала Хелен. Потом встала, отряхнула коленки и вышла в зашторенную дверь за пальто и ботинками. Через минуту она появилась в двубортной куртке с блестящими медными пуговицами, похожей на матросский бушлат. Встав перед зеркалом, мазнула губы помадой, попудрилась и подняла воротник куртки. С сомнением потрогала непросохшие волосы и заправила их под мягкую черную вельветовую кепку, которую вытянула из груды перчаток и шарфов.

— Потом буду каяться, когда волосы высохнут

колтуном. — Она перехватила взгляд Хелен. — Я не похожа на Микки, нет?

Хелен смущенно улыбнулась:

— Совсем не похожи.

— А на актрису, изображающую мужчину?

— Скорее уж на шпионку из фильма.

Джулия сдвинула кепку набекрень.

— Пускай, лишь бы нас не арестовали за шпионаж... Знаете что, давайте возьмем с собой вино. — (Оставалось еще полбутылки.) — Завтра мне не захочется, а мы только пригубили.

— С вином точно арестуют.

— Не волнуйтесь, я знаю, что делать.

Джулия порылась в шкафу и достала термос, из которого они пили чай на Брайанстон-Сквер. Выдернула пробку, понюхала колбу и осторожно перелила вино. Поместилось как раз. Закупорила и спрятала в карман куртки. В другой карман сунула фонарик.

— Теперь вы похожи на домушника, — сказала Хелен, застегивая пальто.

— Не забывайте, что днем я и впрямь домушник, — ответила Джулия. — Сейчас, тут еще кое-что.

Выдвинув ящик стола, она достала кипу тонкой, типа кальки, бумаги, с какой Хелен имела

дело на службе. Листы были плотно испещрены черными строчками.

— Неужто ваша рукопись? — удивленно спросила Хелен.

Джулия кивнула.

— Морока, но боюсь, как бы ее не разбомбило. — Она улыбнулась. — Наверное, эта чертова штуковина для меня все же больше, чем кроссворд. Вот, приходится таскать с собой, куда бы ни пошла. — Джулия свернула листы в рулон, сунула во внутренний карман и похлопала по оттопырившейся куртке. — Теперь я спокойна.

— А если угодите под бомбы?

— Тогда мне уже будет все равно. — Джулия натянула перчатки. — Вы готовы?

Они спустились к выходу, и Джулия, открыв дверь, сказала:

— Сейчас противный момент. Закрываем глаза и считаем, как положено...

Зажмурившись, они стояли на крыльце и считали:

— Раз, два, три...

— До скольки считать-то? — спросила Хелен.

— ...двенадцать, тринадцать, четырнадцать, пятнадцать — все!

Они открыли глаза и проморгались.

— Ну как, что-нибудь изменилось?

— Не похоже. Все равно тьма египетская.

Включив фонарики, они спустились с крыльца. В обрамлении поднятого воротника и кепки странно белело лицо Джулии.

— Куда пойдем? — спросила она.

— Не знаю. Вы у нас ветеран прогулок, вам и решать.

— Ладно. — Джулия моментально определилась и взяла Хелен под руку. — Сюда.

Они пошли налево к Даути-стрит, потом взяли еще левее к Грейз-Инн-роуд, а затем свернули направо к Холборну. За недолгое время, что Хелен провела в квартире Джулии, мостовые почти опустели. Лишь иногда проползет случайное такси или грузовик, точно черный блестящий жучок с хрупким чешуйчатым тельцем и злыми глазками. Тротуары тоже почти опустели, и Джулия, подгоняемая холодом, шла быстро. Казалось, тьма породила в Хелен новые беспокоящие органы чувств, которые сообщали о тяжести прижатой руки Джулии, о близости ее лица, плеча, бока и бедра, передавали качкий ритм ее походки.

На пересечении с тем, что, вероятно, было Клеркенуэлл-роуд, они свернули налево. Чуть погодя Джулия вновь потянула в сторону — на сей

раз вправо. Окончательно запутавшись, Хелен огляделась.

— Где мы?

— Полагаю, на Хаттон-Гарден. Да, скорее всего.

Улица выглядела пустынной, и они говорили тихо.

— Вы точно знаете? Мы не заблудились?

— Как же мы заблудимся, если не знаем, куда идем? — усмехнулась Джулия. — И потом, в Лондоне нельзя заплутать, даже если улицы в затемнении и пропали таблички с названиями. Если все же кто-то умудрится, он не заслуживает права здесь жить. Надо бы всем устроить этакий экзамен.

— И провалившихся отсюда вышибать?

— Именно, — засмеялась Джулия. — Пускай убираются и живут в Брайтоне. — Они свернули налево и двинулись под горку. — Вот, это, наверное, Фаррингдон-роуд.

Здесь снова появились такси и редкие прохожие, возникло ощущение пространства, но гнетущее, ибо половина зданий, составлявших улицу, были разбиты и заколочены досками. Джулия повела Хелен к реке. У поста под аркой Холборнского виадука караульный, заслышав их голоса, дунул в свисток.

— Эй там, две дамочки! Положено обозначить себя белым шарфом или бумагой, будьте любезны!

— Ладно, — покорно откликнулась Хелен.

— А может, мы хотим оставаться невидимками, — пробурчала Джулия.

Они пересекли Ладгейт-Серкус и пошли к мосту. Потом остановились посмотреть на людей, которые с сумками, одеялами и подушками спускались в метро.

— Прямо жуть берет, когда видишь, что все это до сих пор продолжается, правда? — тихо сказала Хелен. — Говорят, на некоторых станциях люди занимают очередь часов с четырех-пяти. Я бы так не смогла, а вы?

— Нет, это невыносимо.

— Им больше некуда идти. Видите, одни старики и дети.

— Ужасно. Люди вынуждены жить, как кроты. Просто средневековье какое-то. Нет, хуже — доисторические времена.

И правда: в обремененных скарбом фигурах, неуверенно пробиравшихся к тускло освещенному входу в метро, было нечто первобытное. Они казались нищенствующими монахами или бродячими торговцами, беженцами от какой-то

иной, средневековой войны или некой будущей бойни, воображенной Гербертом Уэллсом или подобным писателем-фантастом... Хелен уловила обрывки разговоров: «Вверх тормашками! Мы так смеялись!..», «Фунт лука и кусок свинины...», «Он говорит: «Зубья-то чудесные», а я ему: «За такую цену я найду зубья и получше»...»

— Пойдемте. — Хелен потянула Джулию за руку.

— Куда?

— К реке.

Они взошли на середину моста, выключили фонарики и посмотрели вниз. Река, без единого блика бежавшая под беззвездным небом, была такой черной, что казалась патокой или дегтем, и даже вовсе не рекой, а канавой, неизмеримой глубины расселиной в земле... Стоять над ней на почти невидимом мосту было весьма жутковато. Хелен и Джулия расцепили руки, чтобы опереться па перила, но теперь вновь сдвинулись друг к другу.

Почувствовав плечо Джулии, Хелен с невероятной отчетливостью вспомнила, как несколько часов назад вместе с Кей стояла на старом мостике в Хэмпстед-Хите.

— Черт! — пробормотала она.

— Что? — спросила Джулия, тоже негромко, словно знала, в чем дело. Хелен не ответила. — Хотите вернуться?

— Нет, — чуть помешкав, сказала Хелен. — А вы?

— Не хочу.

Еще секунду они стояли неподвижно, а затем пошли обратно к подножию Ладгейтского холма. Там, не сговариваясь, свернули к собору Святого Павла.

Улицы вновь стали безлюдными; они прошли под железнодорожным мостом и почувствовали, как незримо поменялась атмосфера города: возникло ощущение неестественно открытого пространства. Хелен мысленно проскальзывала за тонкую фанеру временных ограждений, окаймлявших тротуары, к грудам развалин, обгорелым и разбитым пожиткам, обнаженным стропилам и раззявленным подвалам. Они с Джулией шли молча, завороженные странным зрелищем. Остановились у ступеней собора; Хелен запрокинула голову, пытаясь разглядеть очертания несоизмеримо громадного силуэта, маячившего на фоне темного неба.

— Сегодня днем я смотрела на него с Парламентского холма, — сказала она. На секунду

Хелен забыла, что еще беспокойно выглядывала Макленбург-Сквер. — Он будто нависает над Лондоном! Точно огромная жаба.

— Верно. — Джулию слегка передернуло. — Сама не могу понять, как я к нему отношусь. Все говорят, какое счастье, что собор не пострадал, но... не знаю, мне он кажется нелепым.

— Вы же не хотите, чтобы его разбомбило? — уставилась Хелен.

— Уж лучше пусть разбомбит его, чем какую-нибудь семью в Кройдоне или Бетнал-Грин. Расселся тут, как... нет, не жаба, а как здоровенный Юнион-Джек... как Черчилль, мол, «Британия сдюжит», и все такое, словно это вполне нормально, что по сию пору идет война.

— Так он и говорит, что все нормально, разве нет? — тихо спросила Хелен. — В смысле, пока у нас есть собор Святого Павла... я не имею в виду Черчилля или флаги... Но пока цел собор, цело все, что он олицетворяет, — ну, то есть изящество, здравый смысл... великая красота... — значит, есть за что сражаться. Разве не так?

— Думаете, война идет ради этого?

— А ради чего?

— По-моему, ради нашей любви к дикости, нежели любви к прекрасному. Мне кажется, дух,

что вошел в стены собора, оказался жидковат и теперь облетает, отшелушивается, точно позолота. Раз он не уберег нас от прошлой войны и всего нынешнего — Гитлера и фашизма, ненависти к евреям, гибели под бомбежками женщин и детей в городах и поселках, — какой в нем толк? Какая ему цена, если приходится рвать жилы, дабы его сохранить, а старикам дежурить на крышах церквей, чтобы вениками сметать зажигалки! Насколько он проник в человеческую душу?

Хелен вздрогнула, пораженная внезапной горечью этих слов и промелькнувшей в Джулии мрачностью, пугающей и непостижимой.

— Если б я так думала, — тихо сказала она, коснувшись руки Джулии, — мне бы захотелось умереть.

Секунду Джулия не шевелилась, потом переступила на месте, шаркнула ногой и пнула камушек.

— Видимо, на самом деле я так не думаю, иначе мне бы тоже захотелось умереть. — Голос ее просветлел. — О таком нельзя думать, верно? Лучше сосредоточиться... — наверное, она припомнила людей, которые с подушками спускались в метро, — на цене гребешков, свинины и луковиц. Или сигарет. Кстати, не желаете закурить?

Они засмеялись, мрачность рассеялась. Хелен выпустила руку Джулии, и та достала сигареты, чуть неловко из-за перчаток. Чиркнула спичкой, желтое пламя выхватило из черноты ее лицо. Хелен склонилась к огню, выпрямилась и не смогла двинуться — глаза вновь ослепли. Джулия потянула ее за руку, и она послушно шагнула следом.

Чуть позже Хелен разглядела, куда они направляются — в район за собором.

— Туда? — удивленно спросила она.

— А что? Хочу вас кое-куда сводить. Если держаться дороги, пожалуй, дойдем.

Собор остался позади; через пару минут они подошли к полосе битых камней и бетона, которая некогда была Кэннон-стрит, а теперь представляла собой скорее намек на дорогу, ее призрак в ландшафте, что сошел бы за деревенское раздолье. Небо словно раздалось и обманчиво посветлело, но, как и прежде, расстилавшийся перед ними разор был не столько виден, сколько угадывался — в кромешной тьме взгляд ни за что не цеплялся. То и дело Хелен проводила рукой по глазам, будто смахивая пелену вроде налипшей паутины. Казалось, они пробираются сквозь мутную воду — так чужеродна была густая тьма, пропитанная жестокостью и гибелью.

Лучи фонариков бежали у самой земли, следуя за бледной линией тротуарной бровки. Если мимо проезжали легковушка или грузовик, Хелен с Джулией останавливались и, чувствуя под ногами крошево из земли, веток и щебня, прижимались к хлипкому ограждению, отделявшему тротуар от развалин.

— Помнится, я шла здесь в первый день нового сорок первого года, — сказала Джулия. — Пробраться было почти невозможно, даже пешком. Я пошла взглянуть на разрушенные церкви. Наверное, с тех пор разрухи еще добавилось. Вон там, — она кивнула через левое плечо, — должны быть останки церкви Святого Августина. Уже тогда зрелище было жуткое, а потом ее снова разбомбило; кажется, в самом конце прошлого «блица», да?

— Я не знаю, — ответила Хелен.

— По-моему, тогда. А впереди, вон, видите... — Джулия показала рукой, — все-таки можно разглядеть... там — все, что осталось от церкви Святой Милдред на Бред-стрит. Такая жалость...

Они шли, и Джулия перечисляла церкви: Сент-Мэри-ле-Боу, Сент-Мэри-Олдермэри, Святого Якова, Святого Михаила; казалось, она вполне ясно различает контуры их обветшалых башен и

обломанных шпилей, тогда как Хелен пыталась вообще разглядеть храмы. Время от времени луч фонарика Джулии скакал по пустырю, указывая, куда смотреть; световой кружок выхватывал куски битого стекла, пятачки заиндевевшей земли и находил краски — бурую зелень и серебро крапивы, папоротника и чертополоха. Раз в луче заблестели глаза какого-то существа.

— Смотрите, вон!

— Кошка?

— Лиса! Видите, рыжий хвост!

Зверь метнулся, быстрый и переливчатый, точно стремительный ручей; лучи фонариков пытались его сопровождать. Потом Джулии и Хелен выключили фонарики, прислушиваясь к шелесту листьев и шороху земли. Вскоре стало жутковато. Подумалось о крысах, гадюках и бродягах. Прибавив шагу, они поспешили прочь от пустырей в укрытие улиц за станцией «Кэннон-стрит».

Там размещались конторы и банки; одни здания, выпотрошенные еще в 1940-м, так и стояли бесхозными, другие использовались, но в этот час субботнего вечера определить точное состояние любого из них было невозможно: все имели равно призрачный вид, по-своему более злове-

щий, чем пустыри на месте домов, полностью разрушенных взрывами.

Если возле Ладгейт-Серкус улицы были тихи, то здесь они казались абсолютно пустынными. Лишь иногда глубоко под разбитыми тротуарами слышалось громыханье поездов метро, словно орды громадных верещащих тварей продирались сквозь городские стоки; в известной степени, так оно и есть, подумала Хелен.

Она крепче ухватилась за руку Джулии. В затемнение покидать знакомые места всегда было тревожно. В душу закрадывалось своеобразное чувство — смесь паники и ужаса: словно идешь по стрельбищу, а на спине у тебя мишень...

— Нужно быть сумасшедшими, чтобы здесь оказаться, — прошептала Хелен.

— Это была ваша идея.

— Я знаю, только...

— Вам страшно?

— Да! Кто угодно может напасть из темноты.

— Раз мы никого не видим, нас тоже не видят. К тому же мы, вероятно, сойдем за парня с девушкой. На прошлой неделе я вышла в этой куртке и кепке, так одна шлюха, стоявшая в дверном проеме, сочла меня парнем и показала грудь — подсветила фонариком. Это было на Пикка-

дилли.

— Боже мой!

— Да. Знаете, как странно выглядит одна грудь, высвеченная в темноте!

Джулия замедлила шаг и махнула фонариком:

— Вот церковь Святого Клемента из детских стишков. Наверное, вон туда, к берегу Темзы, приносили апельсины и лимоны.

Хелен вспомнила апельсин — утренний подарок от Кей. Но сейчас утро и Кей казались страшно далекими.

Они были по другую сторону этого безумного, невероятного пейзажа.

Пересекли дорогу.

— Где мы сейчас?

— Наверное, это Истчип. Уже почти пришли.

— Почти пришли — куда?

— Всего лишь к очередной церкви. Вы разочарованы?

— Я думаю, сколько обратно добираться. Теперь уж нам точно глотки перережут.

— Какая вы бояка! — Джулия прошла чуть вперед и втянула Хелен в узкую брешь между двумя зданиями. Она что-то пробормотала — то ли «Ай-

дел-лейн», то ли «Айдл-лейн».[46] — Нам туда.

Хелен уперлась.

— Там слишком темно!

— Да тут совсем рядом.

Рука Джулии соскользнула с локтя Хелен к ее ладони, сжала пальцы и повела по уклонистой тропке, а чуть погодя дала знак остановиться. Взметнулся луч фонарика, и в его пляшущем свете Хелен различила абрис башни, изящной и высокой, с острым тонким шпилем, поднявшимся над арочными контрфорсами, а может, всего лишь пробоинами от бомб, ибо лишенная крыши церковь была выпотрошена и искорежена.

— Сент-Дунстан-Ист, — тихо сказала Джулия, глядя вверх. — После Большого пожара тысяча шестьсот шестьдесят шестого года ее заново отстроил Рен,[47] как и большинство здешних церквей. Говорят, в этом проекте ему помогала дочь Джейн. Вроде бы сама укладывала последние камни наверху, потому что каменщик струхнул.

---

46 Примечания: 46

Каламбур: Айдел-лейн — Идолов проулок; Айдл-лейн — Лентяев проулок.

47 Примечания: 47

Кристофер Рен (1632-1723) — английский архитектор, математик и астроном. Гармонично связывал разнообразные по формам здания с пейзажем и городской средой (план реконструкции Лондона, 1666, лондонский собор Святого Павла, 1675-1710).

Когда убрали леса, она легла здесь внизу, демонстрируя уверенность, что башня не рухнет... Я люблю здесь бывать. Представляю, как Джейн с кирпичами и мастерком взбиралась по ступеням башни. Наверняка, она была крепышом, хотя на портретах ее изображают бледноликой и хрупкой. Побудем здесь минутку? Вы не очень замерзли?

— Нет, ничего. Только внутрь не пойдем.

— Нет-нет, здесь постоим. Если держаться в тени, никакой разбойник или головорез нас ввек не разглядит.

Не разнимая рук, они обошли башню вокруг, ориентируясь по разбитому ограждению и осторожно нащупывая дорогу в искореженной земле. Каждая дверь в башню имела крыльцо из трехчетырех вытертых каменных ступеней; возле одной они присели. От камня исходил ледяной холод. Черные двери и стены совсем не отражали света, и Хелен едва различала Джулию в ее темной кепке и куртке.

Но уловила движение ее руки, когда та нырнула в карман и достала термос. Услышала влажный чмок пробки, покинувшей стеклянное горлышко. Джулия передала термос, Хелен поднесла его ко рту. Терпкое красное питье отыскало дорогу к гу-

бам и точно огнем опалило язык. Хелен глотнула, и почти сразу напряжение отпустило.

— Мы будто единственные, кто уцелел в городе, — прошептала она, возвращая флягу. — Как вы думаете, здесь привидения водятся?

Джулия сделала глоток. Отерла рот.

— Может, бродит призрак Самуэля Пипса.[48] Он захаживал в эту церковь. Однажды здесь на него напала парочка грабителей.

— Не будь я пьяной, слушать бы такого не стала.

— Что-то вы быстро опьянели.

— Я уж до этого была пьяной, только не признавалась. Ладно, у меня день рожденья, имею право.

— Тогда мне тоже следует напиться. Что за радость надираться в одиночку?

Они выпили еще и посидели молча. Потом Хелен очень тихо запела:

Лимоны-апельсины! – звонят у Клементины.

Оладьи с утра! – звонят у Петра.

---

48 Примечания: 48

Самуэль Пипс (1633-1703) — организатор морских экспедиций, член парламента, известный своими дневниками, где отражены нашествие чумы, Большой пожар и другие значительные события того времени.

— Какие дурацкие слова, правда? — сказала она, оборвав пение. — Вот уж не думала, что еще их помню.

Ваша карта бита! – звонят у Маргариты.

Играем без обмана! – звонят у Иоанна.

— Вы мило поете, — сказала Джулия. — А про святую Елену там ничего не говорится?

— Кажется, нет. А что тогда прозвонили бы колокола?

— Вот уж не знаю. Может, «большие перемены»?

— Или «тюремные стены»... Как насчет святой Иулии?

— По-моему, такой святой вообще нет. И потом, она не рифмуется. Разве что, с чем-нибудь странным, вроде ульи.

— Пожалуй, вы самый не странный человек из всех, кого я встречала, Джулия.

Они говорили тихо, привалившись к черной башенной двери и повернувшись друг к другу. Когда Джулия рассмеялась, Хелен ощутила волну ее дыхания, теплого, пахнущего вином и чуть кисловатого от табака.

— Вам не странно, что по темноте вас притащи-

ли к руинам церкви? — спросила Джулия.

— Это чудесно.

— Выпейте еще вина, — усмехнулась Джулия.

Хелен покачала головой. Сердце колотилось в горле. Очень высоко и сильно, не давая сглотнуть.

— Я больше не хочу, — тихо проговорила Хелен. — Вообще-то, Джулия, я боюсь быть пьяной, когда я с вами.

Ей казалось, что не понять смысла ее слов нельзя, что они проникли сквозь тонкую, но упругую перепонку, прорвали ее, и теперь хлынет лавина неуправляемых чувств... Но Джулия вновь засмеялась и, видимо, отвернулась, потому что ее дыхание больше не касалось губ Хелен; когда она заговорила, голос ее звучал задумчиво и отрешенно:

— Как странно, ведь мы так мало знаем друг друга. Когда три недели назад мы пили чай у станции «Марилебон» — помните? — я бы в жизни не подумала, что буду вот так с вами сидеть...

— Почему вы тогда меня окликнули, Джулия? — помолчав, спросила Хелен. — Почему пригласили выпить чаю?

— Почему? — переспросила Джулия. — Сказать?.. Прямо боюсь. Пожалуй, вы меня вознена-

видите. Я это сделала... ну, из любопытства, так, наверное, можно выразиться.

— Из любопытства?

— Хотелось... вас оценить, так что ли. — Джулия смущенно усмехнулась. — Я думала, вы догадались.

Хелен молчала. Она вспомнила странный хитроватый взгляд Джулии, когда речь зашла о Кей, и свое ощущение, будто ее проверяют и оценивают. Наконец она выговорила:

— Наверное, я все же догадалась. Вам хотелось узнать, найдете ли вы во мне то, что находит Кей, да?

Джулия шевельнулась.

— Это был гадкий поступок. Теперь я сожалею.

— Пустяки, — сказала Хелен. — Правда, это не важно. В конце концов... — Чуть затонувшее возбуждение вновь всплыло на спасательном круге вина и темноты. — В итоге мы обе оказались в несколько странной ситуации.

— Вот как?

— Я говорю о том, что было между вами и Кей...

Даже в темноте Хелен тотчас поняла, что допустила ошибку. Джулия напряглась.

— Кей вам рассказала? — резко спросила она.

— Да. Впрочем, я сама догадывалась.

— И вы с Кей говорили об этом?

— Да.

— Что же она сказала?

— Только, что это была...

— Что?

Хелен замялась и потом ответила:

— Нелюбовь — так она выразилась.

— Нелюбовь? — засмеялась Джулия. — Надо же! — Она снова отвернулась.

Хелен потянулась к ее руке. Но поймала рукав куртки.

— Что случилось? Что? Ведь это не важно, правда? Для меня это никогда не имело значения. Вы об этом думаете? Или о том, что это не мое собачье дело? Но все же до некоторой степени это меня касается. Раз Кей была со мной так честна и откровенна... — От волнения Хелен забыла, что в данной теме Кей вовсе не была с ней откровенна. — Если Кей была в этом столь открыта и искренна, зачем же нам притворяться? Если это ничего не значило для меня, почему теперь оно должно что-то значить для нас?

— Как вы великодушны! — сказала Джулия.

Реплика прозвучала так холодно, что Хелен испугалась.

— При чем здесь великодушие? Дело не в том. Я что пытаюсь сказать: мне будет горько, если между нами возникнет хоть тень отчужденности. Кей этого вовсе не хотела...

— Ох, Кей! Она невероятно сентиментальна. Вам не кажется? Прикидывается крутой, но... Помню, я повела ее на фильм с Астером и Роджерс.[49] Она проплакала всю картину. Чего ты ревела? — спросила я потом. Из-за танцев, отвечает.

Тон Джулии совершенно переменился. Она говорила едва ли не с горечью:

— Я ничуть не удивилась, когда Кей встретила вас. В смысле, как вы встретились. Прямо эпизод из кинофильма, нет?

— Не знаю, — смущенно ответила Хелен. — Наверное. Хотя тогда это так не выглядело.

— Будто? Кей мне все рассказала — как нашла вас и все такое. Да, так она выразилась: нашла вас. Говорила, как ей стало страшно от мысли, что еще немного, и вы бы могли погибнуть. Описывала, как дотронулась до вашего лица...

— Я почти ничего не помню, — в отчаянии сказала Хелен. — Ужасно глупо.

---

49 Примечания: 49

Фред Астер (1899-1987) — настоящее имя Фред Аустерлиц; танцовщик и актер. До 1932 г. выступал в паре с сестрой Аделью, в 1933-1939 гг. — с Джинджер Роджерс.

— Зато Кей все прекрасно помнит. Говорю же, она сентиментальна. Всю вашу историю воспринимает как знак судьбы, прикосновение рока.

— Там было прикосновение рока! Неужто не видите, как все ужасно запутано? Если б я не встретила Кей, я бы никогда не увидела вас, Джулия. И она бы меня не полюбила, если б вы позволили ей любить себя...

— Что?

— Я была вам благодарна. — Голос Хелен взвился и задрожал. — Получилось, что своим нежеланием вы вроде бы отдали Кей мне. А теперь я сделала то же, что и она.

— Что? — повторила Джулия.

— Вы не догадываетесь? Я сама в вас влюбилась!

До последнего мгновенья Хелен не знала, что произнесет эти слова, но, прозвучав, они стали правдой.

Джулия не ответила. Она повернулась, и ее дыхание, теплое и горьковатое, вновь затрепетало на влажных озябших губах Хелен. Джулия сидела неподвижно, потом ухватила и крепко, почти до боли, сжала пальцы Хелен — будто ослепленный мукой или горем человек, который цепляется за чью-то руку или ременную петлю.

— Кей... — начала она.

— Я знаю! — перебила Хелен. — Но я просто ничего не могу с собой поделать, Джулия! Ненавижу себя, а сделать ничего не могу! Видели бы вы меня сегодня... Она была так добра ко мне. А я думала только о вас. Мечтала, чтобы она оказалась вами! Я хотела... — Хелен замолчала. — О боже!

Она отчетливо ощутила тот странный легкий трепет, ту дрожь, которая всегда возникала перед объявлением тревоги; еще не стих ее голос, как завыли сирены. Они забирали все выше и выше, точно в лихорадочной гамме, срывались в тишину и начинали вновь; даже после стольких лет войны было невозможно оставаться абсолютно спокойной, не обращать внимания на их назойливый надрыв, не чувствовать в груди острые коготки паники.

Эффект сирен усиливала кромешная темень. Хелен зажала уши.

— Это несправедливо! — вскрикнула она, — Не могу их слышать! Они — словно похоронный плач! Точно погребальный звон! Они говорят: «В укрытие! Беги и прячься! Голову на плаху — топор отрубит с маху!»[50]

---

50 Примечания: 50

Концовка вышеупомянутой песенки про лимоны-апельсины.

— Тихо! — Джулия коснулась ее плеча, и в следующую секунду сирены смолкли.

В наступившей тишине было еще страшнее. Они напряженно вслушивались и наконец уловили слабый гул бомбардировщиков. Дико было думать, что внутри этих странных железяк сидят парни, которые желают тебе зла; ведь всего пару часов назад они бродили, перекусывали, пили кофе, курили, ежились в куртках и притоптывали озябшими ногами... Потом мили за две-три раздались первые залпы заградительных батарей.

Запрокинув голову, Хелен посмотрела вверх. Прожектора разбавили гущу тьмы, но вместо неба она увидела вздымающуюся стену башни. Сквозь волосы чувствуя жесткую дверь, она представила, как безжалостной грудой камней и цемента обрушится кладка. Казалось, уже сейчас башня качается и кренится.

«Что я здесь делаю? — пришла внезапная мысль. За ней другая: — Где Кей?»

Хелен неловко вскочила.

— Что такое? — спросила Джулия.

— Мне страшно. Я не хочу здесь оставаться. Простите...

— Все в порядке. — Джулия согнула ноги. — Мне тоже страшно. Помогите подняться.

Ухватившись за руку Хелен, она подтянулась и встала. Они включили фонарики и быстрым шагом направились обратно в проулок — Идолов, Лентяев или черт его знает чей. На Истчип остановились, не зная, в какую сторону идти безопаснее. Джулия двинулась направо, но Хелен ее придержала.

— Погодите, — задыхаясь, сказала она. Справа небо прорезали лучи прожекторов. — Там восток, да? В той стороне доки, верно? Туда не пойдем. Давайте выбираться тем же путем, как пришли.

— Через Сити? Можно спуститься на станцию «Монумент».[51]

— Хорошо, куда угодно. Лишь бы не стоять на месте и не думать о том, что сейчас посыплется сверху...

— Беритесь за мою руку. Вот так. — Голос Джулии был спокоен, хватка — крепкой, но не безумной, как прежде. — Я сглупила, притащив вас сюда. Надо было сообразить...

— Ничего, — сказала Хелен. — Все нормально.

Они вновь быстро зашагали.

---

51 Примечания: 51

«Монумент» — станция метро в районе Сити, где находится колонна, в 1671-1677 гг. воздвигнутая в память о Большом лондонском пожаре. Считается, что ее высота — 61,5 м — равна расстоянию от «Монумента» до лавки пекаря на Пуддинг-лейн, где начался пожар. Наверху памятника есть смотровая площадка, куда ведет винтовая лестница.

— Мы около церкви Святого Клемента, — на ходу говорила Джулия. — Это где-то здесь.

Она посветила фонариком, придержала Хелен, нерешительно потопталась и двинулась дальше. Они шли, спотыкаясь о развороченную брусчатку, нащупывая ногой несуществующие бордюры, — с толку сбивало мельканье теней от шарящих по небу прожекторов. Наконец они разглядели белевшую паперть.

Однако церковь оказалась другой — «Святого Эдмунда, короля-мученика», гласила надпись.

Совершенно растерянная, Джулия остановилась.

— Нас вынесло на Ломбард-стрит. — Она сняла кепку и взъерошила волосы. — Как же так, черт возьми?

— В какой стороне метро? — спросила Хелен.

— Точно не знаю.

Обе подпрыгнули, когда из-за угла вылетела машина, с грохотом проскочила мимо и скрылась в темноте. Они двинулись дальше и через секунду услышали мужские голоса, которые странным эхом плыли сверху, точно заклинания военных призраков. Двое наблюдателей на крышах переговаривались через улицу: один сообщал, что, кажется, видит зажигалки в Вулидже и Боу.

— Вон еще кучу сбросил! — крикнул он.

Держась за руки, Джулия с Хелен стояли и слушали, когда из темноты вынырнул караульный, чуть не сбив их с ног.

— Вы еще тут откуда, черт бы вас побрал? — рявкнул он, отдуваясь. — Вырубайте фонарики и живо марш в убежище!

Когда появился караульный, Джулия выдернула пальцы из руки Хелен и отшагнула в сторону.

— А что, по-вашему, мы пытаемся сделать? — чуть раздраженно спросила она. — Где ближайшее укрытие?

Караульный уловил недовольство в ее голосе или, скорее, ее аристократический выговор, и тон его слегка изменился.

— Станция «Банк», мисс. Пятьдесят ярдов отсюда. — Большим пальцем он ткнул через плечо и побежал дальше.

То ли из-за относительной обыденности реплик, то ли от того, что кто-то был взбудоражен больше нее, но тревога Хелен вдруг волшебным образом рассосалась, будто проколотая иголкой. Она взяла Джулию под руку, и они неспешно двинулись к уже легко различимой арке из гофрированного железа, обложенной мешками с песком, — входу на станцию. Подойдя ближе,

они увидели мужчину и девушку, торопливо сбегавших вниз; тучную женщину с натертыми или негнущимися ногами, которая изо всех сил старалась скорее спуститься; невероятно возбужденного мальчишку, который подскакивал, глядя на небо.

Джулия замедлила шаг.

— Ну вот и пришли, — безрадостно сказала она.

«Вот и вернулись к обществу, болтовне, суете и свету» — так Хелен истолковала смысл сказанного...

— Погодите.

Она потянула Джулию за руку. Что они делают? Еще пятнадцать минут назад она вскрикнула в темноте: «Я в вас влюбилась!» Хелен вспомнила трепещущее дыхание Джулии на своих губах. Вспомнила руку, яростно сжавшую ее пальцы.

— Я не хочу вниз, — тихо сказала она. — Я... Я не хочу делить вас с другими, Джулия. Не хочу вас терять.

Кажется, Джулия собралась что-то ответить, Хелен не успела понять. Ибо в следующее мгновение их осветило вспышкой, подобной молнии, короткой и неестественно яркой, отчего показалось, что тысячи крохотных деталей — строчка

на воротнике, якоря на пуговицах куртки Джулий — отделились, зависли в воздухе и прыгнули в глаза, ослепив их. Через две секунды раздался взрыв, фантастически громкий, не бешено близкий — вероятно, где-то на Ливерпуль-стрит или Мургейт, — но достаточно близкий, чтобы ощутить его удар и странный порыв безвоздушного ветра. Мальчишка, скакавший на станционной лестнице, завопил в неописуемом восторге, кто-то из взрослых метнулся к нему, сгреб в охапку и утащил вниз. Хелен протянула руку, Джулия ее схватила. Они побежали, но не к станции, а прочь от нее, обратно к Ломбард-стрит. Они смеялись как ненормальные. Когда раздался следующий взрыв — на сей раз дальше, — они пуще захохотали и еще наддали.

— Сюда!

Джулия потащила Хелен за руку. При свете второй вспышки она разглядела нечто вроде баррикады, возведенной перед входом в контору или банк. За ней образовался глубокий, пропахший джутом, невероятно темный закуток; таща Хелен за собой, Джулия ринулась в него, как в чернильную пелену.

Стараясь отдышаться, они молчали; в тесноте закутка казалось, что их дыхание заглушает все

звуки царящего на улице хаоса. Услышав топот, они выглянули и увидели караульного, с которым недавно разговаривали; тот опять бежал, только в обратную сторону. Он пронесся совсем рядом, но их не заметил.

— Вот мы снова невидимки, — прошептала Джулия.

Выглядывая, они придвинулись друг к другу. На ухе и щеке Хелен вновь чувствовала дуновение от дыхания Джулии; она сознавала, что нужно лишь подвинуть голову — чуть повернуть и слегка наклонить, чтобы в темноте ее губы отыскали рот Джулии... Но замерла, не в силах пошевелиться, и в конечном счете поцелуй исходил от Джулии. Ее рука коснулась лица Хелен и стала проводником для двух слепых ртов; когда поцелуй занялся, точно пожар, она скользнула на затылок Хелен и прижала ее голову еще плотнее.

Через секунду Джулия отпрянула. Она растянула узел на шарфе Хелен и медленно потянула пуговицы на ее пальто. Расстегнула и принялась за пуговицы на своей куртке; распахнула ее полы и вновь придвинулась ближе; казалось, два расстегнутых одеяния, сойдясь друг с другом, образовали еще одну баррикаду, темнее первой. Тела за ней были податливы, упруги и

удивительно теплы. Они снова поцеловались, прилаживаясь друг к другу: колено Джулии уютно пристроилось между ног Хелен, бедро Хелен протиснулось между ног Джулии; почти не шевелясь, они лишь подталкивали, подталкивали друг друга бедрами.

Наконец Хелен отвернулась и прошептала:

— Вот этого хотела Кей, да? Я ее понимаю, Джулия! Господи! Я чувствую... чувствую себя ею! Хочу коснуться тебя, Джулия. Хочу коснуться тебя, как она...

Джулия отстранилась. Нашла руку Хелен и сдернула с нее перчатку, позволив ей упасть. Расстегнула свои брюки и почти грубо сунула в них руку Хелен.

— Так сделай это, — сказала она.

*

Когда начинали выть сирены, дежурная бегала с этажа на этаж, неслась по коридорам и стучала в каждую дверь: «Налет, девочки! Воздушная тревога!» Далее всем жилицам полагалось спокойно и организованно спуститься в подвал, где, как в любом убежище, было слишком промозгло, душно и сумрачно. В подвале разудалые обитательницы общаги, с кем Вив почти не

зналась и для кого подобная жизнь была лишь разновидностью пребывания в пансионе, иногда пытались затеять игры или хоровое исполнение развеселых песенок. Теперь Вив еще боялась, что ее затошнит от разнообразных запахов подвала.

В последние недели она привыкла пережидать тревогу в своей комнате, которую делила с Бетти и еще одной девушкой по имени Анна. Те спали как убитые — Анна накачивалась верамоном, Бетти надевала наглазники, а в уши вставляла розовые восковые затычки. И только Вив беспокойно ворочалась в кровати, вздрагивая от разрывов бомб и залпов зенитного огня; она думала о Реджи, Дункане, отце и сестре; обхватив руками живот, размышляла, как же быть со штуковиной, что росла в ней и от которой нужно избавиться.

Она пробовала таблетки, которые принимала Фелисити Уитерз, но те лишь одарили ее желудочными коликами и почти на неделю жутким поносом, не возымев иного эффекта. Дни проходили в тревожном ступоре: Вив постоянно ошибалась в работе, не могла ни есть, ни курить, ни сосредоточиться на чем-то ином, кроме необходимости сглатывать тошноту, которая поднималась в ней черной горькой волной и

мучила часами. А сегодня утром она еще с ужасом обнаружила, что юбка не сходится в поясе; пришлось заколоть ее булавкой.

— Что же мне делать? — спрашивала она Бетти, а та всегда повторяла уже сказанное:

— Сообщи Реджи. Господи ты боже мой, Вив, если ты этого не сделаешь, я сама ему напишу!

Вив не хотела писать из-за цензуры. До следующей побывки Реджи оставалось еще две недели. Она не могла ждать так долго, толстея и мучаясь от тошноты и страха. Вив понимала, что должна ему сообщить. Единственный способ — позвонить по телефону. Сейчас она застыла в постели, уговаривая себя встать и сойти вниз, чтобы сделать звонок.

Вив надеялась, что налет скоро закончится, однако бомбежка только усиливалась. Через пару минут, услышав, как во сне забормотала Анна, она откинула одеяло. Если бомбы начнут падать ближе, соседка может проснуться. Это все усложнит. Звонить надо сейчас, думала Вив, или никогда...

Она встала, надела халат, тапочки и взяла фонарик.

Вив вышла в коридор и осторожно спустилась на один этаж, нащупывая ногой ступеньки, ибо

лестницу тускло освещала лишь одна синяя лампочка. Она двигалась почти бесшумно и чуть не до смерти напугала девушку, которая с тарелкой в руке поднималась навстречу.

— Вив! — выдохнула девица. — О господи! Я уж подумала — это призрак Старой машинистки.

— Извини, Милли.

— Ты куда? В подвал? Ну дуй вместо меня. Как раз поспеешь на второй кон «Мальчик-Девочка-Цветочек-Зверечек»... Или ты положила глаз на крекеры, что завалялись в комнате отдыха? Облом. Я их уже хапнула для нас с Жаклин Найт и Каролиной Грэм.

Вив замотала головой:

— Ешьте на здоровье. Я только попить хочу.

— Гляди, там мыши, — сказала Милли, поднимаясь по лестнице. — И помни: если кто спросит про крекеры, ты меня не видела. В долгу не останусь.

Голос ее стих. Вив дождалась, пока Милли пройдет по площадке, и стала спускаться дальше. Чем ниже, тем лестница становилась шире — старый дом был построен с претензией на роскошь. Потолки украшали огромные лепные розетки, на стенах остались крючки, где некогда висели жирандоли. Балясины перил обладали изящными

формами и узкой талией. Красивые малиновые дорожки в коридорах были застланы холстиной, сильно пострадавшей от каблуков-шпилек. Глянцевые стены, выкрашенные в унылые тона — зеленый, кремовый и серый, — в тусклом синем свете выглядели еще более удручающе.

В вестибюле громоздилась куча дамских пальто, шляпок и зонтиков. На столике лежала кипа газет и неразобранных писем. Фрамуга над дверью, естественно, была заколочена досками, но небьющееся стекло двери, что вела в подвал, набухало светом. Снизу донесся женский голос, подхваченный другими: «Первоцвет... Анютины глазки... Примула...»

Вив включила фонарик. Телефон располагался чрезвычайно публично — в нише перед комнатой отдыха, но со временем девушки отодрали скобки, крепившие провод к стене, и при желании можно было протянуть аппарат через коридор в чулан, где, сидя на газомере среди веников, ведер и швабер, в темноте сделать приватный звонок. Вив так и поступила, плотно притворив дверь чулана и приспособив фонарик на полку; в страхе перед мышами и пауками она опасливо косилась на щели и углы. Табличка на аппарате предупреждала: «Думай, прежде чем говорить».

Телефонный номер части, записанный на истертом клочке бумаги, лежал в кармане халата; Реджи дал его сто лет назад на самый крайний случай, и Вив никогда им не пользовалась. Но разве сейчас не крайний случай? — думала она. Вив достала бумажку. Сняла трубку, набрала «О» для выхода на коммутатор и отпустила медленно крутящийся диск, стараясь заглушить его стрекот носовым платком.

Голос телефонистки был прозрачен, как стекло. На соединение уйдет несколько минут, сказала она.

— Спасибо, — ответила Вив.

Аппарат она держала на коленях, готовя себя к его звонку. Замигал фонарик, и Вив, подумав о батарейке, выключила его. Она чуть-чуть приотворила дверь, чтобы из коридора через щель проникал тусклый синий свет. Кроме этого лучика, в чулане было абсолютно темно. Из подвала доносились раскаты смеха и рокот голосов. Когда падали бомбы, стены вздрагивали, источая ручейки пыли.

Наконец телефон на коленях Вив дернулся и зазвонил, насмерть ее перепугав. Трясущимися руками она схватила и чуть не выронила трубку. Стеклянная барышня сказала: «Секунду», после

чего вновь наступило ожидание, затем прошла серия щелчков, пока выполнялось соединение.

На линии возник мужской голос — телефониста части. Вив назвала фамилию Реджи.

— Вы не знаете, в какой он казарме? — спросил телефонист. Вив не знала. Связист набрал центральный корпус. Шли гудки... — Не отвечают.

— Пожалуйста, подождите еще, — взмолилась Вив. — Это очень срочно.

— Алло? — наконец возник другой голос. — Это мой разговор с Саутгемптоном? Алло?

— К сожалению, это внутренний вызов, — любезно пояснил телефонист.

— Твою мать-то!

— Не стоит благодарности.

Затем ответил кто-то еще и хотя бы сообщил номер казармы Реджи. На сей раз прошло только два гудка, и в трубку ворвался оглушающий шум: крики, смех, музыка из радио либо патефона.

— Аллоу? — промычал мужской голос.

— Алло, — тихо ответила Вив.

— Да? Кто это?

Вив сказала, что ей нужен Реджи.

— Реджи? Что? — орал человек.

— Кто там? — донесся еще один мужской голос.

— Какая-то девица, называющая себя Реджи.

— Она не себя называет Реджи, олух! Она хочет поговорить с Реджи! — Трубка зашуршала, переходя в другие руки. — Мои искренние извинения, мисс... Или мадам?

— Будьте любезны... — Сквозь щель чуть открытой двери Вив нервно глянула в коридор и приложила ко рту руку, чтобы заглушить голос. — Можно Реджи?

— Можно ли Реджи? Насколько я знаю Реджа, это будет зависеть от того, кто его спрашивает. Он задолжал вам денежку?

— А ей точно нужен Редж? — спросил первый голос.

— Мой приятель интересуется, — транслировал второй, — уверены ли вы, что вам нужен Редж, а не он. Вот сейчас мой друг руками обрисовывает формы, которые, вероятно, передают цвет ваших прекрасных глаз, изумительную кудрявость ваших волос и потрясающую выпуклость... вашего голоса.

— Пожалуйста, — повторила Вив. — Я не могу долго говорить.

— Друг сообщает, что его это не колышет.

— Реджи там или нет?

— Как передать, кто спрашивает?

— Скажите... скажите, его жена.

— Его женушка? В таком разе, боже меня упаси...

Голос перешел в бормотание, а потом в искаженный мембраной вопль. Затем послышались радостные вопли и шуршанье трубки, переходившей из рук в руки. Наконец возник запыхавшийся голос Реджи:

— Мерилин?

— Это не она, это я, — быстро сказала Вив. — Не называй меня по имени, вдруг телефонистка слушает.

Он все же назвал:

— Вив? — Голос был изумленный. — Ребята сказали...

— Знаю, они дурачились, и я не придумала ничего другого.

— Господи! — Было слышно, как он трет щетинистый подбородок. — Ты где? Как ты меня нашла?.. Вудз! — Он говорил в сторону. — Ей-богу, еще одна такая выходка и...

— Просто позвонила на коммутатор.

— Что?

— Через коммутатор.

— У тебя все нормально?

— Да... Нет.

— Я тебя не слышу. Погоди минутку... — Реджи

пропал; опять слышались крики и смех. Реджи вернулся, голос вновь был запыхавшийся. — Вот же засранцы... — Он куда-то перешел или закрыл дверь. — Ты где? Говоришь, будто из бадьи со дна колодца.

— Я дома, в чулане, — прошептала Вив. — Ну, то есть в общаге.

— В чулане?

— Девочки отсюда звонят... Это не важно. Понимаешь... кое-что случилось, Реджи.

— Что? С твоим треклятым братцем?

— Не называй его так! Нет, не то. Совсем другое.

— Тогда что?

— Я... Просто... — Вив опять глянула в холл и сказала еще тише: — Моя подруга не пришла.

— Твоя — кто? Твоя подруга? — Он не понял — Какая подруга?

— Моя *подруга.*

Наступило молчание.

— Господи! — охнул Реджи. — Боже мой, Вив!

— Не называй меня по имени!

— Нет-нет... Почем? То есть сколько?

— Наверное, около восьми недель.

— Восьми? — Он подсчитывал в уме. — Значит, ты уже была... когда мы виделись в последний

раз?

— Да, я уже была. Но я не знала.

— А ты абсолютно уверена? Может, просто... не заметила?

— Не думаю. Такого не бывало.

— Но мы же были осторожны, правда? Я осторожничал каждый сволочной раз! Какой тогда смысл оберегаться, если это случается?

— Не знаю. Не повезло.

— Не повезло?! Господи...

В его голосе слышалось отвращение. Он снова отвел трубку; Вив представила, как он дергает себя за волосы.

— Не надо так, — сказала она. — Я измучилась... Вся извелась... Чего только не пробовала. Я... кое-что принимала.

Реджи не расслышал.

— Что?

Вив снова прикрыла рот, но постаралась говорить отчетливей:

— Я кое-что принимала. Ну, ты понимаешь... Не помогло, лишь тошнит.

— А ты нужное принимала?

— Не знаю. Оно что, разное? Купила в аптеке. Хозяин сказал, сработает, но не помогло. Это просто ужас.

— Может, еще раз попробовать?

— Я не хочу, Реджи.

— Может, все-таки стоит?

— От них мне ужасно плохо.

— А если все же...

— Меня опять затошнит! Ох, Реджи! Я не смогу! Не знаю, что делать!

Все это время голос ее дрожал, а теперь напрягся и взлетел. Накатила паника, Вив чуть не плакала.

— Ладно, все нормально, — сказал Реджи. — Слушай меня. Все хорошо, малыш. Слушай сюда. Конечно, это как обухом... Мне нужно обдумать. Тут есть один парень... Кажется, его девушка... Дай мне чуток времени.

Вив отодвинула трубку и высморкалась.

— Я не хотела тебе говорить, — убито сказала она. — Думала, сама разберусь... Только... мне так плохо... Если папа узнает...

— Все в порядке, малыш.

— У него разорвется сердце... Это...

В трубке запикало, телефонистка сказала:

— Одна минута, абонент.

Это была та же девушка, что принимала заказ, а может, другая, но с таким же прозрачным стеклянным голосом. Вив и Реджи смолкли.

— Как думаешь, она все слышала? — наконец прошептал Реджи.

— Не знаю.

— Они же не слушают, правда?

— Не знаю.

— Когда им, если столько звонков?

— Надеюсь, не слушают.

Вновь молчание...

— Черт, — как-то устало произнес Реджи. — Что за невезение! Надо ж так вляпаться. И ведь каждый раз осторожничал!

— Я знаю, — сказала Вив.

— Спрошу у того парня насчет его девушки, что она делала. Идет?

Вив кивнула.

— Идет?

— Хорошо.

— Больше не волнуйся.

— Не буду.

— Обещаешь?

— Да.

— Все будет в порядке. Лады? Умничка.

Оставаясь на линии, они молчали, пока опять не возник голос телефонистки, спросивший, желают ли абоненты продлить разговор. Вив сказала — не надо, и в трубке наступила мертвая

тишина.

*

— Привет, — часа через два чуть слышно сказала Кей, погладив Хелен по волосам.

— Привет. — Хелен открыла глаза.

Кей присела рядом.

— Жаль, но день рожденья кончился. Сейчас около двух.

— С тобой все хорошо?

— Ни царапинки. Мы не выезжали. Все досталось Бетнал-Грин и Шордичу.

Хелен взяла Кей за руку и сжала пальцы.

— Я рада.

Кей зевнула.

— Лучше бы выезжали. Весь вечер с Микки и Хьюзом решала головоломки. — Она поцеловала Хелен в щеку и примостилась рядом. — От тебя пахнет мылом.

Хелен напряглась.

— Правда?

— Я тебя разбудила?

— Не пойму... Который час?

— Да. Как от маленькой. Искупалась второй раз? Должно быть, чистенькая как не знаю что. Тебе было одиноко?

— Нет, ничего.

— Я хотела улизнуть к тебе.

— Серьезно?

Кей улыбнулась.

— Вообще-то нет. Просто было ужасно сидеть там зазря, когда ты здесь.

— Угу.

Хелен обвила себя рукой Кей, словно для тепла и покоя. Ее голые ноги забрались на ноги Кей; ночная рубашка вздернулась почти до ягодиц. Под рукой Кей чувствовала ее тяжелые теплые груди. Она поцелована Хелен в затылок и погладила по волосам.

— Совсем уже спишь, милая?

— Почти.

— Даже нет сил поцеловать?

Хелен не ответила. Свободной рукой Кей осторожно оттянула воротник ее ночной рубашки. Прикоснулась губами к изгибу шеи, передвинулась ниже, к жаркой гладкой плоти. И тут вдруг поняла, что под рукой у нее ткань старой рубашки. Кей приподняла с подушки голову и удивленно спросила:

— Ты не в новой пижаме?

— Ммм? — пробурчала Хелен, будто спросонья.

— Пижама, — тихо сказала Кей.

— Ой! — Хелен вновь отыскала руку Кей и притянула к себе. — Я забыла.

5

В тот вечер полная луна была столь яркой, что фонарики не требовались. В ее свете все казалось черно-белым и беспредельным; дома выглядели плоской театральной декорацией, а деревья будто сделали из папье-маше, осыпав блестками и мазнув серебрянкой. Возникало неприятное ощущение уязвимости, незащищенности. Сошедшие с поезда пассажиры поднимали воротники пальто и, пригнув голову, спешили укрыться в темноте. В сотне ярдов от станции «Крикл-вуд» улицы были пустынны. Лишь две фигуры — Реджи и Вив — брели, не зная точного маршрута. Реджи достал бумажку, чтобы свериться с адресом, и Вив испуганно взглянула на небо — казалось, листок сияет.

Нужный им дом имел вполне обычный вид, но под звонком к двери была привинчена именная табличка, которая выглядела солидно и профессионально; она обнадеживала и вместе с тем пугала. Рука Вив, лежавшая на сгибе локтя Реджи, чуть потянула назад. Реджи накрыл ее ладонью и пожал. Пальцам Вив было странно от золотистого кольца — великоватое, оно беспрестанно

съезжало.

— Ты как? — спросил Реджи.

Голос звучал блекло. Реджи боялся врачей, больниц и всякого такого. Вив знала, о чем он думает: пусть бы ее сопровождали Бетти или сестра — кто угодно, только не он.

Звонок нажала она. Хозяин — мистер Имри — открыл почти сразу.

— Прошу вас, — довольно громко сказал он, оглядывая улицу. — Пожалуйста, входите.

Пока хозяин возился с дверью, закрывая маскировочной шторой филенки из матового стекла, Реджи и Вив стояли рядышком в темной, неопределимых размеров прихожей; потом их проводили в приемную, где яркий свет заставил сощуриться. В комнате сладковато пахло мастикой, резиной и хлороформом. На стенах висели плакаты с изображением зубов и розовых десен; в стеклянном ящике расположился гипсовый муляж огромного моляра в разрезе, демонстрирующий эмаль, пульпу и красный нерв. В ярком свете краски приобрели синевато-багровый оттенок. Вив переводила взгляд с экспоната на экспонат, чувствуя, как заныли зубы.

Мистер Имри был дантистом и попутно оказывал иные услуги.

— Присаживайтесь, — сказал он.

На доске с зажимом мистер Имри закрепил лист бумаги. Очки в массивной оправе он, как всякий близорукий, сдвинул на лоб, отчего стал похож на мотоциклиста. «Ваше имя?» — спросил мистер Имри. Вив сняла перчатки, чтобы открыть кольцо, и, порозовев от неловкости, назвала имя, о котором условилась с Реджи: миссис Маргарет Харрисон. Записывая, мистер Имри громко его повторил, а затем начинал с него каждый вопрос: «Нуте-с, миссис Харрисон...», «Что ж, миссис Харрисон...», и оно стало казаться фальшивым и надуманным, как псевдоним актрисы или имя персонажа фильма.

Вначале вопросы шли вполне обыкновенные. Когда они приобрели более личный характер, мистер Имри предложил Реджи обождать в вестибюле. Вив отметила резвость и облегчение, с каким тот выскочил в прихожую. Донесся скрип его ботинок по линолеуму, когда он стал расхаживать туда-сюда.

Видимо, мистер Имри тоже его слышал; он понизил голос:

— Дата последних месячных?

Вив назвала. Мистер Имри записал и будто бы нахмурился.

— Дети есть? — продолжил он. — Выкидыши были? Вы знаете, что такое выкидыш? Ну да, конечно... Приходилось ли вам прежде получать... э-э... лечение, за которым вы обратились ко мне?

На все Вив ответила «нет», а потом, чуть поколебавшись, рассказала о таблетках — на случай, если это имело значение.

Выслушав, мистер Имри пренебрежительно тряхнул головой:

— С подобными штучками не стоит связываться, если позволите дать совет. Наверное, расстроили ваш животик, да? Ну так я и думал.

Он сбросил на нос очки, красноватый призрак которых отпечатался на лбу.

Мистер Имри достал чемоданчик с инструментами, и Вив вздрогнула, наполняясь страхом. Но дантист хотел лишь измерить давление и прослушать грудь; затем попросил встать и расстегнуть юбку, после чего ощупал весь живот, крепко нажимая пальцами и ладонью. Потом выпрямился и вытер руки.

— Да, срок у вас больше, чем хотелось бы, — серьезно сказал он. Разумеется, его отсчет шел от последних месячных. — Обычно подобное лечение я рекомендую при беременности до десяти недель, а вы уже перешагнули этот рубеж.

Видимо, лишние недели имели значение. Мистер Имри пригласил в приемную Реджи и объяснил обоим, что дополнительный риск вынуждает его увеличить размер стандартной платы:

— Как ни жаль, еще десять фунтов.

— Десять фунтов? — всполошился Реджи.

Мистер Имри развел руками:

— Учтите существующий закон. Я очень сильно рискую.

— Приятель сказал — семьдесят пять. Это все, что у меня с собой.

— Этой суммы хватило бы месяц назад. Скажу больше: ее было бы достаточно и сейчас, обратись вы к другому врачу. Но я не такой человек. Я думаю о здоровье вашей супруги. А также о своей жене. Прошу извинить.

Реджи покачал головой.

— Если уж на то пошло, так дела не делаются, — с горечью сказал он. — Сначала одна цена, а через месяц другая. Какая вам разница, если оно просидело там... — он неопределенно кивнул на живот Вив, — пару-тройку лишних недель?

Улыбка мистера Имри демонстрировала невероятное терпение.

— Как ни прискорбно, разница весьма суще-

ственная.

— Ну это вы так говорите. Наверное, то же самое заявите парню, который придет к вам... не знаю, с вросшим зубом.

— Вполне возможно.

— Да уж скажете, нет, что ли?

Препирательство продолжалось. Глядя в пол, Вив молчала и ненавидела все это, ненавидела Реджи. Наконец мистер Имри согласился принять дополнительную плату талонами на одежду. Реджи отвернулся, выудил небольшую пачку талонов, впихнул ее в заготовленный конверт с деньгами и отдал врачу. Вся процедура сопровождалась сопеньем.

— Благодарю вас, — с преувеличенной вежливостью сказал мистер Имри, пряча конверт в карман. — Теперь соблаговолите обождать здесь минуток двадцать, а мы с вашей супругой пройдем в соседнюю комнату.

— Подержи-ка пальто и шляпку, — холодно сказала Вив.

Реджи принял одежду и ухватил ее за руку.

— Все будет хорошо. — Он старался поймать ее взгляд. — Все будет в порядке.

Вив отдернула руку. Часы на стене показывали пять минут девятого. Через прихожую мистер

Имри провел ее в операционную.

Сначала Вив подумала, что они проследуют в другую комнату. Она полагала, что есть какое-то особое место. Но дантист деловито прошел к шкафчику с инструментами, и на одно ужасное мгновенье она вообразила, что все произойдет в зубоврачебном кресле. Но потом за креслом Вив разглядела покрытую вощеной бумагой раскладную кушетку, подле которой стояло цинковое ведерко. В ярком безжалостном свете все это выглядело жутко среди расставленных лотков с инструментами, странных приспособлений, боров и флаконов с хлороформом. Вив ощутила, как из груди к горлу подкатывает удушающий плач, и впервые подумала: «Не смогу!»

— Нуте-с, миссис Харрисон, — сказал мистер Имри, который, видимо, заметил ее нерешительность. — Разуйтесь, снимите юбку и белье, забирайтесь на кушетку, и мы приступим. Хорошо? Волноваться не о чем. Процедура весьма несложная.

Он отвернулся, снял пиджак, вымыл руки и стал закатывать рукава. Вив разделась перед включенным электрокамином, положила одежду на стул и быстро легла на хрустящую вощеную бумагу, стараясь успеть, пока дантист не обер-

нулся, ибо полуобнаженной почему-то ощущала себя более беззащитной, чем если б была совсем голой. В этом было что-то от шлюхи. Однако на плоской жесткой кушетке возникло иное дурацкое ощущение — рыбы, разевающей жабры и рот на разделочном столе рыбника.

— Позвольте, я подложу вам подушечку. — Мистер Имри подошел, старательно избегая смотреть на обнаженные бедра Вив. — А теперь приподнимитесь на секундочку. — Под ягодицы он подсунул свернутое полотенце и чуть выше вздернул на спине блузку. — Мы же не хотим испачкаться, правда?

Вив догадалась, что он все подтыкает, дабы не вымазать кровью, и вновь испугалась. Она не знала, сколько выйдет крови, и вообще имела самое смутное представление о том, что с ней будут делать. Дантист ничего не объяснил, а спрашивать казалось слишком поздно. Да говорить и не хотелось — Вив жутко смущалась того, что вся ее нижняя часть выставлена на обозрение. Она закрыла глаза.

Когда дантист попытался согнуть и раздвинуть ее ноги, смущение стало беспредельным.

— Если можно, лягте чуточку свободнее, миссис Харрисон, — попросил мистер Имри. — Миссис

Харрисон? Капельку расслабьтесь.

Вив раздвинула ноги и через секунду почувствовала, как нечто сухое и теплое вошло в нее и стало прощупывать. Его палец. Он тыкал сильно, а другая рука еще жестче, чем прежде, давила на живот. Вив чуть охнула. Дантист тыкал и давил до тех пор, пока она уже не смогла терпеть и отдернулась. Мистер Имри отклонился и вытер о полотенце руки.

— Разумеется, вы должны приготовиться к определенному неудобству. — Он говорил спокойно, как о чем-то обыденном. — К сожалению, тут уж ничего не поделаешь.

Мистер Имри взял матерчатый тампон, пропитанный остро пахнущей жидкостью, и стал прикладывать его Вив между ног. Она приподняла голову, стараясь увидеть, что он делает. Но видела лишь его лицо: он вновь поднял очки, опять став похожим на мотоциклиста, сварщика или камнереза. На полке возле его головы стояла игрушка — медвежонок то ли кролик в цветастом платьице и шляпке. Вив представила, как дантист размахивает игрушкой перед испуганными детьми. Объявление, пришпиленное к стене за его спиной, сообщало «Информацию касательно пломбирования и удалений».

Маска, которой мистер Имри накрыл ее лицо, походила на обычный респиратор и не вызвала неприятного ощущения, возникавшего в противогазе, так что Вив почти не обеспокоилась. Затем показалось, что она соскальзывает с кушетки, и Вив ухватилась за край, чтобы не свалиться... Видимо, она все-таки упала, но необъяснимо приземлилась на ноги, вдруг очутившись в людской толпе, где в темноте ее со всех сторон пихали. Вив не понимала, где она: на улице или в каком-то другом людном месте. Взвыла сирена; этот вой был ей странен, он ничего не означал. В толпе Вив никого не знала, но хватала людей за руки. «Что это? — спрашивала она. — Что за звук? Зачем он?» — «Разве не знаешь? — ответил кто-то. — Бык идет». — «Какой еще Бык?» — не понимала Вив. «Немецкий Бык», — сказал голос. И Вив тотчас поняла, что Бык — это новое чудовищное оружие. В панике она повернулась, но смотрела не туда, неправильно. «Вот он!» — вопил охваченный ужасом голос; Вив попыталась развернуться в другую сторону, но что-то ударило ее в живот, и она поняла, что в темноте напоролась на рог страшного Немецкого Быка. Выставив руки, Вив ощутила гладкую, твердую и холодную кость; она чувствовала точное место, где рог вошел в

живот, и знала: если коснуться спины, нащупаешь торчащий кончик, потому что ее пропороло насквозь...

Когда Вив пришла в себя, вернувшись к мистеру Имри, она все еще чувствовала рог. Казалось, он пригвоздил ее к кушетке. Вив слышала свой голос, который нес околесицу, видела усмешку мистера Имри.

— Быки? Нет, дорогуша, в Криклвуде они не водятся.

Он поднес к лицу Вив тазик, и ее вырвало.

Дантист подал ей носовой платок, чтобы отерла рот, и помог сесть. Полотенце, на котором она лежала, исчезло. Мистер Имри уже скатал рукава и аккуратно застегнул манжеты, вставив на место запонки; его лицо в легкой испарине чуть лоснилось. Казалось, все в комнате — запахи, расстановка вещей — неуловимо изменилось, будто время играло в «Бабушкины шаги»[52] и незаметно сделало шажок, пока Вив водила, повернувшись спиной. На полу алело единственное пятнышко

---

52 Примечания: 52

«Бабушкины шаги» (другие названия «Хитрая лисица», «Черный пудинг») — детская игра, в которой нужно незаметно подкрасться к водящему и коснуться его спины. Если водящий, прошептав считалку «Лондон пишется Л-О-Н-Д-О-Н» или «Раз, два, три, четыре, пять пирожков с повидлом», обернулся и заметил движение какого-то игрока, тот начинает водить.

размером с шиллинг, но более ничего скверного. Накрытое цинковое ведерко стояло в стороне.

Вив спустила ноги с кушетки, и нытье в животе и спине превратилось в тянущую внутреннюю боль; потом она ощутила, как саднит между ног и печет в подвздошье, словно ее пнули ногой. Мистер Имри сообщил, что вставил марлевый тампон, дабы впитывал кровь; на кушетку он положил обычную прокладку и пояс для чулок. Вновь ожгло смущением; Вив стала суетливо застегивать пояс. Видя ее неловкость, объяснимую воздействием хлороформа, мистер Имри помог справиться с застежками.

Одеваясь, Вив почувствовала невероятную слабость; еще возникло неприятное ощущение слипшихся ягодиц, где, видимо, запеклась кровь. Эта мысль причиняла беспокойство. Вив попросилась в туалет, и дантист проводил ее до уборной в конце коридора. Сев на унитаз, она боязливо потрогала концы марлевой затычки, опасаясь, что тампон провалится внутрь. Пописала, ощущая жжение. Промежность заломило от боли. Однако на туалетной бумаге крови почти не было, и Вив сообразила, что мокрое ощущение между ягодиц исходило, вероятно, от того, что мистер Имри губкой или тряпицей ее подмыл. Стало непри-

ятно. Жутковатое чувство, что ее выдернули из времени, не покидало: казалось, жизнь скакнула вперед и никак не удавалось с ней поравняться.

— Нуте-с, — сказал мистер Имри, когда она вернулась в операционную, — настройтесь, что день-другой будет небольшое кровотечение. Волноваться не нужно, это вполне нормально. На вашем месте я бы оставался в постели. Пусть муженек вас чуток побалует...

Он рекомендовал выпить портеру, дал еще несколько прокладок и скляницу аспирина для снятия боли. Затем проводил к Реджи.

— Господи! — Вынув изо рта сигарету, Реджи испуганно вскочил. — Ты жутко выглядишь!

Вив заплакала.

— Ничего-ничего, — сказал мистер Имри, входя следом. — Я предупредил миссис Харрисон, что сутки или около того будет небольшая слабость. Звоните, если что-нибудь вас обеспокоит. Только очень прошу не оставлять сообщений... Разумеется, в случае обмороков, сильного кровотечения, рвоты, нервных припадков и всякого такого обратитесь к своему врачу. Но, пожалуй, все это маловероятно. Весьма маловероятно. Полагаю, нет нужды говорить, что, в случае визита врача, ни к чему упоминать... — Он развел руками. — Я

уверен, вы все понимаете.

Реджи как-то дико на него посмотрел и не ответил.

— С тобой все в порядке? — спросил он Вив.

— Надеюсь, — всхлипнула она.

— О господи! — повторил Реджи и обратился к мистеру Имри: — Что, она так и должна выглядеть?

— Я же говорю — небольшая слабость. Характер чуть запущенной беременности капельку все осложняет, только и всего. Просто держите в уме вероятность рвоты и припадков...

Реджи сглотнул. Он натянул шинель и помог Вив надеть пальто. Она оперлась на его руку. Было без десяти девять. Все вышли в прихожую; мистер Имри затворил приемную и шмыгнул прикрыть дверь в операционную. Затем погасил свет, отпер, но лишь на щелку приоткрыл входную дверь, чтобы выглянуть на улицу.

— Ага, луна по-прежнему довольно-таки яркая, — сказал он и повернулся к Вив. — Я вот думаю... Миссис Харрисон, вас не затруднит приложить к лицу платок, вот так? — Он прижал руку ко рту. — Чудненько. Полное впечатление, что вы приходили по зубным делам, что вполне обычно... Видите ли, я опасаюсь соседей. Война делает

людей такими подозрительными. Чрезвычайно вам благодарен.

Он раскрыл дверь шире и выпустил визитеров. Пару минут Вив держала платок у рта, потом уронила руку. Казалось, ткань сияет в лунном свете, как бумажка с адресом, которую доставал Реджи; Вив посмотрела на безоблачное небо, но теперь чувствовала себя такой слабой, измученной и больной, что для страха не осталось сил. Однако она стала сильно мерзнуть. Чудилось, что марлевая затычка съехала со своего места. Края прокладки натирали ляжки. Вив грузно оперлась на руку Реджи, но с ним не разговаривала.

— Все нормально? — беспрестанно повторял он. — Все хорошо? Умничка. — Они отошли ярдов на сто, и его прорвало: — Вот же прохиндей! Надо же, чего устроил! За десять лишних монет удавится! Понял, собака, что деваться нам некуда! У, жидовская морда! Зря я дал слабину. Всего-то парочка проколов...

— Заткнись! — наконец не выдержала Вив.

— Нет, ей-богу же! Это грабеж!

Он бубнил и бубнил. На Криклвуд-Бродвей они стояли минут десять-пятнадцать, ловя такси, чтобы ехать куда-то в центр города на квартиру, о которой договорился Реджи. Адрес был записан

на другом клочке бумаги. Таксист улицу знал, но сказал, что подъезды к ней разбиты, надо добираться вкругаля. Услышав это, Реджи фыркнул. Вив угадала его мысли: «Вот вам еще один жук!» Машина двигалась медленно; всю дорогу Вив пребывала в ужасном напряжении. Решив, что водитель не видит, она открыла скляницу с аспирином и разжевала три таблетки, которые долго-долго глотала. Потом время от времени совала под себя руку, боясь, что затычка и прокладка все же не сработают.

Дом, к которому они подъехали, Вив не разглядывала; она так и не узнала, где же в точности он располагался, хотя потом вспоминала, что проезжали через Гайд-парк, — значит, где-то в районе Белгрейвии. Еще запомнилось крыльцо с колоннами и то, как Реджи забирал ключи от квартиры у старухи, жившей в подвальном этаже; он сбежал вниз и постучал в дверь, а Вив закрыла глаза, прислонилась к колонне и обхватила руками живот, пытаясь согреться. Все желания съежились до одного: очутиться там, где тихо, тепло и никого нет. Слышался голос Реджи, натужно балагурившего с консьержкой: «Как пить дать... Вот уж верно... Ой ли?» «Да кончай же ты!» — думала Вив. Пыхтя и чертыхаясь, он

наконец появился, и они вошли в дом.

Квартира была на последнем этаже. На лестничных окнах светомаскировки не имелось, пришлось подниматься лишь при свете фонарика. Почувствовав мокрое между ног, Вив решила, что, наверное, пошла кровь; казалось, каждому шагу сопутствует бесшумный горячий выплеск. В конце уже мнилось, что кровь струится по ногам, пропитывает чулки и затекает в ботинки... Вив застыла на месте, пока Реджи тыркался ключом в незнакомый замок, потом вновь замерла, когда он пробирался от окна к окну, то и дело натыкаясь на мебель, отчего дребезжала посуда, и ушибая коленку.

— Бог с ней, с комнатой, — слабо проговорила Вив, когда в очередной раз Реджи что-то опрокинул и нагнулся это поднять. — Сначала займись ванной.

— С радостью, если б знать, где она, — сварливо ответил он.

— Не видишь, что ли?

— Нет, не вижу. А ты видишь?

— Зажги свет, это ж всего на минуту.

— Тогда снизу припрется матушка Хаббард.[53] И мы получим караульного у дверей. Только этого нам не хватало.

Реджи все не мог забыть, как два года назад за нарушение светомаскировки его оштрафовали на фунт. Луч фонарика прыгал как бешеный. Реджи сделал шаг и крепко саданулся головой о дверной косяк.

— Уй-й!

— Как ты там?

— А как ты думаешь? Зараза! Надо ж, как больно!

Он потер лоб и дальше двинулся с опаской. Потом донесся его приглушенный голос:

— Здесь спальня. Значит, туалет должен быть рядом. Сейчас, минутку... — Раздался глухой удар — он снова обо что-то треснулся головой. Потом загремели кольца шторы, послышался щелчок, за ним другой. — Твою мать-то!

Электричество было отключено. Требовались

---

53 Примечания: 53

Матушка Хаббард — персонаж детского стишка:

Матушка Хаббард полезла в буфет –
Песику косточку дать.
Глядь, а в буфете-то косточки нет,
Нечего псу поглодать.

(Перевод И. Гуровой)

шиллинги; вернувшись назад, Реджи наскреб в карманах мелочь, вытряс кошелек Вив и ощупью двинулся на второй заход, теперь уже в поисках счетчика.

Наконец монеты скользнули в прорезь прибора, вспыхнул свет. Морщась, Вив направилась в ванную. Увидев ее нетвердую походку, Реджи кинулся помочь, но она его оттолкнула.

— Уйди! Не лезь!

Крови вышло не так много, как она боялась, — на прокладке обозначилось лишь пятнышко, но хвостик марли, прежде белый, приобрел ржавый оттенок. Вив его потрогала — как будто разболтался; опять возникло беспокойство, что марля проскочит внутрь и сгинет. Она выпрямилась, чтобы вымыть испачканную кровью руку. Взглянула на ванну и представила, как наполняет ее горячей водой, а потом лежит в ней, отмокая от боли в чреслах. Роскошная ванная выглядела как-то необычно: на полу толстый молочного цвета ковер, стены в плитке под перламутр. Почувствовав себя неряхой, Вив подумала о маневрах, какие придется предпринять, чтобы все тут не заляпать. Она поежилась от внезапно накатившей усталости; опустила крышку унитаза и села, упершись локтями в колени и спрятав лицо

в ладонях. Пальто и шляпку так и не сняла.

Сидела она долго; постучался Реджи, спросил, все ли в порядке. Вив его впустила; он огляделся, нервно мигая, затем помог ей встать. Проходя в туалет, Вив едва взглянула на спальню, но теперь отметила ее убранство, столь же нелепое, как и в ванной. Поверх ковра брошена тигровая шкура, на кровати — атласные подушки. Здесь будто воплотилось чье-то представление о спальне кинозвезды, а может, обители проституток или бабников. Вся квартира была выдержана в подобном стиле. Встроенный в стену электрокамин гостиной украшали хромированные панели. Телефон отливал жемчужной белизной. В баре теснились бутылки и стаканы, на стенах висели картинки с видами Парижа: Триумфальная арка, Эйфелева башня, уличные кафе, где за бутылкой вина сидят веселые мужчины и женщины.

Однако все, чего ни коснешься, было пыльным и холодным; повсюду горки известки и краски, что, видимо, натрусились при взрывах. В комнатах пахло нежилой сыростью. Вив все еще знобило; она села в кресло поближе к камину и спросила:

— Чья это квартира?

— Ничья. — Реджи присел рядом на корточки

и возился с регуляторами. — Это выставочный образец... Похоже, тут одной штучки не хватает.

— Что?

— Всего-навсего образец. Тебе показывают, какой будет купленная тобой квартира. Это все с довоенных времен. Сейчас никто не интересуется.

— Здесь никто не живет?

— Иногда кое-кто ночует, а так никто.

— Кто — кое-кто?

Реджи дергал выключатель.

— Приятели Майка, я ж тебе говорил. Он служил риэлтером, и у него сохранились ключи. Он их оставляет у бабульки внизу. Ну, вдруг у кого-то увольнение и некуда податься.

Вив поняла:

— Мужики водят сюда баб.

Реджи стрельнул глазами и рассмеялся.

— Не смотри на меня так! Я тут ни при чем. Но скажи, лучше, чем в гостинице?

— Думаешь? — Вив не улыбалась. — Тебе виднее. Наверное, все время водишь сюда девок.

Реджи опять засмеялся.

— Если бы! Я тут впервые в жизни.

— Кто бы говорил...

— Не дури. Сама же видела, как я здесь тыркал-

ся. — Он потер голову.

Вив отвернулась, ей стало ужасно жалко себя.

— Всегда одно и то же, — горько сказала она. — Все заканчивается паршиво, каждый раз. Даже сейчас.

Реджи все теребил выключатель.

— То есть? Ты о чем?

— О том.

Голос ее осекся. Она изнемогла от горечи и нахлынувшей жалости к себе. Вив опять заплакала. Реджи бросил камин, подошел и неуклюже уселся на подлокотник. Снял с нее шляпку, погладил по волосам и поцеловал.

— Не надо, Вив.

— Мне так плохо.

— Я понимаю.

— Ничего ты не понимаешь. Мне хочется умереть.

— Не говори так. Подумай, как я без тебя?.. Болит?

— Да.

Он понизил голос:

— Страшно было?

Вив кивнула. Он положил руку на ее живот. Она вздрогнула. Но теплая тяжесть его руки несла успокоение, и Вив крепче прижала ее ладонями.

Потом вспомнила и рассказала сон про быка.

— Бык? — переспросил Реджи.

— Немецкий Бык. Он протыкан меня рогом. Наверное, это трудился мистер Имри...

Реджи засмеялся.

— Я раскусил этого грязного старикашку, едва мы вошли. Сволочь какая, сделал больно моей девочке!

— Он тут ни при чем. — Вив достала платок и высморкалась. — Ты виноват.

— Я? Вот это да! — Реджи снова ее поцеловал. — Не надо было сводить с ума бедного парня... — Он потерся щекой о ее волосы. Его рука крепче прижалась к низу ее живота. Шевельнулись пальцы. — Ох, Вив...

Невольно рассмеявшись, она его оттолкнула.

— Уйди! Тебе-то хорошо...

— Мне мука!

— Одна мысль о... брр! — Ее передернуло.

Он тоже рассмеялся.

— Это сейчас ты так говоришь. Поглядим на тебя через недельку-другую.

— Недельку-другую? Ты спятил! Скорее уж через годик-другой.

— Два года? Вот тогда я свихнусь. Оставь хотя бы надежду. За дезертирство и то срок меньше.

Вив опять засмеялась, но поперхнулась и, внезапно обессилев, покачала головой. Пару минут сидели молча. Подбородком и щекой он терся о ее волосы, губами прикладываясь к ее лбу. Комната постепенно согревалась.

Боль в животе и спине стихала, превращаясь в далекий отголосок той муки, какую испытываешь при ежемесячной напасти. Вив чувствовала себя совершенно разбитой.

Потом Реджи встал, потянулся. Заглянул в бар, сказав, что не прочь выпить. Он достал бутылку, откупорил, но, понюхав, скривился:

— Подкрашенная вода! — Проверил другую бутылку. — Во всех. А тут-то, глянь! — В папиросница сигареты были картонные. — Сволочной обман! Ладно, обойдемся своим запасом.

С собой он захватил маленькую фляжку бренди. Выдернул пробку и протянул фляжку Вив. Она помотала головой:

— Мистер Имри сказал, мне нужен портер.

— Потом достану тебе портер, если захочешь. А сейчас глотни.

Готовясь к анестезии, Вив не ела целый день; она сделала глоток, почувствовав, как горячее пламя по горлу пропутешествовало в пустой желудок. Реджи тоже выпил и закурил. На сигарету

Вив не отважилась; но хоть не тошнило от дыма. «Кажется, мне лучше, — впервые за все время подумала она. — Все будет нормально». Мысль растекалась, как бренди. Вив закрыла глаза. Осталась лишь боль, но по сравнению со всем прочим это уже пустяки.

Реджи докурил и встал; Вив слышала, как он сходил в туалет, побродил по спальне и оттянул штору, чтобы выглянуть в окно. На улице было тихо. Тишина во всем доме. Видимо, все подобные квартиры были пусты.

Когда Реджи вернулся, ее уже совсем сморило. Он присел на корточки и коснулся ее щеки.

— Тебе тепло, Вив? Чего-то ты ужасно холодная.

— Разве? Мне хорошо.

— Может, ляжешь? Хочешь, отведу в постель?

Она покачала головой, не в силах говорить. Открыла глаза, но веки, будто налитые свинцом, тотчас вновь смежились. Реджи потрогал ее лоб, плотнее запахнул воротник пальто. Сбросил ботинки и сел на пол, пристроив голову к ней на колени.

— Дай знать, если что понадобится, — сказал он.

Так они сидели больше часа. Будто старая су-

пружеская пара. У них еще не было встречи столь долгой, но невинной.

Потом, где-то в половине одиннадцатого, Вив вдруг дернулась, отчего подскочил и Реджи.

— Что такое? — спросил он, глядя на нее.

— Что? — ошалело переспросила она.

— Болит?

— А?

Реджи поднялся.

— Ты белая как полотно. Тебя тошнит?

Ей и впрямь было нехорошо.

— Не знаю. Кажется, опять надо в туалет, — Она попыталась встать.

— Дай помогу.

Он повел ее в ванную. Вив шла еле-еле. Голова ее болталась, словно единственной ниточкой притороченная к огрузневшему, обмякшему телу. Однако боль в животе, с каждым шагом становившаяся все острее, привела ее в чувство. Она села на унитаз и от опоясывающей рези согнулась пополам. Болело странно: как при месячных и одновременно как при кишечных коликах. «Может, это понос?» — думала Вив. Она напрягла пресс, будто стараясь пописать, и тогда из промежности что-то выскользнуло, с плеском шлепнувшись в воду. Вив посмотрела в унитаз.

Там лежала бесформенная марлевая затычка, насквозь пропитавшаяся кровью, которая продолжала течь густой и темной витой струей, похожей на просмоленную веревку.

Вив кликнула Реджи. Он тотчас вошел, испуганный ее голосом.

— Боже мой! — охнул Реджи, увидев месиво в унитазе. Он откачнулся, сам побледнев как смерть. — Так и раньше было?

— Нет. — Туалетной бумагой Вив пыталась остановить вытекавшую струю, руки у нее были все в крови. Ее затрясло. Сердце бешено колотилось. — Не останавливается.

— Попробуй эту штуку. — Реджи имел в виду прокладку.

— Она все идет и идет, я не могу ее остановить. Ой, Реджи, никак не останавливается!

Казалось, струя набирает силу вместе с ростом страхом. Вначале в крови были вязкие сгустки, но вскоре она стала совсем обычной и удивительно красной. Струя падала на туалетную бумагу в унитазе со звуком воды, льющейся в раковину. Кровь была повсюду — на сиденье, ногах и руках Вив.

— Ведь так не должно быть, а? — придушенно спросил Реджи.

— Я не знаю.

— А что мистер Имри сказал? Говорил, что будет вот так?

— Он сказал, возможно небольшое кровотечение.

— Небольшое? Что значит — небольшое? Вот это — небольшое? Какое уж тут небольшое, тут литры.

— Да?

— А что, нет?

— Не знаю.

— Как не знаешь? Обычно у тебя так же бывает?

— Не так. Она все заливает!

Реджи зажал рукой рот.

— Наверное, как-то можно ее остановить. Прими аспирин.

— Аспирин тут не поможет.

— Лучше, чем ничего.

Другого просто не было. Реджи порылся в карманах ее пальто и достал скляницу. Сама Вив ни до чего не могла дотронуться — руки были в крови. Она сжевала еще три таблетки, Реджи дал ей глотнуть из фляжки и допил, что оставалось. Он дернул цепочку слива; в унитаз хлынула вода, успокаиваясь в горловине хитроумным коктейлем: сверху прозрачная, лишь чуть розоватая,

а снизу темно-красная, будто сироп. Однако ее тотчас взбаламутил новый поток крови, забрызгавший унитаз.

— Может, все-таки стоит приложить эту штуку... — Реджи кивнул на прокладку.

Вив покачала головой — страх не давал говорить. Она хватала все новые и новые листки туалетной бумаги, пытаясь заткнуть себя. Бумага держалась минуту-другую, и Вив чуть успокаивалась, но затем листки вываливались, как тот марлевый тампон. Реджи сделал еще попытку: набрал побольше бумаги и ладонью накрыл руку Вив, стараясь удержать листки на месте. Но они тоже выпали, а кровь полилась еще сильнее.

Наконец, уже вне себя от паники, они решили, что надо позвонить мистеру Имри и спросить совета. Реджи бросился в гостиную; Вив услышала, как звякнул жемчужно-белый телефон, а потом крик, даже вопль, разочарования и отчаяния. Реджи вернулся, пошатываясь и волоча ноги. Телефон не работал. Шнур заканчивался через два-три фута. Это был образец, как бутылки с подкрашенной водой и картонные сигареты.

— Нужно найти телефон-автомат, — сказал Реджи. — Ты где-нибудь видела будку, когда подъезжали?

Остаться одной было очень страшно.

— Не уходи!

— Все еще льется? — Он глянул ей между ног и выругался. Потом взял ее за плечо. — Слушай, я сбегаю вниз к старухе. Она знает, где телефон.

— Что ты ей скажешь?

— Просто скажу, нужен телефон.

— Скажи... — Вив цеплялась за него, — скажи, у меня выкидыш.

Реджи замялся.

— Думаешь? Тогда она захочет подняться. Вызовет врача.

— Может, стоит вызвать врача, а? Мистер Имри сказал...

— Врача? Знаешь, Вив, на это я не рассчитывал. — Он убрал руку с ее плеча и вцепился в свои волосы. По его лицу она поняла, что он думает о деньгах и об огласке. Вив заплакала. — Не реви! — Казалось, он сам сейчас расплачется. — Ведь врач обо всем догадается. Глянет и все поймет.

— Наплевать.

— Он вызовет полицию, Вив. Потребует наши фамилии. Начнет все про нас выпытывать.

Голос его напрягся. Он мялся в нерешительности, пытаясь найти другой способ. Задохнувшись от очередного всплеска боли, Вив схватилась за

живот.

— Ладно, — поспешно сказал он. — Хорошо.

Реджи вышел. Хлопнула входная дверь, наступила тишина. Рукавом Вив отерла взмокший лоб и верхнюю губу. Дернула цепочку слива и, сняв болтавшееся на пальце золотистое кольцо, развернулась к раковине, чтобы вымыть руки. Раковина приобрела такой вид, словно в нее вылили алую краску; Вив набрала еще туалетной бумаги и попыталась протереть раковину, сиденье под собой и края унитаза. Увидев пятнышки крови на ковре, она наклонилась, но перед глазами все поплыло и пол ванной будто бы накренился. Она ухватилась за стену, оставив на перламутровой плитке розовые следы; потом расслабилась и больше не шевелилась, уронив голову на руки. Если сидеть спокойно, кровь шла медленнее... Ужасно хотелось лечь; вспомнился совет мистера Имри оставаться в постели. Однако встать нельзя, иначе перемажешь молочно-белый ковер. Вив закрыла глаза и шепотом начала считать: «Раз, два, три, четыре». Вновь и вновь она повторяла: «Раз, два, три, четыре. Раз, два, три, четыре...»

«Я умру», — подумала она. Вдруг захотелось к отцу. Если бы папа был здесь! Вив представила,

как он входит и видит всю эту кровь... Она заплакала. Потом выпрямилась и откинула голову к стене; она плакала, но так слабо, что плач походил на пыхтенье от боли.

Вот так она сидела и всхлипывала, когда вернулся Реджи. С ним пришла старуха. Поверх ночной рубашки и халата бабка накинула пальто, надела шляпу и галоши. Видимо, сей наряд был всегда наготове для тревоги. От подъема по лестнице старуха тяжело дышала, разевая рот, в который забыла вставить зубы. Она достала платок, чтобы отереть лицо. Однако, увидев, в каком состоянии Вив, выронила его. Старуха прошла прямо к ней, потрогала лоб, потом раздвинула ей ноги и уставилась на месиво между ними.

Затем обернулась к Реджи.

— Господи боже мой! — прошамкала она беззубым ртом. — Ты о чем думал, парень? Какой там врач! Ей «скорая» нужна!

— «Скорая»? — перепугался Реджи. Теперь, когда пришла старуха, он держался поодаль. — А точно надо?

— Ты что, не слышал? Глянь на нее, краше в гроб кладут! Половину крови потеряла. Никакой тебе врач ее обратно не закачает. — Она снова пощупала лоб Вив. — Матерь божья... Давай! Чего

стоишь-то? Пришлют, если успеешь до сирен. Скажи, чтоб поспешали. Мол, вопрос жизни и смерти.

Реджи выбежал из квартиры.

— Ну вот, — сказала старуха, стаскивая пальто. — А что, голубушка, разве обязательно сидеть тут, чтоб из тебя этак вот лилось? — Она положила на плечо Вив дрожащую руку. — Может, тебе лучше прилечь?

Вив покачала головой.

— Я останусь здесь.

— Ну ладно. Только давай тебя чуток приподымем и... Вот умница, все поняла.

В ванной висело единственное полотенце — молочно-белое, под цвет ковра. Вив не хотела им пользоваться. Но старуха тотчас сдернула его с поручня и свернула; затем помогла Вив приподняться, опустила крышку унитаза и положила на нее полотенце.

— Вот так, моя хорошая, — сказала она, усаживая Вив, — Вот и ладно. И давай-ка сымем с тебя эти замаранные штанишки, лады? — Старуха согнулась, приподнимая ноги Вив. — Вот так-то лучше. Чего ж хорошего, ежели муженек видит тебя со спущенными подштанниками? Ничего хорошего. А знаешь, когда я была в твоих летах,

мы вообще не удосуживались их носить. Нам и юбок хватало, чтоб срам прикрыть. Такие были длинные большие юбки, ты не поверишь. Ну вот. Ничего. Скоро все утрясется, и ты у нас опять будешь прям королевой. Ох, какие у тебя волосики-то красивые, правда?..

Беззубо шамкая, старуха все болтала чепуху и, прислонив к себе Вив, гладила и похлопывала ее по голове жесткой ладошкой с тупорылыми пальцами. Однако было видно, что она тоже напугана.

— Все идет? — иногда спрашивала старуха, заглядывая на полотенце между ног Вив. — Ничего, у таких молодиц кровушки-то запас. Верно говорю?

Вив закрыла глаза. Слушая старухин говорок, она пыталась себя приструнить, сосредоточиться на кровотечении и усилием воли его притормозить, остановить, повернуть вспять. Страх вздымался и опадал огромными темными волнами. Порой на мгновенье казалось, что кровь больше не идет, и тогда охватывал почти покой, но в следующую секунду очередной выплеск между ног швырял обратно в панику. Еще пугало бешено галопирующее сердце, которое гнало кровь быстрее.

Она услышала, что Реджи вернулся.

— Вызвал? — окликнула старуха.

— Да, — ответил запыхавшийся Реджи. — Уже едут.

Бледный как смерть, он стоял в дверях ванной и грыз ногти, боясь войти при старухе. «Пусть бы он вошел и взял мою руку, — думала Вив. — Если б только он меня обнял...» Но Реджи лишь искал ее взгляд, беспомощно разводил руками и качал головой. «Прости, — беззвучно выговаривал он. — Прости». Потом отошел. Было слышно, как он закуривает. Загремели кольца шторы — значит, встал к окну спальни и смотрит на улицу.

Опять пошла кровь, боль внутри сжалась, точно кулак, обхвативший лезвие; Вив закрыла глаза и нырнула обратно в страх. Боль и паника, беспросветные и безвременные, воздействовали, как хлороформ мистера Имри, заставляя выпадать из удирающей реальности... Вив чувствовала жесткие старушечьи лапки, которые мелкими круговыми движениями растирали и растирали ее плечи и поясницу. Слышала возглас Реджи: «Приехали!», но не поняла его смысла. Она догадывалась, что это как-то связано с отдернутой оконной шторой. Когда через пару минут она открыла глаза и увидела униформу и каски

бригады скорой помощи, то приняла этих людей, мужчину и парня, за бойцов противовоздушной обороны, которые пришли с нареканиями из-за нарушения светомаскировки.

Парень отчего-то засмеялся. Смех был горловой, но легкий, девчоночий.

— Мне нравится ваша тигровая шкура, — сказал он. — А не страшно ночью наткнуться? Вот уж, поди, страху не оберешься, когда спросонок наступишь. — Он оглядел полотенце, на котором сидела Вив, и смех угас, но лицо осталось мягким. Полотенце насквозь пропиталось алым. Парень потрогал лоб Вив и тихо сказал напарнику: — Совсем холодная.

— Не могла остановить... — промямлила Вив.

Мужчина присел на корточки. Засучил ей рукав, приладил манжету, быстро качнул резиновую грушу и, нахмурившись, взглянул на тонометр. Пощупал ее бедро и тоже посмотрел на полотенце. Вив было все равно.

— Сколько уже вот так продолжается? — спросил мужчина.

— Не знаю, — слабо ответила Вив. «Где Реджи? — подумала она, — Реджи знает». — Наверное, с час.

Мужчина кивнул.

— Судя по всему, вы потеряли очень много крови. Вам нужно в больницу, и как можно скорее. — Он говорил спокойно, умиротворяюще. Хотелось сдаться в его руки. Все еще сидя на корточках, он сноровисто убрал в сумку манжету и грушу. Потом взглянул на Вив и мягко спросил: — Как вас зовут?

— Пирс, — машинально ответила она. — Вивьен Пирс.

— Какой был срок беременности, миссис Пирс?

Теперь Вив сообразила, что натворила: сказала «Вивьен Пирс» вместо «Маргарет Харрисон». Взглядом она опять поискала Реджи. Мужчина коснулся ее колена.

— Сочувствую, — сказал он. — Ужасно не повезло. Теперь нужно позаботиться о вас. Сейчас мы с моей приятельницей мисс Кармайкл отнесем вас вниз.

Вив высматривала Реджи и не вникла в его слова. Она решила, что под «мисс Кармайкл» он подразумевает старуху. Но потом, услышав, как мужчина с парнем называют друг друга «Микки» и «Кей», она в смятении поняла, что это вовсе не мужчины, а коротко стриженные женщины... Все доверие к ним и ощущение надежной заботы улетучились. Вив затрясло. Решив, что она мерзнет,

санитары укутали ее в одеяло. Потом, пристегнув ее к складному полотняному стулу, исхитрились вытащить из ванной, пронесли мимо тигриной шкуры, через гостиную, мимо бара и парижских картинок и стали спускать по неосвещенной лестнице. На каждом повороте Вив казалось, что она падает.

— Простите, — слабо повторяла она. — Простите меня.

Санитары шутливо бранили ее за то, что она беспокоится.

— Видели бы вы, каких здоровенных мужиков нам приходится волохать! — засмеялся один, похожий на парня, — Микки. — Мы приноровились не хуже грузчиков, что таскают пианино.

Старуха шла впереди, уведомляя о неудобных ступеньках. Затем придержала входную дверь и с той же целью протрусила к калитке палисадника. На уныло серых бортах «скорой», припаркованной у изгороди, мерцали блики лунного света, отчего казалось, что машина плывет над чернильно-черной улицей. Кей с Микки опустили стул на землю и открыли дверцы.

— Мы вас уложим, — сказала Микки. — Это всё же уменьшит кровотечение. Ну, взяли.

Они подняли Вив в машину, затем вытащили

из стула и уложили на койку. Ее все еще трясло, будто в ознобе, по-прежнему шла кровь, но вдобавок она стала задыхаться, словно бегала наперегонки или что-то вроде того. Вив слышала, как Кей сказала Микки, чтобы та садилась за руль, мол, сама она поедет с больной; потом койка слегка накренилась, когда Кей залезала внутрь. Ища Реджи, Вив подняла голову и хотела попросить, чтобы ему позволили сесть рядом и держать ее руку. Одна дверца фургона была закрыта, в проеме другой маячила старуха, которая шепеляво успокаивала: дескать, теперь бояться нечего, раз доктора поспели вовремя... Затем она посторонилась. Микки собралась захлопнуть дверцу.

Вив с трудом села.

— Погодите. Где Реджи?

— Какой Реджи? — спросила Кей.

— Муж ейный! — сказала старуха. — Господи, я про него начисто забыла. Видала, как он выскользнул и...

— Реджи! — крикнула Вив. Она стала неистово рвать ремень, перекинутый через ее бедра. — Реджи!

— Он в доме? — спросила Кей.

— Не думаю, — ответила Микки. — Чего, сбегать

посмотреть?

Вив дергала ремень.

— Давай, — сказала Кей. — Только быстро!

Микки исчезла. Через пару минут она просунула в фургон голову в сдвинутой на затылок каске.

— Там никого, — отдуваясь, сказала она. — Я везде посмотрела.

— Ладно, поехали, — кивнула Кей. — Найдет ее в больнице.

— Но он там, — придушенно сказала Вив. — Наверное, вы проглядели... в темноте...

— Там никого, — повторила Микки. — К сожалению.

— Вот уж стыдоба-то! — с чувством выговорила старуха.

Вив упала навзничь — сил спорить не осталось. Она вспомнила, как Реджи, еле сдерживая слезы, говорил: «Ведь врач обо всем догадается. Потребует наши фамилии, начнет все про нас выпытывать». Вспомнила, как он стоял в дверях ванной, качал головой и выговаривал «прости»...

Вив закрыла глаза. Хлопнула дверца, через минуту заработал мотор, и фургон тронулся. Рев двигателя оглушал так, словно голова лежала на капоте. Казалось, тебя заперли в трюме корабля.

Совсем близко раздался голос Кей:

— Все хорошо. — Она с чем-то возилась — заполнила и прикрепила к воротнику Вив бирку. — Держитесь, миссис Пирс...

— Не называйте меня «миссис», — убито сказала Вив. — Он мне не муж, старуха не знает. Выдумали для мистера Имри, больше ничего...

— Не важно.

— Мы назвались Харрисонами, потому что это девичья фамилия матери Реджи. В больнице надо сказать, что я Харрисон. Ладно? Скажите, что я миссис Харрисон. Когда они все поймут, будет не так плохо, раз женщина замужем, правда?

— Не волнуйтесь. — Кей взяла ее запястье, нащупывая пульс.

— Ведь они не вызовут полицию, если женщина замужняя, да?

— У вас мысли путаются. Какая полиция? Зачем?

— Но это же противозаконно, разве нет?

Кей улыбнулась.

— Болеть? Пока еще нет.

— Я имею в виду — избавляться от ребенка.

На разбитой дороге фургон выдал серию прыжков.

— Что? — спросила Кей.

Вив не ответила. Она чувствовала, что каждый толчок вытряхивает из нее еще немного крови, и снова закрыла глаза.

— Что вы сделали, Вивьен?

— Мы пошли к одному человеку, — наконец произнесла Вив и задохнулась. — К дантисту...

— И что он с вами сделал?

— Он меня усыпил. Сначала все было нормально. Он вставил тампон, но тот выскочил, и тогда пошла кровь. А до тех пор все было хорошо.

Кей отстранилась и бухнула кулаком в стенку кабины.

— Микки!

Фургон замедлил ход и остановился, скрежеща тормозом. В раздвижном окошке над головой Вив появилась физиономия Микки.

— Как она, держится?

— Это не то, что мы думали, — сказала Кей. — Она была у какого-то чертова дантиста, который в ней пошуровал.

— Ничего себе!

— Она все еще истекает кровью. Возможно... не знаю... прободение матки.

— Ясно. — Микки отвернулась. — Буду гнать, как смогу.

— Погоди. Стой! — Вновь возникло лицо Микки.

— Она боится полиции.

Вив следила за их лицами. Потом приподнялась.

— Не надо полиции! Ни полиции, ни репортеров. Нельзя, чтобы отец узнал!

— Папаша не станет браниться, когда увидит, в каком вы состоянии, — заверила Микки.

— Она не замужем, — сказала Кей.

Вив заплакала.

— Не говорите, — просила она. — Пожалуйста, не говорите!

Микки посмотрела на Кей.

— Если прободение, она может... Черт! Может быть заражение крови, ведь так?

— Не знаю. Возможно.

— Пожалуйста, — упрашивала Вив. — Скажите, что у меня выкидыш.

Микки покачала головой.

— Слишком опасно.

— Прошу вас. Не рассказывайте ничего. Скажите, что нашли меня на улице.

— Там все равно догадаются.

Вив видела, что Кей раздумывает.

— Может, и нет.

— Нам нельзя так рисковать. Ей-богу, Кей! Она может... — Микки взглянула на Вив. — Вы можете

умереть.

— Мне все равно.

— Кей... — позвала Микки и, когда та промолчала, отвернулась.

Фургон вновь ожил и покатил быстрее, чем прежде.

Вив откинулась на койку. Теперь она уже не так сильно ощущала тряску. Ее будто подвесили. От большой кровопотери казалось, что она плывет. Вив смутно сознавала, что Кей что-то дописывает в бирку на воротнике, возится с карманом ее пальто, а потом берет за руку и сжимает пальцы. Рука была липкой, и Вив хваталась крепче, чтобы не уплыть совсем. Она открыла глаза и посмотрела в лицо Кей. Прежде никогда и ни в чье лицо она так не смотрела; казалось, взгляд тоже помогает не уплыть далеко-далеко.

— Еще немного, Вивьен, — беспрестанно говорила Кей. — Держитесь изо всех сил. Вот и хорошо. Мы почти на месте.

Через секунду фургон повернул и остановился. Распахнулись дверцы. Внутрь забралась Микки, за ней виднелся кто-то еще — сестра в белом чепце, который в лунном свете казался ярким и бесформенным.

— Снова ты, Лэнгриш! — сказала сестра. — Ну,

чем нынче порадуешь?

Крепко сжимая пальцы Вив, Кей посмотрела на Микки. И перебила, когда та собралась ответить.

— Выкидыш, — твердо сказала она. — С осложнениями. Полагаю, эта женщина, миссис Харрисон, сильно расшиблась. Очень большая кровопотеря и замутненное сознание.

— Понятно, — кивнула сестра. Она отшагнула в сторону и крикнула санитару: — Эй ты! Да, ты! Давай каталку и пошевеливайся!

Микки опустила голову и молчала. Потом весьма мрачно стала развязывать ремни, которые удерживали Вив на койке.

— Ну вот, Вивьен, все в порядке, — сказала Кей, когда с ремнями было покончено.

Вив все не отпускала ее руку.

— В порядке? Точно?

— Да, осталось только вас перенести. Теперь послушайте-ка меня. — Кей говорила торопливым шепотом. Оглянулась через плечо и коснулась щеки Вив. — Вы слушаете? Смотрите на меня... Ваша карточка страхования и продуктовая книжка, Вивьен... Я прорвала подкладку на вашем пальто... Скажете, потеряли их, когда упали. Ясно? Вы меня понимаете, Вивьен?

Вив все понимала, но мысли уплывали к чему-

то другому, что казалось более важным. Ее рука выскользнула из руки Кей, и в пальцах забегали мурашки. Пальцы были липкие, холодные и голые...

— Кольцо! — вскрикнула Вив. Теперь мурашки забегали в губах. — Я потеряла кольцо. Потеряла...

Тотчас она вспомнила, что не теряла его. Сняла, чтобы смыть под ним кровь, и положила возле крана на раковину в той чудной ванной. Вив дико посмотрела на Кей.

— Это не важно, Вивьен, — сказала та. — Главное другое.

— Каталка подъехала, — буркнула Микки.

Вив пыталась встать.

— Кольцо, — задыхаясь, повторяла она. — Реджи дал мне кольцо. Чтобы мистер Имри подумал...

— Тихо, Вивьен! — настойчиво говорила Кей. — Вивьен, тихо! Кольцо — это не важно.

— Мне надо вернуться.

— Куда? — рявкнула Микки. — Черт побери, Кей!

— Ну что там? — окликнула сестра.

— Я должна вернуться! — вырывалась Вив. — Пустите меня, надо забрать кольцо! Без него все напрасно...

— Вот ваше кольцо! — вдруг сказала Кей. — Вот оно. Смотрите.

Она отстранилась, свела руки, потом словно что-то с них выкрутила и протянула золотой ободок. Все произошло быстро и неуловимо, точно фокус.

— Значит, вы его все-таки забрали? — изумленно выдохнула Вив.

— Да, — кивнула Кей и надела кольцо на ее палец.

— Оно какое-то другое.

— Это вам кажется, потому что вы нездоровы.

— Правда?

— Конечно. Только не забудьте о другом. Обхватите меня за плечи. Крепче. Вот, умница.

Вив почувствовала, что ее поднимают. Затем выносят на холодный воздух... Когда Кей на прощанье взяла ее руку, ответить на пожатие не было сил. Она не смогла даже сказать «спасибо» или «до свидания». Вив закрыла глаза. Едва ее ввезли в больничный вестибюль, как завыли сирены тревоги.

*

Сирены Хелен услышала из квартиры Джулии на Макленбург-Сквер. Вслед за ними почти сразу

затрещало и забухало. Подумав о Кей, она приподняла голову.

— Как думаешь, где это?

Джулия пожала плечами. Она встала покурить и нашаривала в пачке сигарету.

— Может, в Килбурне? Не определишь. Давеча я была уверена, что бабахнуло на Юстон-роуд. Оказалось, в Кентиш-Тауне. — Джулия подошла к окну, оттянула штору и приникла к щелке между серыми картонками из-под талька. — Ой, какая Луна! Что-то невероятное.

Хелен прислушивалась к разрывам.

— Вот опять, — вздрогнула она. — Пожалуйста, отойди от окна.

— Тут нет стекла.

— Знаю, но... — Хелен протянула руку. — Все равно, иди сюда.

Джулия выпустила штору.

— Сейчас, минутку.

Она подошла к камину и от углей подожгла скрученную бумажку, чтобы прикурить сигарету. Выпрямившись, поставила ногу на пуфик, затянулась и откинула голову, смакуя вкус табака. Совершенно голая и раскрепощенная, в отблесках пламени она казалась древней гречанкой на берегу озерка с какого-нибудь сочного виктори-

анского полотна.

Хелен замерла, разглядывая ее.

— Тебе очень подходит твоя фамилия,[54] — тихо сказала она.

— Как это?

— Джулия, Стоящая. Всегда хочется поставить запятую. Неужели раньше никто тебе этого не говорил? Ты смотришься как собственный портрет... Иди сюда. Озябнешь.

Впрочем, хорошо законопаченная комната не выстуживалась. Джулия откинула со лба спутанные волосы, медленно прошла к кушетке и забралась под одеяло. Закинув руки за голову, она лежала голая по пояс и курила на пару с Хелен, которая подносила к ее губам сигарету. Покурив, Джулия закрыла глаза. Хелен смотрела, как от дыхания вздымаются и опадают ее грудь и живот, как пульсирует ямка в основании шеи.

Послышался глухой удар очередного далекого разрыва, затем всплеск зенитного огня и неясный гул самолетов. В квартире наверху беспокойно вышагивал поляк: скрип половиц сообщал о его перемещениях по комнате. Внизу играло радио, и кто-то шуровал в камине уголь, о чем извещало

---

54 Примечания: 54
Стэндинг (Standing) — стоящая (англ.)

эхо в трубе. Все эти звуки были теперь знакомы, как стали привычны одеяла, подушки и разнородная мебель в комнате Джулии. За последние три недели Хелен вот так лежала здесь раз шесть-семь. И снова она сказала себе: «Все эти люди не подозревают, что мы с Джулией голые лежим здесь в объятьях друг друга...» Это казалось невероятным. Она чувствовала себя незащищенной, восхитительно уязвимой, будто плоть, скрывающую нервы, содрали, счистили, как кожуру.

Теперь я уже не смогу пройти по комнате, размышляла Хелен, включить радио, поворошить кочергой в камине — и вообще сделать что-нибудь без того, чтобы не подумать о любовниках, которые, возможно, обнимаются в соседней комнате.

Она поднесла руку к плечу Джулии, но не коснулась — пальцы зависли в дюйме от кожи.

— Что ты делаешь? — спросила Джулия, не открывая глаз.

— Я тебя прорицаю, — сказала Хелен. — Чувствую, как в тебе вздымается жар. Ощущаю в тебе жизнь. Знаю, где твоя кожа бледна, а где смуглее. Где она чистая, а где в веснушках.

Джулия схватила ее пальцы.

— Ага, теперь ты ослеплена!

— Да, ослепленная любовью.

— Прямо название книжки. Этакой книженции Элинор Глин[55] или Этель М. Делл.

— Джулия, ты не чувствуешь себя слегка помешанной?

Джулия задумалась.

— Я чувствую себя пронзенной стрелой.

— Всего лишь стрелой? Я чувствую себя загарпуненной... Нет, это слишком грубо. Такое ощущение, будто в грудь вонзили маленький крючок...

— Насколько маленький?

— Как вязальный, даже меньше.

— Как застежка?

— Точно, как застежка! — засмеялась Хелен.

Возник четкий образ — вероятно, что-то из детства: потускневшая серебряная застежка с чуть выщербленной перламутровой головкой. Хелен прижала руку к груди в том месте, где, по ее представлениям, располагалась душа:

— Кажется, будто сюда вонзилась застежка, которая по частичке вытягивает мое сердце.

— Жуть какая, — сказала Джулия. — Экая ты извращенка! — Она поцеловала пальцы Хелен и

---

55 Примечания: 55

Элинор Глин (1864-1943) — английская писательница и сценаристка, пионер массовой «эротической беллетристики» для женщин.

стала их разглядывать, бормоча: — Какие у тебя ноготки... Маленькие ноготки, маленькие зубки.

В комнате стоял полумрак, но Хелен застеснялась и убрала руку.

— Не смотри на меня, — сказала она.

— Почему?

— Я... этого не стою.

Джулия засмеялась.

— Ты дуреха!

Обе закрыли глаза, и Хелен, видимо, задремала. Сквозь сон она слышала, как Джулия встала, накинула халат и пошла в туалет, но вырваться из липкой дремы удалось, лишь когда снова стукнула дверь, известившая о возвращении подруги.

— Который час? — Хелен схватила будильник. — Боже, без четверти час! Надо идти. — Она потерла лицо и вновь повалилась навзничь.

— Полежи до часу, — сказала Джулия.

— Пятнадцать минут — что толку?

— Тогда можно я пойду с тобой? Провожу тебя до квартиры. — (В ответ Хелен замотала головой.) — Ну пожалуйста! Ты же знаешь, мне лучше пройтись, чем торчать здесь.

Джулия стала одеваться. Ее одежда кучей валялась на полу; нагнувшись, она выудила лифчик и трусики, потом влезла в брюки и натянула блуз-

ку; нахмурившись и уткнув в грудь подбородок, застегнула пуговицы. Затем встала к зеркалу и ладонями разгладила лицо.

Хелен наблюдала за ней с кушетки. Казалось невероятным, неправдоподобным, что Джулия вот так запросто дарит ее взгляду свою красоту. Было удивительно и даже чуть страшно думать, что часом раньше она лежала в ее объятьях, открывала рот и раздвигала ноги навстречу ее губам, языку и пальцам. Казалось немыслимым, что она позволит себя поцеловать, если Хелен сейчас встанет и подойдет к ней...

Джулия перехватила ее взгляд и усмехнулась в притворном возмущении.

— Еще не надоело смотреть?

Хелен потупилась.

— Вообще-то я и не смотрела.

— Будь ты мужчиной, я бы попросила тебя выйти, пока одеваюсь. Хочу оставаться для тебя тайной.

— А я не желаю, чтобы ты была тайной. Хочу знать в тебе каждую клеточку. — Внезапно в груди чуть екнуло. — Почему ты это сказала, Джулия? Что, ты бы предпочла мужчину?

Джулия покачала головой. Подавшись к зеркалу, она приоткрыла рот, подкрашивая губы.

— С мужчинами у меня бесполезняк, — рассеянно сказала Джулия, раскатывая на губах помаду. — Ничего не получается.

— Только с женщинами? — спросила Хелен.

«Только с тобой», — хотелось ей услышать. Но Джулия молча продирала сквозь волосы гребешок, критически оглядывая свое лицо. Хелен отвернулась. «Что это со мной?» — подумала она, поняв, что ревнует Джулию к ее отражению. К одежде. К пудре на щеках!

Затем подумалось: «Значит, вот что ко мне чувствует Кей?»

Вероятно, мысль отразилась на лице. Хелен заметила, что Джулия наблюдает за ней в зеркале. Рука ее замерла, гребешок застрял в волосах.

— Все нормально? — спросила Джулия.

Хелен кивнула; затем помотала головой. Джулия опустила гребешок, подошла и положила руки ей на плечи. Закрыв глаза, Хелен тихо проговорила:

— Все это ужасно неправильно, да?

— Сейчас все ужасно неправильно, — помолчав, ответила Джулия.

— Это хуже, потому что можно было поступить правильно.

— Думаешь?

— Мы могли... остановиться... отступить.

— Ты смогла бы остановиться?

— Может быть, — с усилием выговорила Хелен. — Ради Кей.

— Но эта ужасная неправильность все равно свершилась бы. Она произошла еще раньше. Когда мы еще ничего не сделали. Это... Когда это случилось?

Хелен подняла взгляд.

— В день, когда ты привела меня в тот дом на Брайан-стон-Сквер. Или еще раньше — когда ты угостила меня чаем. Мы стояли на солнце, ты закрыла глаза, и я смотрела на твое лицо... Наверное, это произошло тогда, Джулия.

Они молча смотрели друг другу в глаза, потом сдвинулись и поцеловались. Хелен еще не вполне привыкла к отличию между поцелуями Джулии и Кей — к относительной чужести Джулиных губ, их податливости, вяжущему вкусу помады и нежным атакам языка. Однако эта чужесть возбуждала. Легкий поцелуй быстро стал влажным. Они сдвинулись теснее. Джулия положила руку на обнаженную грудь Хелен — коснулась и отдернула пальцы, потом вновь коснулась и снова отдернула, и еще раз, когда уже казалось, что плоть сама поднимается и стремится за ее рукой.

Обе неуклюже повалились на сбитые одеяла. Рука Джулии скользнула между ног Хелен.

— Боже! — тихо проговорила Джулия. — Какая ты мокрая... Я... тебя не чувствую...

— Войди в меня пальцами, — прошептала Хелен. — Воткни мне, Джулия!

Джулия вошла. Хелен приподняла бедра, отвечая встречным движением.

— Теперь чувствуешь меня? — выдохнула она.

— Да, я чувствую... — шептала Джулия. — Ты меня обхватываешь... Потрясающе...

Четыре ее пальца по костяшки вошли в Хелен, а большой, оставшись снаружи, тер взбухшую плоть. Хелен двигала бедрами, насаживаясь на пальцы. Под голой спиной она ощущала сбитые одеяла, а меж обнаженных влажных ног тяжесть бедра Джулии, обтянутого шершавой штаниной; мозг отмечал маленькие неудобства: шарканье по телу пряжки ремня, пуговиц блузки, ремешка часов... Хелен забросила руки за голову; что-то в ней желало, чтобы Джулия ее связала и обездвижила, покрыла синяками и ссадинами — хотелось отдаться целиком. Ей нравилось, что толчки стали почти болезненными. Она чувствовала, как вся замирает, будто и вправду ее стягивали тугие веревки.

Хелен приподняла голову и нашла губы Джулии; зародившийся крик вошел в ее рот, бился о ее губы и щеку.

— Тише! — шептала Джулия, не прекращая яростных толчков. Она помнила о жильцах в соседних квартирах. — Тише, Хелен! Тише!

— Прости, — задыхаясь, выговорила Хелен и опять вскрикнула.

Это не походило на их прежние неспешные совокупления. Потом Хелен лежала оглушенная и обессиленная, как после стычки. Она встала и почувствовала, что ее трясет. Подошла к зеркалу: весь рот в Джулиной помаде, губы распухли, словно ее избили. В отблесках камина были видны похожие на сыпь следы, натертые одеждой Джулии. Этого она и хотела, когда Джулия была в ней, но сейчас отметины ужасно расстроили. Хелен слепо бродила по комнате, поднимая и роняя одежду, чувствуя, как внутри закипает нечто вроде истерики.

Джулия вышла на кухню ополоснуть руки и рот. Когда она вернулась, Хелен встала перед ней и прерывающимся голосом сказала:

— Посмотри, в каком я виде! Как же, черт возьми, я все это скрою от Кей?

Джулия нахмурилась.

— Что за тон? Нельзя ли полегче?

Слова прозвучали как пощечина. Хелен села и схватилась за голову.

— Что ты со мной сделала, Джулия! — наконец выговорила она все тем же дрожащим голосом. — Что ты сделала! Я не узнаю себя. Мне всегда были ненавистны люди, которые поступают, как мы сейчас. Я считала их жестокими, бездушными трусами. Но я не хочу быть жестокой с Кей. Мне кажется, я так поступаю, потому что слишком сильно люблю! То есть слишком сильно люблю ее и тебя. Так может быть?

Джулия не ответила. Хелен на нее взглянула и вновь опустила голову. Она прижала ладонями глаза, понимая, что плакать нельзя, ибо слезы оставят лишь новые улики.

— А хуже всего... Знаешь, что хуже всего? То, что мне плохо, когда я с Кей, потому что она — не ты; она видит, что мне плохо, не понимает почему и утешает меня! Утешает, а я позволяю! Позволяю утешать себя в тоске по тебе!

Хелен рассмеялась. Смех прозвучал жутко. Она опустила руки и сказала уже тверже:

— Больше я так не могу. Я должна ей рассказать. Но я боюсь. Боюсь за нее. Потому что причина — ты, Джулия! Причина — ты! Она тебя любила,

а теперь... — Хелен покачала головой и не смогла договорить.

Из кармана юбки достала носовой платок и высморкалась. Она вдруг разом обессилела и чувствовала себя безвольной, точно кукла. Джулия прошла через комнату и, присев на корточки, поворошила в камине золу; затем встала, но не обернулась. К Хелен не подошла. Опершись на каминную полку, о чем-то размышляла, глядя на шипящие угли. Наконец заговорила, голос ее звучал отрешенно:

— Знаешь, все было не так.

Хелен опять сморкалась и не расслышала.

— Что не так? — переспросила она, не поняв.

— У нас с Кей. — Джулия не оборачивалась. — Это было иначе, чем ты думаешь. Наверное, Кей позволила тебе нафантазировать. Весьма в ее духе.

— Что ты имеешь в виду?

Джулия замялась.

— Она никогда меня не любила. — Сказано было почти небрежно; щелчком Джулия сбила со штанины хлопья пепла. — Это я ее любила. Очень долго любила. Кей пыталась ответить, но ничего не вышло. Наверное, я просто не ее тип. Мы слишком похожи, только и всего. — Она вы-

прямилась и стала колупать краску на каминной полке. — Понимаешь, Кей нужна жена. Я это уже говорила, да? Ей нужна жена, такая хорошая, добрая, непорочная. Кто следит за порядком, у кого все на своих местах. Я так не могла. Помню, говорила ей, что она будет счастлива, лишь когда найдет себе красивую голубоглазую девочку, которую надо оберегать, над которой надо трястись и всякое такое... — Наконец Джулия обернулась и посмотрела Хелен в глаза. — Похоже, я здорово над собой подшутила. — В голосе слышалась беспредельная грусть.

Не выдержав ее взгляда, Хелен сморгнула и отвернулась. Джулия вновь стала ковырять краску на каминной доске.

— Это имеет какое-то значение? — спросила она в той же вялой, небрежной манере.

Хелен знала, что это имеет громадное значение. После рассказа Джулии в ней что-то оборвалось, съежилось. Она чувствовала себя так, словно ее провели, одурачили...

Это глупо, потому что Джулия не обманывала. Не лгала и ничего в таком роде. Но все равно казалось, что ее предали. Внезапно Хелен осознала свою наготу. Больше она не хочет быть перед Джулией обнаженной! Торопливо натягивая

юбку и блузку, Хелен спросила:

— Почему ты мне не сказала?

— Сама не знаю.

— Ты знала, что я думаю.

— Да.

— Три недели назад ты это знала!

— Я не ожидала, что ты об этом заговоришь. Я думала о Кей... Ты же знаешь, какая она — сплошное чертово благородство. Она больше джентльмен, чем любой из известных мне мужиков. Понимаешь, я просила ее не рассказывать. Я и подумать не могла... — Джулия потерла глаз и устало договорила: — И потом, гордость. Все дело в этом. Я была гордой и одинокой. Мне было страшно одиноко, если хочешь знать.

Она резко выдохнула и оглянулась через плечо.

— От моего рассказа что-то меняется? Для меня — ничего. Но если хочешь, так сказать, объявить, что концерт окончен...

— Нет, — сказала Хелен.

Этого она не хотела. Но ее испугала легкость, с какой Джулия заговорила о возможности разрыва. На один страшный миг она представила себя совершенно одинокой — брошенной и Джулией, и Кей.

Хелен молча продолжала одеваться. Джулия все так же стояла у камина. Когда наконец Хелен подошла к ней и обняла, она покорилась с чем-то похожим на облегчение. Но объятье вышло неуклюжим.

— В конце концов, что изменилось? — спросила Джулия. — Ничего, правда же?

Хелен покивала, мол, верно, ничего не изменилось...

— Я люблю тебя, Джулия, — сказала она.

Но в ней все еще жило ощущение, будто внутри что-то оборвалось или съежилось, точно сердце, которое прежде, томясь по Джулии, взбухало и разрасталось, теперь скукожилось, закупорив свои клапаны.

Хелен заканчивала одеваться. Джулия слонялась по комнате, прибирая вещи. Встречаясь взглядами, они улыбались; оказавшись рядом, машинально касались друг друга или легко целовались.

На Лондон по-прежнему сыпались бомбы. Хелен совсем о них забыла. Когда Джулия, выйдя в занавешенный дверной проем, на минуту оставила ее одну, она неслышно подошла к окну и сквозь щелку в картоне посмотрела на площадь. Под луной все так же серебрились дома, небо

озаряли огненные всполохи. Лбом Хелен чувствовала легкое сотрясение картона, а потом с секундной задержкой долетал грохот разрыва.

При каждом ударе она вздрагивала. Казалось, вся уверенность ее покинула. Охватила дрожь, словно она вдруг утратила ловкий навык жить на войне и теперь осознавала лишь ее угрозу, нацеленную опасность и неотвратимость зла.

*

— Ого! — сказал Фрейзер. — Близко положил, да?

Бомбежка и зенитный огонь всех перебудили. Два-три зэка прилипли к окнам, криками подбадривая английских пилотов и зенитчиков; Джиггс, как обычно, взывал к немцам: «Сюда, фриц!» Воистину, это было нечто вроде преисподней. Минут пятнадцать Фрейзер лежал неподвижно, понося шум, затем не выдержал и вскочил. Через всю камеру подтащил к окну стол, в носках на него залез и попытался что-нибудь разглядеть. При каждом разрыве он шарахался от оконного переплета, иногда прикрывая руками голову, но потом вновь приникал к стеклу. Уж лучше так, сказал он, чем ничего не делать.

Дункан спокойно оставался на месте. Закинув

руки за голову, он в относительном удобстве лежал навзничь на шконке.

— Всегда кажется ближе, чем на самом деле, — сказал он.

— Что, бомбежка тебя не беспокоит? — недоверчиво спросил Фрейзер.

— Привыкаешь.

— Не страшно, что дурацкая бомбища может лететь прямо в тебя, а тебе даже бошку некуда спрятать?

Камеру заливал сверхъестественно яркий лунный свет. Лицо Фрейзера виднелось отчетливо, но его голубые мальчишеские глаза, светлые волосы и накинутое на плечи бурое одеяло утратили свои цвета — все стало различных оттенков серебристо-серого, как на фотографии.

— Говорят, если на ней значится твое имя,— сказал Дункан, — она тебя достанет, где бы ты ни был.

— Ладно бы Джиггс этакое ляпнул, — фыркнул Фрейзер. — Он-то и вправду воображает завод на окраине Берлина, где на оболочке бомбы штампуют: «Р. Джиггсу, Уормвуд-Скрабз, Англия».

— Если суждено, накроет и здесь — вот я о чем.

Фрейзер вновь прижался носом к стеклу.

— Хочется думать, что все же удастся повысить

свои шансы... Вот сволочь!

Очередной разрыв, от которого задребезжали стекла и зашевелилась кладка у вентиляционной отдушины, заставил его подскочить. Из соседних камер донеслись радостные вопли и чей-то пронзительный надрывный крик: «Хорош, пиздюки!» После чего на миг воцарилась тишина.

Затем вновь залаяли зенитки, посыпались бомбы.

— Смотри, без морды останешься, — сказал Дункан. — Что-нибудь видно?

— Прожектора. Мечутся как угорелые. Зарево пожаров. Непонятно где. Может, весь чертов город уже сгорел дотла. — Фрейзер грыз ноготь. — Мой старший брат служит караульным в Ислингтоне.

— Иди ложись, — помолчав, сказал Дункан. — От тебя ничего не зависит.

— Что и бесит! А козлы-вертухаи сидят в укрытии... По-твоему, чем они заняты? Готов спорить, перекидываются в картишки и жрут виски, злорадно потирая руки.

— Мистер Манди не такой, — вступился Дункан.

— Верно! — хохотнул Фрейзер. — Сидит себе в уголке с трактатом по Христианской науке и

силой воображения отгоняет бомбы. Может, последовать его примеру? Ась? Он же пичкал тебя всей этой мурой, да? Поэтому ты такой непробиваемый? — Фрейзер вдохнул, закрыл глаза и заговорил с неестественной безмятежностью: — Бомбы не существуют. Они нереальны. Войны нет. Бомбежки Портсмута, Пизы, Кельна — всего лишь массовая галлюцинация. Люди не гибнут, но, полагая себя мертвыми, лишь чуть-чуть ошибаются, что может случиться со всяким. Войны нет...

Фрейзер открыл глаза. Внезапно наступила тишина.

— Неужели сработало? — прошептал он, но подпрыгнул от очередного разрыва. — Зараза! Не вполне. Давай-ка еще разок, Фрейзер. Плохо стараешься, задрыга! — Он прижал ладони к вискам и вновь завел тихим речитативом: — Никаких бомб. Никакой стрельбы. Никаких бомб. Никакой стрельбы...

Затем плотнее запахнул одеяло, слез со стола и, не переставая бормотать, взад-вперед заходил по камере. При каждом новом взрыве он матерился и прибавлял шагу. Наконец Дункан поднял с подушки голову и раздраженно сказал:

— Кончай мотаться, а?

— Ах, простите, я не даю вам уснуть? — преувеличенно вежливо откликнулся Фрейзер, опять забираясь на стол. — Их приманивает сволочная луна. — Казалось, он разговаривал с собой. — Куда подевались облака? — Фрейзер протер запотевшее от дыхания стекло. С минуту помолчал и опять заныл: — Никаких бомб. Никакой стрельбы. Нет нищеты и несправедливости. В камере нет параши...

— Заткнись! — сказан Дункан. — Чего ты ерничаешь? Это... непорядочно к мистеру Манди.

Фрейзер откровенно заржал.

— Непорядочно к мистеру Манди! — передразнил он. — А что такого, если посмеяться над старичком? — Вопрос прозвучал риторически, но затем Фрейзер, будто осененный мыслью, прямо спросил: — И все-таки, что за дела у тебя с мистером Манди?

Дункан промолчал. Не дождавшись ответа, Фрейзер не унимался:

— Ты же понимаешь, о чем я. Думаешь, я не заметил? С какой радости он дает тебе сигареты, побрасывает сахарку и все такое?

— Мистер Манди добрый, — сказал Дункан. — Здесь он единственный такой надзиратель, спроси кого хочешь.

— Я спрашиваю тебя, — не отставал Фрейзер. — Мне он почему-то не дает курева и сахару.

— Наверное, не сочувствует.

— А тебе, значит, сочувствует? Так, что ли?

Приподняв голову, Дункан теребил обтрепавшийся край одеяла.

— Видимо, так, — сказан он. — Почему-то я вызываю сочувствие. Такое вот у меня свойство. Так и раньше было. В смысле, еще до всего этого.

— Что ли, харя твоя располагает?

— Возможно.

— Пушистые ресницы и все такое.

Дункан выпустил одеяло и набычился.

— Я не виноват, что у меня такие ресницы.

Фрейзер засмеялся, тон его вновь стал иным.

— Разумеется, не виноват, Пирс. — Он спрыгнул со стола, вплотную к стене придвинул стул и сел, разбросав ноги и откинув голову. — Знавал я одну девушку, — начал он, — у которой ресницы были, как у тебя...

— Наверное, ты многих девушек знавал?

— Я не трепло.

— Ну и не надо.

— Эй, сам же завел этот разговор! Я-то спрашивал про тебя и мистера Манди... Просто интересно, неужели он делает такие поблажки только за

красивые глаза?

Дункан сел. Он вспомнил руку мистера Манди на своем колене и покраснел.

— Я ничем с ним не расплачиваюсь, если ты это имеешь в виду! — с жаром сказал Дункан.

— Пожалуй, именно это я имел в виду.

— Вот так происходит у тебя с девицами?

— Полегче! Ладно, просто я...

— Что — просто?

Фрейзер замялся.

— Ничего. Только любопытно, как оно слаживается.

— Что слаживается?

— Ну, у таких, как ты.

— Как я? — спросил Дункан. — Что ты хочешь сказать?

Фрейзер заерзал и отвернулся:

— Ты все прекрасно понимаешь.

— Не понимаю.

— Ну хотя бы знаешь, что о тебе здесь говорят.

Дункан чувствовал, что краснеет еще сильнее.

— Такое говорят здесь о любом мало-мальски... культурном человеке, который любит книги, музыку. Иными словами, если ты не скот. Хотя именно сами скоты погрязли в этом как никто другой...

— Я знаю, — тихо сказал Фрейзер. — Но не только это.

— А что еще?

— Ничего... Я слыхал, почему ты здесь оказался.

— Что ты слыхал?

— Тебя посадили, потому что... Ладно, проехали, это не мое дело.

— Нет! Говори, что ты слышал.

Фрейзер пригладил ежик волос и наконец врезал без обиняков:

— Тебя посадили, потому что ты пытался покончить с собой, когда умер твой дружок.

Дункан онемел и замер.

— Извини, — сказан Фрейзер, — Говорю же, это не мое собачье дело. Мне пофиг, за что ты здесь и с кем ты якшался. Если хочешь знать мое мнение, у нас сволочные законы о самоубийстве.

— Кто тебе сказал? — сипло спросил Дункан.

— Не важно. Плюнь.

— Уэйнрайт? Или Биннс?

— Нет.

— Тогда кто?

Фрейзер смотрел в сторону.

— Ну конечно, эта педрилка Стелла.

— Тварь! — воскликнул Дункан. — Меня от нее

тошнит. От всей их кодлы. С бабами не спят, а сами стали бабами. Даже хуже баб! Их лечить надо! Я их ненавижу!

— Ладно, — мягко сказал Фрейзер. — Я тоже.

— А сам думаешь, что я такой же!

— Я этого не говорил.

— Думаешь, я из их числа, и Алек был...

Дункан осекся. Здесь он никогда не произносил этого имени, только перед мистером Манди, а сейчас выплюнул его, как брань.

Фрейзер вглядывался сквозь сумрак.

— Алек был твоим... дружком? — осторожно спросил он.

— Никакой он не дружок! — взъярился Дункан. Ну почему всем только одно приходит в голову? — Он просто был моим другом. Что, у тебя нет друзей? У остальных тоже?

— Разумеется. Извини.

— Он просто был моим другом. Если бы ты вырос там, где я, и чувствовал, как я, ты бы понял, что это значит.

— Да, наверное.

Похоже, пик бомбежки миновал. Фрейзер подышал на руки и поработал озябшими пальцами. Затем полез под подушку и достал сигареты. Чуть смущенно предложил Дункану. Тот мотнул

головой.

Фрейзер руку не убирал.

— Я хочу, чтоб ты взял, — тихо сказал он. — Ну бери. Пожалуйста.

— Тебе же меньше останется.

— Плевать. Дай-ка, я сам прикурю.

Фрейзер сунул в рот обе сигареты, взял каменную солонку и иголку. Чиркая железом о камень, можно было высечь искру; через пару секунд бумага наконец занялась, следом затлел табак. Дункан принял сигарету, которая, намокнув от слюны Фрейзера, перегнулась, точно соломинка. К языку тотчас прилипли табачины.

Курили молча. Сигареты спалились за минуту. Докурив, Фрейзер развернул охнарик и собрал, что можно, на следующую закрутку.

— Я завидую твоему другу, Пирс, — негромко сказал он. — Правда, завидую. Не представляю, чтобы я так сильно кого-то любил — мужчину или женщину, не важно, — как ты любил его. Да, завидую тебе.

— Значит, ты единственный, кто мне завидует, — мрачно ответил Дункан. — Собственный отец меня стыдится.

— Если на то пошло, мой тоже меня стыдится. Считает, таких, как я, надо выдворять в Германию,

раз мы столь усердно способствуем фашистам. Может, человек и должен быть источником позора для своего отца? Если у меня когда-нибудь будет сын, надеюсь, он превратит мою жизнь в ад. А то откуда же взяться прогрессу?

Дункан не улыбнулся.

— Тебе все шуточки, — сказал он. — Для людей твоего круга все выглядит иначе.

— Неужели твоя жизнь и впрямь была настолько паршивой?

— Наверное, со стороны так не показалось бы. Отец... Он никогда меня не бил и... ничего такого. Просто... — Дункан с трудом подбирал слова. — Не знаю... Когда тебе нравится не то, что положено, и ты чувствуешь не так, как положено... Когда невозможно выговорить то, чего от тебя ждут... Алек чувствовал, как я. Он ненавидел войну. Его брат погиб в самом ее начале, и отец наседал, чтоб он шел воевать. Это был первый «блиц». Он уже заканчивался, хотя тогда мы этого не знали. Казалось... наступает конец сволочного света! Жуткое было время. Мы с Алеком вовсе не хотели воевать. Он не желал поступать, как все. Однако... вот...

— Бедняга, — прочувствованно сказал Фрейзер, когда Дункан замолчал. — Похоже, отличный

был парень. Жаль, что я его не знал.

— Он вправду был отличный. Умный. Не то что я. Я-то всегда сходил за умного, потому что язык хорошо подвешен. Он был забавный. Ни минуты не усидит на месте. Вечно что-нибудь затеет. Пожалуй, маленько на тебя смахивал; или ты похож на того, каким он стал бы, если б учился в хорошей школе и был богат. Он будоражил. С ним... не знаю... все вокруг выглядело лучше, чем было на самом деле. Бывало, позже все обдумаешь и сообразишь, что иногда он порол чушь, но пока он был рядом, с ним ты был готов в огонь и в воду. Тебя уносило... точно волной.

— Извини, — тихо сказал Фрейзер. — Теперь я понимаю, отчего... ну, почему он тебе так нравился. Сколько ему было?

— Девятнадцать, — так же тихо ответил Дункан. — Он был старше меня. Поэтому его призвали первым.

— Всего девятнадцать... Гнусно, Пирс! Сначала брат, потом он. — Фрейзер помешкал и спросил еще тише: — А потом?

— Что — потом?

— Когда он погиб... Ты — того?..

Перед глазами Дункана вновь промелькнуло яркое видение алой кухни в отцовском доме. Он

взглянул на Фрейзера, залитого лунным светом; сердце заколотилось от нестерпимого желания рассказать, что тогда произошло, но слова застряли в горле. Дункан опустил взгляд и глухо произнес:

— Он умер, а я нет. Хотя должен был. Ясно?

Наверное, Фрейзер не заметил в нем перемены.

— И тебя засадили! Вот оно, британское правосудие! Вместо одной погублено две жизни! Когда тебе всего-то требовалось...

— Давай не будем об этом, — сказал Дункан.

— Ладно, раз не хочешь. Конечно. Просто уж больно паршиво. Если б хоть кто-нибудь — твой отец или... Черт! — Фрейзер вскочил со стула. — Что это было?

Бомба упала совсем близко; от мощного взрыва стекла в оконном переплете выпучились, а может, прогнулись, и одно лопнуло со звуком пистолетного выстрела. Дункан посмотрел на окно. Фрейзер метнулся к двери и, уронив с плеч одеяло, попытался ее открыть.

— Черт! Черт! — повторял он. — Зажигалка, да? Это же они так воют?

— Не знаю, — сказал Дункан.

— Я уже слышал, доводилось. Зажигалка, точно,

— покивал Фрейзер. — Ох ты! — Раздался новый взрыв. Фрейзер снова подергал дверь и огляделся. — И что нам делать, если такая дура попадет в наш корпус? — Голос его взвился. — Мы же поджаримся в койках! Пожарные-то хоть дежурят на крыше? Ни разу не слыхал про дежурства, а ты? А ну как скинут зажигалки пакетом? Это ж сколько времени понадобится, чтобы пупкарь обежал все этажи и открыл все двери? Да ведь они носа из укрытия не высунут! Господи! Ведь могли же перевести нас в первую зону, пока тревога. Мы б притащили тюфяки и спали в холле!

Голос его стал пронзительным и ломким, как у подростка, и Дункан вдруг понял, что Фрейзер и впрямь очень напуган, но до сих пор изо всех сил скрывал страх. Его напряженное лицо побелело и взмокло от пота. Топорщились короткие волосы, которые он беспрестанно приглаживал обеими руками.

Дункан смущенно отвернулся, когда Фрейзер перехватил его взгляд и чуть спокойнее спросил:

— Думаешь, у меня очко сыграло?

— Ничего я не думаю.

— Может, и так. — Фрейзер протянул трясущуюся руку. — Видал?

— Ну и что?

— Как, ну и что? Господи! Ты не понимаешь! Я... Черт!

Завопили и другие зэки. Казалось, они тоже насмерть перепуганы. Один звал мистера Гарнира. Другой чем-то дубасил в дверь камеры. Оконные рамы заходили ходуном, когда совсем рядом упала очередная бомба... Затем бомбы посыпались градом — казалось, ты сидишь в мусорном баке, а по крышке кто-то наяривает битой.

— Джиггс, пиздобол! — истошно вопил какой-то зэк. — Это ты, сучара, виноват! Я тебя уделаю, гад! Глаз на жопу натяну!

Однако Джиггс уже заткнулся, вскоре смолк и крикун. Орать под аккомпанемент разрывов было жутковато; Дункан представил, как почти все зэки замерли на шконках и молча отсчитывают секунды до следующего взрыва.

Фрейзер вздрагивал и не отходил от двери.

— Ляг, пережди, пока кончится, — сказал Дункан.

— А если не кончится? Или мы кончимся вместе с бомбежкой?

— Бомбят далеко. Просто здесь дворы усиливают звук, — сочинил Дункан. — Взрывы кажутся ближе, чем на самом деле.

— Думаешь?

— Ну да. Разве ты не замечал, какое эхо, когда кричат из окна?

Фрейзер кивнул, цепляясь за мысль.

— Точно! Я замечал. Верно, ты прав.

Его все еще трясло, и он стал растирать плечи. Камера выстудилась, в одной пижаме было холодно.

— Ложись, — повторил Дункан.

Однако Фрейзер не шелохнулся, и тогда он встал с койки и залез на стул, чтобы задернуть штору. В окно просматривались двор и тюремный корпус напротив, залитый лунным светом. По небу, как ополоумевшие, шарили прожектора, и где-то к востоку — в Майда-Вейл, а может, еще дальше, в Юстоне — мерцало слабое дрожащее зарево начинавшегося пожара. Дункан перевел взгляд на трещину в стекле. Аккуратная идеальная дуга вовсе не казалась порождением грубой силы. Однако под пальцами стекло подалось, и Дункан понял, что, если нажать чуть сильнее, оно разлетится вдребезги.

Опустив светомаскировочную штору, он закрепил ее на подоконнике, и камера, погрузившись в почти непроглядную тьму, приобрела совершенно иной вид — комнаты, которая могла находиться где угодно или вообще нигде. Штора

заглушила лунный свет, который все же просачивался сквозь изношенную ткань, образуя на ней звездочки, точки и полумесяцы, как на усеянной блестками мантии эстрадного фокусника.

Дункан снова лег. Он слышал, как Фрейзер сделал пару шагов и нагнулся за одеялом. Потом нерешительно замер, словно еще не избавился от страха... И наконец очень тихо сказал:

— Пирс, можно к тебе, а? В смысле, лечь на твою койку. — Дункан не ответил, и он просто добавил: — Это все проклятая война. Одному мне страшно.

Дункан откинул одеяло и сдвинулся ближе к стене; Фрейзер лег рядом и затих. Они молчали. Однако при каждом разрыве или залпе зенитного огня Фрейзер вздрагивал и напрягался, как человек, которого донимают приступы боли. Вскоре Дункан почувствовал, что тоже напрягается — не от страха, но из сочувствия. Фрейзера это рассмешило.

— О господи! — проговорил он, лязгая зубами. — Извини, Пирс.

— Извиняться не за что, — ответил Дункан.

— Никак не могу унять колотун.

— Так всегда бывает.

— И ты из-за меня трясешься.

— Не важно. Сейчас согреешься, и все пройдет.

Фрейзер покачал головой.

— Колотит не просто от холода.

— Это не важно.

— Чего ты заладил? Это чертовски важно. Не понимаешь, что ли?

— Чего?

— По-твоему, я не задумываюсь о... страхе? Это самое поганое, что есть на свете. Мне пофиг любые трибуналы. Плевать, если бабы на улице крикнут, что я не мужик! Однако наедине с собой закрадывается мысль, что, может, суды и бабы правы, и тогда гложет и гложет подозрение: я действую по искреннему убеждению или просто я... несчастный трус? — Он отер лицо, и Дункан догадался, что пот на его щеках перемешан со слезами. — Такие, как я, никогда не признаются... — Фрейзер заговорил сбивчивей: — Но мы это чувствуем, Пирс, я знаю, все чувствуют... И в то же время видишь, как самые обычные ребята — мужики вроде Грейсона или Райта — охотно идут воевать. Что, в них меньше смелости, потому что они болваны? Неужели, по-твоему, я не задумываюсь о том, каково мне станет, когда война закончится и я буду знать, что жив, наверное, лишь благодаря таким парням? А между

тем вот он я, вот Уотлинг, Уиллис, Спинкс и все другие отказники во всех тюрьмах Англии. И если... — Раздался громкий гул бомбардировщика. Фрейзер вновь напрягся, пока самолет не пролетел. — Если всех нас заживо сожжет зажигалка, станем ли мы тогда храбрецами?

— Я считаю, нужна смелость, чтобы поступить, как ты, — ответил Дункан. — Всякий тебе скажет.

Фрейзер вытер нос.

— Легко быть смелым, когда вообще ничего не делаешь! Ты гораздо храбрее меня, Пирс.

— Я?

— Ведь ты что-то сделал, правда?

— То есть?

— Ты совершил поступок... ну тот, из-за которого попал сюда.

Дункан вздрогнул и отвернулся.

— Ведь потребовалось мужество, правда? — не унимался Фрейзер. — Видит бог, мне бы духу не хватило.

Дункан снова дернулся и поднял руку, словно даже в темноте хотел оттолкнуть взгляд Фрейзера.

— Ни хрена ты не знаешь, — грубо сказал он. — Думаешь... Ох! — Стало мерзко. Даже сейчас,

когда рядом трясло Фрейзера, он не мог заставить себя открыть незамысловатую правду и только обронил: — Не говори ничего. Заткнись!

— Ладно. Извини.

Они замолчали. Все еще слышались гул самолетов и жуткая дробь зениток. Но вот очередной взрыв раздался дальше, потом еще дальше — бомбардировщики уходили...

Фрейзер успокаивался. Вскоре прозвучал отбой, и он, вздрогнув в последний раз, рукавом отер лицо и затих. В корпусе стояла тишина. Из окон никто не вопил и не свистел. Зэки, которые от страха костенели или сворачивались калачиком, теперь приподнимали головы, вытягивали руки, словно ощупывая ночную тишину, и в изнеможении опять валились на койки.

Зашевелились надзиратели — вылезли из укрытия, точно жуки из-под камня. Слышались их шаги по гаревому двору — медленные, запинающиеся, словно охранников изумляла невредимая тюрьма.

Дункан знал, что теперь услышит дребезжанье железных площадок под ногами мистера Манди, совершающего обход. Когда звон возник, он поднял голову, чтобы лучше слышать. В кромешной тьме камеры световая полоска под дверью каза-

лась совсем бледной. Вот мистер Манди подошел и сдвинул заслонку глазка. Дункан понимал, что Фрейзер тоже все видит. Когда тот собрался что-то сказать, он зажал ему рот и не откликнулся на обычный шепот мистера Манди: «Порядок?» Вопрос прозвучал в другой раз, и в третий, прежде чем надзиратель сдался и неохотно ушел.

Дункан еще держал ладонь на губах Фрейзера. Пальцами он чувствовал его дыхание; потом медленно убрал руку. Оба молчали. Дункан вдруг осознал близость чужого теплого тела, ощутил соприкосновение его и своих ног, бедер, рук и плеч. Почти три года каждую ночь он в одиночестве лежал на узкой шконке. В тюрьме случались толчея и давка, на свиданиях он через стол касался пальцев Вив, однажды поручкался с капелланом. Сейчас невероятная близость к другому человеку должна была показаться странной, но не показалась. Дункан пригнул голову и шепнул:

— Все нормально?

— Да, — ответил Фрейзер.

— Пойдешь к себе наверх?

Фрейзер помотал головой.

— Нет еще...

Это вовсе не казалось странным. Они сдвинулись ближе. Дункан вытянул руку, и Фрейзер

приподнялся, пропуская ее под голову. Они обнялись, легко и просто, словно не было тюрьмы и города, который бомбежкой и стрельбой разносит в куски, словно объятье мальчишек — это самая естественная вещь на свете.

*

— Зачем ты отдала ей свое кольцо? — спросила Микки.

Кей плавно переключила скорость.

— Не знаю. Жалко ее стало. Ладно, пустяки. Что такое кольцо по нынешним временам? — Она притворялась беспечной, но вообще-то уже сильно жалела, что отдала кольцо. Рука на баранке чувствовала себя голо, неуютно и несчастливо. — Может, завтра подскочу в больницу, погляжу, как она там.

— Надеюсь, еще застанешь, — хмыкнула Микки.

— Она сама так решила. — Кей смотрела на дорогу. — Это ее дело, нас не касается.

— Даже не понимала, что говорит.

— Все она прекрасно понимала. Ох, попался бы мне тот сучий боров, что ее выпотрошил! Еще б с дружком ее повидаться. — Машина подъехала к перекрестку. — Нам куда?

— Здесь не проедем. — Микки вгляделась в улицу. — Похоже, тут перекрыто. Дуй дальше.

Столь тяжелой смены не выпадало давно — все из-за лунной ночи. Отвезя Вив в больницу, они вернулись на Долфин-Сквер и тотчас выехали снова. В их районе разбомбило железнодорожную ветку; троих ремонтников, латавших ее с прошлого налета, убило, еще шестерых ранило. В одну ездку они забрали четверых, а потом их отправили к дому, где завалило семью. Двух женщин и девочку откопали живыми, а еще одну девочку и мальчика нашли мертвыми. Кей с Микки забрали трупы.

Теперь они ехали по новому вызову на улицу чуть восточнее Слоун-Сквер. Кей свернула за угол и почувствовала, как захрустело под колесами. Мостовая была усеяна щебнем, землей и битым стеклом. Кей двигалась еле-еле, а потом, увидев караульного, остановилась и опустила стекло.

Отметив его неспешную походку, она спросила:

— Опоздали?

Боец кивнул и отвел их к телам.

— Иисусе! — охнула Микки.

Мужчина и женщина погибли, возвращаясь из гостей. До их дома оставалось всего ярдов

пятьдесят, сказал караульный. Улица изгибалась полумесяцем, обегая палисад, в который и угодила бомба. В щепки разнесло платан футов тридцать высотой; в домах выбило окна и входные двери, с крыш сорвало шифер — вроде бы этим и обошлось. Мужчину с женщиной подбросило в воздух. Мужчина грохнулся на мощенный плиткой пятачок перед окном подвального этажа. Женщину швырнуло к тротуару, и она повисла на ограждении, грудью упав на тупые концы железных штырей. Караульный прикрыл ее обрывком шторы, который удалось найти. Теперь он его сдернул, чтобы Кей с Микки рассмотрели тело. Кей взглянула и отвернулась.

Пальто и шляпку сорвало; лицо закрыто разметавшимися волосами, повисшие руки все еще в гладких и чистеньких вечерних перчатках. Посеребренное луной шелковое платье растеклось по тротуару, словно его хозяйка делала реверанс, но обнаженная спина вздулась от пропоровших тело железных штырей.

— Ограждение только здесь и осталось, — говорил боец, спускаясь к подвалу. — Вот же злосчастье, а? Проржавело, потому и бросили. Честно скажу, я даже не пытался ее снять. Видно же, мертвая. Надеюсь, померла сразу. А вот муж,

вы не поверите, еще двадцать минут назад со мной разговаривал. Потому я вам и позвонил. Но гляньте, чего с ним.

Караульный убрал какую-то рванину, и они увидели мертвеца, который, подобрав ноги, спиной привалился к стене подвала. Он тоже был в вечернем одеянии: рубашка украшена аккуратно завязанной бабочкой, однако воротничок и почти весь пластрон заляпаны красным. Пыль, словно чепец, покрывала напомаженные волосы, но плясавший луч фонарика высветил оскальпированный край головы, залитой густой и блестящей, как джем, кровью.

— Вот уж картинка для соседей, высунься они из дома! — Караульный поцокал языком и оглядел Кей с Микки. — Не женская это работенка. Есть во что завернуть-то?

— Только одеяла.

— Одеяла-то напрочь изгваздаются, — бурчал он по дороге к машине. Затем что-то наподдал ногой. — Гляньте-ка, чего это? Дамочкина накидка, видать, сорвало. Можно бы... Ох, мать честная!

Они с Кей невольно пригнулись. Однако рвануло милях в двух к северу, взрыв отозвался лишь приглушенным ударом, за которым последовал грохот ближе: обваливались балки, соскальзывал

шифер, мелодично звенело вдребезги разбитое стекло. Залаяла пара собак.

— Что это было? — крикнула Микки. Она уже добралась до фургона и вынимала носилки. — Какая-то заваруха?

— Похоже на то, — сказала Кей.

— Газопровод?

— Могу поспорить, фабрика, — возразил боец, потирая подбородок.

Все посмотрели на небо. Мешая обзору, там плясали лучи прожекторов, разбавленные лунным светом; но вот они нырнули к земле, и боец ткнул пальцем:

— Глядите!

На подоле облаков возник первый отблеск огромного пожара. В нездоровой темно-розовой подсветке поднимались спутанные клубы дыма.

— Фрицам теперь раздолье — гляди не хочу, — сказал караульный.

— Как думаете, где это? — спросила Микки. — Кингз-Кросс?

— Может быть, — с сомнением ответил боец. — Но все ж таки, пожалуй, южнее. Думаю, в Блумсбери.

— Блумсбери? — повторила Кей.

— Знакомый район?

— Да.

Внезапно накатил страх; сощурившись, Кей взглядом обшаривала горизонт, ища какие-нибудь знакомые ориентиры — шпили, дымовые трубы. Однако разглядеть ничего не удалось; сбитая с толку изгибом улицы, на секунду она запуталась, в какую сторону смотрит — на северо-восток или северо-запад. Затем опять взметнулись прожектора, и небо превратилось в мешанину света и тени. Кей отвернулась и пошла к телу женщины.

— Идем, — бросила она Микки.

Видимо, что-то расслышав в ее голосе, та спросила:

— Что случилось?

— Не знаю. Не по себе как-то, вот и все. Господи, ну и кошмар! Поможешь, ладно? Так просто не снять, там шипы; наверняка зацепилась.

Стараясь не слушать скрежета железа о ребра и не смотреть на выступавшие под кожей бугры штырей, они взад-вперед раскачали и наконец сдернули тело. Труп мокро чавкнул. Не переворачивая и не пытаясь закрыть покойнице глаза, они спешно уложили ее на носилки, укрыв тем же обрывком шторы. Светлые, будто спутанные со сна волосы погибшей напомнили Хелен, когда

та пробуждалась или вставала с постели после любви.

— Господи! — проговорила Кей, краем манжета отирая рот. — Пропади оно все пропадом!

Она отошла в сторонку и закурила, наполняясь тревогой. Кей посмотрела на небо. Там все еще безумствовала игра красок, а зарево то разгоралось, то сникало, подчиняясь скачкам пламени под ветром. Вновь накатил необъяснимый страх. Сделав две-три затяжки, Кей отбросила сигарету; караульный неодобрительно крякнул, подобрал окурок и сам досмолил.

Кей подхватила вторые носилки, лежавшие рядом с телом женщины, и пошла вниз к подвалу. Там достала бинт и принялась обматывать голову мертвеца. Микки ей помогала, опасливо придерживая покойника за плечи. Они хотели растянуть носилки, чтобы уложить тело, но пристроиться было негде — повсюду выброшенная из палисада земля, ветки, обломки шифера. Кей с Микки ногами стали расшвыривать мусор; быстро запыхавшись, обе сквозь зубы ругались. И все же Кей расслышала, когда кто-то на улице настойчиво произнес ее имя, хотя это был не оклик, не зов. Услышала и все поняла. Она выпрямилась, на миг замерла, потом перешагнула через тело

убитого и поспешно взобралась по ступеням.

Кто-то разговаривал с караульным. Даже в темноте Кей узнала человека по очкам на худющем лице. Хьюз с их станции. Было видно, что он бежал. Для быстроты даже снял каску, которую сейчас прижимал к боку.

— Кей... — сказал он, увидев ее. Стало совсем плохо, потому что прежде Хьюз называл ее только Лэнгриш и никогда — по имени. — Кей...

— Что?.. Говори!

— Мы с Коул и О'Нил были в трех улицах отсюда. Караульный принял вызов с пятьдесят восьмой станции... Сочувствую, Кей. Полагают, это была обойма из трех зажигалок; гансы целили в Бродкастинг-Хаус, но чуть промазали. Одну бомбу успели затушить. От двух других занялся пожар...

— Хелен... — сказала Кей.

Хьюз схватил ее за руку.

— Я решил тебе сообщить. Хотя точно не известно, где горит. Может, и не там...

— Хелен... — повторила Кей.

Вот чего каждый божий день она страшилась, уговаривая себя, что, перебоявшись, будет спокойна, если это все же случится. Теперь она поняла, что заключила своего рода пакт с ужасом,

вообразив, будто острым непреходящим страхом заслужит сохранность Хелен. Чушь собачья. Она боялась, но кошмар все равно случился. Какое, к черту, спокойствие? Кей вырвалась из хватки Хьюза и закрыла руками лицо; ее всю трясло. Тянуло рухнуть на колени и завопить. Неудержимая слабость пугала. «Чем это поможет Хелен?» — подумала Кей. Открыв лицо, она увидела Микки, которая тоже хватала ее за руку. Оттолкнув ее, Кей шагнула в сторону.

— Я должна быть там, — сказала она.

— Не надо, Кей! — всполошился Хьюз. — Я прибежал, потому что не хотел, чтобы ты узнала от кого-то другого. Ты ничем не поможешь. Там район пятьдесят восьмой станции. Предоставь это им.

— Они напортачат! Все испоганят! Я должна быть там.

— Слишком далеко! Ты ничего не сможешь сделать.

— Там Хелен! Ты что, не понимаешь?

— Я все понимаю. Потому и пришел. Но...

— Кей! — Микки опять схватила ее за руку. — Хьюз прав. Слишком далеко.

— Плевать! — остервенело крикнула Кей. — Я побегу. Я... — Она увидела машину и сказала уже

спокойнее: — Я возьму фургон.

— Не надо, Кей!

— Кей...

— Погодите, — встрял караульный, наблюдавший всю сцену. — А как же с мертвяками?

— К черту их! — рявкнула Кей.

Она бросилась к фургону. Микки и Хьюз кинулись следом, пытаясь ее остановить.

— Лэнгриш! — Хьюз начал злиться. — Не будь дурой!

— Уйди с дороги!

Кей подбежала к задку фургона, чтобы закрыть дверцы. Потом залезла в кабину. Хьюз стоял рядом.

— Ради бога, подумай, что ты делаешь, Лэнгриш! — упрашивал он.

Кей поискала ключ и через плечо Хьюза поймала взгляд Микки.

— Дай ключ, Микки, — тихо сказала она.

— Кармайкл, не давай! — крикнул Хьюз.

— Пожалуйста, Микки.

— Кармайкл!..

Микки нерешительно переводила взгляд с Кей на Хьюза и обратно. Достала ключ и, помешкав, бросила Кей. Бросок был по-мальчишески точен. Хьюз цапнул воздух, ключ поймала Кей. Вставила

в замок и запустила мотор.

— Ну и черт с тобой! — Хьюз грохнул кулаком по дверце. — Будь вы неладны! Со службы вышвырнут как миленьких! Вас...

Кей ткнула его в лицо. Врезала не глядя — удар пришелся в скулу и сбил очки; Хьюз завалился навзничь, а Кей, отпустив ручной тормоз, тронулась с места. На ходу поймала и захлопнула болтавшуюся дверцу. Мешала съехавшая на лоб каска; дернув за ремешок, Кей ее скинула и сразу почувствовала себя лучше. В зеркальце она видела, что Хьюз, закрыв руками лицо, сидит на земле, а Микки понуро стоит рядом и, не пытаясь ему помочь, смотрит вслед машине... По улице, усыпанной землей и битым стеклом, Кей заставила себя ехать с предельной осторожностью, а когда дорога расчистилась, придавила газ.

Перед глазами стояла Хелен, какой она ее видела в последний раз несколько часов назад, живой и невредимой. Видение было столь отчетливым, что Кей поверила: Хелен жива и даже не ранена. «Это не Рэтбоун-Плейс, — говорила она себе. — Наверное, какая-нибудь другая улица. Даже если горит там, Хелен услышала тревогу и пошла в убежище. В этот раз она непременно пошла ради меня...»

Кей выехала на Букингем-Пэлэс-роуд и проскочила вокзал «Виктория». На скорости свернула в парк, отчего взвизгнули покрышки, а в фургоне что-то сорвалось с места и загрохотало по полу. Впереди в рваном ритме угасающей жизни пульсировало зарево: жуть, жуть... Кей переключила скорость и добавила газу. Налет продолжался; Мэлл, разумеется, была безлюдна, и лишь на Чаринг-Кросс встретились караульный и полисмен, занятые другим происшествием; услышав мотор, они замахали, полагая, что машину прислали со станции.

— Туда, туда! — кричали они, показывая в сторону Стрэнда.

Кей кивнула, но у нее даже мысли не мелькнуло остановиться и оказать помощь. Чуть позже какой-то человек с темным от крови лицом увидел на капоте знак «скорой помощи»; пошатываясь и держась за голову, он шагнул с тротуара, но Кей его объехала и погнала дальше.

Чаринг-Кросс-роуд была перекрыта, поскольку тремя днями раньше здесь разбомбило водопровод. Кей свернула налево к Хеймаркет, затем через Шафтсбери-авеню выехала на Уордер-стрит, надеясь, что так доберется до Рэтбоун-Плейс. Однако проезд на Оксфорд-стрит был блокирован

«ежами» с веревками и охранялся полицией. Кей резко затормозила и стала разворачиваться. К окошку подбежал полицейский.

— Вам куда надо? — спросил он и, услышав, мол, к конюшням, тотчас сказал: — По-моему, ваши там уже побывали. Здесь вам не проехать.

— Дело плохо?

Полицейский мигнул, что-то уловив в ее голосе.

— Вроде бы разнесло два склада. Разве штаб не сообщил вам детали?

— Мебельные склады? — спросила Кей, не отвечая на вопрос.

— Не знаю.

— Господи, наверное, они! Боже мой!

Разговаривая с полицейским, Кей опустила стекло и теперь вдруг учуяла запах гари. Она включила скорость, и полицейский отскочил в сторону. На задней передаче мотор засбоил. Кей сбросила рычаг на нейтраль, как обычно, дважды выжала сцепление, но не дала старичку времени одуматься и вновь врубила заднюю скорость, круша шестеренки, проклиная неуклюжую развалину и чуть не плача от отчаяния. «Не реви, дура!» — сказала она себе, изо всех сил саданув себя кулаком по коленке. Фургон качнулся. «Не

реви, не реви...»

Кей двинулась в обратную сторону, но, увидев слева неперекрытую улицу, резко в нее свернула. Чуть погодя удалось еще раз свернуть налево и выехать на Дин-стрит. Здесь она впервые увидела верхушки огненных языков, рвущихся в небо. Ветровое стекло облепили темные хрупкие хлопья — в воздухе порхала сажа. Кей утопила педаль газа, но через сотню ярдов дорога вновь оказалась перекрыта.

— Пропустите меня! — высунувшись в окно, крикнула Кей полицейским.

Те замахали руками.

— Невозможно! Езжайте обратно!

Кей развернулась и в отчаянии рванула на восток к Сохо-Сквер. И снова застава, только менее охраняемая. Кей дернула ручной тормоз, вылезла из машины и просто сиганула через заграждение.

— Эй! — закричал вслед чей-то голос. — Эй вы, без каски! Вы что, рехнулись?

Кей ткнула в нашивку на своем рукаве.

— «Скорая»! — крикнула она, задыхаясь. — «Скорая помощь»!

— Эй, вернитесь!

Однако вскоре голоса стихли. Ветер переме-

нился, и Кей вдруг окутало дымом. Зажав нос и рот платком, она бежала дальше; дым налетал порывами, и примерно через каждую сотню футов Кей попеременно слепла и выбегала на пронзительный свет. Раз она попала под дождь искр, который подпалил волосы и ожег лицо. В следующую секунду она упала и, поднявшись, потеряла направление: бросилась вперед и через пару шагов наткнулась на стену; развернулась, кинулась назад и почти тотчас уперлась в другую... Потом что-то затрепыхалось перед лицом — горящая бумага, решила Кей и шарахнулась в сторону. Но увидела голубя с пылающими крыльями. Выронив платок, Кей вытянула руки и в ужасе рванула прочь от него, но глотнула дыма из новой волны и стала задыхаться. Спотыкаясь, она брела вперед и вдруг оказалась на открытом пятачке среди жара и хаоса. Упершись в ляжки, Кей давилась кашлем и отплевывалась. Потом взглянула вверх.

Она была уже совсем близко к центру пожара, но ничего не узнавала. Вроде бы знакомые дома, мечущиеся пожарные, лужи воды, змеящиеся шланги — все было залито неестественно ярким светом или скрыто скачущей тенью. Кей окликнула какого-то человека, но за ревом огня

и стрекотом насосов тот ее не услышал. Она схватила за плечо другого и прокричала ему в лицо:

— Где я? Что это за место? Где Пимз-Ярд?

— Пимз-Ярд? — Человек стряхнул ее руку, порываясь бежать дальше. — Вот он!

Кей посмотрела на булыжную мостовую у себя под ногами, потом вновь огляделась и стала различать знакомые детали. Наконец она поняла, что мебельный склад прямо перед ней, чуть в стороне от центра пожарища, а ее собственное жилище невозможно узнать, потому что его сплющило рухнувшей стеной и частью обвалившейся крыши склада.

Открытие раздавило. Не в силах шевельнуться, Кей стояла и смотрела на огонь. Ее оттолкнул пробегавший пожарный:

— Уйди с дороги, заснула?

Повинуясь толчку, она сделала три-четыре шага и вновь безвольно остановилась. Потом кто-то окликнул ее по имени. Генри Варни, караульный с Гудж-стрит. Лицо и руки черны от копоти. Вокруг глаз протертые светлые круги. Точно ряженый негр.

Генри тряс ее за плечи.

— Мисс Лэнгриш! — изумленно повторял он. — Давно вы здесь?

Кей не ответила — язык не слушался. Генри потащил ее от огня. Он пытался надеть ей свою каску, горячую, как противень.

— Отойдемте, — говорил он. — Вы обгорели, вы... Отойдемте от огня, мисс Лэнгриш!

— Я пришла за Хелен, — выговорила Кей.

— Отойдемте, — повторил Генри и, встретив ее взгляд, отвернулся. — Сочувствую... Склад... вспыхнул как трут... Потом загорелось убежище.

— Убежище?

Генри кивнул.

— Бог ведает, сколько там было людей.

Он подвел Кей к разбитому окну, усадил на подоконник, а сам присел на корточки, не выпуская ее руку.

— Насчет убежища точно, Генри? — спросила Кей.

— Точней некуда... Мне очень жаль.

— Никто не спасся?

— Никто.

Подошел пожарный.

— За каким хреном тут «скорая»? — пролаял он. — Давно надо было сматываться. Вы здесь не нужны, слышь, ты?

Генри встал и что-то ему сказал; топорник понурился и пошел прочь. Кей слышала, как он

вздохнул:

— О господи...

Генри снова взял ее за руку.

— Мне надо идти, мисс Лэнгриш. Простите, что бросаю вас. Вам бы на пункт первой помощи. Может, у вас кто есть... друг... за кем можно послать?

Кей кивнула на огонь:

— Мой друг остался там, Генри.

Караульный сжал ее руку и отошел; через секунду он уже суетился, выкрикивая команды... Впрочем, пик пожара миновал еще до появления Кей. Языки пламени больше не рвались в небо. Рев огня стихал, но жар стал еще сильнее; стены склада, корчившиеся в пламени, вскоре съежились и рухнули, выбросив последний сноп искр. Пожарные переходили от одного кострища к другому.

Грязные ручьи бежали по мостовой, которая испускала густые клубы едкого пара. Раз земля затряслась от упавших неподалеку бомб, но это лишь возымело эффект гигантской кочерги, пошуровавшей в пожарище: минут на десять-пятнадцать пламя ярко вспыхнуло, а затем умерло. Пожарные выключили один генератор и сворачивали рукава. Свирепый свет сникал вместе со

стрекотом насосов. Луна ушла или спряталась за облака. Сгладились очертания предметов, утративших нереальный вид, все мелкие детали растворились в полумраке, словно мотыльки, сложившие крылья.

За все это время к Кей больше никто не подошел. Казалось, ее тоже мало-помалу засасывает темнота. Уронив руки на колени, она смотрела в жаркую сердцевину сгоревшего дома, где огонь менял цвет от непостижимо белого к желтому, оранжевому и красному. Выключили и увезли второй генератор. Кто-то кому-то крикнул, что дали отбой и проезд открыт.

Возникла мысль о дорогах, езде, но смысла ее Кей не понимала. Она потрогала голову. Подпаленные искрами волосы были жесткими и странными на ощупь. От прикосновений саднило лицо; смутно помнились чьи-то слова, что она обгорела.

Генри Варни снова подошел и коснулся ее плеча. Кей попыталась взглянуть на него, хотела моргнуть и не смогла — иссушенные жаром веки почти спеклись.

— Мисс Лэнгриш...

Генри заговорил как и раньше, но теперь его голос звучал как-то странно — ласково и при-

душенно. Кей вгляделась в его лицо и увидела слезы, которые бежали по щекам, промывая в копоти светлые извилистые дорожки.

— Вы не видите? Посмотрите...

Генри поднял руку, и Кей наконец сообразила, что он куда-то показывает.

Она повернулась и увидела два силуэта. Они замерли чуть поодаль, онемелые, как сама Кей. Отблески умирающего пламени выхватывали фигуры из темноты, и первое, что она заметила, — белизну их лиц и рук, неестественную среди всей этой грязи. Потом одна фигура шагнула, и Кей увидела, что это Хелен.

Кей прижала руку к глазам. Встать не смогла. Хелен пришлось ей помочь. Но и тогда она не отняла руки от лица, а позволила неуклюже себя обнять и, уткнувшись лбом в плечо Хелен, разрыдалась, как ребенок. Она не чувствовала ни радости, ни облегчения. Только боль вперемежку со страхом, столь острым, что казалось, он ее прикончит. Кей все всхлипывала и вздрагивала в объятьях Хелен, потом наконец подняла голову.

Сквозь жгучую пелену слез она увидела Джулию. Та держалась поодаль, словно боялась подойти ближе или чего-то выжидала. Кей встретила ее взгляд, покачала головой и опять

расплакалась.

— Джулия... — Она говорила как в бреду, ибо в тот миг не понимала ничего, кроме того, что у нее забрали, а потом опять вернули Хелен. — Ох, Джулия... Слава богу! Я думала, что потеряла ее.

1941

Поезд, в котором ехала Вив, катил где-то между Суиндоном и Лондоном — сказать точнее не представлялось возможным, ибо состав то и дело останавливался на каждом полустанке и просто так; попытки что-либо разглядеть в окно оказывались тщетными, ибо маскировочные шторы были спущены, а названия станций закрашены или сняты. Последние четыре часа Вив делила купе второго класса, рассчитанное на шестерых, с семью другими пассажирами. Настроение было ужасным. Пара солдатиков неустанно шалила со спичками, стараясь подпалить друг другу волосы, а толстомордая тетка в форме ВВС столь же неустанно увещевала их прекратить безобразие. Другая тетка вязала, концами спиц чиркая по ляжкам соседей. Наконец девушка в брюках не выдержала:

— Нельзя ли поосторожней? У меня брюки не дешевые. Вы мне затяжек понаделаете.

Вязальщица набычилась.

— Затяжек? А вам не кажется, что сейчас есть вещи поважнее?

— Нет, знаете ли, не кажется.

— Что ж, поглядим, какие штанцы вы купите, когда нагрянут фашисты.

— Если нагрянут, так или иначе мне будет не до штанов. Но пока не нагрянули...

— Вот такие-то враз за фашистов и выскочат, — бурчала тетка. — Не угодно ли вам эсэсовца в мужья?

Свара не утихала. Вив отвернулась. Слева от нее сидела девочка лет тринадцати — из богатеньких, неуклюжая и серьезная. Она разглядывала альбом с картинками лошадей и беспрестанно показывала его отцу — сидевшему напротив моряку с галуном на рукаве.

— Вот эта совсем как у Синтии, папа, — говорила она. — А вот такая у Мейбл; прелесть, правда? У этой голова точно как у Белого Мальчика, тот лишь капельку полнее в боках...

Отец бросал взгляд на картинку и хмыкал. Постукивая ручкой по газетной странице, он разгадывал кроссворд. Но последние два часа пытался также перехватить взгляд Вив. Каждый раз, когда они встречались глазами, он подмигивал. Если она закидывала ногу на ногу, его взгляд путешествовал вверх-вниз по ее икрам. Потом моряк достал портсигар и подался вперед,

чтобы предложить ей сигарету, но толстомордая летчица его остановила:

— Извините, у меня астма. Если собираетесь курить, будьте любезны выйти в коридор.

После чего флотский откинулся на сиденье и гнусно ухмыльнулся, будто тетка превратила их с Вив в заговорщиков.

— Взгляни на этого здоровяка, папочка. Вылитый красавец, которого мы тогда видели у полковника Уэбстера. Папа! Ты не смотришь!

— Ради бога, Аманда! — раздраженно сказал моряк. — Папочки не могут осмотреть всех пони на свете.

— Тогда это дурацкие папочки, только и всего. К тому же это не пони, а лошадки.

— Кем бы они ни были, но уморили меня до смерти.

Вив встала, собираясь выйти в туалет.

— Вот видишь, они уморили и юную леди. Не удивлюсь, если они надоели ей так, что она хочет найти открытое окно, чтобы выброситься из поезда. Пожалуй, я к ней присоединюсь... — Моряк коснулся руки Вив. — Не могу ли я чем-нибудь помочь?

— Нет, благодарю вас, — ответила Вив, стряхивая его руку.

— Фу, какой ты гадкий, папа! — крикнула девочка.

— Будет вам «киндер-кирхе», — бубнила тетка с вязаньем. — Уж тогда-то в штанах не побегаете, помяни мое слово...

Вив нетвердо шагнула к раздвижной двери купе, выглянула в коридор и чуть замешкалась, поскольку там было людно. В Суиндоне села компания канадских летчиков; привалившись к окнам или устроившись на полу, они играли в карты и курили. В синем поездном свете их форма выглядела пронзительно голубой, а клубы табачного дыма обвивали их, точно плавающие полотнища шелка, отчего, сказать по правде, на миг они показались прекрасными неземными существами.

Однако, заметив Вив, которая пробиралась по узкому коридору, все они ожили — вскакивали и распластывались по стенкам, давая ей пройти. От их резких движений шелковые полотнища волновались и теряли таинственный флер. Послышались свист и выкрики:

— Опаньки!.. Поберегись!.. Дорогу даме, ребята!

— Полный боекомплект, Мэри? — спросил один, кивнув на ее грудь.

Другой рванулся ее поддержать, когда поезд

качнуло:

— Потанцуем?

— Желаете попудрить носик? — спросил третий, когда Вив добралась в конец коридора и снова замешкалась. — Как раз тут есть местечко. Мой приятель согрел его для вас.

Вив покачала головой и протиснулась дальше. Лучше уж перетерпеть, чем заходить в туалет, когда за дверью столько мужиков. Летчики хватали ее за руки и пытались удержать.

— Не покидай нас, Сьюзи! Ты разбиваешь нам сердце!

Предлагали глотнуть пивка или виски. Вив улыбалась и мотала головой. Угощали шоколадом.

— Слежу за фигурой, — все же ответила Вив, выдергивая руку.

— И мы следим! — заорали они вслед. — Классный станок!

В соседнем вагоне было спокойнее, а в следующем совсем тихо; здесь часть лампочек перегорели, и Вив продвигалась в полумраке. Тут военных ехало больше, но, видимо, они сели давно и были не расположены к шуткам; солдаты в затянутых ремнями шинелях расположились на полу и, пристроив головы на согнутые колени,

пытались вздремнуть. Вив неловко пробиралась между ними, хватаясь за стенки и окна качкого вагона.

В конце коридора имелось два туалета; Вив с облегчением увидела, что запор одного повернут на «свободно». Вив взялась за ручку и толкнула дверь, но та приоткрылась лишь чуть-чуть, а потом изнутри ее поспешно захлопнули. В туалете кто-то был. В зеркале над раковиной Вив успела заметить профиль солдата в хаки. Тревога на лице служивого подсказала, что его застали в момент, когда он отливал. Вив смутилась и отступила к тамбуру.

С минуту туалет оставался закрытым. Потом ручка медленно повернулась, и дверь осторожно отъехала внутрь. Солдат опасливо, точно из окопа, высунул голову. Наткнувшись на взгляд Вив, он разогнулся и вышел целиком.

— Прошу прощенья.

— Ничего, — сказала Вив, все еще чуть смущенно. — Тут замок не сломан, нет?

— Замок? — рассеянно переспросил солдат.

Он зыркнул по сторонам и принялся грызть ноготь. На его пальцах Вив заметила обезьянью поросль темных жестких волосков. Щеки его синели небритостью. Ободки и уголки глаз

покраснели. Вив шагнула к туалету, а солдат, подавшись к ней, доверительно спросил:

— Вам проводник не попадался? — (Вив покачала головой.) — Рыщет, гад, будто акула!

Он отнял ото рта руку, поднял большой палец, изображая рассекающий воду акулий плавник, и сделал хватательное движение: цап! Однако пантомима была представлена без воодушевления и с оглядкой; пропуская Вив, солдат нахмурился и опять вгрызся в палец. Она вошла в туалет, заперла дверь и почти сразу забыла о происшествии.

Не желая садиться на заляпанное деревянное сиденье, Вив врастопырку сгорбилась над унитазом, качаясь вместе с вагоном и чувствуя, как напрягаются икры и бёдра. Потом вымыла руки и посмотрелась в мутное зеркало; изучая детали своего лица, она, как всегда, подумала, что нос узковат, а губы тонковаты, что двадцать — это уже возраст, и вид у нее усталый... Затем подкрасилась и причесалась. Застрявшие в гребешке волоски и пушинки скатала в шарик и аккуратно сунула в мусорный бачок под раковиной.

Она уже убирала гребешок в сумочку, когда в дверь постучали. Напоследок бросив взгляд в зеркало, Вив откликнулась:

— Сейчас!

Стук повторился, уже громче.

— Сейчас! Секунду!

Задергалась ручка. Потом раздался голос — мужской голос, пытавшийся унять себя до шепота:

— Мисс! Откройте, пожалуйста!

«Чтоб тебя!» — подумала Вив. Наверное, какой-нибудь резвун-канадец. Или, не дай бог, папаша тронутой на лошадях девчонки. Но когда, откинув задвижку, она приоткрыла дверь, в которую тотчас, не давая ее захлопнуть, вцепилась чья-то рука, Вив узнала пальцы, поросшие черными волосками. Затем рука в хаки просунулась по плечо, возникли небритый подбородок и налитой кровью глаз.

— Мисс, прошу вас, окажите услугу. — Солдат снял фуражку. — Проводник идет. Я потерял билет, и мужик осатанеет...

— Я как раз выхожу, если позволите.

Солдат замотал головой. Теперь он не давал открыть дверь.

— Я знаю этого злыдня — просто изверг, ей-богу. Видел, как он измывался над бедолагой, у которого не так оформлено требование. Если он постучит и услышит мой голос, все равно потребует билет.

— От меня-то вы чего хотите?

— Пустите меня к себе, пока он не пройдет.

Вив изумленно вытаращилась:

— Куда — сюда?

— Только пока он проверяет. Когда он постучит, вы подсунете под дверь свой билет. Пожалуйста, мисс. Девушки всегда это делают для военных.

— Вполне возможно. Только я не из тех девушек.

— Ну, пожалуйста, я вас умоляю. Времени в обрез — у меня отпуск по семейным обстоятельствам всего на сорок восемь часов. Полсрока я топтался на вокзале в Суиндоне, чуть все... гм... ноги себе не отморозил. Если меня ссадят, мне конец. Ну, удружите. Я не виноват. Билет из рук не выпускал, только на секунду отвернулся... Наверное, какой-нибудь морячок углядел и...

— Вы же сказали, что потеряли билет.

Солдат растерянно взъерошил волосы.

— Потерял, свистнули — какая разница? Всю дорогу я как ненормальный мечусь из сортира в сортир. Всего-то и нужно, чтобы какая-нибудь добрая душа дала мне маленькую передышку. Вас же не убудет, правда? Можете на меня положиться, ей-богу. Я не... — Он смолк; его голова исчезла, но тотчас вновь появилась. — Идет! — зашипел

солдат и шмыгнул в туалет, мигом затолкав Вив обратно. Он повернул задвижку и, закусив губу, ухом приник к двери.

— Если вы полагаете... — начала Вив.

— Тс-с! — Солдат приложил ко рту палец и, не отрывая уха от двери, вверх-вниз задвигал головой, точно врач, безнадежно пытающийся отыскать сердцебиение в груди умирающего.

Затем раздалось громкое начальственное «тук-тук-тук!» в дверь, от которого солдат дернулся, будто подстреленный.

— Попрошу билеты!

Солдат корчил жуткие рожи. Затем вновь пустился в пантомиму, изображая, как достает из кармана билет, сгибается и подсовывает его под дверь.

— Ваш билет! — повторил проводник.

— Занято! — наконец отозвалась Вив.

Голос по-дурацки дрогнул.

— Я знаю, что занято, — донеслось из коридора. — Предъявите ваш билет, мисс.

— А позже нельзя?

— Необходимо сейчас. Будьте любезны.

— Ладно... минутку...

Что оставалось делать? Дверь открывать нельзя — увидев солдата, проводник бог знает что

подумает.

— Подвиньтесь! — прошелестела Вив, яростно маша рукой.

Солдат отступил от двери, позволяя согнуться и подсунуть билет. Понимая, что согбенная поза съест значительную часть и без того весьма ограниченного пространства, Вив неловко присела на корточки, чиркнув бедром по солдатскому колену, отчего шерстяная юбка тотчас прилипла к хабэшным бриджам.

Секунду билет лежал в полоске тени под дверью, затем будто сам собой встрепенулся и исчез. Повисла неопределенность. Не поднимая взгляда, Вив сидела на корточках. Наконец пришел ответ:

— Все в порядке, мисс!

Билет вернулся с пробитой аккуратной дырочкой; проводник двинулся дальше.

Вив выпрямилась, отступила от двери и, спрятав билет в сумочку, щелкнула застежками.

— Теперь довольны?

Солдат рукавом отер взмокший лоб:

— Мисс, вы ангел! Ей-богу, подобные девушки восстанавливают мужскую веру в жизнь. О них слагают песни.

— Что ж, теперь можете одну сочинить и спеть

себе, — сказала Вив, двинувшись к выходу.

— Куда вы? — Солдат взялся за дверь. — Еще рано выходить. Вдруг билетная душа вернется? Переждите хотя бы минутку. Вот... — Он сунул руку в карман кителя и достал мятую пачку дешевых сигарет. — Составьте компанию на перекур — это все, о чем я прошу. Пусть он уйдет в первый класс. Боже мой, если б вы знали, что за поездочка выдалась, через какие тернии пришлось пройти...

— Меня это не касается.

Солдат заулыбался:

— Считайте, что оказываете помощь фронту.

— Многих девушек вы поймали на эту удочку?

— Клянусь, вы первая!

— То есть первая на сегодня.

Он ухмыльнулся. Губы разъехались, приоткрыв зубы. Весьма привлекательные зубы — необычайно крупные, ровные и белые, казавшиеся еще белее на фоне небритого подбородка. Благодаря зубам и все лицо вдруг стало симпатичным. Вив отметила карие глаза в черных пушистых ресницах и темные — темнее, чем у нее — волосы, которые пытались пригладить бриллиантином, однако отдельные пряди упорно сопротивлялись, закручиваясь в кудряшки.

А вот форма выглядела так, будто он в ней спал. Китель сидел плохо и был усеян пятнами. Бриджи морщились в поперечных складках, точно растянутая гармошка. Солдат умоляюще протягивал сигаретную пачку; Вив представила свое переполненное купе, где ее ждали узкое сиденье, заигрывания моряка, астматическая летчица и сдвинутая на лошадях девчонка.

— Ладно, — сдалась она. — Давайте свою сигарету, минутку покурим. Так и так, мне надо прийти в себя.

Он расцвел улыбкой и облегченно вздохнул. Открывшись полностью, зубы стали еще привлекательнее. Солдат чиркнул спичкой из картонной книжицы, Вив склонилась к пламени, потом выпрямилась, но стояла скованно, одной рукой поддерживая локоть другой и крепко уперев каблук в стенку, дабы противостоять вагонной качке. Она старалась не замечать фарфорового унитаза, над которым, будь он неладен, совсем недавно горбилась с голой задницей. Впрочем, Вив, как и все, уже привыкла оказываться в странных местах с людьми, которых еще час назад не знала. Пару месяцев назад она тоже ехала в поезде, и начался налет; всем пассажирам пришлось лечь на пол. Минут сорок Вив лежала,

носом уткнувшись в колени какого-то мужчины, чем невероятно его смущала...

Нынешний же попутчик держался весьма непринужденно. Привалившись к подставке раковины, он зевнул. Зевок перешел в низкий подвывающий стон, по окончании которого его исполнитель сунул в рот сигарету и растер лицо в той яростной бесцеремонной манере, в какой мужчины вечно обращаются со своими физиономиями и какую никогда не позволят себе девушки.

Поезд стал притормаживать. Вив тревожно взглянула на окно:

— Что, уже Паддингтон?

— Если бы! — Солдат чуть оттянул штору, безуспешно пытаясь что-нибудь разглядеть. — Бог его знает, где мы. Наверное, только проехали Дидкот. Ну вот, извольте! — Его сильно качнуло. — Задарма устроили нам ярмарочный аттракцион!

Поезд, вроде набиравший скорость, вдруг резко затормозил и пошел рывками. Вив и попутчика мотало, точно фасолины в банке. Невольно улыбаясь, Вив нашаривала поручень. Солдат ошалело покачал головой:

— И что, так всю дорогу? Вы где сели?

С наигранной неохотой Вив ответила: в Тонтоне. Навещала сестру с малышом, которые уехали туда от бомбежек. Солдат слушал и кивал.

— Разок довелось побывать в Тонтоне, — сказал он. — Помню пару симпатичных пивных. Одна называлась «Ринг», может, знаете? Хозяин — бывший боксер. — Солдат вскинул кулаки. — Коротышка с огромным расплющенным носом. На стойке держит стеклянный ящик с парой перчаток. О-хо-хо! — вздохнул он и сложил руки на груди: поезд побежал ровнее. — Все бы отдал, чтобы сейчас там оказаться! Передо мной стаканчик «Блэк энд Уайт»,[56] в камине бушует огонь... У вас, случайно, нет виски?

— Виски? — растерялась Вив. — Нет.

— Ну не надо так, чего всполошились? Вы не поверите, сколько выпивки отыщется в дамской сумочке, — знаю по опыту. Наверное, девушки любят глотнуть, чтобы не бояться бомбежек. Вам это, конечно, ни к чему, с вашими-то нервами.

— С какими еще нервами?

— Я видел вашу руку, когда вы убирали билет. Твердая, как скала. Из вас бы вышел отличный

---

56 Примечания: 56

«Блэк энд Уайт» («Черный и Белый») — шотландский виски; на этикетке изображены два шотландских терьера - черный и белый.

шпион. — Солдат прищурился и оглядел ее. — А может, вы и есть шпион? Шпионка, как Мата Хари?[57]

— Тогда будьте поосторожнее.

— Как знать, вдруг я тоже шпион? Или тот, за кем шпионы охотятся? Такой всегда найдется. Несчастный придурок, который таскает с собой шифровку, потому что случайно надел чужие башмаки или прихватил чужой зонтик. Всегда заканчивается тем, что его с красоткой приматывают к стулу, только узел на веревках вязал явно недотепа бойскаут.

Он рассмеялся, довольный своей выдумкой. «Наслаждается звуком собственного голоса», — в женской манере подумала Вив, хотя его и вправду приятный голос нравился ей самой.

— Как вы насчет того, чтобы нас вдвоем привязали к стулу? — развивал тему солдат. — Кстати, спрашиваю из чистого любопытства. Не подумайте, что пытаюсь запудрить вам мозги и все такое.

— Не пытаетесь?

— Ничуть. Я всегда стараюсь узнать девушку

---

57 Примечания: 57

Мата Хари — сценическое имя нидерландки Маргареты Гертруды Зелле (1876-1917), исполнительницы экзотических танцев, куртизанки и самой известной шпионки времен Первой мировой войны.

получше, прежде чем пудрить ей мозги.

Вив затянулась сигаретой.

— А если она не позволит узнать себя получше?

— Парню довольно взглянуть на девушку, чтобы получить тысячу всяких сведений. Взять, к примеру, вас. — Он кивнул на ее руку. — Вы не замужем. Стало быть, умная. Мне нравится в женщинах ум. Ногти довольно длинные, значит, ферма и завод отпадают. — Он медленно оглядел ее с ног до головы. — Ноги слишком красивые, чтобы прятать их в брюки. Классная фигура не позволит заточить вас в каком-нибудь секретном отделе. Полагаю, вы секретарша этакой шишки — флотского адмирала, ну или что-то в этом роде. Близко?

— И рядом не лежало, — покачала головой Вив. — Я всего-навсего обычная машинистка.

— Машинистка. Ага... Что ж, сходится. И куда же вас запихнули? Какая-нибудь правительственная обираловка, да?

— Ну так, кое-что в Лондоне.

— Кое-что в Лондоне, понятно. А как вас зовут? Или тоже секретная информация?

Вив замешкалась лишь на секунду и, подумав: «А что такого?», назвалась. Солдат кивнул, задум-

чиво разглядывая ее лицо.

— Вивьен, — наконец сказал он. — Да, вам походит.

— Правда?

— Ведь это имя красавицы, разве нет? Кажется, была такая леди Вивьен, да? Во времена короля Артура. В детстве я знал все эти истории, а теперь забыл. Как бы то ни было, меня зовут Реджи. — Он подался вперед пожать ей руку. — Реджи Нигри... Знаю, звучит паршиво. Всю жизнь мучаюсь. В школе меня дразнили «ниггер», а сейчас ребята в части называют «Муссо». Догадайтесь, почему. У меня дед родом из Неаполя. Видели б вы его портрет! Усищи вот досюда, жилетка, шейный платок — только обезьянки не хватает. На улице торговал с тележки всяким барахлом. Мои троюродные братья — или кем они там приходятся — сейчас воюют в Италии за другую сторону. Возможно, эта мерзкая война сдалась им, как и мне... У вас есть братья, Вивьен? Ничего, что я вас по имени? Могу, конечно, называть «мисс Пирс», но, по-моему, это как-то не ко времени... Так есть у вас братья?

— Один, — кивнула Вив.

— Старше, младше вас?

— Младше. Ему семнадцать.

— Семнадцать! Могу спорить, ему все это нравится, да? Ждет не дождется, чтоб призвали?

Вив представила Дункана.

— Ну...

— В его годы я бы тоже рвался. А сейчас... Мне почти тридцать, и вот извольте видеть. Два года назад в Майда-Вейл я торговал автомобильными моторами, дела шли прекрасно. Потом началась война, бац — и всему конец. Потом какое-то время вместе с приятелем занимался бижутерией, тоже было неплохо. А теперь застрял в Уэльсе в мерзкой офицерской учебке, где меня учат, с какого конца винтовки вылетает пуля. Все четыре месяца, что я там, каждый день идет дождь, ей-богу. Командиру-то хорошо — торчит в гостинице. А я живу в хибаре с жестяной крышей.

Он все говорил и говорил, рассказывая о нарядах по части, о беспросветных однополчанах, с кем приходилось квартировать, о беспросветных пивных и гостиничных барах, о беспросветной погоде... С ним было смешно. Сверстники Вив жили войной и хотели говорить только о типах самолетов и кораблей, о риске военных и дрязгах флотских. Его это не интересовало. Он не хотел бахвалиться. Он опять зевал, тер глаза, и даже сама его усталость отчего-то казалась привле-

кательной. Нравилась его взрослая небрежная манера говорить «когда-то в детстве». Нравилось, как он произносит ее имя, и то, как он задумчиво сказал, что оно ей подходит. Нравилось, что он знает про короля Артура. Нравилось даже то, что на нем плохо сидит форма. Вив представила его в обычном пиджаке, рубашке с галстуком и жилете. Опять взглянув на его обезьяньи руки, она дофантазировала остальное: смуглое, крепко сбитое тело с завитками волос на груди, плечи, ягодицы, ноги...

Вдруг задергалась дверная ручка, и Реджи смолк. Раздался стук, а за ним и крик:

— Эй, ты чего там, уснул?

Орал канадец. Реджи промолчал. Но в дверь вновь забарабанили, и он отозвался:

— Здесь занято, приятель! Дуй в соседний!

— Ты уже полчаса сидишь!

— Может человек побыть в одиночестве?

Летчик пнул дверь и отошел, бросив:

— Твою мать!

Реджи покраснел:

— Пошел к черту!

Казалось, он больше смущен, чем сердит. Встретив взгляд Вив, Реджи отвернулся и пробормотал:

— Славный паренек!

— Не привыкать, — пожала плечами Вив. — В машбюро от девиц и не то услышишь.

Она докурила сигарету и бросила окурок на пол, придавив ногой. Подняв взгляд, увидела, что Реджи ее разглядывает. Румянец его сошел, и он смотрел с каким-то новым выражением: улыбался, но чуть насупился, будто чем-то озадаченный.

— Знаете, вы и впрямь чертовски красивая девушка, — помолчав, сказал он. — Вечное мое везенье! Надо же оказаться наедине с интересной девушкой в единственном на свете заведении, где даже невозможно учтиво предложить ей сесть.

Вив опять рассмеялась. Глядя на нее, засмеялся и Реджи.

— Недурственно сказано для человека, который прям подыхает от усталости, а? Послушали бы вы меня, когда я маленько посплю! Ей-богу, я убойный шутник. — Он прикусил губу, по его лицу вновь скользнуло легкое недоумение. — Скажите, а вы, случайно, не галлюцинация, нет?

— Насколько я знаю, нет, — покачала головой Вив.

— Ну да, это вы так говорите. Галлюцинации, они же хитрющие. Поди знай, может, я все еще

в Суиндоне и крепко сплю на вокзальной скамье. Нужно какое-то потрясение. Чтобы ключ за шиворот бросили или... ага, знаю! — Он загасил о раковину сигарету, задрал рукав и протянул руку: — Ущипните меня, пожалуйста.

— Ущипнуть?

— Чтобы доказать, что я не сплю.

Вив посмотрела на его открытое запястье. В основании большого пальца гладкая светлая кожа уступала место поросли волос, и вновь невольно возникла не лишенная приятности мысль о смуглых руках и ногах... Вив его ущипнула, ногтями царапнув кожу. Он отдернул руку.

— Уй-й! Умело щиплетесь! Нет, все же вы коварная шпионка! — Он тер и даже дул на ущипнутое место. — Вот что вы наделали! — Он показал отметину. — Дома решат, что я побывал в бою. Придется объяснять: мол, я ранен не вражеским солдатом, а девушкой, с которой разговорился в поездном сортире. В данных обстоятельствах сойдет.

— В каких обстоятельствах? — Вив опять рассмеялась.

Реджи все еще дул на запястье.

— Разве я не сказал? У меня отпуск по семейным обстоятельствам. — Он присосался к отметине и

взглянул через бугор большого пальца: — Жена только что родила.

Сочтя это шуткой, Вив еще улыбалась. Затем поняла, что сказано всерьез, и улыбка стала наклеенной, а сама она покраснела от шеи до корней волос.

— Ах, вот как! — Вив сложила руки на груди. По его возрасту и поведению можно было догадаться, что он женат, но она об этом не задумалась. — И кто же у вас — мальчик, девочка?

Реджи опустил руку.

— Девочка. Мальчик уже есть, так что теперь, можно сказать, полный набор.

— Как славно, — вежливо сказала Вив.

Он едва заметно пожал плечами:

— Славно для жены. Для нее это неописуемая радость, только денег точно не прибавит. Тут у меня... Вот, взгляните. Наш первенец.

Достав бумажник, он порылся в нем и протянул фотографию. На потертом снимке с обломанными уголками была женщина с мальчиком. Видимо, сидят в саду. Яркий летний день. На подстриженной лужайке расстелен клетчатый плед. У женщины светлые распущенные волосы, лицо наполовину скрыто рукой, которой она затеняет глаза; мальчик наклонил голову и морщится от

света. В руке у него самодельная игрушка — машинка или паровозик, возле ног еще одна, тоже самодельная. В правом нижнем углу карточки видна тень того, кто снимает — видимо, самого Реджи.

Вив вернула фотографию.

— Симпатичный мальчик. Смуглый, как вы.

— Хороший парнишка. Говорят, девочка светлее. — Реджи посмотрел на фото и спрятал его в бумажник. — Однако в какую жизнь мы приводим детей, а? Лучше бы жена поступила, как ваша сестра, и к чертовой матери убралась из Лондона. Все время думаю о несчастных головастиках, которые каждый вечер укладываются спать под кухонным столом, полагая, что так и надо.

Он застегнул карман; какое-то время они молчали, думая о Лондоне, войне и прочем. Вив опять вспомнила об унитазе, молчать возле коего было еще неловче, нежели слушать болтовню, жалобы и шутки Реджи, который вновь грыз заусенцы, но затем сложил руки на груди и мрачно уставился в пол. Будто заново она услышала грохот тряского поезда и ощутила свои ноги, от напряженного стоянья нывшие в подъеме.

Вив шевельнулась, и Реджи поднял голову.

— Уже уходите?

— Пожалуй, надо. А то опять кто-нибудь начнет рваться. Все еще опасаетесь проводника? Вы вправду потеряли билет?

Реджи отвернулся.

— Не хочу врать. У меня было проездное требование, но я проиграл его приятелю в карты... Нет, пусть проводник удавится, плевать я хотел. По правде... знаете, я не хочу выходить и видеть рожи сволочных летчиков. Они смотрят на меня, будто я старик. Конечно, старик по сравнению с этим пацаньем! — Встретив ее взгляд, он надул щеки, сказав устало и просто: — Мне опротивело быть стариком, Вив. Опротивела треклятая война. Отпуск начался в среду утром, как раз хватит времени, чтобы доехать до дому и полаяться с женой, прежде чем отправляться обратно. Дома будет свояченица, которая меня люто ненавидит. Теща тоже не особо чтит. Малыш называет меня «дядя», потому что чаще видит бойца гражданской обороны. Не удивлюсь, если жена тоже... Ну хоть собака мне обрадуется, если еще жива. В последнюю мою побывку домочадцы собирались ее пристрелить. Дескать, стоянье в очереди за кониной их угнетает. — Он потер воспаленные глаза и щетинистый подбородок. — Мне нужно принять ванну, побриться. Рядом с теми лесору-

бами в коридоре я выгляжу как Чарли, на хрен, Чаплин. Однако... — Реджи помолчал и заулыбался. — Однако я сумел запереться с красивой девушкой, самой роскошной красавицей, какую только видел в жизни. Позвольте еще немного насладиться этим. Не заставляйте открывать дверь. Я вас просто умоляю. Вот...

Он уже опять повеселел. Реджи шагнул вперед, осторожно взял ее руку и поднес к губам. Однако в этом старомодном жесте был оттенок серьезности, и Вив рассмеялась больше от стеснения, переполняясь приятным ощущением своей руки в жестких мужских ладонях с пальцами в заусенцах вокруг коротко обрезанных твердых ногтей. Небритый подбородок царапал, как наждак, но губы прикасались нежно.

Глядя, как она смеется, он сам радостно улыбнулся. Вновь открылись крупные белые зубы. Позже она скажет себе: «Сначала я влюбилась в его зубы».

Думать о его жене, сыне, малышке и доме, к которому его мчал поезд, не получалось. Они казались наваждением, призраками; она была слишком молода.

*

Тук-тук-тук, раздалось за окном спальни. Тук-тук-тук. Вот же странное дело: Дункан привык к сиренам, орудийному огню и бомбежкам, но этот звук, тихий, словно удар птичьего клюва, его разбудил, перепугав чуть не до смерти. Тук-тук-тук... На тумбочке Дункан нашарил фонарик; рука дрожала, и когда луч метнулся к тенистым складкам оконных штор, показалось, что они вспучились, будто за ними кто-то стоял. Тук-тук-тук... Теперь уже стучал не птичий клюв, а когтистая лапа или ноготь. Тук-тук-тук... На секунду пришла мысль сбегать за отцом.

Потом он услышал, как кто-то хрипло его зовет:

— Дункан! Проснись! Дункан!

Он узнал голос, и все изменилось. Дункан сбросил одеяло, поспешно выбрался из кровати и отдернул штору. У соседнего окна в гостиную, где он спал по выходным, стоял Алек. Он стучал по стеклу и звал Дункана. Заметив свет фонарика, он повернулся, и луч ударил ему в лицо, заставив отпрянуть, зажмуриться и прикрыться рукой. В луче его лицо казалось желтоватым. На сморщенных щеках и лбу под зализанными назад

волосами пролегли глубокие тени. Прям чистый вурдалак. Дункан опустил фонарик, и Алек, подскочив к его окну, бешено зажестикулировал — мол, открой!

Дункан завозился с окном. Руки еще дрожали, и раму заедало в пазах, дребезжало стекло. Боясь зашуметь, он поднимал фрамугу еле-еле.

— Что случилось? — прошептал Дункан, наконец справившись с окном.

Алек заглянул в комнату.

— Ты почему здесь? А я стучал в соседнее окно.

— Вив не приехала, и я лег тут. Ты уже давно колошматишь? Перепугал меня до смерти! В чем дело-то?

— Это произошло, вот в чем! — Голос Алека взвился. — Это произошло!

Небо за ним вспыхнуло и многократно громыхнуло. Дункан глянул в темную высь, опять наполняясь страхом. Наверное, в доме Алека произошло какое-то несчастье — ничего другого в голову не приходило.

— Что — это? Что случилось-то?

— Это произошло! — повторил Алек.

— Чего ты заладил? Ты о чем? Что с тобой?

Алек судорожно вздохнул, будто силясь унять себя.

— Повестка пришла, — наконец выговорил он.

Дункана вновь толкнул страх, но уже иной.

— Не может быть!

— Очень даже может! Я не пойду. Они меня не заставят. Точно говорю. Я серьезно, а мне никто не верит...

У него задергался рот. Вновь озарилось и загремело небо.

— Налет давно начался? — спросил Дункан, глядя вверх. Значит, он проспал сирены. — Ты чего, так и бежал под бомбежкой?

— Плевать мне на бомбежку! Я обрадовался, когда все началось. Думал, хоть бы меня разбомбило! Шел по Митчем-лейн, прямо посередине! — Алек перегнулся через подоконник и схватил Дункана за руку. Пальцы его были ледяными. — Выходи и ты!

— Чокнулся? — Дункан отдернул руку и оглянулся на дверь спальни. Когда объявляли тревогу, он должен был разбудить отца, чтобы вместе идти в убежище. — Надо растолкать папу.

Алек тянул его за рукав.

— Погоди немного. Сначала выйди. Я хочу тебе кое-что сказать.

— Что? Говори здесь.

— Выйди.

— Ночь на дворе. И холодрыга.

Алек убрал руку и прикусил пальцы.

— Тогда впусти меня, — помолчав, сказал он. — Дай влезу к тебе.

Дункан посторонился; чиркая по стене коленками и ступнями, Алек взгромоздился на подоконник и спрыгнул в комнату. В подобных упражнениях он всегда был неуклюж и приземлился грузно, отчего охнули половицы, а на туалетном столике Вив, звякнув, повалились флакончики и склянки.

Дункан опустил раму и задернул штору. Потом зажег свет, и оба зажмурились. При свете все выглядело еще страннее. Будто сейчас глухая ночь. А в доме тяжелобольной... В памяти Дункана вдруг возникла яркая картинка: матери плохо, отец посылает за теткой, потом за врачом, средь ночи кто-то приходит и уходит, все говорят шепотом; взбудораженность, обернувшаяся бедой...

Почувствовав, что продрог, Дункан влез в тапочки и накинул халат. Завязывая шнурок, глянул на одеяние Алека: блуза на молнии, темные фланелевые штаны и замызганные парусиновые башмаки, из которых торчали голые белые ноги с костлявыми лодыжками.

— Ты чего, без носков? — спросил Дункан.

— Торопился. — Щурясь от света, Алек присел на край кровати. — Я чуть с ума не сошел, так хотел поделиться! Днем забегал к Франклину, но тебя не застал. Где ты был?

— К Франклину? — Дункан нахмурился. — Во сколько?

— Не помню. Часа в четыре.

— Я относил бандероли мистеру Маннингу. Никто не сказал, что ты заходил.

— Я никого не просил, только заглянул. Вошел, посмотрел. Никто меня не остановил.

— А чего позже не зашел?

— А как ты думаешь? — горестно взглянул Алек. — Папаша устроил скандал. Он... — Голос его опять взлетел. — Он меня ударил! Вот! Видишь?

Алек повернулся, показывая лицо. На скуле слабо виднелась малиновая отметина. А вот глаза сильно покраснели. Плакал, догадался Дункан. Заметив его взгляд, Алек отвернулся и тихо, словно застыдившись, проговорил:

— Грубая скотина...

— Что ты сделал?

— Сказал, что не собираюсь идти и никто меня не заставит. Я бы вообще промолчал о повестке, да только почтальон раззвонил. Мать и схватила конверт. Говорю, письмо мне, я могу делать с

ним, что захочу...

— А какое оно? Что в нем?

— Вот, смотри.

Алек расстегнул молнию блузы и достал темно-желтый конверт. Дункан присел рядом. Адресованное «А. Дж. С. Плейнеру», письмо извещало, что в соответствии с Законом о воинской повинности его получатель призывается на службу в Территориальную армию[58] и через две недели ему надлежит прибыть в Королевский артиллерийский учебный полк, расквартированный в Шубери. В письме сообщалось, как добраться до места и что с собой иметь, а также прилагался почтовый перевод на четыре шиллинга — аванс солдатского жалованья. Пестревшие датами и номерами листки были вконец измяты, словно их скомкали, а потом опять разгладили.

Дункан испуганно смотрел на мятые бумаги.

— Чего ж ты наделал-то?

— А что, это так важно?

— Не знаю... Но тебя... могут за это привлечь.

— Привлечь? Ты прямо как моя мать! Неужели ты думаешь, я собираюсь идти? Я же сказал... — С

---

58 Примечания: 58

Территориальная армия — резерв первой очереди из укомплектованных частей сухопутных войск; создан в 1920 г., в 1967 г. реорганизован в Территориальный армейский добровольческий резерв.

гримасой отвращения Алек выдернул у Дункана бумаги, смял и швырнул их на пол; затем, словно подброшенный пружиной, опять схватил, расправил и порвал надвое, даже почтовый перевод. — Вот так! — Его била дрожь, лицо пылало.

— Круто! — Испуг Дункана сменился восхищением. — Во ты дал!

— Я же говорил!

— Ну ты псих!

— Лучше быть психом, чем подчиняться! — Алек тряхнул головой. — Это они психи. Сами всех превращают в идиотов, а им никто не перечит, будто так и надо. Словно это нормально, что тебе всучивают винтовку и делают из тебя солдата. — Он встал, нервно приглаживая и без того зализанные волосы. — Больше не могу терпеть. Я выхожу из игры.

— Что, подашься в отказники? — уставился Дункан.

Алек фыркнул.

— Вот еще! Это ничуть не лучше. Мяться перед чужаками и что-то им втолковывать? С какой стати? Кого это касается, если я не желаю воевать? — Он помолчал и добавил: — Все равно папаша меня убьет.

— А что тогда?

Покусывая пальцы, Алек в упор смотрел на Дункана.

— Не догадываешься? — В его голосе слышалась сдерживаемая радость, точно он, несмотря ни на что, был готов рассмеяться.

У Дункана сжалось сердце.

— Ты... ты задумал сбежать?

Алек не ответил.

— Как же так? Это нечестно. Так нельзя! У тебя же ничего нет. Нужны деньги, талоны, ведь надо же еду покупать. Куда ты поедешь? Ты что... ты в Ирландию собрался, да? — Прежде они говорили о побеге в Ирландию. Но собирались бежать вместе. — Они тебя и там найдут.

— Плевать я хотел на вонючую Ирландию! — Алек вдруг взъярился. — Мне все равно, что со мной будет. Я не собираюсь идти в армию, вот и все. Знаешь, что там с тобой делают? — Он скривил рот. — Всякие гадости! Ощупывают тебя, оглядывают — смотрят в задницу и между ног. Майкл Уоррен рассказывал: целая шеренга стариков осматривает тебя. Это мерзко! Старичье! Им-то хорошо. Нашим отцам все пофиг. Они свои жизни прожили и теперь хотят отнять наши. Сварганили одну войну, теперь затеяли другую. Им по барабану, что мы молодые. Хотят превра-

тить нас в таких же стариков. Им нет дела, что их распря нас не касается... — Голос его взметнулся.

— Не ори! — сказал Дункан.

— Хотят нас угробить!

— Заткнись, слышишь?

Дункан тревожился из-за отца и верхних соседей. Отец был глух как пень, но Алека улавливал точно радаром. Алек замолчал. Кусая пальцы, он заходил по комнате. Бомбежка усилилась — звуки разрывов слились в тяжелое низкое клокотанье. Тихонько вибрировало оконное стекло.

— Я выхожу из игры, — повторил Алек, мотаясь по спальне. — С меня хватит. Я серьезно.

— Ты не сбежишь, — твердо сказал Дункан. — Это просто нечестно.

— Теперь уже все нечестно.

— Так нельзя. Ты не можешь бросить меня здесь с уродами типа Эдди Парри и Родни Миллса...

— Я выхожу. Наелся.

— Ведь можно... Алек! — вскинулся Дункан. — Ты можешь остаться у меня! Я тебя спрячу! Буду приносить тебе еду и воду.

— Здесь? — нахмурившись, Алек осмотрелся. — Где же я спрячусь?

— Ну, в шкафу или еще где-нибудь, не знаю. Когда Вив не ночует, сможешь выходить. А спать

будешь со мной. Даже когда Вив здесь. Она ничего не скажет. Поможет нам. Ты будешь как... граф Монте-Кристо!

Дункан представил, как собирает на тарелки еду, утаивая из своих порций мясо, чай и сахар. Вообразил, как еженощно Алек тайком пробирается к нему в кровать...

— Ну, не знаю, — неуверенно сказал Алек. — Это ж затянется черт-те на сколько. До конца войны. На будущий год ты сам получишь повестку. А то и раньше, если снизят призывной возраст. Может, тебя уже в июле заметут! И чего тогда?

— До июля далеко. Может случиться все, что угодно. Вдруг, до июля нас разбомбят?

Алек покачал головой.

— Не разбомбят, — тоскливо сказал он. — Уж я знаю. А жаль! Нет, погибнут дети, старухи, младенцы и всякие дурни, которые слова против войны не скажут. Глупые мальчишки безропотно идут в солдаты, им не хватает мозгов понять, что война их не касается, это геморрой правительственных умников. И мы тут ни при чем, но вынуждены страдать. Приходится делать, что велят. А нам даже правды не говорят! Никто не сказал про Бирмингем. Хотя все знают, что он сгорел дотла. А сколько еще других городов и

городишек? Нам не говорят про оружие Гитлера — ракеты и газ. Чудовищный газ, который не убивает, но сдирает с тебя всю кожу; этот газ чего-то делает в твоем мозгу, и ты становишься эдаким роботом, которого запросто можно превратить в раба. Ты знаешь, что Гитлер собирается нас всех засадить в лагеря? Чтоб мы вкалывали в шахтах и на заводах, чтобы мы стали автоматами: мужчины умеют только рыть землю и работать, а женщины — рожать детей; он заставит нас спать со всеми женщинами подряд, просто чтобы они беременели. Он так сделал в Польше. И еще, кажется, в Бельгии и Голландии. Нам этого не говорят. Так нечестно! Мы с тобой никогда не хотели воевать. Для таких, как мы, должно быть особое место. Пусть воюют дураки, а все остальные, кого интересует нечто важное — ну там, искусство и всякое такое, — должны иметь право жить сами по себе и послать Гитлера ко всем чертям...

Алек пнул ботинок Дункана и вновь стал мотаться по комнате, кусая пальцы. Он бешено обгрызал заусенец или ноготь на одной руке и принимался за другую, невидяще глядя перед собой. Лицо его опять побледнело, а глаза с покрасневшими веками сверкали как у сума-

сшедшего.

Дункан вновь подумал об отце. Представил, что тот сказал бы, если б увидел Алека таким. «Этот парень — чертова балаболка, — не раз говорил он прежде. — Надо бы ему повзрослеть. Пустобрех. Ох, напичкает он тебя всякой дурью, ох напичкает...»

— Кончай ты пальцы грызть, а? — досадливо сказал Дункан. — Прям как чокнутый.

— Чокнутый? — прошипел Алек. — Не удивлюсь, если спячу! Сегодня я так извелся, что думал, сковырнусь. Пришлось ждать, пока домашние уснут. Затем показалось, что в доме кто-то есть. Слышались шаги, шепот. Я решил, что отец вызвал полицию.

— Он этого не сделает, ты что? — перепугался Дункан.

— Может. Вот до чего он меня ненавидит.

— Средь ночи?

— Именно! — раздраженно ответил Алек. — Ночью-то они и приходят. Не знал, что ли? Когда меньше всего ждешь.

Оба смолкли. Дункан посмотрел на дверь и опять вспомнил заболевшую мать; вновь возникло странное чувство, что в прихожей вот-вот заскрипят половицы под ногами осторожно вхо-

дящих людей... Но слышался только монотонный гул самолетов да размеренное буханье взрывов, сопровождаемое шорохом сажи в камине.

Он взглянул на Алека и занервничал еще больше. Тот наконец перестал грызть пальцы и стал вдруг неестественно спокоен. Заметив взгляд Дункана, он чуть наигранно пожал худенькими плечами и отвернулся, показав тонкий изящный профиль.

— Зряшная трата времени, — обронил он.

— Что? — испуганно спросил Дункан. — Ты о чем?

— Я уже сказал, не слышал, что ли? Я скорее сдохну, чем подчинюсь им. Умру, но не дам всучить себе винтовку, чтобы палить в какого-нибудь немецкого парня, который думает, как я. Я выхожу. Сделаю все сам, не дожидаясь, пока это сделают они.

— Что сделаешь-то? — тупо спросил Дункан.

Алек опять театрально вздернул плечи: мол, так или иначе — какая разница?

— Я убью себя, — сказал он.

— Ты что! — выпучился Дункан.

— А что?

— Нельзя... Это неправильно. А... что мать-то скажет?

Алек покраснел.

— Сама виновата, нет что ли? Нечего было выходить за такого козла. Уж он-то обрадуется! Мечтает, чтоб я загнулся.

Дункан его не слушал. Мысль в голове не укладывалась, от нее закипали слезы.

— А как же я? — придушенно спросил он. — Ты ведь знаешь, мне будет паршивей всех. Ты же мой лучший друг. Это нечестно — убить себя и бросить меня одного.

— Тогда давай вместе, — тихо сказал Алек.

Дункан рукавом отирал нос и подумал, что ослышался.

— Что? — переспросил он.

— Давай вместе, — повторил Алек.

Они смотрели друг на друга. Лицо Алека стало пунцовым, губы разъехались в непроизвольной нервной усмешке, открыв кривые зубы. Придвинувшись почти вплотную, он положил руки на плечи Дункана и, крепко взяв его за шею, встряхнул.

— Вот тогда они узнают, а? — возбужденно сказал он, глядя Дункану в глаза. — Представь, как это будет выглядеть! Можно оставить письмо, в котором скажем, почему это сделали! Двое юношей порывают с жизнью. Это попадет в газеты!

Весть разнесется повсюду! Вполне возможно, это остановит войну!

— Думаешь, остановит?

Дункан вдруг тоже взбудоражился: мысль впечатляла и льстила, хотелось в нее верить, но все же было страшно.

— А что такого?

— Ну, не знаю. Молодые гибнут все время. И ничего не изменилось. Почему вдруг из-за нас что-то переменится?

— Ты дубина! — Скривив губы, Алек убрал руки и отстранился. — Раз ты не понимаешь... раз не можешь... раз ты бздишь...

— Никто этого не говорил.

— ...я сделаю это один.

— Одному я тебе не позволю! Я же сказал, ты не можешь меня бросить!

— Тогда помоги составить письмо. — Алек возбужденно подался к Дункану. — Можно написать... Вот! — Он нагнулся и схватил половинку разорванной повестки. — Напишем с обратной стороны. Это будет символично. Дай-ка ручку!

Кожаный письменный несессер лежал на полу возле кровати. Дункан машинально к нему шагнул, но спохватился и будто ненароком взял с каминной полки карандаш, который и протянул

Алеку. Но тот его не принял.

— Карандаш не пойдет, — сказал он. — Все решат, что писал несмышленыш! Дай авторучку!

Дункан сморгнул и отвернулся:

— Здесь у меня нет.

— Не ври! Я знаю, что есть!

— Понимаешь, хорошую ручку нельзя давать в чужие руки.

— Опять за рыбу деньги! Сейчас-то какая разница?

— Я не хочу, чтобы ты ею писал, вот и все. Возьми карандаш. Ручку мне купила сестра.

— Ну так она будет гордиться тобой! Может, потом эту ручку поместят в какую-нибудь рамку. Сечешь? Не жмотничай, Дункан.

Еще чуть помявшись, Дункан неохотно расстегнул молнию несессера и достал ручку. Алек вечно его дразнил, что он так над ней трясется, и теперь с удовольствием устроил целое представление: взвесил на руке, деловито отвинтил колпачок и обследовал кончик пера. Усевшись на край постели, он пристроил на колени несессер и попытался разгладить смятый листок. Придав ему относительно гладкий вид, начал писать.

— «Тем, кого это касается»... — Алек взглянул на Дункана. — Так? Или лучше — «Мистеру Уинсто-

ну Черчиллю»?

Дункан задумался.

— Лучше — «Тем, кого это касается», — сказал он. — Тогда вроде бы адресовано еще и Гитлеру, и Герингу, и Муссолини.

— Верно! — Алеку мысль понравилась. Он секунду подумал, стукая ручкой по закушенной губе, и стал писать дальше. Оставляя изящные росчерки, перо стремительно летало по бумаге — прям тебе Китс[59] или Моцарт, подумал Дункан; временами Алек останавливался, хмурясь над строчкой, а затем изящный полет пера продолжался...

Закончив, он протянул письмо и вгрызся в костяшки на руке. Дункан прочел:

> *Тем, кого это касается. Если вы это читаете, значит, мы, Алек Дж. С. Плейнер и Дункан У. Пирс из Стритема, Лондон, Англия, преуспели в своем намерении и более не существуем. Нам нелегко совершить сей поступок. Мы знаем, что страна, в которую вот-вот отправимся, – «безвестный край, откуда нет возврата*

---

59 Примечания: 59
Джон Китс (1795-1821) — английский поэт.

земным скитальцам».[60] *Но мы исполняем задуманное от лица Юношества Англии и во имя Свободы, Честности и Правды. Уж лучше мы сами свободно отнимем у себя жизнь, нежели ее украдут Торгаши Войной. Пусть единственной эпитафией нам будет строка великого Т. Э. Лоуренса: «Людской волной омыты наши руки, а завещание начертано на звездных небесах».*[61]

Дункан изумленно уставился на Алека.

— Офигенно! — выдохнул он.

Алек зарделся и чуть смущенно спросил:

— Правда? Пока шел к тебе, маленько обдумал текст.

— Ты гений!

Алек засмеялся. Смех получился, как девчачье

---

60 Примечания: 60

Строка из монолога Гамлета «Быть или не быть». (Перевод М.Лозинского).

61 Примечания: 61

Томас Эдвард Лоуренс (1888-1935) — английский ученый, археолог, военный стратег и разведчик, известный своей деятельностью на Ближнем Востоке во время Первой мировой войны, за что получил прозвище Лоуренс Аравийский. Слегка измененная строчка взята из стихотворения «Посвящается С. А.», опубликованного в книге Лоуренса «Семь столпов мудрости». Считается, что стихотворение посвящено турку Дахуму (настоящее имя Салим Ахмед) — возлюбленному Лоуренса.

хихиканье.

— Значит, нормально, да? Ну вот теперь они увидят! — Он протянул руку. — Давай сюда, я подпишу. Потом и ты.

Они поставили свои имена и число. Наклонив голову, Алек разглядывал листок.

— Эту дату будут проходить в школе, — сказал он. — Забавно, правда? Смешно, что через сто лет школьники будут ее зубрить.

— Да, — рассеянно ответил Дункан. Он почти не слушал, думая о другом. Глядя, как Алек снова разглаживает листок, Дункан робко спросил: — А для родных ничего нельзя добавить?

— Для родных? — скривился Алек. — Нет, конечно. Ты что, дурак?

— Я думаю о Вив. Она ужасно расстроится.

— Говорю, она будет гордиться тобой. Все будут. Даже мой папаша. Он говорит, я трус поганый. Хотелось бы увидеть его рожу, когда это попадет в газеты! Мы станем как... как мученики! — Алек задумался. — Теперь осталось решить, как мы это провернем. Думаю, можно задохнуться газом.

— Газом? — перепугался Дункан. — Это же очень долго, да? Сто лет уйдет. И потом, газ же растечется, и мы отравим отца. Конечно, он старый хрыч, но все же так не очень честно.

— Это будет неспортивно.

— Да, старина, не по правилам.

Они рассмеялись. Обоих разобрал такой смех, что они зажали руками рты. Алек повалился на кровать и зарылся лицом в подушку. Потом, все еще посмеиваясь, сказал:

— Можно отравиться. Слопать мышьяку. Как та старая шлюха, мадам Бовари.

— Превосходный план, мистер Холмс, — дурашливым голосом проговорил Дункан, — но с одним существенным изъяном. Мышьяка отец в доме не держит.

— Нет мышьяка? И вы называете это современным, хорошо оснащенным домом? Как насчет крысиного яда, я вас умоляю?

— Тоже нет. И потом... ведь от яда будет ой-ой-ой как больно?

— Ой-ой-ой как больно будет в любом случае, недоумок. Иначе какой же это поступок?

— Все равно...

Алек перестал смеяться, секунду подумал и сел.

— А если мы утопимся? — серьезно спросил он. — Перед глазами промелькнет вся жизнь. Вообще-то мне свою паршивую жизнь не особо хочется видеть...

— А я маму увижу, — сказал Дункан.

— Ну вот! Перед смертью человек должен повидаться с матерью. Заодно спросишь, с какого ляду она вышла за твоего отца.

Они опять засмеялись.

— Но как мы это сделаем? — наконец спросил Дункан. — Придется искать канал или что-то вроде того.

— Не придется. Я полагал, всем известно, что утонуть можно и в луже. Это научный факт. Разве у вас не набирают в ванну воду на случай пожара?

— Верно, черт побери! — вскинулся Дункан.

— Ну так, за дело, Дэ-Пэ!

Они встали.

— Бери письмо и кнопку, — сказал Дункан. — Погоди!.. Я причешусь.

— Нашел время!

— Отвали!

— Вперед, Лесли Говард![62]

Перед зеркалом туалетного столика Дункан торопливо махнул по волосам расческой. Они на цыпочках вышли из спальни, затем через прихожую и гостиную пробрались в кухню. Дункан

---

62 Примечания: 62

Лесли Говард (1893-1943) — английский актер. В фильме «Унесенные ветром» сыграл Эшли Уилкса.

очень тихо притворял двери, открытые на случай взрывной волны. Было слышно, как мощно храпит отец.

— Папаша у тебя что твой «мессершмитт»![63] — прошептал Алек, и оба опять прыснули.

В кухне зажгли свет. Тусклая голая лампочка высветила блеклую белизну испятнанной раковины, серые заплатки на желтом линолеуме пола, стол и стулья цвета бурой подливки. У стены, рядом с кухонным столом, примостилась ванна; когда-то давно отец Дункана огородил ее досками, того же подливочного цвета, и соорудил крышку, которая использовалась как сушилка. Сейчас на ней стояли посуда и большое цинковое ведро с замоченным в соде отцовым и Дунковым исподним. Дункан покраснел и торопливо убрал ведро. Алек переставил на стол посуду.

Вдвоем взявшись за края, они сняли крышку.

В мутной воде, оставшейся от давнишнего мытья отца, плавали жесткие закрученные волоски, что было еще позорнее исподнего; едва их увидев, Дункан отвернулся и сжал кулаки. Если б отец оказался рядом, он бы его ударил.

— Вот же свинья! — пробормотал Дункан.

---

63 Примечания: 63

То есть «Мессершмитт-109» — истребитель немецкого авиаконструктора Вилли Мессершмитта (1898-1978).

— Воды-то хватит, — неуверенно сказал Алек. — Только как нам пристроиться? Вдвоем не поместимся. Может, сунуть головы и держать друг друга?

От мысли, что придется опустить лицо в грязную воду, которая плескалась вокруг отцовых ног, причинного места и задницы, Дункана затошнило.

— Так я не хочу, — сказал он.

— Мне, что ль, очень хочется? Но привередничать некогда.

— Тогда уж давай рискнем газом.

— Думаешь?

— Уверен.

— Ладно. А может... Мать честная, придумал! — Алек щелкнул пальцами. — Давай повесимся!

Предложение почти обрадовало. Теперь Дункан согласился бы на все, что не связано с отцовыми помоями. Крышку-сушилку вернули на место и оглядели стены с потолком в поисках крюков или чего-то, к чему можно привязать петлю. Наконец решили, что блок для бельевой веревки выдержит вес одного, а другой сможет повеситься на одежном крючке, прибитом с внутренней стороны кухонной двери.

— Какая-нибудь веревка есть? — спросил Алек.

— Вот что есть! — Осененный идеей, Дункан развязал пояс халата, вытянул его из штрипок и подергал, испытывая на прочность. — Думаю, меня выдержит.

— Ну это для тебя. А как со мной? Другого такого, наверное, нет?

— У меня полно всяких ремней. И куча галстуков.

— Во, галстук сгодится.

— Принести? Тебе какой?

Алек нахмурился.

— Наверное, черный. Нет! Давай тот, в сине-золотую полоску. Он похож на университетский.

— Да какая разница?

— Может, будут фотографировать. Тот галстук эффектней.

— Ладно, — неохотно согласился Дункан.

Вообще-то, именно этот галстук был ему дорог почти так же, как авторучка, и славную вещицу не хотелось никому давать. Почему непременно этот галстук, когда сгодился бы и простой? Бог с ним, сейчас спорить не будем. Через гостиную и прихожую Дункан тихо прошел в спальню и взял галстук. Отец по-прежнему храпел; на обратном пути Дункан секунду постоял в темноте, сдерживая желание дать отцу пинка и заорать, завопить

ему в лицо: «Старый дурак, будь ты проклят! Я собираюсь убить себя! Вот сейчас войду в кухню — и ау! Ну же, проснись!»

Отец храпел. Дункан тихо вернулся к Алеку.

— Теперь папаша изображает чертов «харрикейн»,[64] — сказал он, прикрывая кухонную дверь.

Алек не ответил. Пояс от халата валялся на полу. Вполоборота стоя у раковины, Алек что-то держал в руках.

— Глянь-ка, — произнес он тихим странным голосом.

В его руке была старомодная отцова бритва. Он завороженно смотрел на открытое лезвие, потом будто с усилием оторвал от него взгляд и посмотрел на Дункана.

— Вот чем я воспользуюсь, — сказал Алек. — Вот что я сделаю. Ты можешь вешаться, если хочешь. Но я воспользуюсь этим. Это лучше веревки. Так быстрее и чище. Я перережу себе горло.

— Горло? — эхом откликнулся Дункан.

Он посмотрел на тонкую белую шею Алека — жилы и кадык вовсе не выглядели чем-то мягким, что легко рассечь...

---

64 Примечания: 64

«Харрикейн» (ураган) — английский истребитель времен Второй мировой войны.

— Наверное, острая? — Алек потрогал лезвие и, отдернув руку, сунул в рот палец. — Ух ты! — Он засмеялся. — Надо же, до чего острая! Если быстро, будет совсем не больно.

— Уверен?

— Конечно уверен. Это как скотину режут. Вот прямо сейчас и сделаю. Ты второй. Не против? Боюсь, маленько напачкается. Лучше не особо смотреть. Было бы у нас две штуки! Тогда можно бы вместе... Слушай, будь другом, пришпиль на стенку. — Бритвой он показал на письмо. — Куда-нибудь на видное место.

Беспокойно косясь на бритву, Дункан взял письмо и кнопку.

— Только ты ничего не делай, пока я стою спиной, ладно? — Отвернуться было страшно. Быстро оглядевшись, Дункан прикрепил записку на дверцу буфета. — Так нормально?

— Да, хорошо, — кивнул Алек.

Он чуть задыхался. Раскрытую бритву он по-прежнему держал так, словно любовался ее безумной красотой, но затем крепче обхватил рукоятку двумя руками и поднес клинок к горлу под изгиб правой скулы, где под кожей трепетал пульс.

Непроизвольно Дункан шагнул к другу.

— Ты прямо сейчас хочешь это сделать? — испуганно спросил он.

Веки Алека дрогнули.

— Через минуту.

— Как оно?

— Ничего.

— Страшно?

— Немножко. Ты-то как? Побелел как полотно. Гляди, в обморок не брякнись, когда твоя очередь дойдет.

Алек перехватил рукоятку. Прикрыл веки и замер... Потом, не открывая глаз, чуть изменившимся голосом спросил:

— О чем ты будешь скучать?

Дункан прикусил губу.

— Не знаю. Ни о чем. Нет! Буду скучать по Вив... А ты?

— Я — по книгам, музыке и искусству, по красивым зданиям, — ответил Алек, и Дункан пожалел, что назвал сестру, а не то же самое. — Но все это уже исчезло. Через год люди начнут забывать, что подобные вещи существовали.

Алек открыл глаза, сглотнул и снова перехватил бритву. Руки его взмокли — на черепаховой рукоятке были заметны влажные следы. Хотелось, чтобы он ничего не делал. Дункан снова

чуть ли не взмолился, чтобы отец пришел и остановил затею, которая понеслась вскачь. Зачем тогда иметь отца, если он допускает подобное? Стараясь потянуть время и разговорить Алека, Дункан спросил:

— Как думаешь, что с нами будет после смерти?

Не опуская бритвы, Алек задумался, потом тихо ответил:

— Ничего. Погаснем, как свет. Ничего другого быть не может. Бога нет. Иначе он бы прекратил войну! Нет ни рая, ни ада — ничего такого. Ад здесь, на земле. А если что-нибудь там есть, мы будем вместе. — Алек вперил в Дункана пылающий взгляд воспаленных глаз и просто добавил: — Хуже нет, чем оказаться там одному, правда?

— Да, — кивнул Дункан. — Это было бы ужасно.

Алек глубоко вздохнул. Жилка на его шее забилась быстрее, почти допрыгивая до лезвия. Когда он заговорил, слова прозвучали так легко, что Дункан принял их за шутку и чуть не засмеялся.

— Пока, Дункан, — сказал Алек.

Потом крепче ухватил бритву, вскинул локти, словно замахиваясь битой, и полоснул по горлу.

*

— Вот сюда, сюда, — говорил караульный, пробираясь по развалинам.

Кей с Микки осторожно двигались следом.

Еще совсем недавно развалины были стандартным четырехэтажным домом в районе Пимлико. В почти непроглядной тьме казалось, что дом аккуратно выдернули из ряда его близнецов. Взрывом женщину убило наповал; тело уже увезла другая машина. Девушке же защемило ноги; спасатели собирались установить лебедку, чтобы поднять пригвоздившие ее балки. Но сначала надо было вызволить женщину и мальчика, которых, видимо, завалило в подвале.

— Послали за прожекторами, — рассказывал караульный, — но ребята уже с полчаса копают. Один умудрился шибко изрезаться.

— Сколько им добираться до подвала? — спросила Кей.

— Час провозятся. А то и два.

— А что с девушкой, которую придавило?

— Вы бы на нее взглянули, а? Похоже, все нормально, хотя, может, у нее шок, не знаю. Она вон там. С ней человек, подбадривает ее.

Караульный показал, куда идти. Кей остави-

ла Микки осмотреть изрезанного, а сама стала пробираться к задам дома. Под ногами хрустело стекло, а раз подломилась доска, и Кей чуть не по бедра провалилась в крошево из штукатурки и расщепленного дерева. Переломившись, доска громко хрустнула, и в ответ донесся женский вскрик.

— Все в порядке, — раздался чей-то тихий голос.

Кей зажгла фонарик и футах в двадцати разглядела мужчину в залихватски сдвинутой на затылок каске, который сидел на корточках, сложив на коленях руки. Увидев Кей, он замахал:

— «Скорая»? Мы здесь! Осторожно, не наткнитесь вон на ту фиговину! — Мужчина показал на странной формы предмет, белевший в развалинах; Кей вгляделась и поняла, что это унитаз. — Сорвало к черту со швартовки, — выпрямляясь, добавил человек. — Вот только сиденье потеряно.

Он подсказал, как одолеть последние ярды завала, и Кей, подойдя ближе, что-то увидела возле его ног. Поначалу она приняла это за груду занавесок или простыней, но куча вдруг зашевелилась и вспучилась, словно ее надували снизу, и в ней обрисовались рука и лицо, белые, почти

как сорванный унитаз. Оказалось, это девушка, которую защемило в завале. Запорошенная известковой пылью, она по пояс ушла в груду битых кирпичей и деревяшек, а сейчас приподнялась на руках, чтобы разглядеть Кей, которая подошла и присела на корточки.

— Да уж, крепко вы попали. — Кей кивнула мужчине, отпуская его.

Девушка ухватила ее за лодыжку.

— Скажите, пожалуйста… Меня вытащат? — произнесла она тонким, осипшим от страха голосом и закашлялась.

— Конечно, — ответила Кей. — Сейчас ребята освободятся и придут к вам. А пока надо бы вас осмотреть. Можно я проверю пульс? — Она взяла девушку за руку в известковой пудре. Пульс частил, но был весьма сильный. — Ну вот. Ничего, если я посвечу вам в глаза? Это всего на секунду.

Кей придержала девушку за подбородок. Та боязливо моргнула. Глаза, покрасневшие по ободкам и в уголках, выделялись на белом от известковой пыли лице и делали ее похожей на крольчиху. От света зрачки сузились. Она была не столь юной, как показалось вначале, — лет двадцати четырех — двадцати пяти. Девушка отвернулась от луча, вглядываясь в развалины.

— Что они там делают? — Она имела в виду спасателей.

— В подвале могут быть еще люди, — ответила Кей. — Женщина с мальчиком.

— Маделина и Тони?

— Так их зовут? Это ваши друзья?

— Маделина — дочь миссис Финч.

— Кто это, миссис Финч?

— Хозяйка. Ее...

Девушка не договорила. Кей поняла, что это женщина, которую убило. Она стала ощупывать руки и плечи девушки.

— Как вам самой кажется, повреждения есть?

Девушка сглотнула и опять закашлялась.

— Не знаю.

— Ногами пошевелить можете?

— Вроде могла. Но я боюсь пробовать, а то вдруг что-нибудь обрушится и придавит меня.

— Ступни чувствуете?

— Не знаю. Они холодные. Просто замерзли, да? Ведь ничего страшного не случилось, правда?

Девушка задрожала. Она была лишь в ночной рубашке и халатике, а караульный набросил ей на плечи одеяло. Кей плотнее его подтянула и огляделась в поисках чего-нибудь теплого. Нашлось нечто вроде купальной простыни, однако

насквозь промокшей и выпачканной сажей. Кей ее отбросила и увидела диванную подушку, сквозь прорванный бархатный чехол которой торчала набивка из конского волоса. Она пристроила ее девушке под бок, чтобы не резали острые края обломков.

Та даже не заметила. Вглядываясь в развалины, она встревоженно спросила:

— Что это? Они зажгли фонари? Нельзя, скажите им!

Грузовик подвез прожектор с маленьким генератором, который спасатели наладили и запустили. Пытаясь приглушить освещение, они растянули над прожектором брезент, и свет растекался по развалинам, преображая их облик. Кей увидела вполне обычные предметы, секунду назад казавшиеся чем-то странным: гладильную доску со сломанными ножками, ведро, обклеенную ракушками шкатулку... Унитаз утратил перламутровый шарм, выставив напоказ пятна. Стены домов, поднимавшиеся по обеим сторонам развалин, оказались вовсе не стенами, но открытыми комнатами с целехонькими кроватями, столами и стульями, каминами.

— Скажите им, пусть выключат свет! — повторила девушка, но затем тоже огляделась и

охнула, словно только сейчас осознала тот хаос, что в куски разнес ее прежнюю жизнь. Спасатель начал бить кувалдой. Девушка вздрагивала от каждого удара. — Зачем это они?

— Надо спешить, — ответила Кей. — Может, в подвале газ, или водой заливает.

— Газ или водой? — переспросила девушка, словно не понимая.

Она вздрогнула от очередного удара. Вероятно, буханье кувалды отдавалось в обломках. Девушка заплакала, растирая по лицу густевшую от слез пыль. Кей коснулась ее плеча.

— Вам больно?

— Не пойму... Вроде нет. Только... очень страшно.

Прижав пальцами глаза, она смолкла и замерла. Потом отняла руки от лица и вновь заговорила; голос ее стал спокойнее и старше:

— Наверное, думаете — надо ж так перетрусить!

— Вовсе нет, — мягко сказала Кей.

Краем одеяла девушка вытерла глаза и нос, сморщившись от попавшего в рот песка.

— У вас сигаретки не найдется?

— К сожалению, сейчас нельзя — газ может рвануть.

— Ну да, конечно. Ох!

Вновь раздались удары кувалды. Девушка напряглась. Кей тоже сочувственно застыла.

— Наверное, вам больно, — сказала она потом. — Сейчас приедет врач. Потерпите еще немножко.

У слышав треск, обе повернулись — по ломким доскам к ним пробиралась Микки.

— Блин! — сказала она, увидев унитаз. Потом разглядела девушку: — Блин еще раз! Эк вас угораздило.

— Ничего, что мы не встаем? — спросила Кей и повернулась к девушке: — Это моя распрекрасная подруга мисс Айрис Кармайкл. Вам что-нибудь встречалось менее похожее на ирис?[65] Будьте с ней поласковей, и она позволит называть себя Микки.

Девушка смотрела снизу вверх и моргала. Микки присела, взяла ее за руку и сжала пальцы.

— Не сломаны? Приятная новость. Как поживаете?

— Сейчас не так чтобы очень, — сказала Кей, поскольку ответа Микки не получила. — Но скоро станет лучше. Однако ж скверная из меня хозяй-

---

65 Примечания: 65
Iris — женское имя, цветок ириса (англ.)

ка! — Она снова повернулась к девушке. — Я так и не удосужилась спросить ваше имя.

Девушка сглотнула и промямлила:

— Джинивер.

— Дженифер?

Девушка помотала головой:

— Джинивер. Хелен Джинивер.

— Хелен Джинивер, — повторила Кей, словно опробуя это имя, и снова спросила: — Мисс или миссис?

Микки засмеялась и тихо сказала:

— Дай человеку передохнуть.

— Мисс, — ответила Хелен, не понимая, что смешного.

Кей тоже пожала ей руку и назвалась. Хелен на нее взглянула и повернулась к Микки.

— Я приняла вас за парня, — сказала она, снова закашлявшись.

— Все принимают. Я уж привыкла. Вот, попейте. — Микки протянула фляжку.

Пока Хелен пила, Кей выудила из кармана кителя сопроводительную бирку и, заполнив, прикрепила к ее воротнику.

— Ну вот. Видите, прям как посылка.

Потом они с Микки привстали, чтобы взглянуть, как дела у спасателей.

Казалось, те двигаются безумно медленно. Микки сказала, что дом обрушился неудачно и работа оказалась муторнее, чем ожидалось. Наконец спасатели отложили кувалды, веревками обвязали кусок рухнувшей стены и принялись тянуть. Поднявшись, обломок зловеще покачался, но веревки его утянули, и он завалился вбок, разбившись на куски и подняв новую тучу пыли.

На открывшемся пятачке вроде бы не появилось ничего, кроме нагромождения битого камня и искореженных труб, но один спасатель бросился к трубам и куском кирпича по ним постучал. Потом вскинул руку. Резко крикнул другой спасатель, призывая к тишине. Маленький генератор выключили, и развалины вновь погрузились во мрак и тишину. Разумеется, гудели самолеты, бухали зенитки в Гайд-Парке и где-то еще, но за последние полгода эти звуки стали привычными, их не замечали, как не замечаешь шума крови в собственных ушах.

Спасатель с кирпичом что-то сказал, но слишком тихо — Кей не расслышала. Он снова постучал по трубам... И тогда из-под развалин донесся еле слышный крик, похожий на кошачье мяуканье.

Кей уже доводилось слышать подобные крики — от них кидало в дрожь сильнее, чем от вида

оторванных конечностей и развороченных тел. Затрясло и сейчас. Кей выдохнула. На развалинах вновь возникли шум и суета, будто отклик на слабый электрический разряд. Опять запустили генератор и включили прожектор. Спасатели принялись за дело, обретя новый смысл своей работы.

Переваливаясь на колдобинах, подъехала машина с белым блестящим крестом на капоте. Микки пошла ее встретить. Кей помешкала, потом вновь присела на корточки возле Хелен.

Неловко навалившись грудью на край провала, та напряженно прислушивалась.

— Это же Маделина и Тони кричали, да? — спросила она. — Они уцелели?

— Будем надеяться.

— Ведь уцелели, правда? Как же они теперь? Миссис Финч... — Хелен покачала головой. — Ее увезли до вашего прихода... Мы были в кухне. Ей понадобились очки, вот и все. Я сказала, что сбегаю. Они лежали на столике возле кровати. Я держала их в руке, вот так... — Она поднесла к глазам ладонь и как-то растерянно заозиралась. — Она не хотела меня отпускать, хотела, чтоб Тони сбегал, пусть, говорит, Тони сходит. — Голос ее задрожал. Она подняла на Кей взгляд распахну-

тых глаз и вдруг спросила: — Вы не рассердитесь, если я попрошу взять меня за руку?

— Рассержусь? — Кей тронуло ее простодушие. — Господи, я бы давно сама предложила, только не хотела показаться назойливой.

Она потерла в ладонях ее руку, затем поднесла к губам и подышала на пальцы.

Хелен не сводила с нее взгляда широко раскрытых глаз.

— Вы такая смелая, — сказала она. — И ваша подруга тоже. Я бы так никогда не смогла.

— Ерунда, — ответила Кей, растирая ей руку. — Уже лучше? Просто в деле отвлекаешься, только и всего; так легче, чем сидеть дома и слушать эту волынку.

Услышав треск досок, она пожала и выпустила озябшую испачканную руку с мягкой ладошкой и упругими подушечками пальцев.

— Вот и врач, — сказала Кей и чуть погодя добавила: — Кстати, насчет отвлечения — это секрет.

Подошла врач — красивая разбитная женщина лет сорока пяти, в комбинезоне и шапочке.

— Здрасьте вам, — сказала она, присев перед Хелен на корточки. — Ну, что у нас здесь?

Кей отошла в сторонку. Слышались бормотанье докторши и ответы Хелен:

— Нет... не знаю... немножко... спасибо...

— Травмы не определить, пока ее не вытащат. — Врачиха подошла к Кей, отряхивая от пыли руки. — Не думаю, что есть кровотечение, но колотит ее прилично, возможно, от боли. Я вколола ей морфий, чтобы маленько забылась. — Врач потянулась и сморщилась.

— Тяжелая ночка? — спросила Кей.

— И не говори! Девять трупов на Виктория-стрит, четыре в Челси. Еще один, как я понимаю, здесь? Нас просили осмотреть женщину с мальчиком, когда их достанут из завала, но нет времени здесь околачиваться. В Воксхолле нас ждет малый, которому вроде бы оторвало руки.

Спасатель крикнул, что опасности газа нет, и врачиха машинально полезла в карман за сигаретами. Открыла пачку и протянула Кей.

— Можно парочку? — спросила та.

— Ну ты нахалка!

Кей засмеялась.

— Одна мне, а другая в лечебных целях. — Прикурив обе сигареты от врачихиной зажигалки, она подошла к Хелен и ласково сказала: — Ну-ка гляньте, что у меня есть!

Кей вставила ей в губы сигарету и снова взяла за руку. Хелен щурилась от дыма; глаза ее потем-

нели, голос опять изменился.

— Вы такая добрая.

— Пустяки.

— Я будто пьяная. Отчего это?

— Наверное, от морфия.

— Врач такая милая!

— Она хорошая, правда?

— Вы бы не хотели стать врачом?

— Не особенно, — ответила Кей. — А вы?

— Я знаю одного мальчика, который собирается стать врачом.

— Вот как?

— Я была в него влюблена.

— Ага.

— Он бросил меня ради другой девушки.

— Дурачок.

— Сейчас он в армии. А вы в кого-нибудь влюблены?

— Нет, — сказала Кей. — Вообще-то, кое-кто влюблен в меня. Тоже прекрасный человек... Но это еще один секрет. Я надеюсь, что после морфия вы ничего этого не вспомните.

— А почему секрет?

— Просто я обещала этому человеку никому не говорить.

— И вы его не полюбите?

— Вам хочется, чтобы полюбила? — улыбнулась Кей. — Только вот странное дело: мы всегда любим не тех, кого следует, и я не знаю, почему так...

— Не выпускайте мою руку, ладно?

— Ни за что.

— Вы ее держите? Я не чувствую.

— А так? Теперь чувствуете?

— Теперь да. Так и держите, хорошо? Вот так.

Они молча курили, потом Хелен задремала; Кей осторожно вынула из ее пальцев тлеющую сигарету и докурила сама. Спасатели разбирали завал. Временами гул самолетов и буханье снарядов становились громче, небо зрелищно озарялось беспорядочными вспышками зеленого и красного. Иногда подходила Микки, присаживалась рядом и зевала. Пару раз, пошевелившись во сне, Хелен бормотала или отчетливо выговаривала:

— Вы здесь?.. Я вас не вижу... Где вы?..

— Я здесь, — всякий раз отвечала Кей и чуть сжимала ее руку.

— Она твоя навеки, — усмехнулась Микки.

Наконец в завале открылась рухнувшая лестница; спасатели приподняли ее лебедкой и обнаружили женщину с мальчиком, почти целых и невредимых. Первым головой вперед,

точно из материнского чрева, выбрался мальчик — весь скрюченный, с пересохшими губами, поседевший от пыли. Мать с сыном стояли совершенно оглушенные.

— Где мама? — спросила женщина.

Микки понесла им одеяла, Кей тоже встала.

Почувствовав движение, Хелен очнулась и вцепилась в нее:

— Что такое?

— Освободили Маделину с Тони.

— Они целы?

— Вроде бы. Вам не видно? Сейчас ребята вас вытащат.

Хелен замотала головой.

— Не уходите! Пожалуйста!

— Надо идти.

— Прошу вас!

— Мне надо ехать, ребята вам помогут.

— Я боюсь!

— Я должна отвезти женщину с мальчиком в больницу.

— Пусть ваша подруга отвезет, а?

Кей рассмеялась.

— Эй, вы хотите, чтобы меня вышибли со службы?

Она погладила Хелен по голове, отведя со лба

пропыленные волосы. Ненароком заглянув в ее огромные встревоженные глаза, темневшие на меловом лице, Кей заколебалась.

— Погодите минутку, — сказала она. — Перед спасателями вы должны предстать во всей красе.

Кей сбегала к Микки и вернулась с фляжкой. Смочив водой носовой платок, она стала очень нежно обтирать лицо Хелен. Начала со лба, потом спустилась ниже.

— Закройте глаза, — шепнула Кей.

Она провела платком по векам, затем по впадинкам у крыльев носа, по ложбинке над верхней губой, по уголкам рта, щекам и подбородку.

— Кей! — позвала Микки.

— Сейчас! Иду!

Грязь сошла, открыв пухленькое розовое личико с поразительно гладкой кожей. Кей еще раз провела по нему платком и взяла его в ковшик ладони; расставаться с этим лицом не хотелось, и она смотрела в него, изумляясь тому, что среди всего этого хаоса может возникнуть нечто столь чистое и свежее.